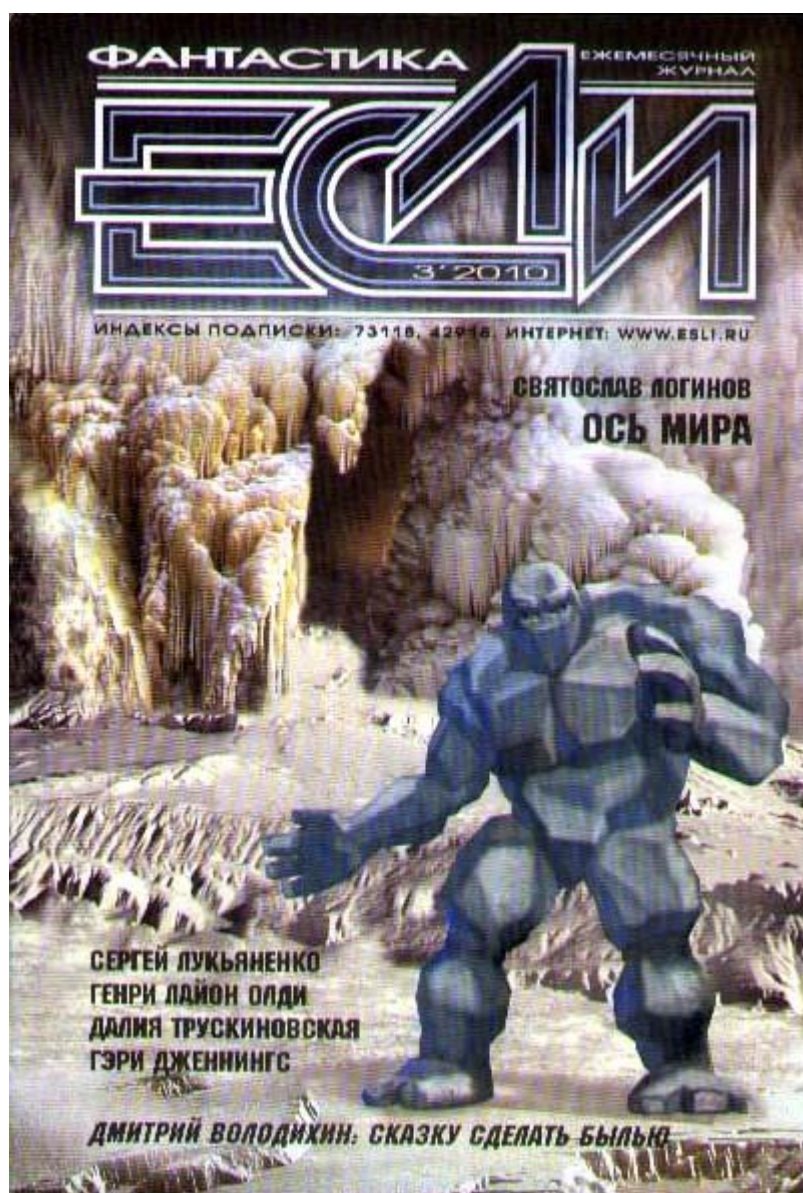

Наталья Резанова Борис Руденко Генри Лайон Олди
Святослав Логинов Гэри Дженнинг Далия Трускиновская
Владимир Гаков Сергей Лукьяненко
Журнал «Если» 2010 № 3

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ» № 3 2010 г

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ХОЗЯИН ЖЕЛЕЗА

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА

ХОЗЯИН

ЖЕЛЕЗА

1

И когда показалось, что она не выдержит и свалится в эту проклятую траву, а значит, уже никогда не встанет и только кости ее с грязными ошметками обескровленной плоти порадуют летучую мелочь, открылась дорога. Ее сил хватило ровно на то, чтобы выбраться на эту широкую, ровную, утопанную полосу и с хриплым стоном повалиться аккуратно посередине. Куда ни одна проклятая травина (ус, плеть, куст) не достанет. В этом отрезке пути, где ни к чему прикасаться было нельзя, а передвигаться только бегом, дорога являлась единственным сравнительно безопасным местом. Сравнительно.

Тем не менее мечталось перехватить немного покоя, а может, и вздремнуть. В ближайшие несколько суток, скорее всего, спать не придется. Слух у нее был хороший (а как же иначе?), и приближение опасности она бы услышала и во сне. И только мелькнула эта мысль и чуть успокоилось дыхание – по лицу, сквозь полусомкнутые-полусклеенные ресницы, прошла тень. Она чуть не взвыла. Вздремнула, как же! Это вам не мелкие твари, шныряющие над проклятой травой. Но вой не вой, она уже привычно принимала позу

спящей, подтягивая согнутые в коленях ноги и сдвинув за спину руку, на которой лежала. Тень двигалась слишком быстро. Ей не нужно было видеть кау, чтоб нанести удар, отработанная привычка сама вела руку. Не успела тварь, зависнув над ней, выбросить присоски, как она выхватила из-за спины тяжелый клинок-кастет, рубанула прямо и точно. Раздались хруст, треск и бульканье, и липкая кровь хлынула вниз вонючим дождем. Она разрубила мерзкую тварь до позвоночника, причинив самые большие повреждения, какие способен нанести человек. Убить кау железом было невозможно в принципе, огнем никому не удавалось, и никто не знал, умирают ли они вообще. Но их можно было замедлить.

Пока тварь, хлюпая, волоча кишки и мотаясь в воздухе, уволоклась по направлению к лесу, она, с отвращением осматриваясь, поднялась на ноги. Смердело хуже, чем от падали. Однако в том, что случилось, была и хорошая сторона. Запаха крови кау не переносят растения-вампиры. Правда, это не значит, что дальше можно идти вразвалочку. Если к вечеру она не доберется до реки и не смоет с себя кровь, мерзость вызовет язвы на коже по всему телу. Но если добраться, и нырнуть в самом глубоком месте, и пересечь туман, и выбраться у больших мелей по ту сторону – значит, путь пройден.

И остается только одно – пройти его в обратном направлении.

2

– Это и есть Заречье? – с сомнением спросил доктор. Щурясь, он пытался разглядеть заросли на противоположном берегу. Без особого успеха.

– А черт его разберет. Никто не знает, где кончается обычный лес и начинается само Заречье.

– Я ожидал чего-то более впечатляющего.

Капитан, в отличие от доктора, не был взволнован. И даже не зол. Конечно, он считал, что посылать с так называемой экспедицией роту солдат при двух офицерах – несусветная глупость. Но приказы не обсуждаются, а годы постепенно приучают к глупости начальства. Прибыли на место – и ладно.

Иное дело – лейтенант. Он здесь впервые, ему любопытно, и опасности мерещатся повсюду... не там ищешь, парень... Да что объяснять – сам со временем поймет. А не поймет – ему же хуже.

Но лейтенант ждать не желал.

– Капитан, почему над рекой туман? Солнце же...

– А в этих краях над водой всегда туман. Солнце, не солнце – без разницы.

– Да, это один из феноменов, связанных с Заречьем, – подтвердил доктор. – Я читал. Стало быть, мы прибыли туда, куда нужно.

– Да уж, тут не собьешься, – капитан усмехнулся.

– Нет, кроме шуток. Где вы собираетесь встретить этого посланца?

– Да найдет он нас, не трепыхайтесь. Тут других людей нет.

– А если не найдет? Ведь вы сами говорили: в последние годы никто из представителей власти сюда ради подтверждения договора не прибывал.

– Да хоть бы и так. Вернетесь сюда еще раз. На будущий год. Или через год. – Он рассмеялся, увидев, как вытянулось лицо доктора. – Да ладно вам, кто-нибудь из зареченских все равно явится. У них это вроде как обряд.

– Обряд? Интересно, – доктор достал записную книжку. – Что вы имеете в виду, капитан? Объясните.

– А что там объяснять. Говорил же я: они там совсем одичали. А у дикарей обычай такой: кто реку переплыть не побоится да еще с нами встретится – тот и крут. Почет ему и уважение. Я их видел. Говорил с ними.

– Я почему спрашиваю... есть версия, что обитатели Заречья вообще не люди. Потому, собственно, Королевская академия и решила послать эту экспедицию.

– Кто их разберет. Может, и не люди. На вид похожи. Говорить умеют. И всем

известно, что люди на той стороне жить не могут.

– А я слышал, – сказал лейтенант, – что жители Заречья – это беглые с нашей территории. Разбойники и прочие. Кто от закона спасался.

– И это тоже, – кивнул капитан.

– А как же с утверждением, будто люди там жить не могут? – доктор как человек науки не любил противоречащих высказываний.

– Я ж вам сказал – хрен их разберет. Пошли в лагерь, там подождем. – Капитана эти бесконечные разговоры утомляли.

Раньше, во времена его молодости, все было просто. Приехать на берег. Встретить посланца, который подтвердит договор о том, что зареченские не собираются идти в набег. Заверить, что на них тоже не будут нападать. Так происходило десятилетиями. Если не больше. Договор давно превратился в пустое сотрясение воздуха. Может, раньше при том подписывались какие-то документы, но, сколько помнил капитан, все ограничивалось словами. Да и не похоже было, что посланцы от зареченских вообще грамоте обучены. Дикари дикарями. Наверное, поэтому представители власти появлялись тут не каждый год. Но капитан слышал, что посланцы из Заречья все равно являлись в назначенный день. Они сами говорили. Не из преданности договору – откуда у них преданности взяться? Просто обычай у них такой. В последнее время про договор вообще забыли и конвой для встречи не посылали. Зачем? Никаких набегов нет, а значит, не стоит суетиться.

Есть, к сожалению, такие деятели, у которых шило в заднице. Вроде нашего доктора. Письма там пишут, прошения по инстанциям, ну и добились своего. Послали, мать ее, экспедицию. Ладно хоть на границу, не в само Заречье. Даже до этих психов в Академии наук дошло: ну, не могут люди жить в Заречье, не могут и все.

Согласно договору, они обязаны были ждать на берегу два дня. Сегодня – первый, и с той стороны, похоже, никто не явится. Ладно, осталось только сутки продержаться. А потом он уведет ребят отсюда, хоть ты тресни. Доктор, конечно, остался бы и на месяц, но капитан не полный идиот – задержать отряд свыше положенного он здесь не сможет, а один не продержится.

Они покинули песчаную косу, откуда сквозь полосу тумана можно было увидеть противоположный берег. Увидеть можно, но глаза б не глядели. И лагерь разбили так, чтоб реки оттуда не видно. Оно, наверное, не слишком правильно с точки зрения осторожности, зато, когда Заречье в поле зрения, у людей настрой не тот. И разговоры начинаются всяческие. Упаднические. Лучше это пресечь. Конечно, часовых поставить нужно, и за рекой пусть наблюдают, а у прочих и без того дела найдутся.

В лагере все было в порядке и радовало взор правильностью: палатки для офицеров разбиты, полевая кухня работает, и дым от нее способен отогнать любые дурные мысли. И верно – пора ужинать, темнеет уже.

Ели на вольном воздухе, хотя к вечеру стало заметно прохладнее, но не настолько, чтобы забиваться в палатки, к тому же мошки всяческой, что донимала их по пути, здесь не было. Какая-то польза от близости реки. Жаркое с овощами, горячий кофе, бренди – что еще надо для отдыха? Ясное дело, набить трубку и затануться в свое удовольствие.

Но доктор умудрился и тут подпортить. Даже за столом листал свою записную книжку, словно бы и не сам ее заполнял, а потом спросил:

– Давайте вернемся к противоречию в наших данных. Итак, люди жить за рекой не могут, и в то же время там находят приют беглые преступники. Зачем же им бежать в такое гиблое место?

Вопрос был совершенно дурацкий, но хороший табак и приятная тяжесть в желудке помогли сдержать раздражение.

– Ну так что же. Бывает такая публика отпетая: ни чумы, ни холеры не боится. Вот и бегут за реку, верят, что тамошняя отравка их не возьмет. А покуда они передохнут, новые набегут.

– Однако вы же сами называли их дикарями.

– Дикари и есть. Без власти, без начальства народ быстро дичает и облик теряет человеческий. Одна видимость, что люди. У них и оружия-то нет настоящего, ножи только. Раньше власти опасались, что они у солдат, которые при конвое, ружья будут захватывать. Но нет, будто и позабыли, зачем ружья нужны. А может, и не знали никогда. Правда, сильные они, крепкие, шкуры в шрамах – видно, машутся этими ножами всласть, а окажись у них ружья, поубивали бы друг друга вовсе.

– Но какое-то подобие государственного устройства у них должно быть...

– Доктор, мы ж тут с вами табак курим, а не дурную траву. Откуда там какому-то устройству взяться? Дикари и есть дикари. Говорят, будто правит ими какой-то Хозяин Железа, и будто правит он с тех самых пор, как Заречье образовалось, а тому уж сотни лет. Кто такому в здравом уме поверит? Они, однако ж, верят, будто этот Хозяин сам человеческому глазу не видим, но всех замечает. Он-то, мол, когда-то и заключил договор с королями и по сию пору посылает слуг своих этот договор подтверждать. Я по молодости любопытен был, спрашивал у них: хоть кто-нибудь этого Хозяина видел? Никто не видел, но жертвы приносят и поклоняются. Да что там, завтра сами спросите, а сейчас, пожалуй, спать пора.

– Да, пожалуй. – За столом писать невозможно, темно, а в палатке можно зажечь светильник. – Надеюсь, что завтра спрошу.

* * *

«Итак, суммируем. Свыше трехсот лет назад часть территории королевства, ныне именуемая Заречьем, отложила. Достоверных сведений об этих событиях не сохранилось, так как они совпали со временем Великой смуты. Однако хронисты сообщают, будто сему предшествовали мор, землетрясение, войны и, разумеется, падение кометы – словом, все приметы, что суеверные умы считают неотъемлемыми спутниками бедствий. Поверить во все это, разумеется, невозможно, но какое-то зерно истины в этих сообщениях имеется. Можно придумать комету, но эпидемия как следствие войны и каких-то природных катаклизмов – явление вполне вероятное.

Откуда же устойчивое представление о том, что люди за рекой жить не могут и, следовательно, обитатели Заречья – не люди?

Наиболее вероятным представляется следующее. Тогда, триста лет назад, за рекой произошла эпидемия – условно говоря, чумы, за неимением лучших аналогов, – повлекшая за собой большую смертность. Но какая-то часть населения там осталась, ибо ни одно известное заболевание не дает смертности стопроцентной. Без власти, без запретов и моральных норм выжившие быстро одичали, то есть, с точки зрения обывателя, «превратились в нелюдей». Это же безвластие и отсутствие запретов и поныне влечет за реку преступников всех мастей, несмотря на давнее представление о том, что люди выжить там не могут. Оставим в стороне версию о «ядовитом тумане», который якобы висит над Заречьем, отравляя все и вся (хотя какие-то испарения почвы там, несомненно, есть – туман виден даже отсюда). Но известно, что очаги заражения сохраняют активность долгие годы. В архивах медицинского факультета есть упоминания о случаях, когда по неведению или злему умыслу разрывались давние захоронения людей или животных, погибших от мора, и это вызывало новую вспышку болезни. Нам известно также, что люди, переболевшие, к примеру, оспой или тифом, не заражаются этими хворями вновь. Поэтому болезнь, губительная для новоприбывших, может быть безопасна для тех, кто уже давно живет за рекой или родился там. Это объясняет видимые противоречия. С другой стороны, жители Заречья могут сами распространять слухи о том, что условия существования там не пригодны для людей, дабы уберечь территорию от войск и сохранить свою автономию. Так выглядит истина, очищенная от наслоения суеверий.

В чем же состоит научный интерес нашей, точнее моей, экспедиции (ибо для прочих она лишь простая формальность)? Безусловно, не только в том, чтобы положить конец

нелепым слухам, а также удовлетворить свойственное ученым любопытство. Итоги способны принести практическую пользу. Прежде всего, следует установить, что за болезнь поразила Заречье и не угрожает ли так называемое «подтверждение договора» всему королевству. Что еще важнее: можно ли создать лекарство от этой болезни – а как утверждают наиболее продвинутые деятели науки нашего времени, такое лекарство создается на основе крови или каких-то иных животворных соков существа, данной хворью переболевшего.

Но для этого необходимо исследовать так называемого «посланца», чего никогда не производилось. Конечно, я готов к возможным разочарованиям, в том числе к тому, что посланец не явится. И тем не менее завтрашнее утро может стать поворотным в моей научной карьере...»

* * *

Ночь, вопреки опасениям лейтенанта, прошла спокойно, и с рассветом доктор и офицеры с десятком солдат вернулись на берег. Туман теперь был гуще, чем накануне, он затянул все пространство реки, а противоположного берега не было видно вовсе. В общем-то для столь раннего часа это естественно, в такое время суток туман висит даже над городскими улицами, но объяснить это солдатам было невозможно. Доктор не без раздражения услышал, как они перешептываются насчет «ядовитого духа Заречья». Хорошо хоть офицеры свободны от подобных представлений... однако могли бы и заставить замолчать своих подчиненных.

Все-таки, когда вода совсем рядом, а ее не видно, это как-то неправильно. Мерещатся всякие звуки...

– За триста лет могли бы и мост построить, – сказал доктор.

– Какой мост! – сердито произнес капитан. – Дикари же!

Доктор имел в виду вовсе не жителей Заречья, однако уточнять не стал. Снова прислушался. И не только он. Всплеск... еще всплеск, ближе...

– Кто-то плывет, – сказал лейтенант.

– А может, рыба играет... поутру, – предположил кто-то из солдат. В голосе его доктор опытным ухом уловил надежду. Служилому хотелось, чтоб это была рыба.

– Похоже, дождались, – капитан сплюнул. – Ну ладно, раньше отстреляемся...

Солнце поднялось выше, пронизая лучами мутную пелену, и та стала как будто прозрачнее. И чего, в самом деле, переживать? Обычное марево над водой. И отчетливо слышно, как в воде что-то движется. Кто-то. Не видно еще, но равномерные всплески все ближе.

А кстати, почему не видно? Туман-то развеивается. Лодку на таком расстоянии можно бы заметить.

У доктора почему-то не возникло сомнения, что посланец Заречья приплывет в лодке. Как же еще добраться, если моста нет? Лейтенант, вероятно, думал так же. У капитана имелись свои соображения, но он не спешил ими делиться. Говорил же им, что жители Заречья – не люди. А они не верили. Ну так пусть некоторые чересчур умные или шибко молодые сами убедятся.

Человек-то и впрямь бы лодкой правил. Но в Заречье, господа мои, дикость такая, что там, поди, и лодки разучились делать.

Еще всплеск – и в марево проступили очертания. Достаточно смутные, но ясно было: кто-то идет по воде.

Теперь доктор понял причину красноречивого молчания капитана. Река здесь достаточно глубока и, в принципе, служит естественной преградой между Заречьем и цивилизованными территориями. Пересечь ее вплавь решится либо очень сильный человек, либо совершенно дикий.

Или вообще не человек.

Пришельца ждали, но поневоле вздрогнули, когда фигура из тумана выступила на прибрежное мелководье – в грубой рубахе до колен, перехваченной поясом с ножнами, босая, с непокрытой головой.

Невозмутимость оставила капитана. Он был так же поражен, как остальные.

– Это еще что за дела!

Хотя существо с того берега ростом не уступало большинству мужчин, мокрая рубаха, облепившая тело, не оставляла сомнений: это женщина.

– Да, действительно... – пробормотал доктор, затем, справившись с растерянностью, выдвинул гипотезу: – Может, здесь какая-то ошибка?

Конечно, народ в Заречье одичал, но не до такой же степени, чтоб прислать женщину на важную встречу. Ведь, если верить капитану, посланец для дикарей – личность статусная. А женщина, наверное, ловила рыбу и на этот берег выбралась случайно...

Высказать предположение доктор не успел. Женщина заговорила, и речь ее вовсе не была похожа на дикарское лопотание или мычание.

– Я пришла из Заречья от Хозяина Железа. Вы ли посланцы короля?

У нее был хороший, четкий выговор, хотя и несколько старомодный. Возможно, так говорили в королевстве триста лет назад. А вот голос лишен и намека на модуляции.

Капитан едва не выкрикнул: «Не твое дело, дура!», но сдержался. Кто ее знает, может, не врет. Нам же легче. И все же он медлил с ответом.

Женщина не торопила его. Ждала, не выказывая неудовольствия. Такое вот терпение – или безразличие – действительно свойственно дикарям или животным.

Определенно, к дикарям она и принадлежала. Это даже и по одежде видно. Нормальная баба всегда понадевает-понацепит на себя столько всяческого тряпья, что капуста таким слоям позавидует. Даже скотница не будет расхаживать в одной рубахе на голое тело. А уж тело... мышцы – мужику впору, и плечи, как у мужика, – широкие. И вся в шрамах. Некоторые едва затянулись. Совсем у них, в Заречье, дела стали плохи, раз уж бабы в поножовщине участвуют. А ведь участвуют – нож у нее не для красоты прицеплен. Тяжелый нож, длинный, им явно не овощи к обеду крошат. Волосы короткие, обкромсаны грубо, словно тем самым ножом. Из-за того что мокрые, кажутся темными. А лицо... словно бы никакое. То есть все на нем есть, чему быть положено – глаза, брови, нос, рот, а вот не скажешь, хорошо или уродливо. При том, что молодая...

Наконец капитан произнес:

– Да, это мы.

Женщина, как ему показалось, склонила голову. С паршивой овцы хоть шерсти клок, ясно же, порядочного выражения покорности от дикарей не дождешься.

– Жители Заречья и Хозяин Железа, что правит ими, подтверждают договор, который был заключен нашими предками, и клянутся в том, что не будут пересекать границу и нападать на земли королевства.

Это была традиционная формула, капитан слышал ее не раз и теперь ответил немедля.

– Наш славный король подтверждает договор, заключенный его предками, и милостиво обещает, что его войска не будут вторгаться в Заречье.

Доктор слушал этот формальный обмен репликами с редкостным вниманием. Пусть это ничего не значащий ритуал, но дипломатические термины в устах мокрой и полуголой дикарки звучали столь диковинно, что поневоле заслушаешься. Она вообще понимает, что говорит? В светских салонах развлекаются тем, что учат птиц произносить мудреные речи. Возможно, это создание просто заставили заучить слова, как заклинание. Потому речь ее столь невыразительна, ибо смысл произносимого ей неведом. Помнится, и капитан что-то подобное утверждал. Как это проверить? Спросить: «Кто ты?» или «Назови свое имя»? Нет, вопросы не слишком удачные. Стандартные. Звучание этих слов может быть ей известно.

– Почему прислали именно тебя?

Капитан хмыкнул, услышав этот вопрос, но прерывать доктора не стал.

Дикарка помедлила с ответом, но все же произнесла:

– Хозяин Железа дает поручения. Я исполняю.
Выходит, смысл слов до нее доходил. Но в какой-то странной форме.
– Вот это правильно, – одобрил капитан, – нам бы такую дисциплину.
Доктор не унимался.
– И что ты должна делать, после того как получишь подтверждение договора?
– Вернуться за реку. Пройти лес. Войти во дворец. – Она умолкла, вероятно, считая ответ исчерпывающим.
– Да что вы, доктор, привязались к девке, не видите что ли: тупая, слов мало знает...
– Не скажите. Хотя это, конечно, характерно для дикарского сознания – на конкретный вопрос давать столь же конкретный ответ. И обратите внимание, мы узнали, что у них там есть какой-то дворец.
– Да у них там наверняка все, что больше травяного шалаша, дворцом называется. Глинобитная хижина какая-нибудь, разве что побольше других.
– Не стану спорить. – Он снова обратился к дикарке. – И что с тобой будет, после того как ты войдешь во дворец?
– Я не выйду оттуда.
– Ну вот все и ясно, – сказал капитан. – Не зря она сюда поперлась. В служанки дворцовые пробивается или в наложницы к Хозяину ихнему. Тупая-тупая, а соображает.
– А по-моему, – сказал лейтенант, доселе молчавший, – она что-то другое имеет в виду. – И прежде чем капитан или доктор успели оспорить его слова, спросил: – Что с тобой будет во дворце?
Она ответила без промедления.
– Меня больше не будет.
– В каком смысле «не будет»? – уточнил доктор. Ему было неприятно, что щенок без приличного образования угадал смысл высказывания раньше него. – Это какой-то ритуал... э... обряд?
Дикарка опять промедлила с ответом, видимо, не сразу поняла. Потом подтвердила:
– Да. Обряд.
– Очень интересно... впервые слышу, что этот Хозяин Железа требует человеческих жертвоприношений.
– А чего вы от дикарей хотели? Радуйтесь, что они с нашего берега никого не таскают.
– Погодите! Это значит, что после того, как она донесет обратно подтверждение договора, ее принесут в жертву? – лейтенант повернулся к дикарке. – А если ты не вернешься?
Так же невыразительно она произнесла:
– Я умру.
– Ну вот и славно, – заключил капитан. – Не уйдет девка – помрет, и уйдет – помрет. Но тут хоть мы будем ни при чем. Так что пусть валит отсюда, да и нам хватит здесь торчать.
– Нет, капитан. Я вам не мешал в том, что касалось подтверждения договора. И вы извольте не мешать в том, что касается науки. – Он повернулся к дикарке: – Когда ты умрешь, если не вернешься?
Снова пауза. И краткий ответ:
– Ночью.
– Этой ночью? – уточнил доктор. И, не дождавшись ответа, жизнеутверждающе заявил:
– Вот видите, у нас еще полно времени.

* * *

«Перед началом опроса, когда мы вернулись в лагерь, произошел довольно неприятный разговор с капитаном. Он протестовал, чтоб опрос и обследование производились в отдельной палатке. Он заявил, что это будет истолковано солдатами совершенно превратно, и они тоже захотят получить свою долю. Пришлось объяснить ему, что если беседа будет

проводиться у всех на виду, это также повлияет на дисциплину не лучшим образом. Он согласился, что, впрочем, не избавило меня от некоторой дозы пошлых шуток.

От предложенной еды дикая женщина отказалась (табу?), села на землю, хотя в палатке имелся еще один складной стул. Не обнаружила никаких признаков страха или смущения при виде незнакомых людей или предметов.

Я: Назови свое имя.

Дикая женщина: Хозяин Железа забрал мое имя.

Я: Хорошо. Расскажи о Хозяине Железа.

(Нет ответа.)

Я: Как он выглядит? Ты его видела?

ДЖ: Никто не видит Хозяина Железа.

Я: А его слуги?

ДЖ: У Хозяина Железа нет слуг.

Я: Но он правит вами?

ДЖ: Потому что он – Хозяин Железа.

Я: Это человек? Бог? (Вопрос принципиальный – следует проверить, сохранились ли у дикарей представления о высшем существе.)

ДЖ: Хозяин Железа был и будет.

Я: То есть это бог? Он бессмертен?

(Нет ответа.)

Капитан: Да прекращайте вы эту волюнку, доктор. Ясно же – какие-то ловкие прохиндеи, наверняка из беглых преступников, забрали власть над дикарями и отдают им приказы от имени их идола. (Его замечание не лишено смысла, но не имеет никакого отношения к научной ценности исследования.)

Я: Ты сказала, что Хозяин приказал тебе пойти на этот берег. И что ты его не видела. Откуда ты знаешь, что это был он? Что Хозяин вообще существует?

ДЖ: Все получают приказы. Никто не видит Хозяина. Он во дворце. Кто заходит во дворец, никогда не выходит обратно.

Я: И ты утверждаешь, что должна войти во дворец. За это твои близкие получают какие-то блага?

(Нет ответа.)

Я: Или ты спасешь свою душу? (Неверная формулировка, пытаюсь исправить.) Попадешь в блаженный край? Страну вечного лета?

(Не отвечает; неясно, связано это с каким-то запретом открывать чужим религиозные верования или просто не поняла вопроса.)

Лейтенант: Ты обязана вернуться?

ДЖ: Я не могу не вернуться.

Я: Ах, да. Угроза смерти. Хозяин Железа убьет тебя?

ДЖ: Хозяин не может убить меня здесь. Он на той стороне.

Л: Тогда зачем тебе возвращаться, если здесь он до тебя не дотянется?

ДЖ: Я умру, если останусь.

Я: Это какое-то заклятие? Или колдовство?

ДЖ: Я просто умру.

Я: Почему?

ДЖ: Мы не можем жить по эту сторону реки.

(Любопытно, как это соотносится с утверждением, что люди не могут жить в Заречье. Требую, чтоб она объяснила.)

ДЖ: Ваш воздух – яд для нас. А наш – отравляет вас.

Я: Но ты же дышишь здесь и не умираешь.

ДЖ: Во мне еще остался воздух Заречья. Когда он закончится, я умру. Это как под водой.

Я: Под водой можно продержаться без воздуха совсем немного. А ты говоришь, что

способна пробыть здесь до ночи.

ДЖ: Мы не такие, как вы. Мы сильнее.

(Капитан выражает возмущение этим высказыванием и угрожает показать, «кто здесь сильнее»; игнорирую.)

Я: И все-таки ты умрешь, проведя день на этой стороне?

ДЖ: Так будет.

Я: А я умру, если переберусь за реку?

ДЖ: Или умрешь, или нет. Большинство умирает.

К: То есть наши-то крепче. А болтала: «сильнее, сильнее»...

ДЖ: Кто не умрет – сможет жить там. Но не здесь. Он станет другим.

Я: Хозяин переделает его?

ДЖ: Его переделает Заречье. Оно полно яда. Яд во всем – в воде, воздухе, траве и деревьях. Звери и птицы тоже изменены ядом.

К: Что ж вы живете в эдаком ужасе?

ДЖ: Мы такие же. Мы изменены. Обратной перемены не бывает.

Резюме. Все услышанное в целом подтверждает мою гипотезу. Пресловутый «яд» – не что иное, как заразная болезнь, так и не искорененная в Заречье полностью. Мы знаем, что некоторые болезни могут передаваться от животных к человеку, если тот поест зараженного мяса. При разливах рек могут размываться могильники погибших от болезни – еще один источник заражения. Вот как следует понимать, что «земля, вода, птицы и звери Заречья напоены ядом». Трава и деревья добавлены в этот перечень, несомненно, для красоты слога. Как я и предполагал, каждый новый человек в Заречье заболевает, но болезнь не обязательно является смертельной. Выжившие приобретают невосприимчивость к болезни, так же как уроженцы самого Заречья.

Что касается утверждения, будто наша среда обитания является столь же убийственной для жителей Заречья, как их среда – для нас, то здесь ситуация представляется ясной. Разумеется, в этом нет ни грана истины. Человек, переболевший тяжелой болезнью, может без всякой для себя опасности находиться среди здоровых людей. Верить в противоположное способны лишь те, кто верит в существование бессмертного и вечного Хозяина Железа.

Однако я вовсе не сомневаюсь, что женщина действительно может умереть. Но причина вовсе не в том, что ее отравит наш воздух.

В сообщениях путешественников, наблюдавших жизнь дикарей в их естественной среде, мы читаем: шаманы умеют использовать суеверия своих соплеменников, убеждая их, что, если те нарушат законы племени, каким-либо образом оскорбят идола или не исполнят желаний самого шамана, то их постигнет немедленная кара. Описаны эпизоды, когда дикари, преступившие запрет, порой даже не намеренно, а случайно, впадали в такой ужас, что немедля падали замертво, как будто были поражены громом или отравлены ядом. Такова была их вера в силу проклятия. Думается, здесь мы столкнулись с аналогичным случаем. Служители местного правителя или верховного шамана, для пущей влиятельности окружившего себя ореолом таинственности и не показывающегося на глаза простонародью, внушают этому же простонародью, что те умрут, если покинут владения своего хозяина или не выполнят его приказы. Как видим, все объясняется очень просто.

Тем не менее, хотя сегодняшний день дал возможность получить новые знания, я не могу счесть его полностью удачным.

Во-первых, так и не удалось выяснить, что за болезнь угнездилась в Заречье, представляет ли она потенциальную опасность для королевства и как создать против нее лекарство. А именно это я считаю своими первоочередными задачами, как следует из предыдущей записи.

Кроме того, описанные выше случаи смерти от нарушения запрета относились к изначально диким племенам, примитивным и по физическому и умственному уровню находящимся ближе к животным, чем к людям. Здесь же речь идет о наших бывших

соотечественниках, пусть выродившихся и опустившихся.

Любопытно было бы узнать, до какой степени это вырождение дошло. Хотя в наших руках всего лишь женский экземпляр (лучше было бы заполучить мужской), наблюдение может представлять определенный интерес.

В свете этого считаю, что необходимо продолжить исследования. Увы, для этого надо заручиться согласием начальника конвоя, который намерен как можно быстрее свернуть лагерь. Надеюсь, мне удастся его убедить».

* * *

– Ну, доктор, вы даете. А еще нас, армейских, в жестокости обвиняют. Куда нам до вас, ученых мужей! Задержаться здесь только для того, чтобы посмотреть, сдохнет баба или нет...

– Не ожидал от вас, капитан, подобного чистоплюйства. Чтоб успокоить вас, скажу, что она, скорее всего, не сдохнет, если прибегнуть к вашей терминологии. А потом, кто мне все время твердил, что в Заречье живут не люди? – Доктор несколько преувеличивал, капитан этого вовсе не утверждал, хотя и не спорил. – С какой стати вы жалеете нелюдь?

– Какая жалость, мать вашу? Тварь безмозглая, ежели что, прибил бы спокойно. Но вот так... смотреть... наблюдать... Как-то не по-людски. Это как собаку телегой бы переехало, а вместо того, чтоб прикончить ее, стали бы смотреть, помрет или выживет.

– У вас же высылают вперед во время боевых действий этих... как их... шпионов, разведчиков... Так вот, считайте это разведкой. Только в области научных знаний. Вы же слышали, о чем был разговор. Мы можем извлечь в перспективе чрезвычайно важные сведения.

– А что, – капитан задумался, – если так на дело взглянуть, там и по нашей части есть полезные сведения. Командование не должно допускать набегов с того берега, власти этого опасаются... а их не может быть, набегов этих. Зареченские просто не способны свой берег покинуть, бояться. Баба, конечно, соврет – недорого возьмет. Но если это подтвердится... Тогда получается, что весь этот договор ни к черту не нужен. И людей сюда понапрасну гонять не надо.

– Вот видите, вы способны рассуждать логически. Добытые нами данные могут иметь не только научное, но и военное, даже стратегическое значение. – Доктор умолчал о своих надеждах добиться при таком раскладе финансирования полноценной научной экспедиции, а не посылки одного специалиста, прикрепленного к военному конвою. – Для вас здесь прямая выгода.

– Да, но только если сведения подтвердятся! А как добыть доказательства? Пытать, что ли, дуру-бабу?

– Мне думается, в этом пока нет необходимости. Прежде всего, мы должны дождаться ночи. Все равно сегодня мы уже не выступим, не захотят же ваши люди двигаться в темноте. Если дикарка умрет, мы получим подтверждение, что жители Заречья боятся пребывания на этом берегу в буквальном смысле до смерти.

– Хм... пожалуй, оно и боевой дух укрепит. Солдаты поймут, что им ничто не угрожает. Только вот настучит кто-нибудь непременно по возвращении, что мы бабу, которая с договором приходила, задержали, а то и умертвили.

– Позвольте спросить: в ваших инструкциях что-нибудь сказано относительно того, что делать с посланником Заречья после того, как договор подтвержден?

– Сказано, что мы должны дождаться в пределах обозначенных сроков, встретить посланца, подтвердить договор, а затем сворачиваться... Неплохо соображаете, доктор! Подтверждение мы получили, а дальше хоть трава не расти. Однако ж это все сработает, только если она и вправду сдохнет...

– Останется в живых – не стоит переживать. Тогда ее можно будет доставить в столицу и подвергнуть тщательному обследованию.

– Ну, насмешили. Чего там обследовать? У баб все одинаково устроено, что у диких, что у домашних, в ваши годы пора бы знать. Вот допросить как следует – это не помешает. Худо, что она и не почувствует ничего: видали, какие у нее на шкуре шрамы? Наверняка на той стороне по этой части свои умельцы есть.

– Кстати, да... у нее, похоже, понижен порог чувствительности, примитивным созданиям это вообще свойственно.

– Вот не увлекайтесь, доктор. Кто знает, может, нынче ночью вам придется досконально обследовать труп.

– Не вижу ничего смешного. Вскрытие также может принести полезный результат. Впрочем, оно будет в любом случае.

* * *

Женщину оставили в палатке, а палатка стояла на отшибе, в стороне от лагеря, между песчаными дюнами. У входа бдил часовой. Его тут поставили не столь из опасения, что дикарка сбежит, сколь для порядка. Солдаты на марше, баб давно не видели, могут и на такую польститься – так сказал капитан. А что ножик у нее прицеплен, так огреют по голове прикладом – и всех делов.

Но, видно, страх перед жителями Заречья оказался сильнее, никто сюда не сунулся, даже из любопытства. Между тем близился вечер, с реки напал проклятый сырой туман, а со стороны лагеря – дивный запах полевой кухни. Дикарке поесть никто не приносил, отказалась – и шут с ней. Может, ей было запрещено вкушать пищу чужаков, может, на той стороне считали ее ядом, а может, она просто не чувствовала голода. А вот о часовом никак нельзя было этого сказать. А сменить его не спешили, и жратвой снабдить не озаботились. Поэтому по прошествии нескольких часов, обоняя кашу с похлебкой и чувствуя, как брюхо прилипает к спине, часовой решил, что беды не будет, если он бегом домчит до кашевара.

Определенно, пребывание дикой женщины в лагере разлагающе действовало на дисциплину, хотя и не в том смысле, в каком предполагал капитан.

Тогда лейтенант и вошел в палатку. Он предполагал проникнуть туда, разрезав заднюю стенку, но часовой отлучился как нельзя более вовремя.

Дикарка сидела на земле, подобрал под себя ноги и уперев руки в колени. Одежда ее давно высохла, высохли и волосы, и было видно, даже в полумраке, что они не темные, а русые. Головы не подняла, при том, что не могла не слышать: в палатку кто-то вошел.

– Уходи, – сказал он. И не дождался ответа. Она что, спит так? Повторил: – Уходи. Они не собираются тебя отпустить.

Теперь она подняла голову. Лицо было неподвижно, как прежде неподвижен был взгляд из-под тяжелых век. Он бы ничуть не удивился, если бы глаза оказались нечеловеческими, с вертикальными зрачками, например. Но нет, глаза были вполне людские, только цвет непривычный. Хотя, говорят, желтые глаза пусть и редко, но встречаются.

– Ты что, не понимаешь? Они собираются проверить, умрешь ты или нет. А потом препарировать тебя... как жабу... или допрашивать. В общем, уходи.

Слово «препарировать» она всяко не могла понимать, но объяснять не было времени. До темноты вряд ли кто сюда сунется, нужно успеть ее выпустить. По правде говоря, он сам не очень верил, что она умрет, если ее задержать. Но ей было обещано, что ее отпустят. Обещание есть обещание. Ничего не значащий договор соблюдался веками. Почему же не соблюдают обещание, данное той, что подтвердила договор?

Она внезапно поднялась на ноги – странно, что они у нее не затекли. Но не слова лейтенанта оказали решительное действие. Кто-то приближался, тяжело топая, потом плюхнулся рядом с палаткой и заскреб ложкой по миске. Это вернулся часовой.

Дикарка потянулась за ножом. Все она слышала и все понимала... просто не сразу поверила. А когда осознала, что не освободить ее идут, а снова сторожить...

Лейтенант перехватил ее руку, не думая, что первым она может ударить его. Солдат –

дурак, но не должен отвечать за ошибки командиров. Указал на заднюю стенку палатки, которую собирался разрезать с самого начала. Дикарка догадалась и легко вспорола ножом плотную ткань.

Нож ее был примечателен не только тяжестью. Широкое лезвие отливало темным, лейтенант впервые видел такое, хотя слышал про вороненое железо. Подобные умения среди диких племен? Но размышлять об этом тоже было некогда.

Когда она резала стенку, он поневоле отпустил ее, но, едва они выбрались наружу, снова схватил за руку. Надо было вывести женщину из лагеря, а если б он начал говорить, куда идти, часовой бы услышал. Она угадала его намерения и не стала поднимать шума, а последовала за ним.

Еще не успело стемнеть, но охрана вокруг лагеря теперь, когда договор был подтвержден, не сильно напрягала свое внимание, и им удалось выбраться незамеченными. Правда, пришлось сделать крюк. Чтоб не оказаться на открытом месте, перебежали под тень деревьев, окружавших лагерь. Деревья подступали близко к реке, но все же между кромкой леса и водой тянулась прерывистая цепь дюн. Утром туман над водой был гуще, но берег выглядел не таким мрачным – оттого, наверное, что его вскоре должно было осветить солнце. Теперь солнце, хотя еще не покинуло небесный свод, скрылось за лесом, и отсюда его не было видно.

Они скатились по склону и оказались в узком распадке между двумя песчаными холмами, отрезанные этой ненадежной преградой леса позади и реки – впереди. Надо было двигаться дальше, но они так и сидели, держась за руки.

Со стороны лагеря не слышалось ни звука. Наверное, побег еще не был замечен. Начальство, прежде чем прийти наблюдать агонию – или ее отсутствие, – решило подкрепить себя горячим ужином и кофе.

Внезапно он услышал ее голос. То есть он уже слышал его утром. Но впервые она обращалась к нему. Впервые заговорила сама, а не отвечая на вопрос.

– Скоро меня не будет...

Он обернулся к ней. Этот рост, мускулы, шрамы, неподвижное лицо служили неплохой маскировкой, да и трудно определять возраст у людей чужого племени, но сейчас ему показалось, что она очень молода.

И еще он подумал, что отпускает ее лишь для того, чтоб ее убили на том берегу.

– Я не хочу, – сказал он. – Не хочу, чтобы ты уходила.

Она тоже повернулась к нему.

– Ничего уже нельзя изменить. После того как сделан вызов.

– Кто этот Хозяин, – с горечью спросил он, – что ты жертвуешь собой по одному его вызову?

– Хозяин в Заречье – это все. – Без сомнения, она верила в сказанное, но все же не находила в себе сил, чтобы встать и уйти.

Она держала его за руку, и глаза ее оказались не желтыми – золотыми, и блеск их был ярче, чем блеск вороненого клинка, теперь убранного в ножны... и под грубым коротким платьем ничего нет, только тело, женское тело, сильное, молодое и неважно, что в шрамах...

Он слепо потянулся к ней, она пробормотала что-то похожее на «отрава», но не оттолкнула его.

Не расцепляя объятий, они упали на песок. Все отступило в невероятную даль и потеряло значение – и неизбежная погоня на этом берегу, и смерть на противоположном... капитан был прав – у женщин все устроено одинаково, и на том берегу, и на этом... пока он не осознал, что тело под ним бьется не в судорогах страсти, а просто в судорогах, и дыхание ее прерывается не от необоримого желания.

Он откатился в сторону, с ужасом глядя на нее. Окажись здесь доктор, он непременно зафиксировал бы все признаки агонии, Пальцы конвульсивно скребли песок, золото на дне глаз потускнело, на губах пузырилась кровь. Женщина силилась что-то сказать.

– Что? Что я должен сделать?

– ...к реке ...в воду... может, еще... – она прикусила губу, кровь потекла на подбородок.

Он без размышлений подхватил ее на руки. Что еще оставалось? Он один здесь хотел спасти ее – и сам же убил... почти убил. Но, может, еще не поздно...

И даже если поздно, по крайней мере, ее не будут потрошить на потребу науке.

Уже почти стемнело, туман колыхался над водой сизым покрывалом. Он зашел по пояс в воду и выпустил женщину из рук. Она тут же пошла ко дну. На какой-то миг ему показалось, что желтые глаза смотрят на него из-под толщи темной воды. Потом тело уволокло течением.

Он остался на месте. Через какое-то время ему послышалось... нет, определенно раздался всплеск. Затем другой. И дальше, равномерно удаляясь. Кто-то плыл в сторону Заречья. Но кто – в тумане невозможно разглядеть.

3

– А ты счастливiec, парень.

Это было первое, что он услышал, когда пришел в себя. Но счастливым себя он совсем не чувствовал. Мучила жуткая слабость, ныли раны, кружилась голова, вкус во рту был омерзительный, но хотя бы снова можно было дышать, и глаза не слезились. Перед тем как рухнуть на дороге, он уже ничего не видел из-за рези в глазах.

Сейчас с помощью вновь обретенного зрения он был в состоянии рассмотреть, куда попал. На тот свет, каким рисуют его религиозные представления, не было похоже. На пещеру дикарей – тоже... или что там дикарям положено – хижины?

Деревенский дом, бедный, но чистый. Бревенчатые стены, глиняный пол, стол, пара скамеек, очаг, полка с керамическими и деревянными плошками. У стены – ткацкий станок, свидетельствующий, что в доме есть женщина. Но у постели его сидел мужчина. Немолодой, с бледным лицом, иссеченным старыми шрамами, в домотканой рубаше и штанах, на шее – нечто вроде украшения в виде деревянных бус, а может, это обозначало его статус, как монашеские четки...

– Счастливiec, потому что лес от реки прошел. Это и местные с первого раза не все могут... я вот не смог. – Он потер шрам на щеке. – А пришлые – один из десятка. Не знают они, что там за трава и деревья...

Он теперь знал. Поневоле узнаешь, когда безобидные с виду мох или кусты, трава и ветки сбивают с ног, пьют кровь, дышат в лицо непереносимой вонью, от которой слепнешь, плюются слизью, разъедающей кожу.

– А пока валялся – не умер. Это уж совсем редко. Большинство умирает.

Когда-то он уже слышал похожие слова... но когда?

– Давно я здесь? – он не узнал собственный голос, слабый и сиплый.

Мужчина посчитал бусины на шее.

– Двадцать дней. Сперва раны, потом болезнь.

У него была знакомая интонация, точнее ее отсутствие... наверное, это особенность местного выговора – такая монотонность речи.

Но этот говорил несколько по-иному. Он не только отвечал на вопросы. Что-то рассказывал. Потому что собеседник больше не был для него чужаком?

И не только рассказывал. Еще и спрашивал.

– Что у тебя там было, если ты на такое решился? Кровная месть, каторга?

– Военный трибунал. – Он не был уверен, что его поймут.

Но хозяин дома кивнул.

– Теперь тебя никто оттуда не достанет. Но запомни – обратно тебе тоже нельзя. Ты двадцать дней дышал здешним воздухом. И если не умер – значит, изменился. Ты можешь жить только здесь. Воздух на том берегу для тебя – яд. Некоторые не верят, пытаются уйти.

Они умирают.

Он верил. Больше того – он это видел. Яд растворен во всем воздухе Заречья, в травах и деревьях, в земле и воде, а теперь и в его крови.

Пришла хозяйка дома с корзиной овощей, принялась готовить. Он попытался вылезти из постели, что не вызвало у хозяев никаких возражений. Очевидно, они считали, что хватит ему валяться. И верно, не мог же он пользоваться их гостеприимством до бесконечности.

Несмотря на слабость, он как-то умудрился передвигаться по дому, а после того как поел горячего, силы ощутимо начали прибывать. Странно... хотя, похоже, здешние люди очень сильные и живучие... те, кто выжил... хозяйка, такая же высокая и крепкая, как ее муж... и если он теперь житель Заречья, может быть, станет таким, как они.

Однако что-то в здешней обстановке его смущало, хотя он не мог понять что. Чтобы разобраться, после обеда он выбрался на крыльцо – осмотреться.

Это и впрямь была деревня. Довольно скудная, насколько он мог судить, но и не нищая. За домами – квадраты обработанной земли, а вот пастбищ не видно.

Владелец дома вышел, сел рядом.

– Я не думал, что здесь так... мирно.

– Заречье разное. Бывают мирные места. Бывают опасные. Лес у реки ты видел, есть и другие. Присмотришься, что тебе больше по нраву, получишь задание от Хозяина, он даст тебе железо...

Теперь он понял, что в обстановке дома показалось ему неправильным. Там не было ни одного металлического предмета. Доски и бревна скреплялись не гвоздями, а деревянными клиньями, не было даже оловянных мисок и ложек, обычных в самых бедных домах.

И еще...

Хозяин Железа.

Он гнал от себя мысли о нем, но здесь от них деваться некуда.

– У вас нет металла?

– Верно. В Заречье нет рудных залежей, а с тем берегом мы не торгуем. Все железо – у Хозяина. Он дает его нам, а взамен мы выполняем его волю.

– Он правит вами?

– Он владеет железом.

И опять разговор напоминал что-то знакомое...

– Я слышал, Хозяина никто не видит.

– Это так.

– Но как тогда вы получаете от него приказы и железо?

– Мы приходим ко дворцу. Хозяин говорит с нами оттуда. Если мы исполняем то, что он сказал, получаем железо.

– Но если Хозяин не выходит из дворца, откуда он узнает, что вы исполнили приказы, а не обманули его?

– Он знает.

Манера речи собеседника все больше и больше напоминала ту, которую он пытался, но не смог забыть. И он не выдержал.

– Была девушка... она приходила на тот берег подтверждать договор...

– Вот как. – По тону собеседника нельзя было определить, вопрос это или утверждение. – Она ушла во дворец. Ее больше нет.

– Зачем она туда пошла, если во дворец нельзя входить?

– Был вызов. От вызова нельзя уклониться. Такое правило.

– Этот ваш Хозяин... чудовище бессмертное... он живой кровью питается?

– Можно сказать и так. Ты еще не понимаешь. Тебе многое нужно узнать.

* * *

Он многое узнал о Заречье – обособленном мирке, ограниченном изгибом реки, лесом и

горами. Границы не были непроходимы, но жители Заречья не могли надолго покинуть свой мир. Он затруднился бы назвать их дикарями, при том, что таковыми их считали в цивилизованных землях. Здесь строили дома, обрабатывали землю, знали много ремесел, изготавливали лекарства от болезней, нигде, кроме Заречья, не известных. Многие знали письмо и счет. И все, чем заняты были здесь люди, сходилось на одном существе – Хозяине Железа.

Потому что в инструментах можно сколь угодно заменять металл камнем и костью, но совсем обойтись без него нельзя. Невозможно обороняться от чудовищных тварей, обитающих в здешних лесах и горах. Раньше их не было, говорили ему, они появились после того, как Заречье изменилось и отпало от королевства. Некоторых он видел, пока брел от берега, останки других – шкуры, черепа, кости – ему показывали в поселках. Самых страшных, по уверению местных, вообще нельзя было убить, но наиболее сильные и ловкие умели отбиться. Теперь он понимал, откуда у здешних жителей, даже тихих и миролюбивых, столько шрамов. Отнюдь не все они занимались охотой, но им приходилось оборонять себя и свои дома. И это при полном отсутствии в Заречье огнестрельного оружия.

Без железа лес поглотил бы распаханые участки. Без железа ремесла пришли бы в полный упадок. Поэтому ножи, топоры, иглы – не обязательно железные, бронзовые или сделанные из каких-то непонятных сплавов – были величайшим сокровищем каждой семьи. Не с чем даже сравнить, потому что денег здесь не знали, а если бы они появились, медная мелочь, как материал для плавки, оказалась бы дороже золота. В семьях хранились металлические инструменты и оружие, но человек новый и одинокий должен их заслужить.

И ему приходилось идти к Хозяину.

Хозяин указывал также, где можно расчистить очередной участок леса, откуда ожидается набег или налет лесных тварей, где произошел оползень, открывший залежи полезных камней или пробилась источники вод. Каким-то непостижимым образом это было ему ведомо. Поэтому в Заречье не проклинали Хозяина, равно как и не испытывали к нему любви. Хозяин был необходим для здешней жизни, вот и все.

Но не тому, у кого Хозяин отобрал самое дорогое.

Он бежал в Заречье не только из-за того, что ему грозил трибунал. Оставалась надежда – нелепая, невозможная, – что каким-то образом женщина еще жива.

«Отрава...» – прошептала она перед тем, как он поцеловал ее, и это была правда. Он отравлен. Может быть, потому ему и удалось выжить: яд Заречья вместе с ее дыханием проник в его кровь. Он должен был ее увидеть. Любой ценой.

Но все оказалось напрасно. Та, что боролась за свою жизнь, отдала ее. Вернее, ее забрал Хозяин.

И нет у него для этого чудовища ни верности, ни благодарности. А надежда осталась. Надежда отомстить. Тем более что теперь он знал никто не видит Хозяина, но всякий волен это сделать. Если прийти ко дворцу и заявить, что хочешь его видеть, тебя впустят. Что потом – не важно.

* * *

Дворец был окружен лесом, но это на удивление обычный лес. То есть деревья несколько отличались от тех, что на другой стороне реки, но, по крайности, не пытались никого убить. Странно. Такая тварь, как Хозяин, всяко должен окружить себя преградой. Однако здесь о том, где находишься, напоминало лишь хмурое небо. Ему казалось, что здесь постоянно пасмурно. Может, поэтому местные жители, несмотря на свою силу и выносливость, такие бледные.

Но сам дворец произвел впечатление сокрушительное. Конечно, после проведенного здесь времени он уже не верил, что дворец Хозяина – увеличенная в размерах мазанка или плетеная хижина, но подобного увидеть никак не ожидал.

Он был полностью из металла, этот дворец. И это в краю, где за железную иглу люди

отрабатывают долгий урок! Немудрено, что владелец такого чуда пользуется величайшим авторитетом.

А если б не авторитет... или страх... они бы, по идее, должны были давно этот дворец разломать. И странно, что не разломали. Вот еще что: если дворец стоит не меньше трехсот лет – именно столько насчитывает Заречье после отделения, – то он должен проржаветь насквозь. Но следов ржавчины на стенах не заметно.

Архитектуру дворца нельзя было определить, точнее, архитектурный стиль здесь отсутствовал как таковой. Огромная островерхая башня с совершенно гладкими стенами. Вроде бы вверху имелись окна, но при взгляде снизу это могло оказаться иллюзией. Башня была окружена несколькими низкими кубическими зданиями, соединенными с основным строением крытыми переходами. Входа не видно, но можно догадаться, где он. Дорога через лес заканчивалась у двора, мощенного отшлифованными каменными плитами.

Сюда приходят люди за приказами. Здесь в уплату получают железо. Но он пришел за другим.

От двора высокие ступени упирались в глухую стену. Ни ворот, ни дверей. Но это его не остановило. Он поднялся по ступеням и выкрикнул ритуальную фразу:

– Я хочу видеть Хозяина!

Несколько мгновений стояла тишина, и он уже решил было, что все напрасно, когда раздалось шуршание, затем скрежет, и стена прямо перед ним поехала вверх, открывая проем.

«Никакого колдовства не существует», – говорили ему. Наверное, не существует. Какое-то механическое приспособление. Не стоит пялиться, проем может исчезнуть.

У него не было настоящего оружия. Когда переправлялся через реку – было, но погубил при переходе через лес: напала какая-то тварь, похожая на оживший ком мха. Он отразил нападение, но тварь укатилась с его ножом в бок... Он тогда еще не понимал, какую ценность здесь имел этот нож. Пока что он разжился только костяным («заточенная бедренная кость», – сказали ему, и дальше последовало название, которого он не запомнил), и еще при нем была дубинка. И верно, оружие дикаря. Он сам дикарь в этом мире.

Неважно. Если надо будет, он, как и подобает дикарю, разорвет Хозяина голыми руками. Хотя то, что он увидел, поубавило бы самоуверенности у кого угодно.

Это жилище было построено не людьми и не для людей. Во всяком случае, не для тех людей, что он знал. На любом берегу.

Ни тьмы, ни ослепительного света. При том, что свет был – однако какой-то неживой, и шел он полосами, сверху вниз. Стены в зале, открывшемся за входом, на первый взгляд, были обшиты деревянными панелями, но на ощупь дерево не напоминали. Дерево, даже высохшее, даже сгнившее, всегда остается деревом, а эта обшивка была ровная, гладкая и тоже неживая. И еще: в этих стенах, сколько можно разглядеть, было множество окон, хотя снаружи никаких окон на этом уровне он не заметил. Через некоторые просматривались двор и лес вдаль, через другие – горы и река, одни показывали пустые помещения, иные были темны. Может, это и не окна были вовсе? Зеркала? Или что-то еще? Вдоль стен вились трубы, и трубы спускались сверху, иногда целыми гроздьями, непонятно на чем крепясь, полосы света выхватывали из сумрака лестницы, не достававшие до пола. Прямо перед ним находилось нечто вроде стеклянного колодца. И колодец этот был пуст.

Нигде никаких признаков Хозяина. И вообще кого-либо живого.

А что, если Хозяина как такового не существует вовсе? Что, если весь это дворец – гигантский механизм, для работы которого нужны живые люди? И тот человек, который выходил лейтенанта после болезни, на нечто подобное намекал...

– Хозяин! – крикнул он, отгоняя эту мысль. – Хозяин Железа! Где ты прячешься, проклятая тварь?

Молчание. Но при том у него было чувство, будто на него смотрят. Нет, Хозяин – это не скопище труб и шестеренок, он где-то здесь, наблюдает, слушает.

– Даже если ты забьешься в самую дальнюю нору своего дворца, я тебя найду. Найду и

убью. Слышишь меня? Так что лучше тебе не прятаться. Если ты бессмертен, чего ты боишься? Или ты так одряхлел, что двинуться не можешь? Мне все равно, я тебя не пожалею. – И, набрав воздуха в легкие, он выкрикнул так громко, как мог: – Я вызываю тебя!

Эти слова послужили сигналом. Стена, открывшая вход, с тупым стуком опустилась. Заметались полосы света, и в стеклянном колодце высветило некое помещение. Там, в кресле, оперев кулаки в колени, сидел человек.

Вначале лейтенанту показалось, что это металлическая статуя. Литая из железа фигура со скрытым в сумраке лицом и голым черепом. Но нет, это определенно был человек. Только одежда его шита из материала, несколько не напоминавшего ни дотканную ткань, ни кожу, что шла на одежду местных жителей. Она и впрямь отливала металлом. А голова была лысой или чисто выбритой. Из-за того, что лицо терялось в тени, ни рост, ни возраст определить было невозможно. Но на дряхлое древнее чудовище он не походил. Не та посадка.

Только Хозяин не собирался сражаться сам. Он предпочел наблюдать...

...Как со скрежетом выдвинувшиеся из стен трубы надвинулись на незваного гостя. Тот увернулся, но плиты пола предали его, бросили на скопление труб, оказавшихся омерзительно мягкими и в то же время убийственно прочными. Ни костяным ножом, ни дубинкой нельзя было их пробить, да вскоре он и выронил свое жалкое оружие, потому что тело его оплели металлические змеи, сковавшие руки и ноги хуже кандалов каторжника, которые грозили ему на том берегу. И все же он продолжал сражаться – до того, как жало одной из этих неживых змей вонзилось ему в затылок... и тело утратило подвижность, а сознание стало утекать, как песок в часах.

Будь ты проклят, Хозяин Железа! Вот, значит, как ты обходишься с теми, кто посмеет бросить тебе вызов.

В последний миг, перед тем как тьма поглотила его, ему показалось, что Хозяин поднял голову и смотрит знакомыми желтыми глазами.

4

Подъемник остановился, створки дверей разъехались, и она вышла в терминал. Уже усвоила: доверять автоматике можно не всегда и не во всем, многое приходится делать вручную. В общем-то для этого она здесь и находится. И сейчас следовало набрать необходимый код, чтобы человека, потерявшего сознание, загрузили на платформу и переправили в лабораторию. Там его память обработают должным образом. Она еще недостаточно знала, как происходит этот процесс, но было записано: он забудет все лишнее. В том числе и причину, по которой бросил вызов Хозяину. Будет помнить только сам вызов.

Это она знала по себе. Не помнила, что толкнуло ее на этот поступок. Ненависть? Мечь? Жажда власти? Раздражение из-за того, что прежний Хозяин правит слишком долго?

Она выдержала испытания и получила то, чего добивалась. Но, чтобы полностью принять наследство, предстояло еще потрудиться. Ей уже бросили вызов, а она еще не прочитала всего, что необходимо.

Самые старые записи загружались непосредственно в мозг. Для этого пришлось обрить голову – чтобы вставить разъемы, соединявшие ее с памятью корабельного компьютера. Они относились ко временам после аварии, когда взрыв двигателя и перевозившихся в трюмах химически активных грузов заразил атмосферу во всем регионе между рекой и горами. Начались кровавые столкновения между командой и местным населением, уйти было невозможно, не перебили всех сразу только из-за того, что среди местных начались повальные болезни. Уцелевшие заняли круговую оборону на корабле, но они и сами были уязвимы перед болезнями и временем. Тот, кто остался последним, для сохранности корабля или хотя бы его архивов сделал все, чтобы подчинить себе весь регион. Он понимал: рано или поздно его убьют. Но корабль должен существовать до прилета спасательной

экспедиции. Передатчик не работал, поиски могли растянуться на века и десятилетия. Поэтому тот, кто стал первым Хозяином Железа, разработал правила передачи власти.

Хозяин контролировал Заречье, снабжал его жителей инструментами (оружие допускалось только холодное), с помощью камер слежения предупреждал об опасных мутантах, производил анализ почвы, определяя пригодную к обработке. За это ему подчинялись и доставляли провиант.

Но каждый житель Заречья, к тому времени отпавшего от королевства, будь то мужчина или женщина, имел право вызвать Хозяина на поединок и занять его место.

Правда, перед этим он должен был пройти ряд испытаний, чтобы доказать: он достаточно силен, вынослив и умен. Но и Хозяин не имел права уклониться от вызова.

И однажды кто-то прошел испытания, убил Хозяина и сам стал Хозяином. И так повторилось снова, и снова, и снова.

Записи за последнее столетие делались от руки, она успела проглядеть их лишь мельком. Заречье все более обособлялось, превращаясь в мир со своими верованиями и своими ритуалами. Каждый новый Хозяин, заступив на пост, переживал потрясение, узнав, кто он и для чего здесь поставлен, а потом продолжал – или продолжала – служение предыдущего, до той поры, пока не получал вызов... Всегда находился тот, кто это вызов бросит.

Как сделала она. Как бросили вызов ей. Человек, который ради нее сломал свою жизнь и ушел в Заречье.

Теперь он больше не вспомнит о ее существовании. Таковы правила.

Что ж, года два у нее в запасе есть. Ее испытания заняли примерно столько же.

Пока длится обработка памяти, можно подняться в библиотеку, подключиться к энциклопедии или просмотреть записи. Что такое «радиация», она уже усвоила, а вот что такое «феромоны»? Но вскоре надо будет вернуться на пост и довершить работу.

Кандидат очнется во дворе и найдет рядом с собой нож с клинком из вороненой стали – оружие бросивших вызов Хозяину. И получит свое первое задание.

Если он выполнит их все и выживет... а он, скорее всего, выживет, коли сумел одолеть переход от реки и справиться с болезнью, уничтожающей большинство пришлых... то получит право войти во дворец. И, вероятно, перережет ей горло этим черным ножом, как она перерезала прежнему Хозяину.

Умереть друг ради друга.

Убить друг ради друга.

Убить друг друга.

Где проходит граница?

Это не имеет никакого значения. Заречье будет существовать по своим законам, и неважно, что корабль, некогда летевший среди звезд, стал ветшающей жуткой крепостью, что твари в лесах все злобнее и все труднее их убить, а представления людей из внешнего мира о том, что творится здесь, еще более нелепы, чем эти твари. Всегда найдутся те, кто осмелится пересечь реку, и всегда во дворце будет Хозяин Железа.

Ибо Заречье вечно, как вечны страшные сны.

БОРИС РУДЕНКО НАСЛЕДНИК

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Б О Р И С   Р У Д Е Н К О

НАСЛЕДНИК

Вытирая лицо жестким полотенцем, Доран услышал быстрый шепот Маркона:

– Будь осторожнее. Ходят слухи, что ты – Истинный Принц.

– О каждом из нас ходят разные слухи, – буркнул Доран. – О тебе я тоже слышал всякое.

Он устал. Трехчасовой учебный бой в тучах сухой пыли, поднятой ногами бойцов на залитом жгучими лучами солнца дворе, отнял все силы. Хотелось есть и спать. Но сначала следовало смыть грязь и пот в прохладной воде ручья, что протекал у подножия холма, где располагалось временное пристанище претендентов на трон. Доран миновал маленькую калитку в ограде и принялся спускаться каменистой тропинкой. Маркон почти неслышно шагал следом.

– Ты здорово владеешь мечом. Пожалуй, лучше всех нас. И не боишься показать свое мастерство. Наверное, потому что у тебя есть еще какая-то тайна в запасе.

– У всякого, кто поднялся на этот холм, есть своя тайна, – сказал Доран, не оборачиваясь. – Разве у тебя ее нет?

– Конечно, – подтвердил Маркон. – Тайна есть у всякого. Но только та, которой обладает Истинный Принц, поможет добраться живым до тронного зала.

Доран резко остановился и развернулся к Маркону лицом.

– Мне странно слышать от тебя эти речи, – сказал он. – Ты ведь тоже пришел сюда доказать, что именно ты наследник.

– Ты прав, – снова согласился Маркон. – Точно так же, как и все остальные. Каждый из

нас верит, что именно он настоящий наследник, Истинный Принц. Или старается убедить в этом остальных. Разве не так?

– Что ты хочешь, Маркон?

– Даже Истинному Принцу придется очень непросто на пути в тронный зал. Никто из нас точно не знает, что подстерегает в лабиринте, потому что никто, кроме будущего короля, из него не выходил, а короли всегда уносили тайны лабиринта с собой. Всем прочим оставались только слухи и догадки. И лучший меч королевства может не справиться с магией. Но если рядом с Истинным Принцем окажется надежный спутник, который поможет в трудный момент, все может сложиться по-другому.

– Ты предлагаешь союз, – медленно проговорил Доран. – И что взамен?

– Ничего, – быстро ответил Маркон. – У меня нет никаких условий. Воссев на трон, новый король сам определит, чем вознаградить верного соратника.

– Если только в решающий момент соратник не вонзит ему клинок в спину, – усмехнулся Доран. – Я слышал, такое прежде случалось.

– Этого мы тоже не знаем наверное, – покачал головой Маркон. – Впрочем, и я слышал нечто подобное. Хотя, если такое и случалось, то только потому, что соратник был выбран неверно. Я не стану кривить душой, Доран. Мой клан готовил меня к завтрашнему состязанию с того самого дня, как я себя помню. Но я не наследник. Я точно знаю, кто мои отец и мать. Я не буду спрашивать, знаешь ли ты своих родителей. Думаю, что знаешь, даже если ты – Истинный Принц, потому что не верю в сказки об изначальном предназначении. Даже если тебя действительно растили в далекой от дворца глуши Безымянные Маги, они не могли не сказать тебе, кто ты такой на самом деле. Но мне это не важно. Сейчас я хочу знать: согласен ли ты принять мою помощь?

Несколько мгновений Доран изучающе разглядывал Маркона.

– А ты уверен, что не ошибаешься на мой счет? – спросил он.

– Все эти дни я внимательно смотрел и думал, – тихо сказал Маркон. – Я следил за всеми и пришел к выводу, что даже если Истинный Принц не ты, а кто-то другой, именно у тебя гораздо больше шансов первым войти в тронный зал, чем у кого-либо. А если я буду помогать, надежда на успех возрастет еще больше. И еще одно: вполне может оказаться, что мысль заключить подобный союз могла прийти не только в мою голову. Слишком велика цена победы. К примеру, я заметил, что этот медведь Гарка и Урсин частенько уединяются и что-то старательно обсуждают.

– Я приму твою помощь, – решил Доран. – И если нам будет сопутствовать удача, ты очень скоро сможешь оценить степень моей благодарности. А сейчас скорее пойдем к ручью. У меня все тело зудит от пота.

Оказалось, их опередили. В небольшом озере, образованном в ложе ручья невысокой плотиной из тщательно пригнанных друг к другу камней, уже плескался Ирвен. Доран, а вслед за ним и Маркон спрыгнули в прохладную, чистую воду, даже не сбросив набедренных повязок. Некоторое время они с наслаждением барахтались, смывая грязь, потом, отфыркиваясь, выбрались на траву.

– Что-то я не заметил тебя сегодня на ристалище, Ирвен, – сказал Маркон. – Может, ты решил не готовиться к состязанию? Или раздумал в нем участвовать?

– Я не раздумал, – Ирвен тоже вышел из воды и стоял рядом с ними, отирая с тела ладонями капли влаги. – А готовиться можно по-разному.

По сравнению с мощными Дораном и Марконом он выглядел просто мальчишкой. Не уступая им в росте, Ирвен безнадежно проигрывал в сложении. Его гибкая, стройная фигура, возможно, неплохо бы смотрелась на придворных балах, но только не в битве.

– Понимаю, – кивнул Маркон. – Наверное, ты надеешься на магию. Только ты забыл, что не тебя одного обучали этому искусству. На твоём месте я бы крепко подумал, прежде чем рисковать жизнью, надеясь на жалкие фокусы, которым тебя научили деревенские колдуны.

– Я ничего не забыл, – выражение лица Ирвена оставалось на редкость дружелюбным.

Он улыбнулся широко и открыто. – Я все помню, Маркон. И нам не стоит ссориться раньше времени. Всему наступит свой срок.

– И он придет очень скоро.

– Да, – только и сказал Ирвен, подхватил одежду и, легко ступая, исчез за деревьями.

– Его нам не стоит опасаться, – проговорил Маркон, глядя вслед ушедшему.

– Почему?

– Потому что любой из нас сильнее. Но дело даже не в его слабости. Он до сих пор одинок. Я следил за ним очень внимательно. Он ни с кем не пытался заключить союз, он надеется только на себя. В таком состязании одиночки обречены, будь они хоть магистрами магии или, – он бросил короткий взгляд на Дорана, – лучшими мастерами меча королевства. И все же хотел бы я знать, что у него на уме... Впрочем, сейчас мы должны обсудить кое-что более важное. Гарка и Урсин сейчас представляются мне самыми опасными противниками. Впрочем, есть и другие, которых не стоит заранее сбрасывать со счетов...

* * *

Наследника престола удаляли из дворца и столицы сразу после рождения. Это было единственным способом сохранить ему жизнь. Ни высокие дворцовые стены, ни вооруженная до зубов охрана не могли уберечь принца, гибели которого искали могущественные семьи, обычно всегда соперничающие между собой, но объединенные общим стремлением очистить дорогу к власти. Согласно древним законам, особа короля и его семья были неприкосновенны – но не его наследник. Сталь, яд или магия рано или поздно находили свою жертву. Поэтому каждый наследник рос и воспитывался, постигая науку войны и управления страной, в тайной обители под присмотром учителей, которых именовали Безымянными Магами. Лишь после кончины правителя он мог появиться в столице, не опасаясь предательского удара в спину. Так гласил закон, который не мог быть нарушен, потому что каждая семья понимала: в нем – основа порядка и спокойствия государства. Нарушителя ждала война со всеми, единственным и неизбежным итогом которой было бы уничтожение всей его семьи. На седьмой день после похорон принц мог без опаски возникнуть из небытия и заявить о своих правах на трон. И главным доказательством этих прав служила способность трон занять.

Как всегда, претендентов в этот раз собралось чуть меньше четырех десятков – как раз по числу семей королевства. Каждый претендент утверждал, что он – Истинный Принц и сын короля, каждый был готов отстаивать свое утверждение, сражаясь с остальными. И народ знал, что это справедливо, потому что занять трон мог только настоящий сын короля, которому отец передал не только свою силу и мудрость, но и тайну могущества государства и королевского рода, противостоять которой не могли ни внутренние, ни внешние враги. Именно эта тайна хранила Истинного Принца на пути к трону, не оставляя никаких шансов на успех самозванцам.

Тем не менее до исхода состязания все претенденты считались равными друг другу. Двадцать дней они жили вместе в гвардейской казарме, готовясь к испытаниям, а на двадцать первый перед ними открывались дворцовые двери. Лишь один из них, пройдя лабиринт, повергнув всех соперников, добирался до тронного зала и садился на трон – Истинный Принц, который в этот самый момент становился королем...

* * *

На рассвете распахнулись все сто десять дверей дворцового лабиринта – так гласил закон. Они оставались открытыми ровно столько времени, сколько потребовалось бы обремененному поклажей верблюду, чтобы сделать десять шагов. По одному или по двое претенденты вошли в избранные ими входы, после чего тяжелые створки сомкнулись вновь.

Доран и Маркон вошли в коридор, слабо освещенный светом, который проникал через

невидимые отдушины под высоким потолком, и остановились, вслушиваясь в сомкнувшуюся вокруг них тишину. Коридор был короток, всего через несколько шагов он раздваивался. Левый отросток круто нырял в непроницаемый мрак подземелья, правый, напротив, являл собой начало восходящей вверх спиральной лестницы с широкими ступенями.

– Туда! – показал Доран налево, потому что каждый из претендентов знал: дорога к трону проходила через лабиринт, а иного пути не было.

Маркон согласно кивнул, вытащил из крепления на стене смоляной факел и скороговоркой пробормотал заклинание огня. Факел вспыхнул, осветив плотно пригнанные друг к другу плиты, которыми был выложен длинный спуск в подземелье. Придерживаясь руками за шершавый камень стен, они съехали вниз, оказавшись в круглом зале. Три новых прохода в стене зала прямо напротив открылись их взорам, а в центре на невысоком постаменте лежала неровная черная глыба, маслянисто поблескивающая в мерцающем факельном свете.

– Куда теперь? – шепотом спросил Маркон и тут же сам ответил, показав на центральное отверстие: – Мы должны идти туда, я чувствую это.

Внезапно нахлынувшее на Дорана острое ощущение опасности заставило его извлечь из ножен клинок. Переложив факел в левую руку, Маркон сделал то же самое. Они осторожно двинулись по залу, огибая странную глыбу справа. Доран не спускал с нее глаз ни на мгновение, все его чувства были обострены до предела, и потому то, что случилось дальше, не застало его врасплох.

Очертания глыбы почти неуловимо изменились, а потом с отвратительным хлопотным звуком она выбросила два толстых щупальца. Отточенное лезвие свистнуло в воздухе, легко проникая в упругую плоть. Из широкой раны фонтаном вырвалась черная кровь. Щупальце не было отсечено до конца, оно надломилось в месте удара, словно подрубленное дерево. Судорожно подергиваясь, начало втягиваться обратно, и тогда Доран бросился на помощь Маркону, который оказался не столь быстр и удачлив. Меч и факел, выбитые из его рук атакой чудовища, лежали на полу, а сам Маркон с искаженным от напряжения лицом пытался оттолкнуть жадно тянущуюся к нему отвратительную конечность. Клинок Дорана поднялся и опустился дважды. Отсеченный кусок плоти звучно шлепнулся на камень. Короткий обрубок бесцельно хлестал воздух. Увернувшись от его беспорядочных движений, Доран подобрал факел. И прыгнул к выходу.

– Бежим!

Схватив свой меч, Маркон бросился следом. Они мчались по узким извилистым коридорам, не считая поворотов и ответвлений, и остановились, лишь когда зал с чудовищем остался далеко позади.

– Что это было? – переводя дух, спросил Доран.

– Цверб. Демон бездны. О них мне рассказывал наставник, – ответил Маркон. – Только он говорил, что все цвербы давно вымерли.

– Не все, – пожал плечами Доран. – По крайней мере один остался... Я мог бы его убить, – произнес он после короткой паузы.

– Цверба нельзя убить, – возразил Маркон. – Тело его неуничтожимо и восстанавливается очень быстро. Цверб умирает сам, когда приходит его срок.

– Сказки, – буркнул Доран, – я мог иссечь его в куски размером с мизинец, а потом просто растереть их сапогом на камне...

Пронзительный, полный боли и тоски вопль прервал его речь. Кричавший находился где-то совсем неподалеку, всего в нескольких поворотах. Доран с Марконом переглянулись.

– Не думаю, что нам стоит идти туда, – неуверенно проговорил Маркон.

Крик зазвучал снова и внезапно оборвался на ноте наивысшего напряжения.

– Вперед! – Доран первым сорвался с места. Вслед за ним немедля помчался Маркон.

Еще один зал открылся перед ними – такой же круглый, как и первый, с новыми входами в недра лабиринта, но в отличие от того ярко освещенный факелами на стенах. Было и еще одно отличие: в центре зала вместо постамента, служившего цвербу лежанкой, они

увидели мертвое тело. Точнее, то, что от него осталось: нижняя его половина, почти до талии, была смята и чудовищно изуродована. Будто пасть огромного травоядного равнодушно захватила случайно подвернувшуюся плоть, пожевала могучими беззубыми челюстями и выплюнула за ненадобностью.

Маркон сделал несколько осторожных шагов к мертвецу.

– Это Клео с юга, – сказал он. – Очень хороший боец и в знании магии не из последних. Мне казалось, он продержится дольше...

Доран внимательно осматривался, приготовив клинок для немедленного удара.

– Что его убило?

– Не знаю. Может быть, то, что скоро убьет нас.

Их собственный факел уже едва тлел, догорая. Доран бросил его на пол и затоптал. Потом вытащил из толстой связки, приваленной к стене, три новых. Два заткнул за пояс, а третий поджег от ближайшего огня.

– Куда мы пойдем теперь? – спросил он.

– Сейчас...

Маркон вытащил из-за пояса костяную пластинку, похожую на наконечник стрелы, и осторожно положил на открытую ладонь. Некоторое время пластинка пребывала в неподвижности, а затем начала медленно поворачиваться. Ее острие нацелилось на крайний правый проход и остановилось.

– Нам нужно идти туда, – уверенно сказал Маркон, пряча пластинку.

Доран двинулся первым, но тут же замер: навстречу ему из прохода лениво выползла волна тумана. Она не доставала до колен Дорана, в ней не было ничего опасного – самый обычный туман, разве что слишком уж плотный и не проницаемый для взгляда. Ватной периной туман неторопливо растекался по полу, все ближе подползая к ногам Дорана. Он неуверенно взмахнул мечом. Лезвие прошло сквозь туман, не встретив ни малейшего сопротивления. Успокаиваясь, Доран сделал шаг и тут же ощутил, что ступни его и лодыжки попали в мертвый захват, словно стиснутые невидимыми мощными руками. С яростным криком он ударил мечом раз, другой и третий, уже понимая, что это совершенно бесполезно. Сталь была бессильна против неведомой, смертельно опасной магии. Оброненный в туман факел мгновенно угас. Давление на ноги усиливалось, туман клубился вокруг Дорана, сгущался, поднимаясь все выше, его объятия становились нестерпимыми, Доран услышал скрежет сминаемых стальных наколенников и понял: спасения не будет.

Вырвавшаяся откуда-то из-за его спины полоса света была настолько ослепительна, что Доран на мгновение зажмурился. А когда вновь открыл глаза, то увидел, что Маркон хлещет туман исходящим из его сомкнутых рук лучом белого света. Бесплотная серая мгла корчилась под ударами. Она отпрянула назад, освобождая Дорана, и вновь ринулась к нему, не желая отпускать добычу. Но за этот краткий миг он сумел и сам прийти в себя. Отбросил бесполезный меч, сорвал с шеи шнурок и поднял над головой восьмилучевую охранную звезду, инициировав ее коротким заклинанием. Ковер из тумана содрогнулся, словно получил смертельную рану, а затем бессильно опал. Слой его редел, истончался на глазах и наконец исчез совсем, словно просочился сквозь плотно пригнанные друг к другу каменные плиты пола в породившую его бездну.

– Ты выручил меня, Маркон, – хрипло сказал Доран. – Я этого не забуду.

– Совсем недавно точно так же ты выручил меня, – ответил Маркон. Он тяжело дышал, и даже в свете факелов Доран заметил, как побледнело его лицо. Применение магии отняло у Маркона немало сил.

– К тому же ты бы и сам справился, если бы сразу догадался, что против этой твари сталь бесполезна... А сейчас, если ты не против, я хотел бы немного перевести дух, иначе в следующей схватке помочь тебе уже не сумею.

Самому Дорану тоже требовался отдых. Они опустились на пол и сидели некоторое время совершенно неподвижно, вслушиваясь в каменное молчание лабиринта. Иногда Дорану казалось, что он почти слышит какие-то едва различимы звуки: то ли чьи-то тихие

шаги, то ли невнятные вздохи, то ли шорох одежд. Он изо всех сил напрягал слух и убеждался, что это всего лишь иллюзия, рожденная его воображением. Маркон, судя по его напряженной позе, испытывал примерно те же ощущения. В какой-то момент он с коротким смешком тряхнул головой.

– Здесь достаточно своих призраков, поэтому нам не следует придумывать новых, – пробормотал он, скорее всего, самому себе и поднялся. – Пошли, Доран, иначе мы не поспеем к самому интересному.

Дальше был только лабиринт. Туннели выводили к развилкам, за которыми открывались новые ходы и ответвления. Их путь был невероятно извилист. Коридор сменялся коридором, поворот следовал за поворотом – и все вместе они, казалось, ни на шаг не приближали к главной цели. Маркон шел первым – он лучше Дорана ощущал направление, изредка сверяясь со своей путеводной стрелкой. Когда настал черед третьего факела, Доран полностью утратил ощущение времени. Он начал было считать шаги, однако сбился на второй тысяче и более не возобновлял попыток. В какой-то момент они увидели впереди слабый свет. Доран из предосторожности немедленно затушил факел. С оружием наготове, они осторожно приблизились к очередному повороту и обнаружили, что за ним начинался широкий и длинный туннель. Стены его источали слабое зеленоватое сияние, позволявшее разглядеть пространство шагов на двадцать вперед – дальше все вновь скрывал зыбкий полумрак подземелья.

Впору было испытать некоторое облегчение: опасность не грозила немедленно, этот участок пути впервые был прямым и единственным. Но причиной свечения стен была магия, древняя магия, не известная ни Дорану, ни Маркону, а значит – враждебная, опасная. Именно поэтому оба они усилили внимание, передвигаясь осторожными, короткими шагами, готовые в любой момент атаковать или дать отпор.

Их осторожность была вознаграждена. Услышав легкий шорох, шедший чуть впереди Маркон отпрыгнул назад всего за мгновение до того, как широкая плита, на которую он поставил ногу, рухнула куда-то вниз и в сторону, открыв темную пасть бездонной ямы.

Они осторожно приблизились к провалу и заглянули вниз. Зажав меч под мышкой, Доран легкими дуновениями помог родиться на кончиках своих пальцев искоркам короткого света и стряхнул их над ямой. Светлячки полетели вниз, кружась и постепенно затухая. Срок жизни их был недолог, но все же они позволили разглядеть, что пропасть глубока, но отнюдь не бездонна. А также увидеть тело, пронзенное острыми стальными копьями, вкопанными в дно ловушки.

– Это Ирвен, – сказал Маркон. – Я узнал его по алому поясу, которым он всегда так кичился. Я же говорил, что далеко пройти ему не удастся.

– И был не прав, – недовольно возразил Доран. – Если, конечно, не считаешь, что до сих пор мы топчемся где-то в самом начале пути. Он прошел достаточно далеко. Кстати, такой же пояс я видел еще у кого-то из претендентов.

Маркон лишь рассеянно кивнул, потому что был озабочен уже иным.

– Провал слишком широк. Но, прыгая через него, можно отталкиваться от самого края. Однако приземляться на той стороне нужно как можно дальше. Должен признаться, прыжки мне удавались хуже всего прочего.

– Я сделаю это первым, а потом помогу тебе, – решил Доран. Отстегнул и бросил на пол пояс с оружием, принялся снимать панцирь и наколенники.

– Ты перебросишь мне все, как только я окажусь на той стороне.

Опясав Дорана тонким прочным шнуром, Маркон обернул другой конец несколько раз вокруг своего туловища.

– Удачи нам обоим, – сказал он.

Доран отошел на десяток шагов, разбежался и взлетел над бездной. Затхлый воздух подземелья свистнул в ушах. Приземлившись, несколько раз перевернулся, откатываясь дальше от ловушки и вскочил на ноги, готовый к чему угодно. Но пока все шло хорошо.

– Бросай оружие!

Поторапливать Маркона не стоило. Тугой сверток уже летел в руки Дорана, а вслед за ним он поймал еще один, с экипировкой Маркона. Готовясь к прыжку, Маркон отошел на всю длину соединяющей их веревки. Но хотя разбег его был длиннее, чем у Дорана, для подобных прыжков мощный Маркон был грузноват. Напарник взмыл над пропастью, и, понимая, что энергии прыжка не достанет для успеха, Доран изо всех сил дернул веревку, помогая полету. Но даже его отчаянного усилия хватило лишь отчасти. Маркон тяжело опустился на самом краю провала, и тут же плита под ним раскололась, открывая путь к смерти. Маркон рухнул вниз, успев вцепиться одной рукой в неровный выступ обломившегося камня, и это спасло их обоих, потому что по гладкому, без малейшей точки опоры полу подземелья более тяжелый Маркон неизбежно стянул бы Дорана за собой. Вниз, на копыя.

Доран прыгнул к стене, столь же гладкой, как и пол. Потом упал на спину и расставил ноги, изо всех сил вытягивая веревку на себя. Все это оказалось бы бесполезным, если б Маркон не удержался. Но вот над провалом показалась другая рука, затем – голова и плечи. Напарник мощным рывком выбросил тело на горизонтальную поверхность и, не рискуя подниматься на ноги, подполз к Дорану.

– Я опять у тебя в долгу, – сказал он с коротким смешком. – Но мне кажется, чем ближе мы к цели, тем меньше у меня шансов его тебе вернуть.

– Сочтемся позже, – кратко ответил Доран.

Они поднимались не без опаски, но пол под их ногами оказался тверд и неколебим. Однако одеться броней до конца не успели. Кусок стены рядом с ними внезапно вывалился, крошась на мелкие осколки, а из открывшегося отверстия хлынул поток уродливых существ. Низкорослые, приземистые твари, лишь отдаленно напоминавшие людей, с непропорциональными, бугрящимися мышцами телами, покрытыми густой шерстью, бросились на пришельцев молчаливой плотной массой, размахивая зажатými в передних конечностях короткими широкими клинками.

Доран и Маркон выхватили мечи одновременно. Сталь со звоном столкнулась со сталью. Доран отбил удар, шагнул в сторону и возвратным движением отсек руку противника. Сделал выпад, пронзив податливую острию плоть, вырвал клинок и крутанул им, снося ощерившуюся длинными редкими клыками башку. Присел, пропуская удар над головой, полоснул по животу твари и шагнул в сторону, оставляя место падающему телу. Он бился чрезвычайно расчетливо, не совершая ни одного лишнего движения. Каждый его удар и выпад неизменно достигали цели. Бой шел почти в полной тишине, если не считать мокрого чваканья разрубаемой плоти, хруста костей да топота ног сражающихся. Враги умирали молча, без криков и стонов, но на место упавших немедленно становились новые. Их плотная стена понемногу, шаг за шагом теснила Дорана и Маркона, заставляя отступать к пропасти.

– Знак! – крикнул Маркон, отбивая очередной удар. – Покажи свой знак! Он остановит их и лишит силы! Скорее, Доран!

Сдергивая с шеи шнурок со звездой, Доран чуть замешкался и был за это немедленно наказан. Хищное лезвие ужалило левое плечо. Доран вскрикнул. Но, преодолевая боль, высоко поднял знак и с удвоенной яростью врубился в строй нападавших. Поначалу казалось – ничего не произошло. Все с тем же лязгом и скрежетом сталкивались клинки, пол и стены пятнала черная кровь, однако всего через несколько коротких мгновений Доран ощутил, что рисунок схватки переменился. Движения врагов постепенно становились все более замедленными, словно на них наваливалась неодолимая дремота, бороться с которой не было сил. Их плотный строй сломался, и битва превратилась в бойню. Теперь мечи Дорана и Маркона, словно серпы жнецов, размеренно выкашивали под корень островки вялого сопротивления. Наконец последнее порождение мрака рухнуло замертво, и упавшая тишина сделалась нерушимой.

Доран вернул шнурок со звездой на шею. Действие это далось ему с некоторым трудом: левая рука онемела и повиновалась неважно. Он расстегнул и сбросил с плеча

куртку. Пришедший на помощь Маркон перетянул плечо выше раны, чтобы прервать истечение крови, выдавил из кожного футлярчика несколько капель целебного бальзама и осторожно размазал по ране пальцем. Доран слегка поморщился – бальзам оказался едок и жег, словно щупальца медузы, но почти сразу вслед за короткой болью пришло облегчение. Кровь свернулась и запеклась плотной коркой, онемение постепенно проходило. У Дорана, конечно же, тоже имелся эликсир от ран и увечий, однако он вынужден был признать: средство Маркона действовало быстрее и эффективнее. Сам Маркон тоже получил несколько царапин, которые также тщательно смазал бальзамом.

Воздух на месте схватки пропитался смрадом мертвых тел. Отыскав снаряжение и облачившись, они поспешили к выходу из туннеля. Ноги скользили по залитому кровью обитателей бездны камню. Шагавший впереди Маркон пинками отшвыривал с пути куски отсеченной плоти, но скоро все это осталось позади. Коридор тянулся еще не меньше чем на пятьсот шагов и закончился не очередным разветвлением, а стальными воротами.

– Если они заперты с той стороны, нам придется возвращаться и отыскивать другой путь, – уныло молвил Маркон. – Уверен, магия с ними не справится, а мечи наши и подавно.

Не отвечая, Доран осторожно толкнул одну из створок. К их общему удивлению и радости, створка легко поддавалась усилию, раскрывшись плавно и без скрипа. За воротами их вновь встретила темнота, но теперь она не показалась абсолютной. Высоко над собой они увидели слабое световое пятно. И обоим в единый миг стало ясно: рождено оно не языками коптящего факельного пламени и не мерцанием магических огней. Это был истинный свет солнечного дня. Его еще предстояло достичь, однако впервые Доран испытал то странное и редкое чувство, которое охватывает человека, когда ничем не подкрепленная, слепая надежда готова вот-вот смениться уверенностью в успехе. Он воспламенил последний факел и осмотрелся. Они стояли на небольшой площадке у подножия каменной лестницы. Лестница казалась бесконечной, но ее щербатые от времени ступени вели к тусклому крохотному светлomu пятнышку, к победе или гибели.

– Мне кажется, наша цель близка, – Маркон был взволнован и не скрывал этого.

Доран недовольно поморщился, хотя ощущал примерно то же самое.

– Собака поторопилась – щенят слепыми родила, – буркнул он в ответ.

Они начали подниматься, ненадолго останавливаясь через каждую сотню ступеней, чтобы передохнуть и прислушаться. Но запах опасности здесь совсем ослаб, перед ними были только ступени, которые рано или поздно должны были кончиться. Так и произошло. Преодолев последнюю, они оказались в квадратном зале с высоким потолком. Свет скупо просачивался сюда через узкие бойницы, почти что щели, пробитые в одной из четырех стен, но уставшим от мрака Дорану и Маркову в первый момент он показался ярче прямых лучей дневного светила.

Отерев набежавшую на глаза влагу, они огляделись. Точно такая же лестница в центре правой от них стены уходила вниз. Через арку в стене напротив начинался новый подъем. Именно туда им и предстояло теперь идти, Доран понимал это сейчас так же ясно, как и Маркон, который даже не счел нужным свериться со своей путеводной стрелкой. Они лишь взглянули друг на друга – этого хватило для мгновенного понимания и согласия. И в тот же момент со стороны второй лестницы, из преисподней, оба услышали звук прикосновения закаленной стали меча к камню. Звук, который невозможно спутать ни с чем иным, каким бы легким он ни был. А потом увидели тех, о ком этот звук неосторожно предупредил.

Гигант Гарка возник в зале первым. Урсин, словно бесплотная тень, легко скользнул из-за его спины. Оба они, как и Доран с Марконом несколькими минутами раньше, невольно прикрыли ладонями отвыкшие от света глаза. Но всего лишь на мгновение.

Некоторое время все четверо молча буравили друг друга взглядами.

– Не ожидал, что вы нас опередите, – кашлянув, пробурчал Гарка. – Не думал, что вы вообще сумеете преодолеть лабиринт.

– Все же нам удалось, – сказал Доран. – Хотя это было непросто.

Он увидел, что латы Гарки, его камзол, как и облачение Урсина, запятнаны кровью. Но

не только черной кровью обитателей бездны, но и алой, той, которая брызжет из рассеченных жил людей.

– И как теперь? – Гарка нетерпеливо махнул мечом. – Что мы станем делать?

– Если мы отправимся дальше вместе... – начал было Урсин, но Гарка его прервал:

– Молчи, Урсин! Я до сих пор не понимаю, зачем взял тебя с собой. А дальше идти всем вместе тем более нет никакой необходимости. Разве что вдвоем... Но нас здесь гораздо больше.

– Ты встречал в лабиринте кого-нибудь из претендентов? – спросил Маркон.

– Конечно, – не задумываясь, ответил Гарка. – Я видел много трупов неудачников. Или, скорее, никчемных лжецов. Ведь каждый из них называл себя Истинным Принцем.

– Как и ты, Гарка, – заметил Маркон, – как и твой спутник.

– У меня нет времени на болтовню, – сказал Гарка. – Мы решим все здесь и очень быстро.

Доран оценивал ситуацию. Похоже, Гарке с Урсинем удалось миновать ловушки, а также выйти победителями из схваток с кем бы то ни было совершенно невредимыми. В отличие от них самих, получивших несколько хоть и незначительных, но все же ранений.

– Что ты предлагаешь? – продолжал спрашивать Маркон.

Гарка расхохотался.

– Я предлагаю вам уйти. Той дорогой, которой вы добрались сюда, или нашей с Урсинем – мне все равно, я не возражаю. А мы отправимся дальше.

Он был возбужден одержанными победами и настолько уверен в себе, что Доран ощутил огромное желание испортить ему настроение.

– И насколько хороша твоя дорога? – поинтересовался он. – Мы не будем спотыкаться о тела наших вчерашних товарищей, которых ты убил?

– Чтобы не спотыкаться, нужно тщательнее смотреть под ноги, – посоветовал Гарка. В голосе его звучала угроза, которой он не пытался скрыть. – Но я никого не трогал, не предложив прежде избрать иной путь.

– Разве есть такой путь? – холодно удивился Доран. – Разве тебе неизвестно, что из лабиринта выходит только новый король. Остальные навсегда остаются там.

– Никто, кроме короля, не может знать, кто и в какую сторону выходит из лабиринта, – хитро подмигнул Гарка. – И если король не захочет, то никому и не скажет. Используй это знание, Доран. Королю не нужны лишние смерти.

– Ты говоришь от его имени?

– Я говорю от себя. Но разговоры мне уже надоели, поэтому я хочу услышать твое последнее слово.

Шипящий огненный шар вылетел из-за спины Дорана. Гарка лишь лениво отмахнулся, и пламя угагло, рассыпавшись серым пеплом. Попытка Маркона не удалась.

– Ты избрал себе плохого напарника, Доран, – рассмеялся Гарка. – Его жалкая магия годится лишь для того, чтобы пугать крестьянок. Лично я полагаюсь только на честную сталь. Но я понял: это и есть ваш ответ.

Он поднял меч и двинулся вперед мягким скользящим шагом. Огромный Гарка был невероятно подвижен и быстр, что в сочетании с медвежьей силой делало его очень опасным бойцом. Его манера боя была проста и безыскусна, но весьма эффективна. В сражении страшные удары тяжелого длинного меча сыпались на врага один за другим. Гарка был неутомим, рано или поздно его удары пробивали защиту противника – ошеломленного, оглушенного и подавленного свирепым натиском. В этом заключалось преимущество Гарки, но здесь же следовало искать его уязвимость.

И теперь Гарка начал бой именно так, как поступал всегда – рубящим косым ударом справа налево. Доран не стал его парировать. Он лишь чуть отпрянул назад, подтолкнув своим клинком меч Гарки в направлении движения, и молниеносно сделал ответный прямой выпад. В любом другом случае схватка бы в эту секунду и закончилась, но Гарка с невероятной ловкостью увернулся, и лезвие меча Дорана лишь царапнуло широкий кожаный

пояс противника. А потом ему самому пришлось уворачиваться: меч Гарки, совершив полный оборот, летел на него параллельно полу; пытаться встретить его и остановить было бы безумием. Теперь Гарка не дал Дорану шанса на ответную атаку. Его меч мгновенно изменил направление движения и возвращался уже по новой траектории слева. Доран применил прием «отбив-скольжение», парируя атаку наклоненной плоскостью клинка, и, хотя столкновение мечей не было прямым, удар его потряс. Гарка это заметил, губы его растянулись в довольной ухмылке, следующие несколько ударов последовали с частотой града, барабнящего по черепичной крыше. Доран увертывался, прыгал из стороны в сторону, отражая движения клинка противника лишь на излете.

Изредка в поле его зрения попадала вторая пара бойцов. Маркон и Урсин ожесточенно рубились у стены с бойницами. По-видимому, оба уже были ранены – лезвия их мечей пятнала кровь, но понять, кто берет верх, у Дорана времени не было.

Рисунок боя приобрел очевидную определенность. Непрерывная, нескончаемая атака Гарки была направлена на то, чтобы загнать Дорана в один из углов зала. Доран всеми силами старался этого избежать, что пока ему вполне удавалось. И хотя силы его постепенно убывали, открывшаяся рана отзывалась на каждое движение болью, мозг работал холодно и четко, и настал миг, когда Доран ясно увидел путь к победе. Теперь оставалось всего лишь дождаться нужного случая. А еще лучше – его создать!

Косые удары Гарки следовали один за другим. Внезапно Доран шагнул вперед, широко расставив ноги и сжав меч обеими руками. Металл с чудовищной силой ударил о металл. Любые иные клинки от такого столкновения разлетелись бы вдребезги, но сталь, изготовленная кузнецами северных болот, способна раскалывать камни, не обретая ни зазубрин, ни царапин. И меч Гарки, и клинок Дорана выковывались именно там. Только толку от этого клинка Дорану теперь было немного. Удар оглушил его. Хотя Доран устоял на ногах и не выронил оружия, руки его бессильно опустились, взгляд затуманился. С довольным уханьем Гарка размахнулся для последнего удара. Его меч вновь летел параллельно полу, готовясь разрубить противника надвое. Но за краткий миг до того, как он коснулся тела, Доран рухнул на пол. Меч Гарки, описав плавную и быструю кривую возврата, тут же вознесся вверх, готовясь вонзиться острием в тело соперника, и тут Гарка с удивлением почувствовал, что теряет равновесие. Он тяжело грохнулся спиной о каменные плиты пола. Еще не понимая происшедшего, попытался вскочить на ноги и рухнул снова, с ужасом осознавая истинную причину неудачи: ног у него больше не было. Клинок Дорана отсек их до колена.

Гарка разжал пальцы, стискивавшие рукоять меча.

– Ты оказался слишком быстр для меня, – хрипло проговорил он. – Я совершил ошибку. Нам нужно было идти вместе.

Жизнь истекала из него вместе с толчками выплескивающейся крови.

Услышав за спиной шорох, Доран вскочил, выставил перед собой клинок и тут же опустил. Это был Маркон. Изрядно потрепанный, но живой. Тело Урсина лежало в кровавой луже возле лестницы, ведущей к победе.

– Его надо добить, – сказал Маркон. – Я это сделаю.

– Не трать силы, они тебе еще пригодятся, – голос Гарки слабел. – Я умру и без твоей помощи. Значит, это ты, Доран? Ты – Истинный Принц? Жаль, что я не понял этого раньше. Прости меня...

Он вздрогнул и в последний раз вздохнул. Глаза его остановились и остекленели.

– Мне тоже жаль, Гарка, – тихо сказал Доран. – Прости и ты меня.

Опершись на меч, Доран поднялся. Отер о рукав окровавленное лезвие и вложил в ножны.

– Пошли, Маркон, – сказал он и первым двинулся к лестнице.

* * *

Тронный зал был сказочно красив – так показалось Дорану, когда он переступил порог. Потолки были плавным продолжением стен, смыкавшиеся высоко над головой ажурными куполами, сами стены сияли собранием драгоценных реликвий, созданных за тысячелетия руками лучших мастеров королевства, а также добытых в победоносных сражениях.

Но ярче всех сиял сам трон. Он стоял на высоком постаменте в центре зала, и хотя со стороны двери, через которую Доран, а вслед за ним Маркон вошли в зал, им открылась лишь высокая спинка, изукрашенная золотом и камнями, его великолепия не могло затмить ничто.

Доран неторопливо шел к нему, отчетливо представляя, что должно произойти на этом последнем отрезке пути. И потому нимало не удивился, ощутив горячий укол в спину точно напротив сердца. Доран был готов к этому, он резко дернулся вперед, опережая движение разящего лезвия, выхватил меч, послал острие под рукой за спину, и лишь после этого обернулся.

– Зачем ты это сделал, Маркон? – с сожалением спросил Доран. – Я был почти готов назвать тебя своим другом.

Маркон корчился, пытаясь зажать рану в солнечном сплетении. Кинжал, которым он попытался поразить Дорана, оплывал и таял, превращаясь в дым – изделие магии предательства всегда погибало прежде своего создателя.

– Король... только...

Он умер, не успев произнести больше ни слова.

– Да, я знаю, – сказал Доран, глядя на мертвеца. – Только король должен выйти из лабиринта. Всегда только один. Так будет и сейчас. Но не по моей вине.

Голова его слегка кружилась. Он достал склянку с целебным эликсиром и сделал глоток. Отравленное лезвие, проникнув сквозь одежду, только царапнуло кожу. Ничего опасного – чтобы преодолеть последствия последнего предательства требовалось всего лишь немного времени, и Доран громко возблагодарил небеса за то, что все испытания остались позади.

И услышал тихий смех.

Помещение было столь огромно, что Доран не сумел определить его источник, но вслед за тем прозвучал новый звук. С легким скрежетом каменный постамент развернулся к гостю. В небрежной позе на королевском троне сидел тот, кого Доран никак не рассчитывал здесь увидеть.

Ирвен.

– Как ты... сюда попал? – спросил Доран. Речь давалась ему с некоторым трудом.

– Так, как и был должен, – ответил Ирвен. Происходящее его явно забавляло. – Тайна, Доран. Главная тайна, которая известна только Истинному Принцу, помогла мне оказаться здесь раньше всех. Потому что именно я настоящий наследник. Тебе я могу эту тайну раскрыть. Ты хочешь ее услышать?

У Дорана не хватило сил для ответа, но Ирвену он был и не нужен.

– Тебя с детства учили искусству магии и битвы, чтобы пройти лабиринт. Неужели ты думаешь, что родитель позволил бы своему сыну подвергаться таким опасностям? Главная тайна Истинного Принца – это короткий и легкий путь к трону, я знал его почти с самого рождения. Пока вы все сражались с хранителями лабиринта и друг с другом, побеждали или умирали, я просто сидел здесь, ожидая, чем завершится эта забавная, но все же немного скучная игра. И теперь наконец она закончилась.

– Да, – хрипло подтвердил Доран. Оцепенение понемногу оставляло его, он вновь становился хозяином своего тела. – Игра получилась забавной. Только не думаю, что она закончилась.

Вскинув меч, он бросился вперед. Всего три прыжка отделяли его от трона, и два он преодолел за мгновение, а на третьем, когда, чтобы достать до Ирвена, оставалось лишь протянуть клинок, наткнулся на невидимую и неодолимую преграду, безжалостно швырнувшую его на пол.

– У Истинного Принца была одна тайна, но у короля их намного больше, – сурово и холодно изрек Ирвен. – И король – это я, Доран. Жаль, что ты этого не понял. Поэтому те немногие тайны, что стали тебе сейчас известны, ты унесешь с собой. Из лабиринта выходит только один – так было, есть и будет. Прощай!

Незаметные прежде двери в стенах тронного зала распахнулись, выпуская облаченных в сверкающую сталь воинов. Превозмогая боль и усталость, Доран встал им навстречу и поднял меч, готовый начать свое последнее сражение...

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ СМЕХ ДРАКОНА

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Г Е Н Р И   Л А Й О Н   О Л Д И

СМЕХ

ДРАКОНА

I

Оказавшись под каменным козырьком, Вульм фыркнул по-лошадиному и так потрянул мокрой гривой волос, что капли полетели во все стороны. Осенняя слякоть и дождь, зарядивший с утра, раздражали его. Жару летом и стужу зимой Вульм переносил куда лучше. Да и шрам на бедре – память о визите в мрачные подземелья Шаннурана – разнылся

на погоду, тоже не прибавляя хорошего настроения.

– Далеко еще, Хродгар?

Великан-северянин с трудом, как медведь в узкую расщелину, втиснулся в укрытие. С шумом выдохнул, словно вознамерясь опрокинуть чарку крепчайшей «Крови Даргата», и полез за пазуху. Долго рылся там, забираясь все глубже – казалось, Хродгар давным-давно копается в собственных потрохах, – и наконец извлек на свет свиток тонкой кожи. Если верить утверждениям Хродгара, он лично вырезал этот лоскут из спины несчастного следопыта-лигурийца. «Бедняга сам просил облегчить его страдания! – каждый раз уточнял северянин. – Кричал, что карта жжет его огнем и скоро пропалит насквозь. Ну, я и помог, от чистого сердца... Правда, потом он все равно умер».

Перед смертью лигуриец успел рассказать: карту на его спине вытатуировал колдун посредством ужасного заклятия. В последнем Вульм несколько не сомневался. Иначе с чего бы цветным линиям и значкам светиться в темноте?

– Мы здесь, – корявый палец Хродгара уткнулся в изгиб пунктира, ведущего сквозь чешую нагорья Су-Хейль. Желая удостовериться, северянин выглянул из-под козырька, и дождь с восторгом забарабанил по его рогатому шлему. – Точно тебе говорю. Вон тропа сворачивает вправо. Вульм, ты ж грамотный? Что тут написано?

– Палец Хатон-Идура, – с трудом разобрал Вульм.

Действительно, напротив них в мглистое небо вздымался одинокий белый утес. Более всего он и впрямь напоминал палец окаменевшего исполина, торчащий из-под земли. Зная чувство юмора исполинов, Вульм не сомневался, какой это палец.

– Значит, мы на верном пути!

Хродгар от души хлопнул приятеля по плечу, и Вульм едва не вылетел кубарем под дождь. Уроженцу студеных фьордов Норхольма было не привыкать к сырости и зябким струям, секущим лицо. Осень в теплой Эсурии старалась и никак не могла досадить великану. А близость вожаемой цели зажгла в его кабаньих, глубоко посаженных глазах огни азарта.

– Ладно, пошли, – буркнул Вульм. – Хорошо бы найти пещеру до темноты.

До входа они добрались засветло.

Тропа в очередной раз вильнула змеей и завершилась раздвоенным «жалом», упершись в отвесную скалу. В камне, изъеденном ветром и временем, чернели две мрачные дыры – точь-в-точь глазницы черепа. К ним вел ряд полуобвалившихся ступеней – столь древних, что возникало серьезное сомнение: человеческие ли руки вытесали их тысячелетия назад?

Вульм огляделся. Здесь, на крайнем западе Эсурии, в пустошах дикого приграничья, бесплодных и опасных, боялись селиться даже кровожадные пикты. Авантюрист и бродяга до мозга костей, Вульм по опыту знал: в холмах и подземельях может скрываться кое-что пострашнее дикарей. Семейка людоедов-й'эху, следящая за тобой голодными взорами, – не самое худшее в нашей тихой, скучной, а главное, короткой жизни.

На миг ему почудилось движение на гребне ближайшего холма. Ладонь Вульма легла на рукоять меча. Искатель сокровищ замер, до рези в глазах всматриваясь в серую пелену дождя. Нет, показалось. Просто качнулся под ветром одинокий куст бересклета – всплеснул голыми ветвями, уподобясь живому существу.

– Достань карту, Хродгар. В какую дыру нам лезть?

– Я и так помню, – прогудел великан. – Крест стоит возле левой.

– Тогда вперед! Надеюсь, там хотя бы сухо.

Скользя на мокрых ступенях, приятели начали подъем. Оказавшись на узкой площадке перед входом, Вульм обнажил меч, а северянин выволок из-за пояса двулезвийную секиру с укороченной рукоятью. Сперва один, а там и другой полумесяц тускло блеснули, словно улыбнулись по очереди. Великан бережно, с нежностью отер влагу со стали. К секире Хродгар относился, как к родной дочери. Она платила ему ответной преданностью, не раз выручая хозяина в опасных передрыгах.

Жилистый, гибкий Вульм первым скользнул в пещеру. Здесь и впрямь было сухо. Свет угасающего дня сочился сквозь «глазницу», давая возможность рассмотреть пол, на удивление ровный – явно поработали чьи-то руки, – и низкий шершавый потолок. Дальше тьма сгущалась наподобие воронки смерча, опрокинувшегося набок и окаменевшего. В центре воронки аспидным зрачком чернело жерло прохода, уводя в недра горы.

К счастью, проход был один.

– Темно, как у Бела в заднице! Без факелов не обойтись.

Усевшись на камень поближе ко входу – вернее, ближе к свету, – Вульм извлек из-под плаща дорожную торбу. Плащ и хорошо выделанная оленья кожа уберегли содержимое торбы от дождя. Внутри, в числе множества полезных мелочей, обнаружили две короткие палки, запас тряпья, глиняный флакон с земляным жиром, огниво и трут.

Чувствовалось, что Вульм хорошо подготовился к предприятию.

Северянин тоже зря времени не терял. Он устроился напротив, положил рядом секиру и стащил с головы шлем – оказавшись лыс как колено. После чего приступил к исключительно важному делу: занялся своей бородой. Надо сказать, что за кудрявой огненно-рыжей бородищей, коей так завидовали горные карлы, Хродгар ухаживал с крайним тщанием. Мыл дважды, а если была возможность, и трижды на день, расчесывал гребнем и заплетал косицами – числом от семи до двенадцати, в зависимости от предстоящего дела.

Однажды великан обмолвился, что так норхольмцы гадают «на успех», приманивая удачу, но сразу умолк, и больше от него не удалось добиться ни слова.

Вульм всякий раз дивился: как грубые, корявые пальцы Хродгара, привыкшие к оружию, веслу и кружке, справляются со столь тонкой работой? Он успел изготовить факелы, дважды проверить снаряжение, изучить сложный узор трещин на потолке пещеры, а северянин все священнодействовал. Сейчас он вплетал в косы – на сей раз их получилось девять – шелковые ленты, полоски тисненой кожи и суровые нитки разного цвета. По опыту Вульм знал: пока ритуал не закончен, торопить Хродгара бесполезно. Он совсем уж собрался достать наждачный брусок и поточить без того острый меч, но тут Хродгар вернул шлем на голову и с проворством, удивительным для его телосложения, вскочил на ноги.

– Наконец-то!

Чиркнув огнивом, Вульм зажег факел. Второй он решил побереечь. Тьма шархнула прочь, по стенам заплясали зловещие тени. Одна из них подозрительно смахивала на рогатого демона Бел-Сатона. Вульм давно подозревал, что без снежного гиганта-ётуна в родне Хродгара не обошлось. Загуляла мать или бабка по молодости в торосах... Но спрашивать северянина о таком было равносильно самоубийству.

Молча отобрав у приятеля факел, Хродгар, согнувшись, но все равно скрежетнув рогом шлема по потолку, нырнул в мрачный зев тоннеля. Пещера Смеющегося Дракона поглотила гостей, и тишина вновь воцарилась под сводами.

Впервые они встретились семь лет назад, во время мятежа в Содгане. Вульм ничего не имел против местного правителя и участвовать в штурме Нефритового дворца не собирался. Но мятеж – отличный случай разжиться чем-нибудь ценным. Если, конечно, знаешь, где искать, готов к риску и умеешь вовремя уносить ноги.

Всеми этими качествами Вульм обладал в полной мере. Однако ему не повезло. Стража и дворцовая гвардия опомнились слишком быстро. Уносить ноги пришлось раньше, чем он предполагал. Прихватив жалкую ерунду – пару серебряных браслетов и горсть перстней с опалами, – Вульм справедливо рассудил, что это лучше, чем ничего, а жизнь дороже, и бегом покинул ювелирную лавку. На пути к порту он нагнал бородача, тащившего на плечах целый сундук. Собрат по ремеслу оказался более удачлив: ноша пригибала великана к земле.

Золото, не иначе!

Пару мгновений Вульм раздумывал: не ткнуть ли бородастого ножом в печень, пока у того заняты руки, выгрести из сундука, сколько унесет, и поспешить дальше? Но тут из-за поворота улицы объявились стражники, и план изменился сам собой.

Поравнявшись с великаном, Вульм деловито бросил:

– Сзади. Пятеро. С двумя я справлюсь.

– Ну-ну, – хмыкнул великан.

Он поставил сундук на мостовую и взялся за секиру. Пламя близкого пожара сверкнуло на двойном лезвии. Бой вышел коротким. Стражники оказались зеленые, таким воришек на базаре тиранить да мзду с купцов драть. Пятый, правда, успел дать деру, не дожидаясь участи товарищей.

– А говорил – двоих! – хохотнул великан, вновь берясь за сундук.

– Я сказал «справлюсь», а не «убью».

– Твоя правда, хитрец. Я – Хродгар Олафсон.

– Вульм из Сегентарры. Ты в порт?

– А что?

– Вместе легче пробиться.

Хродгар кивнул.

По пути им еще дважды пришлось драться. Потом оказалось, что фелука, на которую рассчитывал северянин, ушла раньше срока, и тутгодились знакомства Вульма среди местных контрабандистов. В итоге содержимое сундука они разделили пополам. В будущем судьба сводила их не раз: пиратский рейд к Жемчужному берегу, где они бились спина к спине против орды чернокожих дикарей; гробница верховного жреца Ригии, где Вульм остался бы навсегда, если бы богатырь Хродгар не удержал каменную плиту, порвав мышцы плеча, но дав приятелю возможность нырнуть в лаз; затерянный город в джунглях Йе-Лайе, где теперь уже Вульм закрыл щитом спину Хродгара от стрел, градом летевших с Черного Зиккурата...

Вновь они встретились месяц назад, в харчевне на окраине Эсура. Там изрядно захмелевший – впрочем, как всегда – Хродгар показал Вульму карту. О пещере Смеющегося Дракона ходили легенды. Заколдованный клад под охраной монстра, демоны подземелий, бесчисленные ловушки... Редкие маги, если верить слухам, ухитрились вернуться оттуда живыми.

– Нам нужен колдун, – заявил осторожный Вульм.

– Зачем?! – изумился северянин. – С драконом мы и сами управимся! Помнишь змея из Вейсхейма? Ты вспорол ему брюхо, а я отсек башку...

– А если клад и вправду заговорен? Если демоны – не ложь? Хороший колдун всегда пригодится, если он на нашей стороне.

– Ну, попробуй, – согласился Хродгар, задумчиво опустошая кружку.

Однако никто из чародеев, которых им удалось разыскать, не выказал желания присоединиться к походу. Куда там! При одном упоминании Смеющегося Дракона двери домов, где жили маги, захлопывались перед искателями сокровищ. А плюгавого, редкозубого колдунишку, который из штанов выпрыгивал, лишь бы навязаться в попутчики, Вульм прогнал взащей. От жадного дурака не было бы никакого толку. Колдун из него, как из отродья Нарьял-Сата – служитель Митры... Выгнать за дверь, к примеру, Симона Остихароса – нет, такое Вульму бы и в голову не пришло. Вот кто был истинный маг! Но, к сожалению, Симон покоился в лабиринтах Шаннурана, откуда Вульм едва унес ноги полгода назад.

Что ж, пришлось нырять во владения Смеющегося Дракона вдвоем. Циклопические залы, сталактиты в свете факелов переливаются радугой, как драконьи зубы; чернильная темнота тоннелей, похожих на кишки окаменевшего Левиафана; и наконец – дверь...

Дверь была сущее издевательство.

Белый мрамор, добытый, судя по виду, в каменоломнях Йоханамейта, где рабы редко жили больше пяти лет, чуть светился в темноте. Его поверхность, пересекаясь с темно-золотистыми прожилками, испещрили удивительные, словно изуродованные безумцем-каллиграфом, руны. Казалось, когтистая лапа зверя, на миг обретшего подобие

разума, изодрала дверь без цели и смысла – цель и смысл проявились сами позже, сложившись из глубоких царапин. Орнамент? Строки заклинаний? Таинственные формулы древних? Чувствительный к сырости и сквознякам, благородный камень тем не менее устоял против капризов природы, не покрывшись пятнами и грубой желтизной. Но, как бы то ни было, главной отпугивающей странностью двери были ее неестественные пропорции.

Откройся она – и войти, не поклонившись, смог бы лишь подросток.

Или горный карла.

– Это хорошо, – сказал Вульм.

– Почему? – не понял Хродгар.

Великану и вовсе пришлось бы согнуться в три погибели.

– Если тут действительно живет дракон, он невелик.

– Или ползает другой дорогой, – хмыкнул северянин, дергая себя за косицы бороды. – Клянусь грыжей Фродгена! В этой дыре хватит тоннелей, чтобы дать пропуск Мировому Змею!

«Типун тебе на язык», – про себя пожелал Вульм, опускаясь перед дверью на колени. Поднеся факел ближе, он пытался разобрать руны. Временами ему чудилось, что он улавливает связь знаков. Скрытая логика, знакомые контуры... Но едва Вульм пробовал произнести текст вслух – даже от шепота, от беззвучного движения губ сразу начинала кружиться голова, а по спине ползли холодные струйки пота. Оставив небезопасные попытки, он достал кинжал и ткнул острием в ручку, расположенную на уровне колена взрослого человека. Медная, резная, не пойми как держащаяся на мраморе – ручка успокаивала.

Вряд ли драконы пользуются такими приспособлениями.

Взяться за ручку сумел бы разве что ребенок. С помощью кинжала убедившись в отсутствии отравленных шипов, Вульм с трудом просунул в отверстие три пальца. Подергал – без результата. Откуда-то, должно быть, из глубин подземелий, ему послышался тихий смешок. В звуке не было ничего живого – шелест, шорох, трепетание воздуха. И ядовитая издевка. Так могла бы смеяться вечность, в которой не осталось места человеку, если он не жертва и не скользкая тварь.

Смех исчез внезапно, как и возник.

– Ты слышал?

– Что? – Хродгар завертел косматой головой.

– Нет, ничего. Посмотри на карту. Может, мы ошиблись местом?

Держа факел в левой руке, Хродгар стал неловко разворачивать свиток. Дьявольский смешок вновь долетел до ушей Вульма, и в ту же секунду великан, громко выругавшись, уронил лоскут кожи себе под ноги. Вульм потянулся, чтобы взять карту, но быстро отпрянул.

Карта шевелилась.

Кожа, содранная со спины неудачливого лигурийца-следопыта, шла волнами, скручивалась во множество трубочек, делаясь похожей на волюнку. Взбесившаяся карта напоминала слизня-метаморфа перед совокуплением. Не прекращая браниться, Хродгар собрался ткнуть в ожившую карту факелом, но Вульм жестом остановил его. Стараясь держаться на безопасном расстоянии, он молча следил, как карта приобретает форму, объем...

Минута – и крошечный голем уже приплясывал у двери.

Вцепившись в ручку двумя верхними конечностями, карлик злобно урчал. Рывок, еще один – дверь подалась, взвизгнула и стала открываться. Голем пронзительно завопил, юркнул в щель и сгинул. Напоследок он успел обернуться и погрозить Хродгару крошечным кулачком. Несмотря на разницу в размерах, северянин попятился.

– Впервые в жизни от меня сбегает карта, – пряча ухмылку, заметил Вульм. Ему понравился вид испуганного Хродгара. Редкое зрелище, чего уж там. – Бывало, крали. Случалось, отбирали силой. Однажды спьяну забыл у девки. Но чтоб так – отворить дверь и дать деру...

– Поймаю, разорву в клочья, – пообещал Хродгар. – Лезем следом?

Вульм не торопился. Открыв дверь пошире, он сунул вперед факел, насколько хватило длины руки. Огонь задвигался из стороны в сторону, грозя обжечь. Если голем-ключ прячется поблизости, пусть отбежит подальше, в мерцающую тьму. Трепетали ноздри длинного горбатого носа – словно волк, которому Вульм был обязан именем, искатель сокровищ принюхивался к открывшемуся перед ним зеву. Живым не пахло. Мускусом змей, вонью горного тролля, мокрой шерстью льва-пещерника, слизью гигантской жабы – нет, ничего.

Пыльцы алой хризантемы, способной убить носорога, или порошка из грибов х'амиру, дарующего летаргический сон, Вульм не боялся. На открытом воздухе – еще ладно. Во дворцах, в башнях магов, в сокровищницах Шаммама. Но не под землей, где нет свежего ветра. Кто бы ни обитал здесь, он не самоубийца.

– Дай я, – не выдержал северянин.

С готовностью Вульм посторонился. Если их ждет дракон, пусть с ним первым встретится Хродгар. Когда великана охватывает боевое безумие, лучше не соваться ему под секиру. Если же там ловушки... Ну, в конце концов, Хродгар – не сопляк, в первый раз рискнувший на серьезное дело, и знает, на что идет. Вульм не лгал себе – при необходимости, наверное и даже наверняка, он пожертвует северянином, если в этом будет единственный шанс спастись самому. Но временами, как ни странно это звучит в наш жестокий век, выгода кроется в простой истине: спастись вдвоем и драться плечом к плечу. Хродгар ему нравился. Не имевший друзей, расчетливый и практичный Вульм был близок к опасной грани – признать Хродгара другом со всеми обязательствами, неудобными и опасными.

«Говорят, так боятся свадьбы закоренелые холостяки», – усмехнулся он, глядя, как Хродгар, встав на четвереньки, лезет в пещеру. Звякнула, зацепившись за камень, секира. Эхо разносило по тоннелям пыхтение великана. Пожалуй, демоны ада, забреди они сюда для любовных игр, в страхе разбежались бы кто куда.

Когда великан скрылся из виду, Вульм сосчитал до двадцати и последовал за Хродгаром.

– Это рай, приятель! Чертог асов, клянусь мошонкой Эйвунда!

Не двигаясь с места, Вульм смотрел, как Хродгар мечется по пещере. Северянин хватал золото пригоршнями и сыпал себе на голову. Подошвы его сапог топтали драгоценные камни, груды лежавшие на полу пещеры. С маху он подцепил чашу, за которую можно было купить табун лошадей, и зашвырнул ее в дальний угол. Штабель слоновой кости рассыпался под ударами секиры. Перевернулся сундук с динарами хушемитской чеканки, выплеснув содержимое под ноги беснующемуся великану.

Восторг у Хродгара всегда граничил с яростью. И жажда разрушения нет-нет да и выплескивалась наружу.

– Мы купим весь мир! Цари станут лизать нам пятки!

Северянин был прав. Рядом с пещерой Смеющегося Дракона меркли сокровищницы королей Тиримьюты и Даотхи. Барханы золота и серебра, курганы нефрита и яшмы, оружие и жезлы, стоимость которых многократно превышала их полезность. Посуда из металлов, неизвестных алхимикам; одежды, недоступные императорам. Клыки единорогов и маммутов, чешуя василисков, отполированная до зеркального блеска. Волны рубинов и изумрудов, синие эвклазы, алые и голубые бриллианты, паиниты, величиной и цветом похожие на апельсин. Украшения, достойные богов – диадемы и венцы, браслеты и кольца...

Дракона не было.

Света факелов хватало, чтобы убедиться – никакого дракона, смеющегося или рыдающего. Никто не лежал на сокровищах, разинув пасть и хлеща по стенам хвостом. Разве что крошка-змееныш, взбреди ему в голову дурацкая идея напасть на грабителей, мог притаиться за сундуком. Из сверкающих завалов тут и там выныривала рожица голема,

ярящегося в бессильной злобе. Хродгар запустил в карлика блюдом, по ободу которого плясали сатиры и нимфы. Голем взвизгнул и зарылся в груды сапфиров.

Вульм сделал первый осторожный шаг. Второй. Третий. Поднял обручье с колокольчиками, вслушался в нежный звон. Вернул обручье туда, откуда взял. Четвертый шаг. Подошва чуть скользнула на ковре из динаров. Пятый. Шестой. Проклятый смех мерещился Вульму, сочась изо всех пор пещеры, словно пот. Смеялось золото. Хихикало серебро. Веселились рубины. Скалились клыки маммутов. Шевельнулся, ухмыляясь, сверкающий прибор монет. Извивы безделушек, дрожь цепей с вычурными звеньями...

Лишь чутье, звериный нюх хищника, удержало Вульма от рокового, седьмого, шага. Замерев с поднятой ногой, смешной, похожий на цаплю, он вертел головой, не понимая, почему остановился. И все-таки – стоит ему опустить ногу на пол, на край тарели, инкрустированной перламутром... Отверстие в стене? Да, кажется, так. Скрытая пружина? Стрела? Возможно.

Вульм доверял своему чутью.

Он вернул ногу назад, на прежнее место, и услышал, как ревет Хродгар.

Под великаном обвалился пол. Тайный механизм привел в движение плиту, на которую ступил безудержный в своем ликовании Хродгар, и северянин с воплем рухнул вниз. В последний миг он успел обеими руками вцепиться в край люка. Вульму хорошо были видны могучие плечи и голова Хродгара. Сейчас он подтянется, выберется наружу...

Ничего не получалось. Казалось, к ногам Хродгара подвесили две наковальни. Стальные мышцы грозили лопнуть от напряжения, капли пота градом катились с багрового лица, но великан не сдвигался ни на йоту. Взлетев на опрокинутый сундук, гримасничал подлец-голем. Хватая мелкие монеты, карлик швырял ими в Хродгара, висящего над бездной, но, к счастью, промахивался.

– Вульм! На помощь!

Стоя, где стоял, Вульм раздумывал. Что знают двое, знает свинья. Остаться единственным человеком, кто побывал в пещере Смеющегося Дракона и вернулся с добычей? Неплохая перспектива. С другой стороны, совсем недавно он готов был назвать Хродгара другом. И что? Случается, друзья погибают. Неосторожность, глупое стечение обстоятельств. Нигде не сказано, что друзья обязаны гуськом следовать в пекло...

– Скорее!

Хродгар в прошлом дважды спасал жизнь Вульму. Возвращаться вдвоем, с безумно ценной добычей – безопаснее. Пусть повисит, ничего с ним не станет. Надо все взвесить самым тщательным образом. Настоящая дружба – именно такая, она требует подкрепления чувств расчетом. Иначе, как гнилая веревка, она не выдержит веса двух человек.

– Да что же ты?!

Чудовищным усилием Хродгар сумел приподнять себя на дюйм и, не удержавшись, полетел в пропасть. Эхо его хриплого вопля металось по пещере, не желая стихать. Чудилось, что великан летит не в глубины подземелий, где его ждут демоны, а по-прежнему пляшет здесь, счастливый от обретенного богатства.

Вульм вздохнул, довольный тем, что судьба решила за него, и услышал смех. Смех рос, ширился, превращался в хохот, поглощая крик гибнущего Хродгара. Слышалось в нем удовольствие, искреннее и нечеловеческое. Вторя смеху, скакал на сундуке голем. В поисках источника звука Вульм завертел головой и заметил, как шевельнулась куча золота в пяти шагах от него. Изогнулась золотистым боком, блеснула чеканной чешуей. Парой кровавых углей сверкнули два рубина, с интересом вглядываясь в непрошеного гостя. Сплелись цепи от люстры, с силой ударили о слоновую кость. Пять кинжалов сцепились рукоятками в какую-то противоестественную гроздь – кривые, заточенные «на иглу» клинки скрежетнули о камень, оставляя глубокие борозды.

Смеющийся Дракон был здесь с самого начала.

Он окружал Вульма со всех сторон. Мощное тело возникало и исчезало. Сокровища двигались, меняли очертания, жили отдельной ужасающей жизнью. Глаз-рубин, глаз-топаз,

глаз-алмаз. Коготь-меч, коготь-нож; чешуйки-монеты. Шипастый наконечник хвоста – булава военачальника, чье имя угасло в веках. Сундук-пасть. Балдахин-крыло. Клыки единорогов и маммутов. И вновь – золото, серебро, алмазы...

Когда, забыв о ловушках, Вульм сломя голову кинулся к двери, путь ему преградила груда одеяний. Запутавшись в плотной, колючей ткани, слепой, оглохший, он упал, забился, кашляя от едкой пыли, и успел почувствовать, как дикая тяжесть наваливается на него, ломает кости и погребает под собой.

Но страшнее смерти был смех.

– ...Раздери меня Бел!

Он обнаружил себя сидящим на камне у входа в пещеру. Сквозь «глазницу» сочился тусклый свет дня. Того же? Следующего? Вульм невольно бросил взгляд на место, где Хродгар заплетал в косицы бороду. Может, он попросту заснул, ожидая, пока северянин закончит свой ритуал? Ему все привиделось?

Но великана в пещере не оказалось. Последнее, что помнил Вульм: убийственная тяжесть, сдавившая грудь, и тихий, издевательский смех. Потом – чернота. Ничто. Изначальный мрак.

Что произошло? Как он попал сюда?

С крайней осторожностью Вульм напряг и расслабил мышцы, вздохнул поглубже. Вроде ничего не болит, кости целы... Чудо? Магия? А-а, какая разница! Он жив, и это главное! Жаль, конечно, что не удалось прихватить золотишка... Когда искатель сокровищ поднялся на ноги, торба еле слышно звякнула, оттянув плечо.

Что такое?!

Золота было немного. Комок спутанных цепочек, горсть монет, три перстня с топазами, браслет... Вульм запустил в добычу пальцы. Все его существо жадно требовало убедиться, что золото – не мара, не колдовской мираж! И вновь ему почудился ехидный смешок, а топаз в перстне моргнул со значением.

Вздвонув и едва не рассыпав украшения, Вульм выбежал из пещеры.

День угасал. Ветер разметал тучи, очистив быстро темнеющее небо, в котором уже загорались внимательные глаза звезд. Белесый серп месяца повис над горами, как топор палача над головами осужденных. Дождь прекратился, и Вульм зашагал прочь, стремясь убраться подальше до наступления полной темноты. В этих диких краях ночь сама по себе таила множество опасностей. Не стоит добавлять к ним те исчадия, что во мраке выбираются из-под земли.

«Я жив и ухожу с добычей, – твердил он, стараясь не вспоминать, какие сокровища лежали за мраморной дверью и как ничтожна его добыча в сравнении с ними. – А Хродгар... Что – Хродгар? Сам виноват: следовало быть осторожнее и смотреть под ноги!» Он, Вульм, поступил правильно – как всегда. Мог ли он спасти великана? Кто знает. Скорее всего, оба навеки остались бы в пещере, поспеши Вульм на выручку.

И кому от этого было бы лучше?

Мысли о сгинувшем товарище не давали покоя. Впервые после чьей-то смерти Вульм чувствовал себя неуютно. Он злился, не понимая, что с ним творится. За каждым кустом мерещился подлец-голем, в каждом порыве ветра слышался драконий смех. Должно быть, поэтому Вульм ощутил опасность слишком поздно.

Он взбирался на гребень холма, когда слева, сплетаясь со смехом, послышался вкрадчивый шелест. Мгновением позже взгляд уловил смутное движение. Словно угольно-черная лента текла меж камней, сливаясь с неровностями рельефа. Не оглядываясь, Вульм рванул вверх по склону, но шелест не отставал, следуя за ним по пятам. Уяснив, что спастись бегством не удастся, искатель сокровищ одним прыжком взлетел на замшелый валун, венчавший холм подобно шишаку миласского шлема, и, выхватив из ножен меч, развернулся лицом к неведомому врагу.

Месяц, сгорая от любопытства, осветил каменистый склон – и Вульм разглядел

преследователя. Облит небесным молоком, навстречу жертве вытекал поток сегментов из жесткого хитина – казалось, ему не будет конца. По бокам с завораживающей ритмичностью двигались бесчисленные, глянцево-блестящие лапы с острыми когтями на концах. Голову чудовища венчали две пары кривых, сочащихся ядом жвал, по сравнению с которыми абордажные сабли пиратов были детскими игрушками. Шесть глаз, глубоко утопленных в хитиновую броню, неотрывно следили за добычей.

Гигантская полипеда, реликт давно минувших эпох и эонов, имела не менее двадцати локтей в длину! Вульм слышал рассказы об этих порождениях влажного мрака, царящего в подгорных лабиринтах, но до сих пор никогда с ними не встречался. Он вспомнил рассказ одного джамадийца, с которым случай свел Вульма в походе. Воину пустыни, если верить его словам, удалось справиться с исполинской многоножкой при помощи асsegая – копья с широченным листовидным лезвием.

«Избегай жвал! – поучал джамадиец. – От их яда нет спасения. Когти на лапах тоже ядовитые, но не так сильно. Провалаясь неделю в лихорадке и, если Сет оглянется, выживешь. Когда она поднимется «на дыбы», чтобы схватить тебя – ныряй под жвала и бей копьём снизу, в брюхо: там нет брони. Насадишь ее на вертел и беги что есть ног. Издыхать эта мразь будет долго, но с копьём в брюхе она тебя не догонит».

Совет джамадийца выглядел тонким издевательством – копья у Вульма не было.

Вдвоем с Хродгаром, а главное, с его секирой, они бы управились с тварью и без асsegая. Но Хродгар мертв, и душу его грызут демоны преисподней. Сейчас, на шаг от смерти, Вульм впервые по-настоящему пожалел, что не поспешил на помощь северянину. Словно подслушав его мысли, полипеда широко раскрыла жвалы, поднимая переднюю часть туловища для атаки – и в мозг Вульма ледяной волной ворвался знакомый смех. Тварь потешалась над ним!

Кровь ударила Вульму в голову.

– Мерзкое отродье! – бледнея от ярости, взревел он. – Я отправлю тебя в ад!

Увернувшись от клацнувших впустую жвал, он прыгнул вперед и всадил клинок меж белесых сегментов брюха. С рычанием повел меч наискосок, намереваясь вспороть полипеду брюхо и выпустить кишки – или что там у гадины внутри?

Из разреза в лицо брызнула смрадная жижа.

Вульм жаждал одного: убить, убить проклятую тварь, осмелившуюся хохотать над ним! Черная ярость ослепила рассудок, и он слишком поздно понял свою ошибку. В бока впились острые когти лап. Вульм рванулся, с ужасом ощущая, как жгучий яд проникает в кровь, туманя сознание и сковывая движения... Нет, тварь держала крепко. Отчаянным усилием он вырвал меч из раны, взмахнул клинком, пытаясь отсечь лапы...

Над головой скрежетнули жвалы. Полипеда плавно изогнулась и впилась человеку в спину. Адская боль кипящим свинцом влилась в жилы Вульма. Крик отчаяния застрял в горле. Он и дернулся-то всего один раз.

Чернота. Изначальный мрак. Ничто.

Смерть.

В мертвенном свете месяца гигантская многоножка с неприятным шелестом кружила вокруг добычи. Яд, как всегда, подействовал исправно. Человек был мертв: он скорчился, так и не выпустив из лап блестящее жало, и больше не шевелился. Рана не беспокоила полипеду – она не чувствовала боли. Можно было приступить к трапезе. Но многоножка медлила, сама не зная почему.

Короткий, неуловимый глазом бросок. Жвала вырывают из добычи кусок мяса. И снова завораживающее кружение. Второй бросок. Хорошее мясо. Вкусное.

Полипеда остановилась, нависла над мертвецом...

Труп шевельнулся. По изорванному телу прошла волна дрожи. Грудная клетка распахнулась, словно пасть, и из нее, отразив лучи месяца, высунулись жвала. Полипеда отпрянула. Знай она страх, содрогнулась бы. А навстречу твари уже струился поток сегментов, наполнив ночь зловещим скрежещущим шелестом. Миг, другой – и колоссальная

многоножка, рядом с которой первая охотница казалась безобидной гусеницей, вознеслась над добычей.

Ее жвала взламывала жесткий хитин, как хрупкую скорлупу яйца. Рвали податливую, склизкую плоть. Добыча еще дергалась, судорожно свивая тело в кольцо и вновь распрямляясь, а убийца, не обращая на это внимания, жадно насыщалась. Не только голод двигал ею. Да, она хотела есть, но еще больше она хотела убивать! Уничтожать, рвать в клочья именно это, так похожее на нее существо. Что может быть слаще плоти врага?

Что такое «враг»? Тварь не знала.

Почему? Тварь не помнила.

Она все делала правильно.

Что такое «правильно»?

– ...Мы купим весь мир! Цари станут лизать нам пятки!

Они вновь были в пещере. Великан радовался, как ребенок, осыпая себя дождем из золотых монет. Вульм точно знал, что сейчас произойдет. «Стой! – хотел крикнуть он. – Замри!» Язык присох к гортани, связки не слушались. С огромным трудом ему удалось издать слабый хрип, но Хродгар не услышал. Северянин сделал еще один шаг. Плита ушла из-под его ног.

Еще не поздно. Если поспешить, я его вытащу!

Ноги приросли к полу. Застыв, словно обращен в камень могучим заклинанием, Вульм мог лишь смотреть, как великан цепляется за край колодца.

– На помощь!

Вульм напряг все мышцы, пытаясь сдвинуться с места – до темноты в глазах, до режущей боли в суставах.

Бесполезно.

– Скорее! Да что же ты?!

Чудовищным усилием Хродгар сумел приподнять себя на дюйм и, не удержавшись, полетел в пропасть. Эхо его хриплого вопля металось по пещере, не желая стихать. Вскоре эхо превратилось в смех – он рос, заполняя голову до отказа, звоном живого золота пересыпался из уха в ухо, давил неподъемным грузом, погребая под собой...

Вульм закричал и проснулся.

Он лежал на склоне холма.

Пальцы заостенели на рукояти меча. Разжать их удалось с трудом. Тело продрогло от ночной сырости. Одеревеневшие руки и ноги не слушались. Но главное – Вульм был жив и, кажется, даже не ранен. Как такое возможно, если тебя убила и съела гигантская полипеда?!

В следующий миг накатило. Он вспомнил все. Встающую из его тела многоножку-исполина – втрое больше случайной убийцы. Хруст проламываемого хитина. Пиршество, вкус плоти... Вульм содрогнулся от омерзения. Он помнил себя-чудовище! Но сейчас...

Он – человек?

Рядом валялась торба, откуда выпал перстень с моргающим топазом.

С трудом поднявшись на ноги, Вульм оглядел остатки вчерашнего пиршества. Его едва не вывернуло наизнанку. Подобрав торбу, шатаясь как пьяный, он побрел в сторону пограничной деревни, которую они с Хродгаром миновали на пути к пещере Смеющегося Дракона. Сейчас Вульм не слышал проклятого смеха и радовался этому, как еще не радовался ничему в своей жизни.

II

– Этот курган?

– Да, господин.

– Большой мертвяк?
– Не очень. С медведя.
– Всего лишь? Что ж вы его сами-то, а?
– Ага, сами... легко говорить...
– На медведей не хаживали?
– Хаживали, господин. Он тяжелый – страсть! Землю прогибает.
– Так уж землю?
– Эрик на него с рогатиной, сзади. Ну, всадил в горб. Рогатина – хрясь! Он, гадюка, отмахнулся...

– И что?

– Хоронили Эрика без головы. Какая уж там голова...

Когда наемник разразился хриплым, похожим на уханье филина, хохотом, староста подумал, что зря связался с этим безумцем. Говорят, безумцы в бою страшнее. Так то ж в бою! А перед боем с ним еще людям разговаривать надо. И после боя, значит, благодарить...

Не оказался бы живой хуже мертвого!

Редкий снег падал на непокрытую голову старосты, мешаясь с сединой. От пролива тянуло промозглой сыростью. Дыхание близкой воды, еще не схваченной коркой льда, забиравлось под кожу, грызло кости. «На тот свет пора, – вздохнул староста украдкой. – На покой. Эх, где ж ты, брат-покой...»

Выбора не было.

Мертвяк, один из дружины конунга Ингвара Плешивого – погибший в море воин, которого норхольмцы, тремя ладьями переправляясь через Скальдберг, на скорую руку похоронили в чужом кургане, – досаждал сверх всякой меры. Являлся ночами, куролесил. Ломал заборы и двери, лез в дома. Урчал басом, чего-то требовал. Ярился, если боялись и прятались, – желал объясниться, найти понимание. Жрал скотину: у старосты – корову Баську, женину любимицу, у Брегисов – две свиньи с поросенком. На Липовом хуторе заломал лошадь; Эрика опять же прикончил. И Витасова младенчика – ударил по люльке, расшиб вдребезги. Деда пророчили: дальше жди худшего. Звереет помаленьку, скоро полюбит человечину.

Видели? Эрику ногу объел...

Мертвяк объел бедняге Эрику ногу или собаки, но староста и сам понимал: дело плохо. На совете окрестных бондов он не стал артачиться, когда решением собрания его послали в Павель – нанимать спасителя. Колдуна, значит, или сильного, могучего бойца – кто б ни был, лишь бы справился. Денег на плату спасителю собрали мало. Мошна развязывалась туго. Бонды жались, крикали, а намекнешь – враз делались косоглазыми. Да и в Павеле на старосту, умоляющего о помощи, глядели с подлой ухмылкой. Слуги магов и на порог не пускали дурака-просителя:

– Занят великий! Алхимию практикует...

– Дык я с поклоном...

– Пшел вон, деревенщина!

– Пропадаем же...

– Вон! Демона спущу!

До градоправителя староста тоже не дошел. До князя – и не надеялся. По кабакам, где он молил каждого, кто при мече, сжалиться над бедой, старосте кричали:

– Ставь выпивку! Насухую не договоримся!

Поначалу он ставил, дальше перестал. А в последний день сел в «Лиловом Жеребце» у окна, спросил кружку воды, остудить сердце, и заплакал. Тут и подошел сумасшедший наемник. Сел напротив, уперся локтями в столешницу. Уставился тусклыми, оловянными глазами – будто душу вынуть хотел. Староста поначалу решил: сочувствует. Ну хоть один... И быстро уверился: ничего подобного. Просто смотрит. Еще и смеется вполголоса.

Ох и смех был – тихий, а хуже вопля.

– Тебе мертвяка убивать? – отсмеявшись, спросил наемник.

– Ага...

– Ну, пошли.

– Деньги, – честно сказал староста. – Мало. Очень.

– Деньги, – повторил наемник со странным выражением лица. Казалось, он пробовал слово на вкус, и по всему выходило: дерьмо. – В задницу деньги. Пошли, говорю.

– Как тебя звать-то, господин?

– Вульм, – и поправился: – Вульм Смехач.

Сейчас, стоя на закате у кургана, наемник ничем не походил на героя, способного уложить ретивого мертвеца. Пьяный, как шутили на хуторах, до рогатых свиней, нетвердо стоя на ногах, он больше напоминал бродягу.

– Норхольмцы? – бормотал наемник себе под нос. – Врешь, крупоед. Врешь! Норхольм своих в чужом кургане не хоронит...

Староста кивнул:

– Твоя правда, господин. Не хоронят. Ан тут взяли и похоронили. С ними скальд был, а то и чародей. Пел-пел, аж глотку сорвал. Чуть бурю не накликать. Конунг хотел покойника на плот да по воде, с костерком... Нет, и все. Ну, послушались скальда...

– Что, и вас не пограбили?

– Пальцем не тронули. Отплыли без вреда. Спешили, будто гнались за ними...

– Иди прочь.

– Что?

– Убирайся! Без тебя справлюсь.

Дважды уговаривать старосту не пришлось.

Вульм даже не проводил его взглядом. Он и так еле сдерживался, чтобы не задушить поганца собственными руками. Еще с кабака подметил: староста смеется над ним. Втихомолку, отворачиваясь, прыскавая в кулак, чтобы не заметили. В последнее время все смеялись над Вульмом. Он слышал их смех – тихий, шелестящий, даже если они притворялись серьезными и встревоженными. Да что там слышал! Видел, ощущал вкус и запах, мог потрогать руками...

Вино не спасало. Спасало, и то ненадолго, лишь одно.

Ради спасения и пришел.

Молчаливый, недвижимый, он ждал. Прошел час или больше, и подножие кургана треснуло. В каменистой толще объявилась нора, словно лопнул нарыв, и вместо гноя оттуда полился свет – неприятный, гнилой. От вони, идущей из кургана, кого другого вывернуло бы наизнанку, но Вульм не пошевелился. Как смертник, примирившийся со своей участью, безгласно стоит на эшафоте, ожидая палача, так стоял он, склонив голову к плечу.

Снег таял в его волосах.

Минута, другая, и из норы полез мертвяк. Похожий на чудовищного, закованного в броню кабана, он пер на четвереньках, разбрасывая курящийся паром рыхлый грунт. Навершие шлема казалось рылом зверя. Когда мертвяк выбрался наружу, он – по-прежнему на четвереньках – неуклюжей рысцой потрусил к Вульму, как если бы только и ждал гостя.

Вульм не тронулся с места.

Не добежав пяти шагов, мертвяк остановился и с трудом поднялся на ноги. Закованный в броню, безоружный, с руками, больше похожими на лапы медведя, с темным исковерканным лицом, он мало напоминал человека. В глазах, сверкающих белым огнем, мерцало недоумение.

– Ы-ы... – заворчал обитатель кургана.

Не говоря ни слова, Вульм разглядывал мертвяка. Земля и впрямь прогибалась под нежитью – чудилось, мертвый воин стоит на болоте, и случайная кочка ходит ходуном, намекая: еще шаг – и в бочаг, на веки вечные. Возникло странное желание: подойти и подергать мертвяка за бороду. Безумие или удивление – бороду словно пришили от другого человека. Расчесанную, заплетенную в дюжину косиц – грязные ленты, полоски кожи, бусы...

– Ты знал Хродгара Олафсона? – спросил Вульм.

Мертвяк рыкнул, соглашаясь или отрицая. Он смеется, понял Вульм. Смеется надо мной. Я же ясно слышу этот хохот – ядовитый, шелестящий, змеиный. Даже этот смеется...

Набрав полный рот слюны, Вульм харкнул на мертвяка. Часть плевка угодила на бороду, испачкав ленты. В ответ, дико заревев, мертвяк ринулся в атаку. Вульм не обнажил меча, не стал уворачиваться, не побежал – просто дождался, пока жуткие лапы свернут ему шею, и мешком упал на землю. Мертвяк бесновался над трупом, лупил себя кулаками в грудь, выл, снова рухнув на четвереньки. Торжествовал он победу, или пытался что-то доказать равнодушному небу, или хотел, чтоб его поняли – как бы то ни было, понимания он не дождался, а триумф не состоялся. Когда мертвяк в очередной раз наклонился к убитому Вульму, разинув пасть с желтыми клыками, рука трупа вцепилась в глотку обитателю кургана.

Захрипев, мертвяк попытался разорвать хватку врага, но проще ему было бы рвать шкуры на скотобойне. Вульм-покойник оказался много сильнее себя-живого. Пока мертвяк барахтался, судорожно дергаясь, с телом Вульма происходили ужасающие метаморфозы. Он стал гораздо больше, размерами соперничая с буйволом; лицо его потемнело, исказившись знакомой гримасой – мертвяк словно гляделся в зеркало. Во рту сверкнули желтые клыки, ладони превратились в лапы, тело покрыла броня, точь-в-точь такая, как на мертвяке – только прочнее, тяжелее...

Пальцы разжались сами.

Два мертвяка, большой и малый, качаясь, стояли друг напротив друга. Миг – и обитатель кургана, истошно взревев, кинулся было обратно в нору, но Вульм-мертвец в три прыжка настиг его. Клыки впились в толстый, прикрытый кольчужной сеткой затылок. Повалив мертвяка, как насильник валит встреченную в лесу девку, Вульм рвал его зубами и пальцами, ломал кости. Броня поддавалась под его напором, будто сделанная из листьев дерева, а не из металлических блях.

Когда Вульм, или тот, кто еще недавно был Вульмом, поднялся на ноги, перед ним лежала грудa дергающегося, воняющего падалью мяса. Даль огласил рев – безумный, победный, такой, что нора в кургане, боясь впустить нового хозяина, вздрогнула и срослась, как старая рана. На хуторах, слышав этот рев, люди жались ближе к очагу.

Утром младший сын старосты, из пустого удачества сбегав к кургану, доложил землякам, что видел наемника. Тот, не оглядываясь, уходил в сторону Павеля.

Он больше не мог.

Силы кончались. Разум балансировал на тонкой нити, каждую минуту грозя рухнуть в пропасть безумия. Нет, это не разум. Это Хродгар. Висит над бездной, кричит: «Помоги!». Не знает смешной великан, что никто не придет к нему на помощь.

Гибни молча.

Вульм брел от города к городу, от села к селу, все больше теряя человеческий облик. Над ним смеялись. Он точно знал – смеются. Кольцо на каждом пальце. Серьга в каждом ухе. Монеты в каждом кошельке. И люди. Трижды он убивал насмешников – не сразу, а подстерегая их в укромном месте. Дважды насмешники убивали его – себе на беду, потому что не проходило и минуты, как труп Вульма превращался в двойника убийцы, только втрое сильнее, быстрее, яростнее.

Насытив гнев, он становился самим собой.

В торбе не переводилось золото. Малая толика, но хватало, чтобы в любом случае не умереть с голоду. Смеющийся Дракон был не слишком щедр, но заботлив. От его хохота, преследующего Вульма по пятам, спасало одно – найти чудовище, дать убить себя... То, что происходило дальше, повторяясь раз за разом, не приедалось Смеющемуся Дракону. Где бы он ни находился – в пещере, за спиной или в туманящемся рассудке Вульма, – мерзавец готов был вечно любоваться ужасной картиной. Чудовище, которым становился убитый в схватке Вульм, неизменно побеждало, и после этого до завтрашнего утра – а если повезет, то

и день-два – искатель сокровищ не слышал проклятого смеха.

Но от снов это не избавляло.

Каждую ночь с регулярностью пытки он посещал знакомую пещеру. «Да что же ты?!» – кричал Хродгар, цепляясь за край. Вульм хотел ответить, или кинуться на помощь, или просто сбежать, как преступник бежит из опостылевшей темницы... Ничего не получалось. Прошлого не менялось: Вульм медлил, не в силах совладать с собственным телом, Хродгар падал, и золото смыкалось над предателем – переваривая, переплавляя его душу и тело.

Сперва он думал, что это кара. Потом решил, что Смеющийся Дракон равнодушен к человеческим поступкам. Для твари главное – зрелище. Потом понял, что смысл ночных видений вряд ли когда-нибудь станет ему ясен. Так происходит, и можно лишь терпеть, стиснув зубы.

Однажды терпение лопнуло, и Вульм перерезал себе горло. Пустое занятие – минутой позже он встал, втрое сильнее и быстрее себя-настоящего, только убивать уже было некого, а радоваться обретенной мощи – бессмысленно. Все равно не успел он оглянуться, как утратил новые способности, вернувшись к исходному состоянию.

Его начали сторониться. Стоило Вульму зайти в кабак – и тот пустел, словно в него вошла Госпожа Чума. На улице люди сразу переходили на другую сторону или укрывались во дворах. Никто не соглашался быть его спутником, даже предложи он гарантированный взлом казны султана Духангира и две трети добычи – помощнику. Нанимать его перестали. Он искал чудовищ сам, каким-то сверхъестественным чутьем определяя, где можно найти гигантского змея, упыря или тигра-людоеда. В Каверране он нырнул со скал в объятия кракена, терроризирующего окрестные флотилии. Вскоре много больший кракен, одержав победу, выбросился на берег, где и стал Вульмом.

Двое рыбаков, видевших это, сошли с ума от ужаса.

С недавних пор Вульм стал предпочитать одиночество или общество нищих. У всех остальных были деньги, украшения, яркие безделушки. Золото смеялось над ним, серебро потешалось, сердолик хихикал. Алмазы – те и вовсе задохнулись от хохота. Остатки здравого смысла подсказывали: однажды он не выдержит, убьет кого-нибудь на глазах у всех и попадет на плаху. А может, сам будет убит и воскреснет при свидетелях. Его тайна раскроется. Жрецы Кхалоса и Нурая, маги Трипитаки и Арканума будут спорить за право изучить некоего Вульма, как занятную диковину, поместив его в башню из слоновой кости и наблюдая за смертями-воскрешениями.

Если, конечно, его просто не сожгут на площади.

Летом, сидя в лесу под Сегентаррой, своей родиной, и вдыхая аромат свежей зелени, он высыпал из торбы очередные подарки веселой гадины. Бездумно перебирая монеты, взял перстень с топазом. Такой перстень был в каждой порции даров. Надев его на палец, Вульм вглядывался в брызжущий холодными искрами «глаз», словно надеялся увидеть там ответ. Наконец, бледный и решительный, он собрал драгоценности обратно в торбу, встал и побрел на юго-восток – в дальний путь к нагорью Су-Хейль, туда, где за Пальцем Хатон-Идура скрывалась пещера Смеющегося Дракона.

Перстня он не снял.

Ноги скользили по раскисшей земле. Ветер, колючий и злой, порывами налетал из холмов, швырял в лицо целые пригоршни дождя. Кусты бересклета, взмахивая ветвями, рыдали, словно плакальщицы над разверстой могилой. Вульм шел, не оглядываясь, презирая опасность. Сейчас к нему могла подкрасться любая тварь, но человек не думал об этом.

Ему было все равно.

На долгом пути к пещере ему не встретилось ни одно чудовище. Твари избегали Вульма, хотя он не выбирал дороги, срезая путь и ночуя, где придется: поляна в лесной глуши, постоянный двор, капище мертвого бога, заброшенное давным-давно. Грабители также старались не вставать на дороге безумца, нутром чуя, что пожива дастся большой кровью.

На безымянном пальце Вульма блестел перстень с крупным топазом. Камень с ехидцей

подмигивал всякий раз, когда Вульм смотрел на него. «В торбе завалилась горсть монет, человек! Трать! Меняй на вино и еду, проигрывай в кости, швыряй в ухмыляющиеся лица – тебе дадут еще!»

Он не притрагивался к проклятому золоту. Брался за любую работу: колол дрова, драил песком котлы в харчевнях, таскал мешки с зерном. Даже соглашался чистить выгребные ямы. Над ним смеялись, с недоумением косясь на перстень, украшавший палец грязного бродяги. Вульм терпел, получая за работу кров и еду. На вино не хватало, но вино и не приносило желаемого забвения.

По ночам он видел сон, а днем его преследовал смех.

Оскалясь, как зверь, он шел дальше.

И вот тропа вильнула змеей, завершившись раздвоенным «жалом». Ни на миг не задержавшись, Вульм принялся карабкаться по мокрым ступеням и вскоре нырнул в левую «глазницу». Он не помнил, как миновал череду залов и тоннелей. Шел в кромешной тьме, без факела, пока не увидел призрачное свечение. Дверь в сокровищницу была открыта, и там, внутри, играли масляные сполохи, приглашая войти.

Опустившись на четвереньки, Вульм заполз внутрь.

Завалы драгоценностей не изменились. Они призывно блестели и переливались огнями самоцветов. Золота в пещере стало еще больше. Или это ему лишь кажется? Барханы текли, наполняя пещеру тончайшим, как писк комара, перезвоном. Через мгновение уши Вульма наполнил знакомый смех.

Перстень не хотел сниматься. Вульм сорвал его, до крови ободрав кожу, едва не вывихнув палец. И размахнулся из последних сил:

– Забирай! Подавись!

Он швырял золото в золото, перстни в перстни, цепи в цепи. Жалкие подачки из торбы – в груды сокровищ, сияющие и бесконечные. Когда торба опустела, Вульм стал хватать, что попало, из-под ног, отовсюду – и бросать наугад, с бессильной яростью, как пращик мечет жалкие камни в боевого, укрытого броней слона.

– Не надо! Не хочу!

Он не надеялся на возмущение хозяина пещеры и был до икоты, до остановки сердца счастлив, когда золотые горы зашевелились. Смеющийся Дракон окружил неблагодарного нахала со всех сторон, взял в кольцо, оскалил клыки.

– Будь ты проклят!

Никто сейчас не смеялся в пещере, кроме Вульма. Он хохотал, чувствуя, как его хоронят под ливнем драгоценностей, ликовал, заваленный трепещущим металлом, выкрикивал оскорбления, чувствуя, как прерывается дыхание, а кости вот-вот раздробятся под невыносимой тяжестью. Но мечте Вульма не суждено было сбыться. В последний момент золото осыпалось с жертвы, растаяло ледышкой в кипятке; содрогаясь, отползло в глубины пещеры.

– Вульм! На помощь!

Все повторялось! Во сне? В бреду? Наяву? Он стоял на прежнем месте, плита уже провернулась под ногами Хродгара, и великан повис на краю бездонного колодца, не в силах выбраться.

– Скорее! Да что же ты?!

В глотке клокотала бессильная ярость. Опять – в который раз! – Вульм заставлял тело подчиниться своей воле, желая прийти на помощь северянину, и опять не мог совладать с собственной плотью. Напротив, в стене, чернело отверстие. Полшага отделяло Вульма от плиты-педали, приводящей ловушку в действие. Если он не в силах спасти Хродгара...

От дикого напряжения потемнело в глазах. Казалось, жилы сейчас лопнут, как перетянутые струны, мышцы разорвутся гнилыми канатами, а кости раскрошатся в труху. Кипящий мозг выплеснется из расколовшегося черепа, пятная сокровища... Медленно, очень медленно левая нога Вульма преодолела эти полшага, длинные, как бессмысленная жизнь, и опустилась на плиту.

Стрела ударила в сердце.

Он воскрес почти сразу и ощутил, что может двигаться! Проклятые оковы исчезли. Не раздумывая ни секунды, Вульм бросился к багровому от натуги Хродгару. Ухватил великана под мышки, рванул на себя... Чудовищным усилием ему удалось приподнять Хродгара на какой-то жалкий дюйм. Как же так?! Он ведь должен был стать втрое сильнее себя самого! Да, он изменился – Вульм чувствовал это, – но сил не прибавилось.

– Я сейчас!

Он выхватил из торбы моток прочной веревки.

– Меня что-то схватило! – прохрипел Хродгар. – Уходи...

– Не дождешься! Мы уйдем вместе.

Обмотав веревкой могучий торс Хродгара, он привязал другой конец к каменному выступу, подозрительно напоминавшему торчащий из стены рог. Ноги скользили на золотых монетах, рассыпанных по полу.

– Беги, Вульм! Оно тащит меня вниз...

– Держись, друг. Руками, зубами – чем угодно! Я сейчас...

Он заглянул в темный колодец. Ноги великана до бедер оплели гибкие, шевелящиеся плети. Щупальца? Хищные лианы? Какая разница! Жестокая улыбка осветила лицо Вульма – и, даже не подумав выдернуть меч из ножен, он с рычанием прыгнул в бездну.

– Вульм!

Хватка ослабла через несколько мгновений. Там, в смрадной глубине, что-то происходило. Шипение, влажный хруст, безумная, убийственная кутерьма... Еще миг – и Хродгар понял, что свободен. Кем бы ни был обитатель бездны, у него нашлись заботы поважнее северянина. Ухватившись за веревку, Хродгар в три рывка выбрался из колодца и поспешил откатиться подальше. Сев, великан нахлобучил на лысину свалившийся шлем, вытер ладонью мокрое лицо и, устыдившись, кинулся обратно к провалу.

Освободившись от веревки, он проверил, надежно ли та закреплена, сбросил конец вниз, сколько хватило длины, присел на корточки у края пропасти и стал ждать. Ничего больше ему не оставалось. «Ты живуч, я знаю, – бормотал великан, перебирая косицы бороды с вплетенными в них амулетами. – Хватайся за веревку, я тебя мигом вытащу. И не вздумай сдохнуть, оставив меня одного! Ну же, Вульм, давай...»

В пропасти еще дрались, и это вселяло в Хродгара надежду, что товарищ жив. Потом все стихло. И наконец, выждав дюжину бесконечно долгих ударов сердца, за веревку дернули. Великан ослабил и принялся за дело.

– ...Ничего не бери!

– Ты сдурел?! Здесь на всю жизнь хватит...

– Не вздумай! Хочешь остаться тут навсегда?

– Заклятие? – догадался северянин.

– Заклятие, – угрюмо кивнул Вульм.

Свет в пещере мерк на глазах. Отыскав в углу недопаленный факел, Вульм со второй попытки зажег его, и друзья поспешили прочь. Они не оглядывались и потому не видели, как беззвучно закрылась за их спинами дверь из йоханамейтского мрамора.

Когда они выбрались наружу, Вульм сразу заметил молодую осину высотой локтей в десять.

– А ну-ка, сруби мне это деревце, – обратился он к Хродгару.

– Зачем? – изумился великан.

– Думаю, ночью нам понадобится хорошее копьё, – ухмыльнулся Вульм, придирчиво изучая самый длинный из своих кинжалов. Его широкое, заточенное «под бритву» лезвие было длиной почти в локоть.

Кивнув, Хродгар отправился рубить осину. Чутью друга он доверял.

БРЕМЯ УЧЕНИКОВ

Имя Тимура Бекмамбетова – необычный бренд российского кинематографа. Практически все его проекты как в России, так и в Голливуде непременно успешны. Даже, казалось бы, бесперспективная попытка перенести на отечественную почву такой чуждый жанр, как супергеройский кинокомикс, уже завоевала признание публики.

Все предыдущие попытки создания российского фильма по схеме: «Герой неожиданно получает сверхспособности и начинает спасать людей» – неизбежно сваливались либо в столь свойственную нашему кино чернуху с немалым налетом достоевщины, либо были недостаточно убедительны в визуальном плане. Какие только умения не доставались нашим: и способность убивать взглядом (неплохо пригодилась в криминальных разборках), и вылезавшие из рук лезвия (удобно покрошить в капусту разных недругов), и целый пучок невероятных свойств (поможет детям-индиго уйти от преследования маньяка-убийцы). Однако все годами наработанные западные сюжетные схемы тонули в школе Станиславского и традициях Эйзенштейна.

Пока за дело не взялся «наш человек в Голливуде» Тимур Бекмамбетов. Кому, как не ему, шумно ворвавшемуся в мировой кинематограф, успешно сочетающему русские театральные традиции с голливудскими спецэффектами и умением добыть денег на проект, а потом удачно проект реализовать, было суждено совместить несовместимое,

Впрочем, бремя непосредственной работы над комиксом а-ля рюс Тимур взвалил на своих учеников, помогавших ему в постановке всех предыдущих картин в качестве вторых режиссеров – Александру Войтинскому и Дмитрию Киселеву (Войтинский также писал музыку к фильмам). Сам Бекмамбетов ограничился продюсированием и общим руководством. В результате над Москвой взлетела «Черная Молния» – первое российское кино, которое можно смело ставить в один ряд с «Суперменами», «Бэтменами» и прочими «Хеллбоями».

Следует заметить, что интеграция произошла, и довольно успешно. В соответствии с канонами жанра фильм вполне успешно совмещает в себе и приключенческий сюжет, и исторические экскурсы, и лав стори, и откровенно комедийные вставки, и небольшой налет трагизма, и необходимую долю самоиронии (даже традиционно навязчивый продакт-плейсмент выглядит самоиздевкой), и откровенно кичевые моменты (вроде, финального поединка над Красной площадью). Не обошлось и без набившей оскомину назидательности: основной аудитории фильма – подросткам – практически вдалбливается основной мессидж, очень сходный как в классическом голливудском комиксе, так и в соцреалистическом кино, – звон монет в жизни не главное.

Но вот уж что совсем не отработано из стандартных коллизий, так это тема мести. У главного героя убивают отца... в американском варианте до такого давления на психику

зрителя доходит редко, как правило гибнет родственник менее близкий. В заокеанском фильме месть заняла бы значительную часть экранного времени, ну а в нашем – эпизод. Даже непонятно, состоялась ли она вообще. Смерть близкого человека ломает главного героя вполне в традициях русского нравственного императива: давай действуй в позитивном направлении.

Что касается сюжета, то он вполне банален. Студент МГУ Дима Майков – обычный парень из небогатой семьи. Как и большинство ровесников, он мечтает о хорошей машине, красивой девушке, ресторанах и прочих радостях жизни. Однако воспитание отца-идеалиста (блестящая роль Сергея Гармаша) не позволяет Диме все это получить «на халяву». И даже когда отец дарит ему старенькую 21-ю «Волгу» и неожиданно выясняется, что машина умеет летать (ведь полвека назад в секретной советской лаборатории в машину запихнули завезенный с Луны артефакт), Дима не находит ничего лучшего, как зарабатывать на этой машине срочной доставкой цветов. Тем временем некий миллиардер (не менее блестящая роль Виктора Вержбицкого, после Завулونا, похоже, обреченного играть у Бекмамбетова злодеев) посреди Москвы копает сверхглубокую шахту: чтобы добраться до огромной залежи алмазов, ему не хватает совсем чуть-чуть – того самого «нанотоплива», которое содержится внутри Диминой «Волги». Начинаются поиски, а тем временем отец героя погибает от рук бандитов, и Дима решает посвятить свою жизнь служению людям...

У фильма есть все черты блокбастера (хотя бы национального уровня), а тот факт, что в раскрутку и мерчендайзинг вложены средства, сопоставимые с бюджетом картины, неизбежно приведет к коммерческому успеху. Безо всяких сомнений, воследует и сиквел. И если в какой-то момент детишки перестанут выпрашивать у родителей очередную фигурку человека-паука, а попросят купить маленькую машинку, черной молнии подобную... ну, а разве это плохо?

Дмитрий БАЙКАЛОВ

ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

МИЛЫЕ КОСТИ THE LOVELY BONES

Производство компаний DreamWorks SKG, Film4, Key Creatives, WingNut Films (США-Великобритания-Новая Зеландия), 2009.

Режиссер Питер Джексон.

В ролях: Сирша Ронан, Марк Уолберг, Рейчел Вайс, Стэнли Туччи, Сьюзен Сарандон, Роуз Мак Ивер и др. 2 ч. 15 мин.

После «Властелина Колец» и «Кинг Конга» Питер Джексон получил карт-бланш снимать что угодно. Выбор пал на экранизацию бестселлера Элис Сиболд «Милые кости» – романа, написанного от имени убитой маньяком девочки-подростка, наблюдающей за своей семьей с Небес и жаждущей мщения.

«Призрак», «Всегда», «Куда приводят мечты»... сколь угодно долго можно продолжать список загробных историй. «Кости» выделяются из этого ряда. Во-первых, это дебютный роман, во-вторых, написанный по-настоящему талантливо. Плюс сто миллионов долларов, затраченные на производство, плюс топ-режиссер и замечательный актерский ансамбль (все сплошь номинанты и лауреаты «Оскара»), словом, все это вроде бы должно было принести картине невероятный успех. Но, странное дело, все вышеперечисленное никоим образом не

повлияло на конечный результат. Получился пустой фильм, в котором нет ни пронзительности книги, ни четкой последовательности событий – а только лишённые смысла фрагменты, надерганные и перетасованные. Незнакомому с первоисточником картина покажется малоосмысленным набором картинок, а прочитавшего удручит легкомысленностью вместо скорби, столь душераздирающе явленной в романе.

Самое удивительное, что актерам – и Сирше Ронан («Город Эмбер»), сыгравшей главную героиню Сьюзи Салмон, убитую соседом (Стэнли Туччи, номинированный на «Золотой глобус» за эту роль), и Марку Уолбергу в роли убитого горем отца – веришь абсолютно, словно сошедшим со страниц романа героям, обретшим плоть и кровь. Их игра как бы вне сценария, они живут персонажами романа.

Но все-таки фильм в целом драматургически неоправдан. Вероятно, из-за того что вместо притчи о жизни и смерти, о насилии и убийстве, о бесценности мимолетных мгновений нежности, о родительской любви и преданности все силы брошены на визуализацию живописных картин загробной жизни.

Вячеслав Яшин

ШЕРЛОК ХОЛМС (SHERLOCK HOLMES)

Производство компаний Silver Pictures, Village Roadshow Pictures и др. (США), 2009.

Режиссер Гай Ричи.

В ролях: Роберт Дауни-мл., Джад Лоу, Рэйчел Макадамс. 2 ч. 8 мин.

Вы спросите – а при чем тут фантастика? Шерлок Холмс ведь всегда отличался необычайным прагматизмом, не верил в чудеса, считал беллетристику ненужной чушью. А вот при чем! В течение всего фильма прагматик Холмс доказывает, что навязываемая зрителю мистика есть мошенничество и сюжет совсем не мистический, а вовсе даже научно-фантастический. Точнее, паропанковский.

Да, от Ричи всегда можно ожидать неожиданного взгляда на события. Но с другой стороны: ну сколько же можно препарировать классику? Особенное неприятие факт будущей экранизации вызывал у россиян: мы не могли себе представить Холмса и Ватсона вне образов, созданных Ливановым и Соломиным, и готовились закидать Дауни-младшего и Джада Лоу гнилыми помидорами.

Ричи смог удовлетворить почти всех. Любителям боевиков подкинул драки и погони. Поклонникам Конана Дойля предложил множество реперов, привязывающих к оригинальной «холмсиане», например, появление Ирен Адлер в качестве возлюбленной Холмса и крупной международной мошенницы или перевернутый знаменитый диалог об определении владельца часов по их виду. И дедуктивные методы Холмса обрели блестящую визуализацию. Это совсем не те безупречные английские джентльмены, к которым мы привыкли. Кстати, Холмс от отсутствия интересных дел впадает в запой и дерется на подпольном ринге, Ватсон же вообще страдает игроманией. И исполнены роли блестяще, особенно хорош Дауни, чем-то неуловимо напоминающий молодого Дастина Хоффмана.

Сюжет ленты намеренно оторван от литературной основы, даже «книжное» время событий запутано: Ватсон уже помолвлен, но Холмс еще не знает о Мориарти. Хотя «реальная» дата событий ясна – незадолго до окончания строительства Тауэр-бриджа, то есть 1893 или 1894 год. Ватсон и Холмс противостоят могущественному лорду Блэквуду, вознамерившемуся уничтожить Парламент и захватить власть над миром. Блэквуд воскресает после повешения, умеет поджигать взглядом – но Холмс, как уже говорилось, не верит в мистику...

Тимофей Озеров

ПРИНЦЕССА И ЛЯГУШКА (PRINCESS AND THE FROG)

Производство компании Walt Disney Animation (США), 2010.

Режиссеры Рон Клементс и Джон Маскер.

Роли озвучивали: Аника Нони Роуз, Бруно Кампос, Кит Дэвид, Майкл Леон Вули, Дженнифер Коуди, Джим Каммингс и др. 1 ч. 37 мин.

Бедная девушка мечтает открыть свой ресторан. Для этого ей приходится вкалывать на двух работах. Однажды она попадает на бал, где сталкивается с говорящим принцем-лягушкой. Заколдованный принц, суля героине золотые горы и ошибочно приняв ее за принцессу, просит его поцеловать. Думая о ресторане, девушка соглашается, но в итоге сама становится лягушкой. Теперь обоим зеленым героям нужно найти способ вернуть себе человеческий облик...

Несколько лет назад представители «Уолта Диснея» заявили, что мультфильм «Не бей копытом» станет последней рисованной анимацией в истории компании. Как оказалось, поспешили. «Принцесса и лягушка» самый что ни на есть рисованный мультфильм. Однако это не единственное отличие от современных 3D-анимаций. В компании вдруг вспомнили о своем золотом фонде («Аладдин», «Русалочка», «Король-лев»), о том, как делали мультфильмы раньше, и решили вернуться к истокам.

Во-первых, в мультфильме появились песни. Причем титулованные аниматоры Рон Клементс и Джон Маскер словно переживали, что больше им никогда не позволят вставлять песни в мультфильмы, поэтому насытили ими картину до уровня мюзикла. Каждый персонаж в «Принцессе и лягушке» обязательно поет, а персонажей немало. Но этот факт несколько не раздражает. Во время очередной песни на экране, как правило, творится что-то невероятное. Да и сами композиции очень удачны.

Во-вторых, мультфильм, как и в эпоху безраздельной власти Диснея, адресован исключительно детям. В нем нет даже намека на пошлость, нет постмодернистских аллюзий и прочих вещей «для взрослых». Дружба, любовь и доброта пронизывают трогательную историю от начала до финальных титров, что в эпоху «Шреков» особенно ценно. В-третьих, вернулись дух приключений и прежняя генеральная тема мультфильмов Диснея – исполнение мечты. Так что, несколько не лукавя, можно сказать, что коллекция студии Уолта Диснея пополнилась еще одним рисованным шедевром.

Степан Кайманов

адепты жанра

ЗИМА ПАТРИАРХА

Имя этого режиссера немного скажет современному зрителю. Хотя его работы входят в «золотой фонд» мирового кино. Да и фамилия Андерсон в мире фантастики встречалась не раз.

В начале 2010 года Майкл Андерсон отметил 90-летие. За продолжительную творческую жизнь он поставил более сорока фильмов. Среди них картины самых разных жанров: военные, исторические, приключенческие, шпионские, политические, детективы, триллеры, драмы, комедии, фильмы ужасов и даже детская фэнтези. Но, как минимум, четверть его обширной фильмографии имеет отношение к научной фантастике.

Майкл Джозеф Андерсон родился 30 января 1920 года в Англии. Семья была актерской: и отец, и мать снимались в кино, а тетка и вовсе прославилась как звезда американской театральной сцены, исполнительница шекспировских образов. Поэтому наследнику не так уж сложно было продолжить династию. В юности Андерсон сам сыграл пару эпизодических ролей. Однако затем режиссура увлекла его сильнее. Он начинал в конце 30-х годов как ассистент режиссера, работая с Теренсом Янгом, который впоследствии снял первые фильмы о Джеймсе Бонде, и другим знаменитым британцем – актером, постановщиком и писателем Питером Устиновым. Свой полновесный режиссерский дебют, военную комедию «Рядовой Анджелло», Андерсон тоже разделил с Устиновым, который заодно исполнил главную роль.

Случилось это в 1949 году. Андерсон к тому моменту успел принять участие во Второй мировой, отслужив в сигнальных войсках. Именно с военной тематикой были связаны его ранние фильмы, они же, как ни странно, привели энергичного англичанина в кинофантастику.

А началось все в 1955-м, когда уже довольно зрелый режиссер выпустил картину «Разрушители плотин» (в другом переводе – «Взрыватели»). В основу легли реальные события недавней войны, когда британские летчики разрушили важные фашистские коммуникации с помощью новой «прыгающей бомбы». Фильм имел большой успех – во многом благодаря передовым для своего времени комбинированным съемкам. В этой категории «Разрушители плотин» даже номинировались на первый в жизни Андерсона «Оскар». Награда Киноакадемии фильм обошла, зато сам режиссер заслужил репутацию постановщика, мастерски работающего с визуальными эффектами. Естественно, не заставили себя ждать и предложения занять режиссерское кресло в фильмах жанра, где без спецэффектов никак не обойтись. И уже две последовавших за «Разрушителями плотин» работы явили разные стороны дарования Андерсона как режиссера-фантаста.

Первой стала антиутопия «1984» по роману Джорджа Оруэлла, к тому времени уже дважды экранизированная, но только на телевидении. Эта фантастическая драма открыла в творчестве Андерсона линию мрачных прогнозов и предупреждений. Однако антиутопию решительно затмил успех другого фильма, вышедшего в том же, 1965 году, и тоже экранизации. Речь идет о не превзойденном до сих пор кинопрочтении романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней».

Пятидесятые годы прошлого века дали образцы классических голливудских воплощений верновской фантазии, Незадолго до фильма Андерсона студия Уолта Диснея представила игровую ленту «20 000 лье под водой», а в конце десятилетия вышло «Путешествие к центру Земли», которое ценители считают эталонным даже на сегодняшний день, после многочисленных ремейков.

Экранизация приключений Филеаса Фогга и Паспарту стала для Андерсона первой работой в Голливуде. Справедливости ради, он был далеко не единственным постановщиком, хотя в титрах значилось одно лишь его имя. Первый режиссер, Джон Фэрроу, выбыл из проекта спустя неделю после начала съемок, но впоследствии, однако, удостоился «Оскара» как один из авторов сценария. В начале фильма использованы сцены самой-самой первой экранизации Жюль Верна и одновременно самого первого фантастического фильма в истории – «Путешествия на Луну» Жоржа Мельеса. Наконец, документальные кадры старта космической ракеты сняты лично продюсером картины Майклом Тоддом. «Вокруг света за 80 дней» как бы предвосхитил прием, использованный Стэнли Кубриком в «Космической одиссее 2001 года» десятилетием позднее, когда пролог показывает длительную эволюцию. В данном случае – эволюцию идеи Верна от космической пушки до настоящей ракеты-носителя. И только потом зритель словно возвращается в XIX век, знакомясь с героями восьмидесятидневного путешествия.

Картина Андерсона поставила множество рекордов. 140 съемочных площадок в 13 странах мира, более тридцати тысяч костюмов, более восьми тысяч животных, задействованных в съемках. Филеаса Фогга сыграл английский актер Дэвид Найвен, а Паспарту – очень известный в то время мексиканский комик Кантинфлас, который лепил образ ловкого француза не без оглядки на американского «бродягу» Чарли Чаплина: котелок, кургузый пиджак, мешковатые брюки и большие ботинки. И подобно тому, как Чаплин использовал в кино свой цирковой опыт, специально для бывшего тореадора Кантинфласа в фильм добавили сцену, когда Паспарту сражается с быком на корриде.

Однако прославилась лента не только этим, но и популяризацией трюка «роль-камео». В совсем крошечных ролях мелькнули десятки звезд мировой величины разных поколений: от Фернанделя до Бастера Китона, от Марлен Дитрих до Фрэнка Синатры.

Фактически, это был «Аватар» своей эпохи. Кстати, и в техническом плане тоже, хотя в этом заслуга не режиссера, а продюсера Майкла Тодда, который ранее участвовал в разработке новых технологий широкоформатного кино и наиболее полно воплотил их в фильме, ставшем для него, увы, последним (через два года Тодд погиб в авиакатастрофе). Любопытно, что комбинированные съемки Андерсон задействовал очень мало, в основном в эпизодах полета героев на воздушном шаре. Аэростат и стал символом картины, хотя его не было в книге. Проявилась и еще одна тема, которая красной нитью пройдет сквозь творчество Андерсона, – романтика моря.

«Вокруг света за 80 дней» завоевал пять «Оскаров», в том числе как лучший фильм года. Андерсон единственный раз в своей карьере был выдвинут на эту премию как лучший режиссер. Однако номинация осталась только номинацией.

* * *

Режиссер вернулся к фантастике почти десять лет спустя, сняв за это время драмы, военные и исторические фильмы. Из них любопытство может вызвать лишь картина 1968 года «Башмаки рыбака». Главный герой, украинский архиепископ (!), двадцать лет отсидевший в лагере, становится Римским папой и одновременно переживает кризис веры.

В середине семидесятых режиссер переезжает из Великобритании в Канаду и начинает активно сотрудничать с голливудскими студиями. Следующее пятилетие оказалось самым продуктивным для Андерсона-фантаста. Причем он опробовал свои силы в совершенно различных форматах и стилях. Начало положила экранизация серии популярных романов «Док Сэвидж: Человек из бронзы» (1975). Андерсон снова обратился к приключениям в духе

«Вокруг света за 80 дней», пусть и ограниченным меньшими масштабами (Южная Америка) и бульварным литературным первоисточником. Причем если Филеас Фогг обладал отменными аналитическими навыками (в картине Андерсона ему даже приданы черты Шерлока Холмса в противовес недалекому сыщику Фиксу), то Док Сэвидж и вовсе использует сверхчувственное восприятие.

Следующая работа объединила приключения и антиутопию и впоследствии многими признавалась классической. В основу фильма «Бегство Логана» (1976) был положен роман Уильяма Ф. Нолана и Джорджа Клэйтона Джонсона. В советские годы роман проходил у нас по ведомству бульварной «антинаучной» фантастики и даже стал материалом для памфлета Георгия Шаха «Объект МКАНФ»,

Этот фильм Андерсона разделяется на два жанра даже чисто хронологически. В первой половине мы видим псевдосправедливое общество будущего, размещенное под изолированным куполом и управляемое компьютерной системой, где все молоды и счастливы, но живут не дольше 30 лет. Во второй – два главных персонажа как раз и предпринимают вынесенное в заголовок «бегство» за пределы купола в мир дикой природы, захватившей развалины бывших Соединенных Штатов. Блестящие интерьеры и красочные костюмы города контрастируют с развалинами Капитолия или растрескавшейся статуей Линкольна. Единственного человека, прожившего жизнь за пределами «дивного нового мира» и рожденного не из пробирки, выжившего из ума старика, Андерсон пригласил сыграть своего давнего друга и наставника Питера Устинова.

«Бегство Логана» ждал шумный успех. Конечно, для современной публики картина выглядит наивно, причем не только по сравнению с новейшими фантастическими фильмами, но и со «Звездными войнами», вышедшими на экраны всего через год после фильма Андерсона. Это касается и сюжетных ходов, и уровня съемок, и общей динамики. А робот Бокс из ледяной пещеры теперь смотрится попросту смехотворно. Однако ничего из этого не умаляет значения работы Андерсона, и слухи о ее грядущем ремейке ходят уже не первый год.

Интересно, что и здесь режиссер, отдал должное морской стихии. На берег океана выходят молодые жители города будущего после краха их идеальной системы, Море и вообще водные пространства выступают символом освобождения.

Иным предстает море в следующем, пожалуй, наиболее известном у нас фильме Андерсона – «Орка», прошедшем в советском прокате под названием «Смерть среди айсбергов». Иногда его переводят как «Кит-убийца». Сюжет во многом вторичен по отношению к знаменитому хиту Стивена Спилберга «Челюсти»: прибрежных жителей терроризирует крупный морской хищник, и главный герой должен схватиться с ним практически один на один. Действие происходит в Канаде, а вместо белой акулы выступает касатка. Переключка с фильмом Спилберга даже демонстративно подчеркнута в одной из первых сцен, когда кит легко разделяется с большой акулой. Однако дальше начинаются расхождения. В картине Андерсона многократно повторяется идея, что касатка – разумное существо, устроенное даже сложнее человека. Только этот хищник все же лишен того, что принято называть человечностью. Капитан Нолан, в погоне за наживой погубивший самку касатки вместе с детенышем, способен на раскаяние и даже готов... просить прощения у кита, которого все-таки считает животным. Но касатка – это месть стихии, не ведающая собственных и не понимающая чужих угрызений совести. Конфликт человека и зверя вырастает до трагического, когда все по-своему и правы, и виноваты. По закону жанра трагедия не может закончиться благополучно...

Океан в этом полотне Андерсона выглядит разным. В начале это снова гимн свободе, когда радостные касатки резвятся в волнах под чарующую музыку Эннио Морриконе. В середине темные штормовые волны передают душевные метания капитана Нолана. Наконец, в финале безмолвная водная гладь и ледяные глыбы выражают холодную ненависть двух противников. Развязка отсылает уже не к Спилбергу, а к Герману Мелвиллу и его «Моби Дику».

Что касается Спилберга, то творческий диалог двух режиссеров продолжился, но уже в другом жанре. Там они поменялись местами. В 2006 году более молодой коллега выпустил политический триллер «Мюнхен» об известной в начале семидесятых антитеррористической операции израильских спецслужб. Эта картина во многом перекликается с телевизионным фильмом Майкла Андерсона «Меч Гидеона» (1986) на ту же тему.

В следующем фильме Андерсон продолжил тему столкновения человека с иррациональной мстительной силой, но уже в мистическом ключе. В 1978 году увидела свет его лента «Доминик», где центральный герой становится объектом мести не разумного животного, а призрака своей жены, которую сам довел до самоубийства, рассчитывая получить наследство.

Однако затем режиссер возвращается к научной фантастике и дебютирует на телевидении трехсерийной экранизацией «Марсианских хроник» Рэя Брэдбери. Сценарий написал другой известный фантаст Ричард Мейтсон, Эта постановка своим стилем во многом напоминает «Бегство Логана», хотя, разумеется, сильно уступает по затратам. Микромодели видны невооруженным глазом, а повествование кажется нарочито замедленным. Да и технические решения способны вызвать улыбку: например, первая экспедиция взлетает с Земли на посадочном модуле, стыкуясь с космическим кораблем уже на орбите, и на том же модуле опускается на Марс. В то же время костюмы и декорации традиционно остались сильной стороной фильма Андерсона.

Любопытно, что сам Брэдбери не одобрил фильм и публично назвал его скучным.

* * *

В восьмидесятые годы Андерсон обращается к различным поджанрам фантастики, не забывая уделять внимание и другим направлениям. После «Марсианских хроник» он вернулся на большие экраны с триллером «Убийство по телефону». Профессор охотится за серийным убийцей, который использует особое устройство, позволяющее умертвить человека через телефонную линию.

Совсем иное настроение у комедии «Второй счастливый шанс». Андерсон показывает испытание любви сквозь века: действие начинается в райском саду, а потом зритель видит Адама и Еву уже во время Второй мировой войны.

Последним крупным научно-фантастическим проектом в фильмографии режиссера стало «Тысячелетие» (1989). Андерсон вновь занялся антиутопией, но решил все иначе, чем раньше. Фактически, это поставленный с ног на голову рассказ «И грянул гром...» того же Брэдбери. В далеком будущем человечество доводит до крайнего истощения не только планету, но и собственные физические ресурсы. У землян уже не рождаются дети. Развитые технологии позволяют перемещаться во времени, и тогда мутирующие люди придумывают план: не изменяя прошлого, спасти тех, кто погиб в авиакатастрофах. На этом фоне разворачивается история любви инспектора из нашего времени, расследующего аварии самолетов, и женщины-агента из будущего. В отличие от других подобных фильмов Андерсона, в этом вообще нет отрицательных персонажей!

Однако наступали девяностые, и старомодная манера Андерсона уже не позволяла выдерживать сравнения с блокбастерами вроде «Вспомнить всё». Режиссер начинает снимать преимущественно для телевидения, в частности, после «Тысячелетия» обращается к российской истории и ставит мелодраму «Молодая Екатерина» (1991). Не изменяет он и романтике моря, выпуская приключенческие фильмы «Морской волк» (1993) по роману Джека Лондона и «Капитан Кураж» (1996). Венчает это еще одна телеэкранизация – новое воплощение романа Жюль Верна «20 000 лье под водой».

А самые последние киноработы Андерсона посвящены детям. Это комедия «Неприятности с обезьянками» и костюмированная сказка «Новые приключения Пиноккио». Фильм о похождениях деревянного человечка режиссер поставил, когда самому уже было под восемьдесят.

Дети самого режиссера тоже не чужды фантастике. Один из сыновей, Майкл Андерсон-младший, снялся в нескольких фильмах отца, в том числе в «Бегстве Логана». Сейчас он, правда, завершил кинокарьеру. Зато продолжает активно работать падчерица, актриса Лори Холден. Широкую известность ей принесли фильмы «Сайлент Хилл» и «Мгла» по Кингу. А дебют организовал тоже Майкл Андерсон – в своих «Марсианских хрониках».

Аркадий ШУШПАНОВ

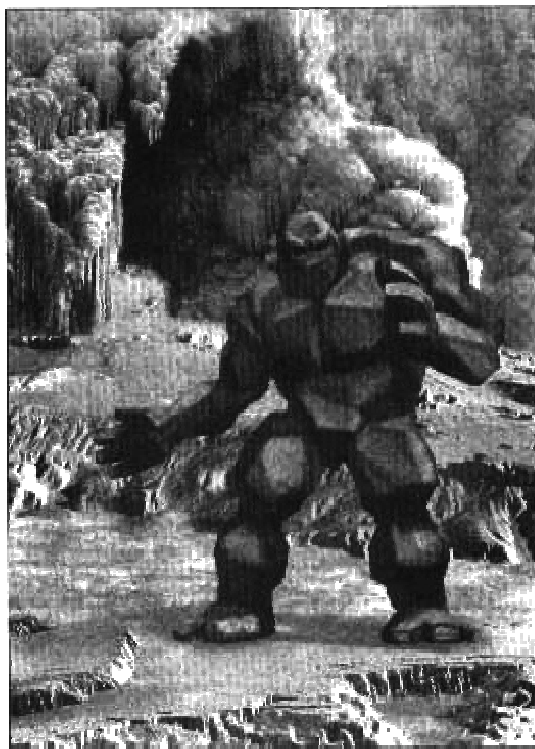
Избранная фильмография фантастики Майкла Андерсона

- 1956 – «1984» (1984)
- 1956 – «Вокруг света за 80 дней» (*Around the World in Eighty Days*)
- 1968 – «Башимаки рыбака» (*The Shoes of Fisherman*)
- 1975 – «Док Сэвидж: Человек из бронзы» (*Doc Savage: The Man of Bronze*)
- 1976 – «Бегство Логана» (*Logan's Run*)
- 1977 – «Смерть среди айсбергов/Орка: Кит-убийца» (*Orca*)
- 1978 – «Доминик» (*Dominique*)
- 1980 – «Марсианские хроники» (*The Martian Chronicles*)
- 1982 – «Убийство по телефону» (*Murder by Phone*)
- 1984 – «Второй счастливый шанс» (*Second Time Lucky*)
- 1989 – «Тысячелетие» (*Millennium*)
- 1997 – «20 000 лье под водой» (*20,000 Leagues Under the Sea*)
- 1999 – «Новые приключения Пиноккио» (*The New Adventures of Pinocchio*)

**СВЯТОСЛАВ ЛОГИНОВ
ОСЬ МИРА**

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

ОСЬ

МИРА

Ветер срывал пену с вершук волн, и она горькими брызгами оседала на лице и одежде. Чайки, подобные клочьям пены, металась низко над водой, наполняя воздух скрипучими неживыми криками. Порой какая-нибудь из этих птиц зависала над самой лодкой, уставясь черными бусинами ничего не выражающих глаз. Вряд ли чайкам часто доводилось видеть в этих краях людей, но они ничуть не удивлялись, продолжая свои бессмысленные метания над холодной пучиной.

Скорн неутомимо греб, каждый мощный рывок весел толкал лодку к берегу, откуда прилетели белые птицы.

Искристая снежность пены и чаек, кружевного припая и ледников на склонах невысоких гор. Свинцовость воды, неба, близящихся береговых камней. Всякий иной цвет здесь был выморожен.

Лодка ткнулась носом в берег; жестко захрустел лед. Скорн соскочил в воду, принялся выталкивать лодку за полосу прибоя. Вода захлестывала ему в сапоги, но великан не обращал внимания на такие мелочи. Все было как всегда, и только я видел, что глаза у Скорна тусклые. Надо было бы помочь Скорну, но я был слишком занят: обеспечивал нормальную высадку. Ветер бил зло, резкими порывами, и волны должны были разбить лодку о камни, покрытые скользкой коркой льда, утопить то небольшое, что мы везли с собой, и как следует выполоскать нас обоих в ледяной купели. Однако, благодаря моим стараниям, мы причалили мягко, словно возвращались с вечерней прогулки по тихому Истельнскому озеру.

Кто-то сейчас катается там, любуясь медленно меркнувшим закатом?

Я соскочил прямо на камни и только тогда принялся помогать Скорну оттащить лодку за усыпанную водорослями линию прибоя, где волны не могли бы достать ее даже во время бури. Лодка больше не понадобится – если я уйду с острова, то не на лодке, – но во всяком деле должен быть порядок, поэтому лодку надо оттащить от воды и перевернуть килем вверх, вещи разобрать, разбить лагерь и разжечь костер из просушенного ветром плавника. Скорн умел все это делать лучше меня, и он делал, лишь глаза оставались тусклыми.

Костер жарко горел, в котелке булькало пшено, щедро сдобренное салом. Из рундучка я достал флягу, к которой мы давно не прикасались, протянул Скорну. Тот покачал головой.

– Не хочу, – и добавил слово, которого я прежде от него не слышал: – Устал.

– Ничего, – сказал я. – Мы все-таки добрались сюда. Теперь можно отдохнуть. Спи. Этой ночью караульным буду я.

Скорн растянулся на одеялах, которые мы провезли через море сухими, и уснул мгновенно, как умеют засыпать люди, знающие, зачем они живут.

Я сидел, глядя на его лицо. В этой жизни все когда-нибудь наступает в последний раз, и я знал, что утром Скорн не проснется. Ему было далеко за девяносто, немногим удастся дожить до такого возраста. Скорн служил мне верой и правдой, а я дарил ему силу и несокрушимое здоровье. Но бессмертия не может даровать никто. Скорн и сейчас был способен без усталости грести и, не опасаясь хвори, прыгнуть в ледяную воду, но душа его устала жить. Еще несколько дней назад он должен был мирно умереть во сне, и я не знаю, где он находил силы, чтобы двигать свое могучее тело.

Не так трудно заставить его двигаться и дальше, но подобные штуки сродни некромантским мерзостям. Поступить так было бы слишком жестоко по отношению к человеку, который был для меня больше чем слугой. Пусть спит. Дальше я пойду один.

Утром я похоронил Скорна. У подножия пологой скалы вырыл могилу, а в скалу вонзил меч, с которым Скорн не расставался много лет. Теперь меч будет указывать место, где покоится богатырь. Вряд ли здесь скоро появятся люди, и вряд ли среди них найдется тот, кто сможет вырвать меч из камня, но подобные мелочи меня не заботят. Добыть меч сможет лишь достойный его, а случится это через неделю или тысячу лет – не все ли равно? Потратив еще малую толику магической силы, я наложил на рукоять безвредное заклятие. Теперь добывший меч будет знать, что имя мечу – Скорн, а прежний его владелец лежит под этим камнем. И значит, через неделю или через тысячу лет на этом месте будет справлена тризна. Мертвый дождется, ему ждать недокучно.

Здесь я еще мог колдовать... или уже мог – это смотря о чем беспокоиться в первую очередь.

Большинство привезенного добра я спрятал в наскоро оборудованном схроне, то, без чего не мог обойтись, уложил в заплечный мешок и отправился в путь. Бывший владыка Истельна, грозный царь, великий маг и чародей, шел, словно безродный бродяга, с котомкой за плечами и рябиновой палкой в руках. Вели меня оскорбленная гордость и жажда мести.

* * *

Благодатный Истельн – край не слишком большой. Столица, лежащая на берегу пресноводного Истельнского озера, и тут же, рядом, по ту сторону неширокого перешейка, Мальц – единственный морской порт и единственная серьезная крепость на всю страну. Сейчас два городка практически слились, и приезжие считают, что Мальц – просто припортовый район. Больше городов в стране нет; имеются два торговых села на караванных путях, уходящих в глубь материка. Села эти славятся своими ярмарками и дохода приносят больше, чем столичная таможня. В отрогах Тимена – медные рудники и серебряные прииски. Вдоль берегов Истела – реки, давшей название стране и впадающей в Истельнское озеро, – соляные копи. Прохладное лето, мягкая зима. Частые дожди и плодородная почва, на

которой растет все, что вздумается посадить земледельцу. Крошечные деревеньки без счета и развалины древних замков едва ли не на каждом холме.

В минувшие века здесь гремели нешуточные битвы, каждый князек, местный или из сопредельных стран, мечтал наложить лапу на достатки мирных жителей. Благосостояние рстачалось дымом пожаров, население гибло, а бароны не становились богаче. Так продолжалось до тех пор, пока жители села Благое не обратились к одному из великих магов.

Чем мужики могут соблазнить волшебника? Абсолютно ничем. У серьезного колдуна есть все, что могут предложить люди, и многое сверх того. Но крестьяне, измученные и разоренные бесконечными войнами, нашли подход к магу Гверчиану, обещав ему свою любовь и верность.

Всякий из великих магов может при желании захватить власть в приглянувшемся королевстве, но при этом он останется узурпатором, которому в лицо кадят фимиам, но втайне ненавидят. Гверчиан первым из магов стал истинным владыкой. Барон, которому принадлежало село, как раз в ту пору умер бездетным; его сосед, предъявивший права на выморочное имущество, был вдребезги разбит войсками северных князей, и сам погиб в сражении, – а это значит, что селу и окрестным хуторам вместо зимней ярмарки следовало ожидать полного разорения. Герцог Истельнский еще мог бы сохранить село, а северяне не были заинтересованы ни в чем, кроме военной добычи.

Неудобства, связанные с пребыванием в округе великого мага, не идут ни в какое сравнение с разбоем княжских отрядов. Неудивительно, что благовские мужики и остатки дружин покойных баронов приняли Гверчиана с радостью и почтением.

Северный союз немедленно распался, мародеры бежали, истельнский герцог прислал посольство, до чего прежде не снисходил. Колдун поселился в одном из баронских замков, второй был окончательно разрушен. В скором времени подобная судьба постигла и замки остальных соседей. Добром или неволей бароны и князьки теряли свои владения, превращаясь в обычных дворян и перебираясь, по большей части, в Истельн, под крыло к радушному герцогу. А лет через сто самым мирным образом произошло объединение Истельна и владений Гверчиана. Возникло новое королевство, которое не развязывало войн, но нападать на которое очень не рекомендовалось. Часть времени король Гверчиан проводил в столичном дворце, но куда чаще обитал в бывшем баронском замке, где занимался делами колдовскими.

Большинство великих магов – люди бесприютные. Они скрываются от своих собратьев в горах и пустынях, а причиной тому – их тайные умения. Наколдованное место ценится среди магов ничуть не меньше, чем хорошо обжитое место среди простых людей. Никому не хочется распахивать целину, строить дом на пустоши... Зачем, если можно получить готовое? Точно так же постаревший маг, если его убежище становится известно коллегам, подвергается непрерывным атакам молодых волшебников, желающих поживиться всем, что накопил старик за долгие годы.

Судьба Гверчиана оказалась иной. Его действительно любили, и даже когда маг-король состарился и одряхлел, соперники не осмеливались появляться в пределах Истельна. Любовь простых людей действует сильнее любых охранных и даже боевых заклинаний – это факт общеизвестный. Неясно, правда, как заслужить эту любовь...

После смерти правителя граждане Истельна пригласили на царство другого мага из числа великих, и тот продолжил политику предшественника. Прочие маги тоже пытались создать свои государства, так что история знает эпоху королей-чародеев, но ни у кого не вышло то, что получилось у Гверчиана. Люди охотно пользовались благодеяниями, которыми осыпали их государи, но дарить им свою любовь не спешили. А в Истельне у детей с самого рождения воспитывали чувство любви и признательности к мудрому правителю, который в дела правления считай что и не вмешивался. Традиция – великая вещь.

Так родилась прекраснейшая на свете страна – благодатный Истельн. Здесь не

случалось засух и наводнений, не бушевали лесные пожары и не взрывались огненные горы. Землепашцы здесь процветали, ремесленники преуспевали, торговцы богатели. Ссоры и закулисные интриги случались только в ту пору, когда решалось, кого пригласить на место умершего короля. Но бывало такое редко – великие маги живут долго.

Я был пятым владыкой Истельна и первым, кого свергли в результате дворцового переворота.

Будем объективны: всякого, кто добился завидного положения, непременно кто-нибудь мечтает свергнуть. Такова реальность, к ней надо быть готовым, и если тебя действительно свергли, то в первую очередь виноват в этом ты сам. Что, впрочем, не исключает ненависти и мести по отношению к тем, кто воспользовался твоими ошибками.

Главной моей ошибкой было то, что я слишком много наобещал добрым гражданам Истельна, когда они решали, кого именно пригласить на царство. И хотя я делал для страны много больше, чем мои предшественники, нашлись недовольные. Самое смешное – да-да, предательство тоже бывает смешным! – что больше всех негодовали по поводу пещерных тварей, которых я не сумел усмирить, столичные бездельники, в жизни не выдавшие ни пещер, ни рудников. И так в большом и малом: тот, кто реально сталкивался с трудностями, умел понять и оценить мои усилия, а сидящий в тепле и безопасности бухтел и выражал недовольство. Спокойными оставались только крестьяне, которые всегда спокойны, покуда им реально не мешают жить.

Мой обидчик, маг Галиан, воспользовался каждым моим недочетом, он обыграл даже сходство своего имени с именем великого Гверчиана.

Даже сейчас, когда пришлось бежать из страны, мне трудно называть Галиана соперником. Выскочка и завистник – другого наименования для него нет.

Я знал о его чувствах, знал, что он мутит воду в столице и приграничье, но не принимал эти потуги всерьез. Куда больше меня занимал вопрос: как проложить безопасный путь для кораблей, идущих вдоль Риверской банки? Ежегодно там садилось на мель до десятка судов, и я обещал мореходам помощь.

А Галиан? Что он может? Взять мой колдовской замок ему не по силам, а нападать на меня в городе – кто ж на это решится? Это будет большая кровь, разорение жителей, всеобщая ненависть. Виновник подобной катастрофы не сможет править Истельном, маг уровня Галиана обязан понимать такие вещи.

Как оказалось, Галиан понимал это слишком хорошо и извращенно. Столица взбунтовалась, когда я находился в замке, то есть формально был во всеоружии. Раздавить Галиана с его колдовскими штучками было бы делом одного дня, но Галиан послал на штурм замка не ледяных солдат, не зачарованных духов и не огненные смерчи, а одурченных жителей столицы. Подобное воинство не способно запугать даже самый сонный гарнизон самой занюханной фортеции, а уж мои могучие старики – гвардия, охранявшая замок, – в пять минут размазала бы ряды нападавших. Одна беда, размазывать им пришлось бы граждан того самого Истельна, которых я клялся беречь и любить. Я обещал беречь и любить всех, независимо от их лояльности, а повстанцы шли по хуторам и поселкам, сохранившим мне верность. Нетрудно представить, что это такое, когда по стране идет войско, не спаянное дисциплиной, а скорее, напоминающее орду. Галиан строго запретил грабежи, но кто ж его послушает в такую минуту? В Истельне неторопливо, но грозно начинала набирать обороты гражданская война.

Наверное, можно было найти лучший выход, об этом я поразмыслю на досуге, если у меня когда-нибудь появится досуг. В ту пору досуга не нашлось, и я сделал единственное, что мог – бежал из страны, которая не признала меня. Лучше быть свергнутым неудачником, нежели кровавым тираном.

Сейчас я еще способен постоять за себя, а одержав победу ценой крови подданных, обреку себя на поражение в ту самую минуту, как не смогу обойтись без помощи тех, кого убил.

Я исхитрился уйти из замка, не зашибив ненароком никого из нападавших, хотя для

этого потребовалось все мое искусство. Оторвавшись от бестолковых горожан, которые больше были озабочены тем, чтобы власть пограбить мужиков, не пожелавших бунтовать вместе с ними, но при этом не стать мародерами, я прошел едва ли не всю страну и попытался скрыться в землях северных кланов. Не тут-то было! Мой противник, которого больше не сдерживала необходимость беречь людей, обрушился на меня всей своей мощью. Но здесь уже и я не стеснялся, вспомнив молодость и приемы магических войн.

Галиан очень скоро оставил меня в покое, сообразив, что если он хочет остаться на истельнском престоле, ему надо не геройствовать в чужих землях, а заботиться о своей. Зато все остальные маги, великие или считающие себя таковыми, налетели на мой небольшой отряд, словно псы на раненого медведя.

«Ату его! – гремело в колдовских сферах. – Ату! Знатная добыча достанется тому, кто первым сумеет добить мага, потерявшего свою цитадель!»

Я был, скорее, похож не на медведя, а на рака-отшельника, лишившегося витой крепости. Все мое оружие оставалось при мне, но при этом я оказывался уязвим для всякого хищника. А уж когда мои недруги сообразили, куда я направляюсь, начался подлинный ад. Вряд ли кто из великих верил, что мне удастся достигнуть намеченной цели и не погибнуть там в первую же минуту. Я сам тоже не верил в успех, но мне просто некуда было идти.

Медовый Шар назван так в насмешку над тем, кто вздумал бы пересечь этот не слишком широкий пролив. Скорее всего, когда-то он назывался Ледовым, что вполне соответствует действительности, но прошло время, и северная оконечность материка стала называться Медовым Носом, а пролив получил сладкое имя Медовый Шар. Простые рыбаки и промышленники порой забирались в эти края, добывая треску и палтуса или выискивая стада тюленей и лежбища моржей. Для людей ни Медовый Нос, ни Медовый Шар, ни даже остров Медовый не были запретными. Иное дело, что сколько-нибудь долго выжить в этих краях никто не мог, и люди там появлялись набегам, в поисках трудного северного богатства.

На самой оконечности Медового Носа я дал сражение преследователям. Решительное сражение, как думали они. Правильно думали, ведь если сражение, даже самое ничтожное, ничего не решает, его попросту не следует давать. Я бросил в бой подвластные мне магические сущности, волшебные машины, исполненные механической мощи, и людей – тех самых могучих стариков, которым я десятилетиями дарил неутомимую силу и здоровье. Теперь наступила пора отдавать долг. Эти люди знали, что обречены, они живы лишь благодаря моей помощи, и если я погибну, через неделю они обратятся в дряхлых старцев, у которых не будет ни единого шанса скрыться от преследователей и выжить в тундре, куда завела их немилостивая судьба. И они выбрали смерть быструю и достойную. Я не следил за ходом битвы, но знаю, что ни один из них не отступил. Единственным, кто уклонился от боя, был я.

Вдвоем со Скорном, на рыбацкой лодке, безо всякой магии и волшебства мы поплыли к острову Медовому, оставив позади гибнущих товарищей. Бегство наше не было замечено, да и как его было обнаружить среди той смертельной круговерти, что творилась на Медовом Носу. Магический мост, призрак которого возник было над Медовым Шаром, мои враги разнесли вдребезги. После этого они были уверены, что я не смогу прорваться на остров и, значит, остался вместе со своим войском. Разубеждать их я не стал. В оборону погибающего войска я вложил больше, чем это допустимо, если бы я сам собирался остаться в живых. Все без исключения заклинания самостоятельного действия были задействованы на крошечном пятачке замороженной земли. Боевые артефакты, а их у меня скопилось немало, я без остатка раздал воинам, из числа тех, кто мог и умел ими воспользоваться. Мне такие артефакты больше не понадобятся, а выдать меня они могли, слишком уж яркое сияние расходится от них. Со мной оставались несколько забавных бытовых волшеббинок и моя личная, природная магия, которую можно отнять лишь вместе с жизнью. И я сумел обмануть врагов – бегство мое не было замечено. Далеко не самое узкое место Медового Шара и лодчонка, отчалившая в промозглую непогоду короткого северного лета, – кому они нужны?

Заклинания поиска, которые мои противники рассеивали повсюду, просто на всякий случай, не могли обнаружить мага, который не колдует, особенно если поблизости творится подлинное светопреставление.

В тот день наш мир и впрямь был весьма близок к этому неприятному событию. У меня не было цитадели, поэтому на сопках, полого спускавшихся к океану, я поставил Великую Черепаху. Ту самую, на спине которой, по мнению древних мудрецов, покоится наша Земля. Древние ошибались, но их можно извинить, настолько могуча и несокрушима Черепаха. Лично я не осмелился бы в одиночку штурмовать войско, укрытое за ее алмазным панцирем. Увы, враги мои были не одиноки и двигала ими не только алчность, но и самый вульгарный страх. Жить хочется всем, даже великим магам, а мост, который я якобы пытался строить, яснее ясного показал всем умеющим видеть, что я собираюсь проникнуть на Медовый остров. Волшебники идут туда, чтобы ценой собственной жизни мстить всему миру. Больше магу на Медовом делать нечего, это в иных местах можно ударить в полсилы, здесь же можно бить только наотмашь, по всему существу и по себе, в первую очередь.

При таком раскладе уже не шло речи о том, чтобы сохранить Черепаху, в надежде когда-нибудь самому воспользоваться ее мощью. Но и расколоть артефакт, созданный самой Землей, не так просто. Мы со Скорном едва успели отплыть на нашем челноке, когда поверхность океана дрогнула, из глубин донесся гул, какой бывает лишь во время землетрясения, бледная небесная синева пошла разводами и сполохами. Грохнуло раз, другой и третий. И прежде небо на западе полыхало сотнями молний, а раскаты рукотворного грома следовали один за другим, но три чудовищных удара заглушили всё и заставили померкнуть даже незакатное солнце. Само мироздание содрогнулось и замерло в судороге, ожидая четвертого удара. Четвертый удар молотом Тора означал бы конец этого мира, а что явится ему на смену, не могли бы сказать и мудрейшие из мудрых. Пойти на такое мои противники не решились, тем более что панцирь Вселенской Черепахи должен был пусть не расколоться, но треснуть после третьего удара. Возможно, нападающие испугались, возможно, заметив трещину, решились идти на штурм, надеясь захватить Черепаху, пусть даже и не в целости.

Я-то знал, что мгновения Черепахи сочтены, через пару часов на ее месте останется холм рыхлого праха, но эти два часа она еще будет защищать моих воинов.

Молот Тора принадлежал Ашху. Когда-то мы были дружны, насколько вообще возможна дружба между магами. Мы встречались где-нибудь на нейтральной территории, развлекались подобно вечным студентам, обменивались простенькими заклинаниями и вообще радовались жизни. В ту пору у Ашха еще не было молота, способного сокрушить Вселенную, а я не добыл в недрах земли кристалл, порождающий Великую Черепаху.

Искренне надеюсь, что Ашха привела сюда не жажда наживы, а тревога за судьбы мира.

Трудно представить, что после таких ударов даже под панцирем Великой Черепахи останется хоть что-то живое, однако еще не затихло эхо последнего удара, как слух был смущен диким визгом взлетающих драконов. Свист и шипение были слышны на три дня пути, а каково приходилось тем, кто был рядом, – невозможно представить. Мои драбанты уже были мертвы, во всяком случае, мне хочется на это надеяться. А если кто-то из нападавших привел с собой человеческое войско, то пусть его совесть и отвечает перед сиротами и матерями.

Мои драбанты, во всяком случае, прожили долгую по человеческим меркам жизнь, и ни у одного из них уже давно не было семьи. Хотя, возможно, глухой Пэт, главный смотритель драконов, был еще жив, уж больно слаженно и красиво действовали мои пташки. Первая тройка ударила по Ашху – прощай, приятель. Кому-то достанется твое чудовищное оружие? Видимо, удар был хорош, ибо горизонт немедленно вздулся громадами защитных куполов – уstraшенный противник спешил прикрыться, кто чем мог. Защитный купол, конечно, не идет ни в какое сравнение с Великой Черепахой, но средство достаточно мощное, хотя и отнимающее массу сил. Трудно прятаться под куполом и одновременно воевать. А значит, у

второй тройки драконов – моего последнего резерва – достаточно велики шансы прорваться и уйти.

Готовясь к битве, я всерьез рассматривал этот вариант, собираясь лететь к Медовому острову на драконе. Смугили меня два момента. Прежде всего, мои враги тоже не льком шиты и такое развитие событий обязаны предусмотреть. К тому же я не знал, как Медовый встретит дракона. Силы миропорядка и хаоса лучше не сводить на одном участке суши. А я вовсе не собирался устраивать вселенскую катастрофу и мстить всему миру без разбора. Мечь приносит удовлетворение, только когда она утонченна и избирательна. Но мои оппоненты (каков термин, а?) этого знать не могли и основные силы бросили на то, чтобы не пропустить драконов к Медовому. Иглистая мгла поднималась там стеной и была видна даже мне из моего далека.

Разумеется, драконы в колючий туман не пошли, их собственного невеликого разума хватило, чтобы рассеять паутину заклинаний там, куда их собирались заманить, и устремиться на юг. Там единожды полыхнуло, беззвучно и неярко для простого глаза, но сокрушительно для магических существ, и я почувствовал, что одного из моих драконов не стало. Он не погиб; когда магические существа погибают, это сразу заметно, его просто не стало, как будто и не было никогда. Не представляю, что за штуку применили мои враги. Не знаю даже, кто именно из великих магов мог обладать столь испепеляющей мощью. Искренне надеюсь, что таинственный артефакт был одноразового действия, и я никогда больше не увижу таинственной вспышки, способной развоплотить дракона.

Остальные два дракона продолжали уходить, изничтожая то небольшое, что могли выставить укрывшиеся под куполами чародеи. Одного из моих красавцев вскоре сумели перехватить, и я, сидя за рулем челнока, уже на грани восприятия слышал отзвуки его последней битвы. Третий дракон – великан Грост – ушел так далеко, что я не сумел проследить его судьбу.

Двойственное чувство испытывал я в этот момент. Гроста я любил больше остальных драконов, и мне очень не хотелось бы, чтобы он погиб. Но одичавший, лишившийся хозяина дракон – бедствие, сравнимое разве что с вулканом, который не стоит на месте, а бродит по миру, извергаясь, где и когда ему вздумается. Разумеется, меня назовут виновником этого бедствия, и в памяти бесчисленных поколений я останусь величайшим злодеем, повелителем тьмы и сил ада. И никто не вспомнит, что не я начал эту войну, что, стараясь сберечь людей, которые меня предали, я ушел из Истельна, отказавшись от власти и беспечального житья, которое могло бы продолжаться еще не одну сотню лет. Все это будет забыто уже при жизни нынешнего поколения, зато, если Грост вернется в знакомые места и поселится в окрестностях Истельна, всякий младенец будет знать, что это я наслал на горожан огнедышащее чудовище.

Любопытно было бы посмотреть, как Галиан, если он выжил после нашей последней встречи, или тот, кто заменит его в случае гибели, станет управляться с Гростом, буде тот вздумает вернуться домой. Убивать дракона – значит, сжечь полстраны, приручать... никогда не поверю, что Галиан на такое способен. Общаться с драконом, да еще недавно вышедшим из битвы, – это не интриги плести среди заживевших и много возомнивших о себе горожан. А пара столетий для дракона – короткий срок, Грост еще долго будет отличаться дурным характером.

Обо всем этом я думал, сидя в лодке, а Скорн греб без устали, но глаза его были пусты. Им двигали исключительно упрямство и чувство долга, равно как мною – гордость и желание отомстить.

За близким северным горизонтом еще что-то пылало, звуки сюда не долетали, но сполохи и возмущения магических сил говорили сами за себя. Возможно, там догорали выработанные заклинания и задействованные артефакты, возможно, кто-то из драбантов, уцелевших вопреки здравому смыслу, продолжал дорого продавать остаток жизни. В любом случае, великая битва с силами зла, как наверняка назовут ее победители, закончилась.

Взбаламученный океан дышал беспокойно, и чтобы высадиться на берег без ненужных

приключений, мне пришлось задействовать малую толику силы. Здесь это можно себе позволить, следить за островом Медовым никто из моих врагов не осмелился бы, а до Оси Мира, куда я направлялся, оставалось еще несколько дней пути.

* * *

Остров Медовый почти нацело покрыт ледниками. Люди бывают лишь на его южной оконечности, где встречаются лежбища моржей и шумят птичьи базары. Если смотреть по карте, остров невелик, но когда шагаешь по нему пешком, всякий штрих подробной карты обращается в ледниковые просторы, расчерченные бесчисленными трещинами, порой неглубокими, но иногда уводящими к самому скальному основанию. Здесь нет ничего, кроме льда и ветра, птицы не залетают в мертвые просторы, и белые медведи, преследующие среди торосов моржей и тюленей, не заходят в глубь острова, где им нечего есть. Самый опытный путешественник погибнет здесь за два дня, не сыскав пропитания и тепла. Рыба осталась в море, измочаленные прибоем стволы деревьев валяются на берегу, который тому, кто побывал на ледяном панцире Медового, кажется благодатным краем. Остров Медовый – суровый, бедовый, ледовый...

Для странствующего волшебника Медовый остров тоже не сладок. Иногда говорят, что здесь находится вселенский источник магии. Вселенская чушь! Отсюда ничего не истекает, кроме ледяных гор, сползающих в океан и угрожающих отчаянному мореходу. Из любого источника можно зачерпнуть, у всякого вихря урвать частицу силы. Здесь можно только сгореть самому, вздыбив на прощание ойкумену долгой чередой ужасающих катаклизмов. На острове Медовом находится Ось Мира, северный полюс Земли. Это не та сила, которую можно поставить себе на службу.

Я шел по Медовому уже третьи сутки, проходя концы, которые обычному пешеходу и по ровной дороге не преодолеть. Мой багаж состоял из десятка простеньких амулетов, какие можно встретить и у деревенского колдуна. Заячья шкурка помогала мне не замерзнуть во время студеной ночи, чудесная фляга всегда была полна то грушевым взваром, то кипяченым молоком, то горячим настоем зверобоя. Прежде мне было недосуг взглянуть, как именно фляжка угадывает мои желания и потребности, а здесь, возле Оси Мира, ковыряться в нежной сути наивного артефакта я бы не рискнул. Такие предметы слишком легко ломаются; начнет фляжка поить одной только можжевелевой водкой – что тогда? А так, идешь сквозь морозную ночь, бок тебе приятно греет, и знаешь, что в любую минуту можешь отхлебнуть теплого питья.

Я действительно шел не только днем, но и ночью, причем для этого не приходилось тратить ни грана собственной силы. Орешек-неустаток позволял моим ногам шагать хоть неделю подряд. Только легкий зуд подсказывал, что иду я все-таки своими ногами, а не качусь верхом на орехе. Солнце, еще недавно незакатное, уже скрывалось по ночам за краем земли, но перышко совы-сплюшки позволяло видеть в обманчивой северной ночи ясно и хорошо. Перышко мне подарил покойный Ашх, разбивший панцирь Вселенской Черепахи и сам сожженный моими драконами. Великие погибли, а крохотная чудесинка, подобранная Ашхом неведомо где, пережила всех и теперь прочищает мой взгляд, позволяя идти сквозь ночь.

Трещины и самые большие торосы я попросту перепрыгивал, причем тоже не тратя ни капли собственной силы. Два сосновых сучка, перевитых жилкой и напоенных нечеловеческой, лесной волшбой – штука эта называлась «скок-поскок», ее я забрал у разошедшегося не в меру лешего. Бедолага не признал во мне волшебника и вздумал пошутить со мной, как привык шутковать с забредшими в чащобу мужиками. Теперь в ужасном Чертовом бору девушки собирают малину, а сам лесовик счастлив до одури, что я не пришиб его сгоряча, а лишь отнял любопытную безделку, позволявшую пугать доверчивых крестьян.

А безделка – надо же! – пригодилась. Ведь она сродни той силе, что фонтанирует

неподалеку, и потому даже в этих краях пользоваться ею можно безопасно. Представляю, как веселились бы мои собратья, глядя на прыжки с помощью доморощенного скок-поскока! Я бы и сам веселился, если бы не знал, что дело происходит на острове Медовом.

Еще несколько предметов из коллекции безобидных раритетов остались невостребованными: бусики-рассыпушки, нефритовый глаз и особенно нетающая ледышка. Но я не жалел, что прихватил их: есть они не просят, спину не тянут, а сумка волшебника, что лавка старьевщика – там всегда всякого барахла довольно.

На самом деле слишком долго жить на одних магических артефактах – тоже нехорошо, но жить слишком долго я и не собирался.

Ось Мира была уже близко, казалось, самые торосы, взгромоздившиеся поперек моего пути, излучают смутное гудение, воспринимаемое не ухом, но всем магическим естеством.

Магия плохо совместима с обычной жизнью, так что многие видят некий промысел в том, что Ось Мира расположена в местах мертвых, где и лишайник не вдруг сумеешь найти. Хотя, окажись она в теплых краях, вокруг на много дней пути образовалась бы такая же безжизненная пустыня, только не ледяная, а песчаная или глинистая. Мирозданию просто повезло, что Ось Мира находится в столь удобном месте. Хотя возможны и другие объяснения, но, пока никто из великих магов не научился проникать взором в прошлое, они останутся лишь досужими размышлениями, от которых немного проку.

Под эти мысли я довольно бодро двигался вперед, пока встреча, которой я никак не мог предвидеть, не изменила все мои планы.

От одного из торосов, образовавшихся в том месте, где ледник, сползавший со склона сопки, взламывал равнинный панцирь, отделилась полупрозрачная фигура и целеустремленно двинулась мне навстречу.

Кристаллоид! Если кого и ожидать в здешних негостеприимных краях, то именно его. Кристаллоид – не существо, а воплощение магической сущности, нечто вроде голема. Иногда их, потехи ради, создают чародеи средней руки, порой кристаллоиды образуются сами по себе. Разума в их твердых головах не больше, чем в булыжнике, но они двигаются и что-то делают, иногда по приказанию своего создателя, но чаще попросту бесцельно. Обычно кристаллоиды бывают ледяными, хотя встречаются и каменные. Самый знаменитый кристаллоид Самоцвет был построен из яхонтов, бриллиантов и других драгоценных камней. В течение двухсот лет он охранял сокровищницу азахских халифов, и за это время о нем сложили бесчисленное множество легенд. Потом безденежье вынудило очередного халифа разобрать стража, которому нечего стало охранять.

Век прочих кристаллоидов гораздо короче. Их обычно разбивают вдребезги скучающие витязи, а ледяные великаны, если их угораздит дожить до весны, попросту тают.

Этот кристаллоид, судя по всему, прожил срок, какой редко выпадает даже на долю кварцевого чудовища. Бока его были исцарапаны, грани скруглены. Еще бы, в центре Медового скучающих витязей не встречается, а льды не тают никогда, и, раз возникнув, монстр мог существовать неограниченно долго.

Кристаллоид, искусственно созданный, подчиняется своему создателю, природные бывают опасны, особенно долго пожившие, но не потерявшие активности. Встреченный кристаллоид был явно из таких. Он, хрустя суставами, двигался ко мне, и солнце, что медленно сплющивалось у горизонта, отблескивало красным в его глазах.

Я меньше всего похож на скучающего витязя, разбить ледяную громаду голыми руками мне не по силам, да и удовольствия подобные подвиги не доставляют. Можно, конечно, нащупав внутри прозрачной башки особую точку, легонько тюкнуть туда при помощи любого из простых заклинаний, после чего голова разлетится на части и монстр замрет. Заклинания такого рода доступны многим, но, чтобы найти место, куда следует бить, требуется некоторое искусство. Искусством уничтожения я владею в совершенстве, но проявлять его после проигранной битвы мне совершенно не хотелось. Та битва ставила на грань гибели весь мир, в ней сошлись такие силы, о которых не слыхивали непосвященные. После этого раскалывать бродячий кристаллоид, хоть как-то оживляющий снежную

пустыню, казалось недостойным. Двигается ко мне – еще не значит, что нападает. Опасность невелика, не исключено, что мы разоидемся миром.

Не дойдя десятка шагов, кристаллоид остановился и вдруг начал приседать, широко разводя лапы. Дико было видеть дешевый ярмарочный трюк, нелепую пародию на книксен посреди ужаснейшей пустыни мира. Тем не менее сомнений не оставалось, старый кристаллоид был создан искусственно или некогда приручен.

– Ну что, приятель, – сказал я, – хватит танцевать. Жаль, ты не можешь рассказать, кто и когда обучил тебя этому фокусу.

Великан с удручающей серьезностью продолжал череду реверансов.

Добиваться от него ответа? Опытный маг может пробудить память даже у куска льда, но что мне это даст? К тому же небезопасно предаваться таким играм поблизости от Оси Мира. Скорее всего, она не заметит твоих усилий, но может раздавить тебя вместе с твоей магией, а может, взбрыкнув ни с того ни с сего, развалить на части мир. Бывало такое... чаще просто давило, хотя и миру тоже доставалось пару раз, о чем и повествуют древние предания.

Известно несколько случаев, когда могучие волшебники являлись на Медовый, пылая жаждой мести или желая власти над Вселенной. Месть иногда удавалась, власть над миром – никогда. Оно и понятно: ломать – не строить. Взбудоражить чудовищную силу и обрушить ее на правого и виноватого куда легче, нежели разумно управлять ею. А власть, даже самая тираническая, подразумевает хотя бы зачаток разума.

Между тем кристаллоид, не обладающий даже зачатком разума, изменил свои движения. Теперь его заметно кренило в сторону, так что вместо уродливых книксенов стали получаться шаржированные жесты, какими базарный зазывала приглашает потенциального покупателя зайти в богатый магазин.

– Если в лавку приглашают, надо в лавочку зайти, – вслух согласился я и свернул направо, тем более что поворот не сильно сбивал меня с пути.

Когда судьба, которая любит принимать облик ярмарочного клоуна, просит такую малость, почему бы не пойти ей навстречу? Я привык доверять знакам судьбы и без колебаний изменил намеченный маршрут, хотя и понимал, что там, куда меня направляет мой зазывала, не удастся найти галантерейный магазинчик с учтивыми приказчиками и модным товаром на прилавках.

В том, что кристаллоид последовал за мной, нет ничего странного; движущийся кусок льда и должен в меру способностей повторять движения встречных, без этого он не мог бы возникнуть, да и обучению он бы не поддавался.

Но когда перед очередной группой торосов он забежал вперед и вновь принялся указывать дорогу, я всерьез усомнился, что нас ведет слепая судьба.

Среди вечных снегов встречаются нагромождения ледяных глыб, трещины и провалы, а вот пещер мне прежде видеть не доводилось. Пещера – это работа талых вод, которых на Медовом от веку не плескалось. Тем не менее впереди красовался вход в пещеру, и мой проводник, исказив в гримасе подобие лица, указывал на него.

Думать можно было что угодно, делать – одно. Я полез в пещеру.

* * *

Мы были незнакомы, во всяком случае, я его не знал. А вообще положение складывалось парадоксальное и казалось бы забавным, если забыть про Ось Мира, что гудит неподалеку, обещая в случае чего испепелить все и вся. Поэтому мы стояли, разглядывая друг друга: я – выжидающе, он – с откровенно насмешливой улыбкой. Еще бы, он был здесь старожилом и знал о происходящем на порядок больше меня.

Магии мы не проявляли, но я понимал, что простой человек выжить здесь не сумеет, а он знал, что в одиночку сюда способен добраться лишь маг или посланец великого мага.

Толковые колдуны скрывают свои убежища, владыка Истельна – единственное

счастливого исключения, да и то для меня оно стало несчастливым. Но маг, обосновавшийся на Медовом, не только не прятался, но и пригласил меня к себе. Ведь ему было достаточно не высылать мне навстречу кристаллоид, и я бы прошел мимо пещеры, ведущей в подземные покои.

Странное, однако, убежище выбрал он себе. Здесь он в безопасности, напасть на него никто не посмеет, развязывать войну в этих краях – все равно что размахивать факелом в пороховом погребе. Но и сам он колдовать тоже не может. А зачем быть магом, если не можешь колдовать? Да и безопасность его очень относительна. Старичок ветхий, в чем только душа держится... вот дам ему сейчас кулаком в лоб, просто и без затей – что тогда? Конечно, у старичка может оказаться прадедовский амулетик, из тех, что и возле Оси Мира работают. Таких по свету сотни бродят, всевозможные недериськи, какаушки, воттебеськи. Я и сам в юности такие мастерил, жаль, ни одного не сохранилось. А у старичка вполне может быть, вот он и улыбается.

Подобные размышления сродни гаданию на бобах. Махать кулаками я вообще не люблю, а нападать на стариков – сугубо. К тому же интересно узнать, зачем меня сюда пригласили. Старик явно знает, что делает. Да и хотелось бы поглядеть, как он обустроил свои покои. Без настоящей магии с таким делом не справиться, деревенским амулетам подобное не под силу, а Ось Мира где-то совсем рядом, я ее каждой волосинкой чувствую.

– Заходи, гостем будешь, – притушив улыбку, сказал старик.

Я молча прошел в двери.

Маги при встрече не здороваются. Здраваться – значит, желать здоровья, а пожелания волшебников – штука мудреная, даже наколдованное здоровье может боком выйти.

Помещение, куда меня провели, лишь с большой натяжкой можно было назвать покоями. Не комната, а, скорее, камора или даже камера, вырубленная в скале. Гранитные стены ничем не прикрыты и радуют глаз первобытной простотой. В помещении имеются стол, топчан с постелью, пара табуретов. На отдельном маленьком столике – горшок с полевым цветком: на тоненьком стебельке махонький лиловый колокольчик. У противоположной стены – очаг, в котором жарко горят обломки бревен. Такие бревна, выбеленные солнцем и морской водой, можно сыскать по всему северному побережью, волны выносят их и на остров Медовый, но как они попали сюда, за три дня пути от берега? Не своим же ходом явились? Ось такого безобразия не допустит.

Я подошел к очагу, протянул к огню озябшие руки. Заячья шкурка – это хорошо, но живой огонь лучше.

– Не боишься, что я в спину ударю? – спросил старик.

– Не боюсь. Хотел бы, ударил бы раньше, пока я о тебе знать не знал.

– Молодец, правильно понимаешь. Это тебя на Медовом Носу били?

– Меня.

– Крепко били. Молот Тора даже здесь слышать было.

Я ожидал расспросов, но старика, похоже, вполне удовлетворило мое краткое признание. Он подошел к ларю с каменной крышкой, что стоял в дальнем от очага углу, достал оттуда запечатанный кувшин. В восточных странах в таких хранят запретное вино, но порой под печатью скрываются демоны разрушения. Впрочем, здесь можно было с легкостью пробудить куда более мощные силы, чем обычно прячутся под зачарованной печатью.

Поворачиваться ко мне спиной старик тоже не боялся. Либо его охранял добротный амулетишко, либо не боялся – и все тут.

– Пойдем посмотрим, что у меня на ужин есть, – проговорил старик, выставив кувшин на стол.

Снедь у деда хранилась в ледяном коридоре, выводящем на поверхность. Когда мы шли в стариковы покои, я краем глаза заметил боковую нишу, но тогда мне было не до того, чтобы интересоваться, что именно лежит там. Угрозы нет – и ладно.

Лежало там всякого, всё крепко замороженное в природном леднике, так что никакая

порча не смогла бы коснуться припасов. Я бы не удивился, если бы там нашлась мамонятина, заготовленная во времена снежных великанов. Мамонятины в кладовке не оказалось, старик взял здоровенный пласт палтусины и миску с оливковым маслом. Масло на морозе застыло, его можно было резать ножом.

В молодости я любил вкусно покушать и с тех пор умею с полувзгляда определять, чем меня собираются потчевать. Думаю, что и не виданную прежде мамонятину я угадал бы так же легко, как и палтусину.

Кстати, если палтус в изобилии плавает у самых берегов Медового, то масло оливы даже в Истельне бывает только привозным, из южных краев.

На кухне самого средненького мага можно встретить деликатесы, привезенные из дальних стран; колдовство это самое простое и безобидное, но не для этих мест, где человеческая волшба запрещена. Или все-таки разрешена?

Покуда хозяин никакой магии не демонстрировал, равно как и я. Странная получается ситуация: кто мы такие, мы оба знаем, но молчим и ведем себя скромно, будто невеста на смотринах.

Над горкой угля в очаге хозяин поставил трехногий таганок, водрузил на него прокопченную чугунную сковороду, ковырнул ножом комок замерзшего масла, и вскоре в масле зашкварчали источающие аромат куски рыбы.

Лишь тот, кто три дня кряду кусал от вечной горбушки и пил из волшебной фляги, знает, как вкусна настоящая, не наколдованная еда. Хлеб у старика тоже был настоящий, ржаной и свежий, едва ли не теплый. Сам печет или все же получает откуда-то? В кувшине оказалось вовсе не вино, а мед, легкий, тягучий, собранный с цветущих вишен. И где же здесь ближайшая вишня цветет? Я и не гадал, что на острове Медовом водится настоящий мед. Мед старик развел горячей водой, разлил приготовленную сыту по кубкам. Приветственным жестом приподнял свой кубок. Я повторил его жест и осушил свой кубок до дна, как пьют на пирах за процветание хозяйского дома. Тоста, разумеется, сказано не было, маги тостов не признают, а бокалами и чашами не чокаются – все из того же чувства бережения, чтобы у собутельника не возникло мысли, что его собираются заколдовать. Конечно, сейчас в кубках безобидное питье, на которое никакого заговора не наложишь, но ритуал есть ритуал, его надо исполнять.

– Имя свое не скажешь... – утверждающе произнес старик.

– Не скажу.

– А мне скрывать нечего, – улыбнулся старик. – Я – Растон. Слышал о таком?

От неожиданности я поперхнулся горячей сытой. Еще бы не слышать! Растон был великим магом в ту пору, когда я еще не родился. А когда я первые шишки набивал, обучаясь в подручных у чернокнижника Марла, о Растоне уже тысячу лет как никто не слыхивал. Убежища его не нашли, но и смерти его никто не видел. Такое среди магов не редкость, поэтому собратья решили, что старик мирно окопался в своей норе. Когда-нибудь убежище найдут, и удачливый кладоискатель будет долго ковыряться в истлевших сокровищах, выискивая артефакты, не подвластные времени, и стараясь вернуть к жизни то, что обветшало. Сам я нарочитым кладоискателем не был, но пару раз ухоронки умерших волшебников находил.

А Растон, которого все в мыслях давно похоронили, значит, жив и благоденствует на острове Медовом – самом запретном для мага месте.

– Вижу, что слыхал, – подытожил мое молчание Растон. – Значит, еще помнят меня. Не ожидал...

– Молодые уже не помнят. Да и я ничего толком не знаю.

– Чего там знать? Жил – бузил, перебесился да на покой удалился. Тут места... сам понимаешь какие. Сюда молот Тора не пронесешь, и дракону сюда дороги нет. Великая сила учит великому смирению. На самом деле тут многое можно... но не нужно. Впрочем, жив будешь, сам поймешь. А не поймешь – разметет тебя, как не было. Ты ведь Ось Мира навестить собрался?

Я молча кивнул. Скрываться и лгать не имело смысла. Зачем еще волшебник может явиться на остров Медовый?

– Вот завтра сходишь да осмотришь. Тут недалеко. А как вернешься – расскажешь, чем дело обернулось.

Что же это творится на белом свете? Чтобы великий маг, пусть даже бывший, спокойно смотрел, как соперник (а все маги – соперники!) собирается учудить такое? Он же не знает, что у меня на уме, ему известно лишь, что я прорывался сюда с боем и потерял все. Таким, как я, мира не жалко. Сам сгорю, но весь свет спалю. И вторым после меня сгорит старик Растон. Или ему уже все надоело, как надоело жить богатырю Скорну, и хочется лишь поглазеть на конец света? В таком случае, его ждет разочарование. В ближайшие дни конца света не произойдет.

Так и беседовали целый вечер, вроде бы ничего не скрывая, но и ничего не договаривая до конца. Привычная беседа магов, встретившихся на нейтральной территории. Палтус был зажарен на славу, сладкая сыта баюкала чувства и навевала сон. Я был готов, что на ночь меня выставят наружу, под промерзший небосклон, но Растон оставил меня ночевать. За комнатой с очагом у него оказался ход, ведущий в глубь горы, и там через пару шагов нашлась комнатка с еще одним топчаном и жаровней, полной горячих углей. Далее ход был перекрыт холщовой занавеской, в которой без труда угадывался простенький сторожевой амулет, так что я не стал любопытствовать, что там у деда припасено. И без того мне показано слишком многое.

Спал я прекрасно. Настоящая еда, настоящее тепло и настоящая беседа, в которой Растон выказал твердую уверенность: завтра я до Оси Мира дойду. Все это навевало чувство безопасности. Разумеется, прежде чем улечься, я задействовал и охранную паутинку, и бусики-рассыпушки, но это больше для очистки совести и чтобы не вводить хозяина в искушение. Перебеситься-то он перебесился, а береженому все одно спится спокойнее.

Ночью никто ко мне в каморку не проползал, а утром Растон, накормив меня вчерашней палтусятиной и напоив горячим медом, проводил к выходу.

– Дорогу найдешь, – сказал он на прощание, – а вечером, если жив будешь, заходи. Расскажешь, что там и как.

Помолчал и добавил:

– Там много останков нашего брата разметано. Так что ты смотри, надо ли тебе это...

Я молча поклонился и пошел, не оборачиваясь и не ожидая удара в спину.

* * *

С воздуха остров Медовый не просматривается, недоступен он и дальнему зрению, так что я шел, не особо зная, куда приведут меня ноги. Ось Мира – оно, конечно, красиво сказано, а вот какова эта ось в натуре? У тележного колеса – тоже ось, но выглядит, думается, иначе. Впрочем, встречу – не обозначаюсь. И без того магический мир кругом полыхает ярче, чем во время битвы на Медовом Носу. Спасала только многолетняя привычка скрывать колдовские умения. Это на истельнском троне можно восседать, сияя, как праздничная люстра, прочие волшебники силу свою стараются прятать, представляясь обычными людьми. Так и тут: идешь, вот и иди себе. А дуриком переть, исполнившись могущества, – это себя не любить. Все твое могущество, по сравнению со здешней силой, гроша ломаного не стоит. Поэтому шагай и надейся, что Ось Мира сама себя обозначит.

Так оно и случилось. В относительно ровной поверхности ледяного плато открылась впадина: не трещина, не разлом, какие часто встречаются среди льдов, а что-то вроде воронки, словно бы проплавленной, настолько гладкими были ее стенки. Туда ступишь и съедешь вниз, прямоком в то, что поджидает тебя, подобно муравьиному льву на дне песчаной ямы. А вздумаешь спускаться, используя магические приемчики, даже самые ничтожные, немедля возмутишь истечение природной магии, такое же ровное, что и стены воронки. Всего-то дюжина шагов, а рукой не достать. Стой на краю, думай последний раз,

зачем пришел.

Никаких особых останков неудачников, явившихся сюда прежде меня, человеческим взглядом заметить не удавалось. Да и вряд ли их было слишком много – колдунов, осмелившихся подняться на верхушку земного круга. Полагаю, лукавил Растон, предостерегая меня от опрометчивых шагов.

Тем не менее спускаться надо, иначе зачем шел?

Из простых, немагических вещей были у меня с собой моток веревки и топорик-ледоруб. Крючьев, которыми можно было бы закрепить веревку, не оказалось. Да и не знал я, станут ли крючья держаться во льду. Бродить по горам мне доводилось, но в те времена я мог не ползти по скалам, а попросту взлететь на любую вершину, перепрыгнуть всякую скалу.

Конец веревки, добрую сажень, я вморозил в лед. Разложил часть мотка по поверхности и долго поливал водой из своей нескончаемой фляги. Потом ждал, пока вода замерзнет, и поливал снова. Хотел туда же вложить нетающую ледышку, но раздумал. Вряд ли с ее помощью вода станет застывать быстрее, чем на трескучем полярном морозе, а чем меньше используешь здесь зачарованных вещиц, тем надежнее получится.

Дождавшись, пока веревка вморозится основательнее, спустил другой ее конец на дно воронки и осторожно сполз вниз.

Вот и добрались. Магические органы чувств безнадежно ослепли и оглохли, а человеческим глазом тут различать нечего. Остается верить, что добрался, куда нужно.

По поводу Оси Мира высказано немало мнений и остроумных догадок. Собраны они в одной из глав «Основного свода», главного труда по теоретической магии. Этих догадок и предположений так много, что некоторые остроумцы называют свод Осьновным. Книга эта имеется у всех, кто сумел освоить азы грамотности. В ней нет заклинаний, рецептов и магических приемов, ее не наполняет чужая сила, напротив, силу следует тратить, чтобы читать эту книгу. Она имеет вид толстенького тома в кожаном переплете, или чудовищного фолианта, размером с полстола, или карманной книжицы, украшенной сафьяном и самоцветными камнями, – все эти изыски зависят от характера владельца. Мне случалось видеть папирусные свитки, упрятанные в медной цисте, связки дощечек ронго, веера из пальмовых листьев и вообще, что угодно, на чем люди приспособились писать за последние десять тысяч лет.

Грамотей, лишенный волшебной силы, заглянув с дозволения владельца в такую книжицу, увидит лишь ряды непонятных значков, среди которых невзначай мелькнет нечто, похожее на знакомую букву или иероглиф. Маг способен книгу читать, причем каждому открыто в меру его силы и разумения. Посему книгу эту рекомендуется читать часто, внимательно и прилежно. Иной раз среди знакомых строк обнаруживаешь такое, до чего сам бы никогда не додумался. Только что перед тобой была проблема, к которой не знал, как и подступиться, но, раскрыв сотню раз перечитанную книгу, видишь запись, сделанную как бы твоей рукой: «Мудрец Узма сказал...» – и остается благодарить неведомого Узму, который, быть может, умер тысячу лет назад, зато, что он в ту далекую пору дал ответ на вопрос, что мучает тебя сегодня.

Я и сам вписал в эту книгу немало страниц и подозреваю, враги мои перед битвой на Медовом Носу читали их внимательно, стараясь понять, что движет мною в этот час.

На самом деле никто из магов не вписал своей рукой в «Основной свод» ни единой строки, туда сами собой попадают мнения, высказанные публично. Они могут быть ошибочны, но на эти страницы никогда не проникает заведомая ложь. В моей книге на первой странице есть запись: «Это путь великих. На нем тебя ждут скудные находки и великие разочарования». Подписи под этими словами нет. Подозреваю, что первую строку книги пишет ее владелец, и в дальнейшем она определяет направление, по которому пойдет чародей. Подобной мыслью я ни с кем не делился, и в чужих книгах ее нет.

Я сидел, прислонившись спиной к ледяной стене, в двух шагах от Оси Мира и размышлял о постороннем. Иному такое времяпрепровождение показалось бы странным, но

я знал: торопиться незачем. Мудрец Узма сказал: «Когда пришел к пропасти, сядь на краю обрыва и подумай о сущем». В моей книге эти слова включены в главу, посвященную Оси Мира. Я перечитывал их вчера перед сном и теперь решил последовать совету, хотя почти уверен: сам Узма в этих краях не бывал, а пропасть имел в виду совершенно другую. Но пока я не коснулся Оси или не начал колдовать, Ось будет спокойна и ничем не станет угрожать мне. Иное дело, если бы я бился сейчас в истерике, исходя неутоленной ненавистью, тогда могло бы случиться что угодно. Но моя жажда мести спокойна и обдуманна. Торопиться мне некуда, можно, как советовал мудрец, подумать о сущем. Растон, кстати, тоже сказал: «Смотри, надо ли тебе это...». Сказал вслух, обращаясь ко мне, и значит, в новых книгах эти слова сможет прочесть каждый, кто всерьез займется Осью Мира. Сам Растон выбор сделал: Оси не коснулся или же сумел не возмутить ее и не сгореть, коснувшись. Вот об этом и были мои посторонние мысли.

Проще всего в такой ситуации было бы безумному самоубийце, маньяку, мечтающему унести с собой как можно больше чужих жизней. Такому не надо думать и рассчитывать, достаточно броситься вперед и сгореть, возмутив всей погибающей энергией спокойствие Оси. Не важно, где и как выплеснется взбудораженная сила; разрушения в любом случае будут велики, а жертвы неисчислимы.

Я хотел иного. Бессмысленно мстить невинным, вдвойне бессмысленно убивать того, кто никогда не узнает причины своей смерти и имени мстителя. Я хотел медленно, не торопясь, раздавить Галиана вместе с королевским дворцом, куда, несомненно, сбегутся предатели, чтобы получить из рук узурпатора обещанные награды. Но город должен остаться цел, ибо все подряд виновны быть не могут, а я клялся беречь свою столицу. И не только столицу. В торжественной клятве повелителя Истельна говорится: «...сберегать села и деревни от больших до самых маленьких...» – но там ни слова не сказано о цитадели, в которой обосновался сам маг. Так что королевский дворец я разрушать не буду, а замок рухнет, причем не как-нибудь, а на голову Галиана. А что касается клятвы, то, хотя я больше не повелитель, обещания не нарушу: села и хутора останутся неприкосновенны, а поля не узнают ни саранчи, ни града. Решено – пострадает только древний замок, где владыки Истельна творили свои чародейства. Я не стану мстить магам, разгромившим меня на Медовом Носу, они были в своем праве, на их месте я поступил бы так же. Но я непременно расскажу всем, умеющим слышать, что Галиана покарал не слепой рок, что он погиб от моей руки. Мсть сладка, но справедливость важнее, поэтому я ни на единый волос не вторгнусь за ее пределы.

Возможно ли такое? Этого никто не знает, но есть предположение, что возможно. Человеческий разум чужд магии, поэтому даже безумец, ринувшийся поперек Оси, не исчезает сразу. Иное дело, успеет ли он насладиться разрушительным результатом своего безумия. Если же маг холоден и спокоен, как вода в лесном озере, то и магия его не взбудоражит Оси, а растает в ней медленно и спокойно, дав время чародею завершить задуманное. Правда, это всего лишь предположение. Узнать все наверняка можно, лишь шагнув в глубину, из которой не будет возврата. Величайшее колдовство в масштабах всей Земли, оплаченное жизнью волшебника. Либо величайший самообман, если все предположения окажутся ложными.

Не знаю, являлись сюда люди, подобные мне, или я первый? И чем окончились их авантюры? Растон не посчитал нужным сказать мне этого, либо он сам не знает ответа. Самоубийственные безумцы пару раз умудрялись исполнить свои планы, Земля до сих пор хранит чудовищные шрамы, а людская память – воспоминания об эпохах, скончавшихся в конвульсиях невиданных разрушений. Мстители разумные, если таковые были, погибали, не оставив по себе известий. Но если мне удастся задуманное, об этом будут знать все. Так нужно не для славы, мертвые славы не имеют, но ради все той же справедливости. Пусть всякий знает, что оскорбленный может мстить самой своей смертью. Надеюсь, тогда зла в мире станет немного меньше.

Должно быть, странно слышать подобные рассуждения от колдуна, которого молва в

самое ближайшее время окрестит повелителем черных сил. Думаю, моим недавним подданным уже всюду внушают, что я на самом деле негодяй, обманом похитивший свободу Истельна.

И вот теперь «повелитель зла» встал и осторожно шагнул вперед, стараясь не потревожить спокойствия Вселенной. Думать в эту минуту я решил не о судьбах мироздания, а о чем-нибудь обыденном и приятном. Наивная попытка обмануть вселенскую силу. Так неразумный малыш ладошкой пытается прикрыть попку, когда грозный учитель взмахивает розгой. Понимая всю смехотворность подобной уловки, я всего лишь пытался быть спокойным, словно мне не впервой отправляться на смерть.

Думаю о приятном, например, о гравюре, попавшей мне на глаза в одном из развлекательных сочинений, что десятками фабрикует в новейших типографиях. Резец гравера изобразил злобного некроманта, который готовится разрушить Ось Мира.

Люди изрядно наслышаны о мироустройстве. Самое обычное дело, если маг в свободную минуту беседует с любознательным гостем, развлекаясь дикими представлениями, что возникают в его голове. А потом дурень, облагодетельствованный мудрой беседой, пересказывает услышанное или излагает его в книгах, безбожно перевирая каждое слово.

Ось Мира на этой картинке была изображена в виде луча света, бьющего из какого-то алтаря, исчерченного бессмысленными рунами. По углам алтаря стоят зажженные свечи, а вокруг луча в красивом беспорядке разложены некие предметы, долженствующие изображать артефакты невероятной силы. Сам некромант с безумным взором, воздев руки, стоит перед алтарем. Картинка эта некогда столь умилила меня, что я купил книгу, хотя так и не удосужился ее прочесть. Теперь, наверное, ее читает Галиан, читает внимательно, стараясь угадать, что привлекло меня в глупом сочинении. А меня как раз и привлекла неизбывная глупость. Ну какие свечи, какие заклинания, какие артефакты? Это все равно что пытаться уговорить водопад: мол, не обрушивайся в долину, а взлетай на обрыв. Водопад тебя не услышит, он слишком шумен, чтобы слышать слова. Хотя и тут не все так просто. Это внизу, дробясь о скалы, он ревет и мечется, наверху вода изгибается плавной дугой, так что, если действовать осторожно, можно коснуться поверхности, не лишившись руки, а лишь смочив ладонь.

Именно это собирался я сейчас проделать с Осью Мира. Коснуться, но не уйти вглубь, не возмутить бешеной неподвижности потока, его кажущегося спокойствия. Тогда, быть может, ладонь удастся отдернуть. А нет... Растон сказал, что вокруг разметано много останков неудачников, приходивших к Оси. Что-то не вижу я их. Простыми глазами не вижу, а о магическом зрении сейчас лучше не вспоминать – целее буду.

Еще шагок с выставленными вперед руками... Может быть, Ось уже здесь, возможно, расстояние до нее не больше волоса, а я ничего не вижу. Сейчас я бы очень хотел, чтобы все вокруг было как на картинке в глупой книге, где Ось видна ясно, словно солнечный луч, проникший в пыльную комнату. Только на пейзаж, изображенный на заднем плане, я не согласен. Живописные скалы, роща, пасущееся стадо и нагие купальщицы, предающиеся своему невинному занятию в опасной близости от некроманта. И зачем дуралею понадобилась Ось Мира? Занялся бы лучше купальщицами...

Еще... И тут меня крутануло и ударило. Больно ударило. По-настоящему больно. Наверное, эта боль меня спасла, потому что иная, ненастоящая боль опалила так сильно, что не будь удара о ледяную стену, в чувство я вряд ли пришел бы. А так, одна боль вышибла другую, и я открыл глаза.

Носом я упирался в измочаленный конец веревки, свисавшей с края ледяной воронки. Той самой веревки, второй конец которой я вмораживал в лед, чтобы спуститься к Оси со всем уважением, а не въехать в нее с размаху. Теперь веревка, разодравшая жесткими волокнами мне щеку, живо напомнила, что по ней можно не только спуститься, но и подняться вверх. Пять минут назад я полагал, что подниматься со дна воронки не придется. Думал, что, поиграв в пятнашки со смертью, должен буду решительно окунуться в поток,

откуда вынырнуть уже не удастся. Однако никаких пятнашек не получилось, водопад не позволил коснуться себя, не замочив ладони. И в то же время он отпустил меня живым. А вот осуществить задуманную месть я не успел, слишком уж многое случилось за ту долю секунды, что меня вращало на всемирной карусели.

Конечно, можно было бы вернуться к Оси и предпринять вторую попытку, но, как говорили хуторяне, жившие возле моего замка, дурное дело никогда не опаздано. Сперва нужно обдумать и понять хотя бы часть увиденного.

А еще я почувствовал холод. Руками я упирался в ледяную стену, и их попросту свело, холод пробирался сквозь легкую накидку, которую я привык носить последние годы. Придворные и поэты называли ее мантией, и она вполне меня устраивала. Теперь я обнаружил, что удобная мантия совершенно не защищает от мороза, а сунув руку за пазуху, нащупал вместо заячьей шкурки щепоть шерсти, словно артефакт, гревший меня последние дни, во мгновение ока съела моль.

Разгадка проста: и шкурка, и Ось обладают природной магией – они сродни друг другу, и подобно тому, как могучий поток без остатка поглощает случайную каплю, так и Ось смысла простенькое волшебство шкурки. И теперь давно ставшее непривычным чувство холода коснулось меня.

Я, как мог, растер онемевшие пальцы, ухватился за веревку и полез вверх. Не хватало еще замерзнуть здесь, в полушаге от источника недоступной силы. Ледоруб вместе с сумкой я оставил наверху и теперь проклинал себя за непредусмотрительность. Вернее, не проклинал, а ругательски ругал. Проклятия волшебника – не та вещь, чтобы разбрасываться ими в сердцах и особенно в таком месте. Ни я, ни остальные маги не возьмутся решать, как отреагирует Ось на прозвучавшее проклятие.

Хорошо, что склон воронки был не слишком крут, по вертикальной стене я бы влезть не смог. А так – благополучно дополз вверх, встал на трясущиеся ноги, поднял сумку и ледоруб, брошенные там, где я вмораживал в ледник конец веревки. По счастью, артефакты, не коснувшиеся Оси, уцелели. Умница-фляжка напоила меня горячим молоком, и я слегка ожил. Зажал в кулаке дурацкий лесной амулет и – скок-поскок! – попрыгал к убежищу Растана, где в обмен на рассказ о великих тайнах мироздания надеялся получить немного тепла и покоя.

* * *

Кристаллоид Хрусть, вчера Растон между делом обронил, что великана зовут Хруstem, торчал на страже у входа в пещеру. Обнаружив меня, он принялся методично приседать, зазывая войти или просто приветствуя. Разумеется, я последовал приглашению, ибо, в противном случае, и сам мог заледенеть не хуже кристаллоида.

В прошлый раз Растон встретил меня в холодной галерее, но теперь я дошел до самых дверей в теплые комнаты и постучал костяшками пальцев. Руки промерзли так, что, казалось, от стука пальцы разлетятся на части, словно сбитые с крыши сосульки.

– Входи, – разрешил голос из-за двери.

Я зашел, окунувшись в живое тепло, словно в воду. Растана не было и здесь, зато возле стола стоял хозяичек и смотрел на меня круглыми кошачьими глазами.

Хозяичек – еще одно существо класса големов. Их иногда путают с домовыми и другой деревенской нежитью. Настоящие домовые обитают только в человеческом жилище – колдунов, даже самых ничтожных, они боятся пуще огня. Поэтому волшебники, чтобы дом не пустовал, заводят себе хозяичеков. Хозяичек бродит по дому, что-то делает, хотя ни настоящей помощи, ни серьезных проказ от него не дождешься. Они даже разговаривать умеют, так что войти мне разрешил именно хозяичек.

– Где хозяин? – спросил я.

– Тут.

Более подробной информации от хозяичека не добьешься, разве только ему поручено

что-то передать, и тогда он повторит сказанное слово в слово.

– Растон! – крикнул я.

Ответа не было.

Лезть без разрешения в галерею я не стал и уселся возле очага. Обломки бревен в очаге уже прогорели, но от каменной стены и кучи углей, подернутых пеплом, шло ровное тепло. Сидеть так можно было долго, тем более что фляжка на этот раз предложила глинтвейн, позволяющий скоротать у огонька хоть весь вечер.

Не нужно быть мудрецом, чтобы понять: Растон устраивает мне проверку, смотрит исподтишка, не начну ли я обшаривать комнату, выведывая секреты и тайны владельца. Тайна тут может быть одна: каким образом удалось обустроить все это благолепие под боком у Оси Мира? Но вряд ли ее удастся раскрыть, роясь в чужих вещах.

– Как тебя зовут? – спросил я хозяйичека.

– Тюпа.

– Ты давно здесь живешь?

– Всегда.

Конечно, какого еще ответа следует ожидать от Тюпы? Хозяйичеки домов не меняют, тут он явился на свет, тут и обитает. Даже если Тюпа создан, пока я ходил к воронке, для него это всегда.

– И все-таки, Тюпа, где хозяин?

– Тут.

– Он ничего не велел мне передать?

– Нет.

Сижу дальше, вспоминая, что успел увидеть за то мгновение, пока касался Оси. Это не может быть видение, я действительно видел всю Землю разом и при этом в мельчайших подробностях. Теперь я вызывал в памяти эту картину, и она послушно возникала, так что я мог рассматривать весь мир, каким он был всего лишь час назад. Правда, не весь разом, а фрагмент за фрагментом. Почему-то я был уверен, что, касаясь Оси, видел мир в движении, просто за то мгновение, что всевидение было доступно мне, почти ничего не успело произойти.

Я не торопился пристально взглянуть на Истельн, боясь потерять ровное расположение духа. Да и что могла мне дать мгновенная картинка? Одни только догадки о происходящем. Всевидение и всеведение – вещи разные. Зато я заглянул на Медовый Нос и обнаружил там с полсотни магов средней руки, которые рылись среди обломков, пытаясь сыскать что-то уцелевшее.

Я пожал плечами. Кто я такой, чтобы осуждать их? Для начинающего или слабого волшебника всякая вещь, побывавшая в руках великого мага, драгоценна. Так что не следует называть этих искателей мародерами, всякий добывает свой хлеб, как умеет.

Но где же все-таки мой хозяин? Тюповское «тут» может означать все, что угодно. Взглянуть, что ли, на убежище Растона, каким оно было пару часов назад, чем занимался Растон в ту секунду, когда Ось отшвыривала меня? Нет, не надо. Не следует сразу пользоваться новым умением для решения важных вопросов. Сначала хотелось бы освоить его, обкатать на мелочах, иначе можно обмануть самого себя, а это худший из обманов.

– Тюпа, где хозяин брал дрова? А то ведь угли скоро погаснут, дом начнет выстывать.

– Хозяин нигде не брал дрова, – личико Тюпы подвижное, но мимика совершенно не соответствует сказанному, так что оттенки смысла ускользают, и порой становится невозможно понять, что имеет в виду говорящий. Хотя Тюпа ничего в виду не имеет, он просто говорит. И раз я не понял – значит, плохо задал вопрос. Попробуем спросить иначе.

– Когда я был здесь в прошлый раз, в очаге горели дрова. Откуда они взялись?

– Их принес Растон.

Так, это уже интересно. Лгать, во всяком случае по собственному хотению, хозяйичеки не умеют. А мы видим явное несоответствие. Растон принес дрова, но хозяин дров не приносил. Получается, что хозяином здесь кто-то другой, мне покуда не известный. Очень

мило.

– Где Растон?

– Ушел.

– Куда?

– Не знаю.

– А хозяин где?

– Тут.

– Хозяин – это кто?

Не хотелось задавать этот вопрос, тем более что я уже знал ответ. И все же вопрос я задал и ответ получил:

– Хозяин – ты.

Некоторое время я сидел молча, ни о чем не думая. Угли медленно истлевали под пеплом, и больше ничто не указывало на течение минут. Наконец я спросил:

– Растон ничего не велел мне передать?

Хозяичек повернулся и, в точности копируя голос Растона, произнес:

– Я рад, что ты остался жив. Думаю, ты еще не раз вернешься к Оси. Поначалу она необычайно притягивает. Это действительно интереснейшая штука, только она не любит торопливых. А я провел здесь не одну сотню лет, и мне все обрыдло, даже Ось Мира. Остаток жизни я бы хотел прожить простым человеком. То, что здесь есть, мне не нужно, а тебе может пригодиться. С хозяйством разберешься, это не так сложно. За занавеской, которую ты вчера так внимательно рассматривал, начинается туннель, выводящий прямо к Оси. Это гораздо удобнее, чем каждый раз бегать по морозу. Желаю тебе удачи. Да, чуть не забыл... я собираюсь воспользоваться твоей лодкой. Можно было бы наколдовать что-нибудь получше, но я не стал тревожить Ось, пока ты был рядом, а иного колдовства, кроме собственного, Ось не потерпит. Да ты и сам это знаешь.

Тюпа скорчил уморительную рожицу и добавил от себя:

– Это все, больше ничего нет.

Я кивнул, сбросил задумчивость и пошел осматривать свои новые владения, весьма слабо напоминающие истельнский престол. Занавеска, за которой скрыта Ось Мира, подождет. Прежде надо выяснить, где Растон хранит дрова.

* * *

Занавеска и впрямь оказалась артефактом, но не охранным, а, скорее, караульным. Пропускала она кого угодно, но скрупулезно отмечала, кто и когда отдернул ее в сторону. Правда, перед уходом Растон вычистил тряпиче память, так что мне не удалось узнать, как часто сам Растон ходил к Оси и водил ли кого с собой.

Позади волшебной тряпочки, как и обещал Растон, начиналась наклонная штольня. Поначалу она шла в скале, а где камень сменялся льдом, путь преграждала плотная деревянная дверь, такая же, что и при входе. Дверь не запиралась, и ничего чудесного в ней не было. Обычная дверь, поставленная для сохранения тепла. Далее туннель проходил в толще льда, каменным был только пол. Лед казался беспросветно темным и, думается, не только потому, что сверху его покрывал слой снега. Слишком уж велика была здесь ледниковая толща.

На этот раз я дошел к точке вращения за какие-то полчаса, поскольку идти туннелем действительно оказалось не в пример удобнее, чем прыгать по поверхности.

Казалось странным, что в подледной камере, куда я попал, проходит та же самая Ось, вокруг которой образовалась воронка на гладком теле ледника. Хотя всякому ясно, что Ось Мира может быть лишь одна и проходит она не только сквозь лед, но и камень, магму, сквозь неведомые земные глубины, где, наверное, уже вызрел новый кристалл, рождающий Великую Черепаху. Интересно, кто сможет на этот раз добыть его? Наверняка это буду не я. Никакие могущественные артефакты не заставят меня второй раз лезть в бездонные провалы,

где я сумел полтора года тому назад найти зародыш Черепахи.

Пол в камере был таким ровным, что казался отполированным. Ледяные стены – идеально гладкие. Я вспомнил, как меня в прошлый раз провезло физиономией по такому же гладкому льду, совсем рядом, на какую-то сотню локтей выше того места, где я сейчас стою.

Кабы знать, где упасть, соломки бы подстлал... Вот, теперь знаю. Только ни соломка, ни иная подстилка здесь не поможет. Да и нет их у меня. Зато выглаженный пол в камере плотно расписан, не рунами, конечно, – чур меня от такой дури! – а небольшими дугами, сходящимися к центру, где очерчен кружок, ограничивающий Ось Мира. Дуги прочерчены угольком, вынутым из очага, и нетрудно представить, как Растон шажок за шажком приближался к невидимой Оси, очерчивая угольком пройденные дюймы и вершки и стараясь не думать, какая из черных линий станет для него траурной.

А сама Ось... потолще, конечно, чем на картинке, ладонями ее не обхватишь, но и с толщиной мифического ясеня Иггдрасиля не сравнить, любая сосна, идущая на строительство дома, будет куда как солиднее.

Но главное... я вдруг четко представил, как Растон приближается к незримой Оси, как его безжалостно отшвыривает, но он, преодолевая боль, ползет, чтобы отчеркнуть угольком еще одну линию, приближающую его к совершенству.

И хотя я еще не до конца разобрался с удивительным хозяйством Растана, не выяснил, где и как он брал бревна, которые Хрусть ломал на дрова, стаскивая их потом в одну из ледяных камер, как ловил рыбу, если до океана три дня пути, как командовал Хруstem, который сам, конечно, не станет ломать и таскать поленья, несмотря на все эти важные и нужные дела, я встал и пошел к Оси, доверяя угольным черточкам, которые оставил мне Растон. Меня не снедало нетерпение, я был спокоен, насколько вообще можно быть спокойным в подобной ситуации.

На этот раз я не коснулся Оси с одной стороны, а попытался обхватить ее ладонями, в той мере, как это было возможно. Поэтому вращение Земли не отшвырнуло меня и не ударило, как в прошлый раз. Меня втянуло внутрь той силы, что вращала Землю. Я слился с Осью, став ее частью. Поток был удивительно ровным, ничто не возмущало его, и поэтому он не стремился к разрушению, позволяя мне до поры оставаться в живых. Скорее всего, меня вместе с моей ничтожной магией попросту растворило бы там, но ощущение всевидения спасло от этой участи. Я впитывал не силу, которой не мог удержать, и не мудрость, которой там попросту не было, а обычное знание, которое само по себе, без осмысления, ничего не значит. Я видел все и обретал простейшие сведения об увиденном, хотя знать все я не мог. Но возможность узнавать не позволяла мне исчезнуть в этом потоке. Какая неожиданность! Чтобы выжить там, где я сейчас пребывал, вовсе не надо быть великим магом, достаточно сохранить в душе искорку человеческой любознательности. И тогда поток, протащив тебя по всей Земле, плавно вынесет к вершине мира, откуда ты начал свое путешествие.

Как и в первый раз, я ничего не пытался делать, хотя времени было больше чем достаточно. Но жажда мести, которая привела меня сюда, в эту минуту не казалась слишком важным чувством. Справедливость – иное дело, но если хочешь быть справедливым, изволь разузнать все как следует и слушать не только себя. Будь иначе, справедливость и месть обозначались бы одним словом.

Потом все кончилось, и я обнаружил, что сижу на исчерченном углем полу, задыхаясь, словно рыба, выброшенная на берег, или пловец, вынырнувший к солнцу с драгоценной жемчужиной в кулаке. Словно рыба, я рвался обратно, в стихию, ставшую родной; словно пловец, не мог насытиться воздухом и разжать ладонь, чтобы взглянуть на добытое сокровище.

Единственное, что я знал твердо: как только ватные ноги начнут слушаться, я снова приду сюда и вновь окунусь в чудесный поток. Непонятно, как Растон сумел уйти отсюда, уступив свое место? Или он так и не посмел коснуться Оси Мира, довольствуясь тем, что был рядом. Ведь тот, кто коснулся ее однажды, уже не сможет без нее жить.

* * *

Продуктов у Растана было запасено месяца на три беспечальной жизни. В ледяных камерах имелось все, что можно хранить, заморозив, а этого вполне достаточно, если не быть слишком требовательным. Дров сыскался преогромный штабель. Бревна были свалены неподалеку от жилища, великан Хрусть безо всякого напоминания методично ломал их, подтаскивал к одному из входов и сбрасывал в туннель. Очевидно, для этого он и был создан Растаном. Остальное приходилось делать мне: затаскивать изломанные куски плавника в теплые помещения и топить очаг. Сил это отнимало много, но я не жаловался, понимая, что иначе быстро сойду на нет, растаяв в притягательной магии Оси. А так я вынужден был отрывать от путешествий в Ось Мира и ежедневно несколько часов посвящать дровам и приготовлению пищи. Тюпа с удовольствием ел то, чем я его угощал, но сам готовить не умел категорически. Он мог меланхолично наблюдать, как мясо подгорает на сковороде, но без особого указания был не способен снять сковороду с таганка.

Хотя бы четыре часа в сутки приходилось спать. Применять заклинание бессонной работы я остерегался, боясь возмутить источник магии. Незачем баловаться с огнем не только в пороховом погребе, но даже на сеновале.

Зато все остальное время я проводил возле Оси. Учился не только видеть, но и слышать, не только вспоминать увиденное, после того как вышел из Оси, но и концентрировать свое внимание на какой-либо частности, находясь в потоке. Видеть все поле разом, но рассматривать один цветок.

Любой волшебник подтвердит: самое увлекательное занятие – изучать и учиться. Уметь скучно, но учиться – так прекрасно!

Никогда не понимал людей, полагающих, будто волшебник может стремиться к богатству, славе, почестям, наслаждениям... Единственное стоящее наслаждение – узнавать новое. Даже истельнский престол был нужен мне не ради золотой шапки или беспечальной старости, а потому что великое искусство управления скрывает множество загадок и ставит бесчисленное количество задач. Увы, с этими задачами я не справился, и результат оказался печален.

Кому-то может показаться странным, но в течение целого месяца я сознательно избегал вглядываться в Истельн и узнавать, как идут дела в моем бывшем королевстве. Я опасался, что не выдержу и вмешаюсь или, что вернее, не смогу остаться отстраненным наблюдателем, и мне придется вмешиваться прежде времени. А это значит, месть будет неполной и справедливость несовершенной. Нет уж, пусть узурпатор успокоится и сочтет себя в безопасности. Тем горше будет для него крах.

Зато я захотел увидеть новый зародыш Вселенской Черепахи и тут же обнаружил его. Кристалл сиял ровным зеленым светом, так что всякий, владеющий магией, мог бы увидеть его за сотню шагов даже сквозь тяжелый камень, в толще которого образовался зародыш. Существо, чуждое магии, должно было прежде расколоть базальтовый монолит. Но даже маг сумел бы коснуться драгоценнейшего из камней, только пробившись в такие глубины, где прежде не бывало даже горных кобольдов. А ведь в прошлый раз я отнял зародыш именно у этих тварей. Не знаю, где они отыскиали его, но хранили в своем главном святилище, считая сердцем бога или чем-то наподобие того – окончательно разобраться в этих вопросах я не смог. Кобольды, все до одного, обладают магическими способностями, без этого было бы невозможно выжить в подземных пустотах. Есть среди них изрядные чародеи, использующие чуждую людям магию хаоса, так что можно представить, каково было отнять камень и вынести его на поверхность. Спасло меня то, что я много возился с драконами и в магии хаоса кое-что понимал. Всякий иной чародей сгинул бы в Прорве бесследно.

И вот теперь зародыш Черепахи лежал передо мной, а рядом не было ничего, способного помешать мне. Достаточно протянуть руку и взять кристалл. Толща камня – не преграда для того, кто исполнен той силы, что вращает Землю.

Хотя это сильно сказано – протянуть руку. До сих пор, входя в Ось, я оставался неподвижен, не рискуя совершать не только волшебные, но и механические усилия. Но теперь я не смог удержаться и коснулся скругленных граней камня, ощутив ладонью знакомое тепло. Лишь сомкнуть пальцы я не посмел, оставив зародыш в его колыбели. Было бы недостойно добывать редкостный артефакт с помощью той силы, что несла меня в эту минуту. Кристалл уже был моим, да и сейчас он тоже мой. Так нужно ли хватать его, сдергивая с облюбованного места?

Во время следующего погружения я навестил Прорву – святилище кобольдов, где я добыл когда-то зародыш Черепахи. В ту пору в недрах Прорвы находился алтарь, вполне под стать картинке в глупом романе о чародеях и волшебствах. И какой только пакости не было натащено к его подножию! Окременувшие черепа вымерших гадов, горшки с протухшей кровью (я предусмотрительно не стал выяснять, чья это кровь, да и кровь ли вообще), изделия подземных мастеров: украшения, похожие на орудия пыток, и орудия пыток, причудливые, как украшения. Все опасное и напоенное чужой магией. А посреди этого паноптикума сиял нежной зеленью чудесный камень. В ту пору я еще не знал, что это такое, чувствовал лишь, что в черном святилище скрыт артефакт непредставимой мощи. Давя изделия поганых чародеев, я приблизился к алтарю, коснулся кристалла, поразившись живому теплу, идущему от мертвого камня. Теперь-то я понимаю, что камень не мертв, поскольку зародыш Вселенской Черепахи мертвым не бывает.

Потом я уходил по пещерам и скальным переходам, пробиваясь к солнцу и свету, кобольды атаковали меня с удесятенной силой, но ни разу не возникло у меня мысли воспользоваться чудесными свойствами моей добычи. Сначала нужно было узнать природу найденного чуда и лишь потом, может быть, пользоваться им.

Чудо есть чудо, чудесами нельзя расшвыриваться направо и налево. Даже в битве на Медовом Носу я решил вызвать Черепаху только потому, что знал: она не погибнет, даже если воинство магов сумеет расколоть панцирь. Уже через день или два в недрах земли выкристаллизуется новый зародыш, тот самый, который я гладил ладонью, но не стал хватать. Алчность и Ось Мира несовместны; кристалл останется там, где он вызрел, а я буду порой приходить и любоваться им.

В разоренной Прорве царила нетревожимая тьма, сквозь которую могли видеть только я да кобольды, вовсе не имеющие глаз. Как и прежде кобольды сползались сюда, притаскивая свои бессмысленные жертвы. Они даже расчистили часть проходов, которые я когда-то обрушил. Хотя кобольды не те существа, которые станут что-то расчищать без крайней необходимости. Эти твари редко появляются на поверхности, хотя, вопреки всеобщему мнению, света не боятся. У них просто нет глаз; подобно летучим мышам, они «видят» ушами. Кроме того, они умеют ориентироваться по запаху и пользуются еще какими-то органами чувств, для которых у людей нет названия. Кобольды с легкостью протискиваются сквозь щели, не доступные людям, и никогда не попадают в обвалы. Как они чувствуют опасность, я так и не понял, хотя последние годы усиленно изучал своих давних врагов.

Самое большое из невыполненных обещаний – обезопасить рудники Тимена. Кобольды, прежде редкие в тех краях, последние десятилетия принялись буквально терроризировать рудокопов, добывающих серебро и свинец. Так было повсюду, но стоило мне один раз вычистить шахты и весь край, изведя поганое племя под корень, как они словно взбесились и пошли на Тимен сплошным потоком. Казалось, мои усилия приводят к обратному результату – кобольдов становится больше. Они уже показывались на поверхности и угрожали самому существованию шахтерских поселков.

Интересно, как Галиан собирается решать эту проблему? Боюсь, что никак... шахтеры не поддержали мятеж и теперь вполне могут остаться без покровительства царя-колдуна. Впрочем, тогда и владыка Истельна останется без покровительства рудокопов. А это значит, что, когда Галиан состарится и одряхлеет, он станет уязвим для любого, кто пожелает занять его место. Веселую старость обеспечил себе мой враг.

Впрочем, я позабочусь, чтобы до старости он не дожил.

Мысли о мести я откладывал на потом, не желая возмущать чистоту Оси, а вот кобольдами занялся всерьез. Не знаю, вернусь ли я на истельнский престол, но свои обещания я выполню: никаких злых духов в рудниках Тимена больше не будет. И неважно, что кобольды вовсе не духи, а вполне себе материальные существа. Тем более не важно, что меня согнали с трона. Обещания надо выполнять независимо от внешних условий.

Серебряные шахты были буквально напичканы магическими ловушками, которые я выставлял, пытаясь заградить дорогу отрядам кобольдов. Вряд ли Галиан станет снимать их, не до того ему сейчас. А что делают с ловушками кобольды, как умудряются их обходить, взглянуть следовало. И вообще, как живут эти существа, чего ради рвутся наверх, где им совершенно нечего делать?

Оказалось, что почти все мои ловушки целы, а немногие пропавшие явно уничтожены кобольдами. Зато объявилось немало ловушек посторонних, которые некому было ставить, кроме Галиана. Разумно с его стороны: рудокопы и без того не слишком довольны сменой власти, а если при этом их положение ухудшится, то вполне может найтись еще один, желающий занять истельнский трон, и на этот раз крамола пойдет из Тимена.

Забавное зрелище представляют чужие заклинания, если смотреть на них с верхушки Земли. Весь их несложный механизм нарисован, как на ладони, а жалкая мощь – ничто, по сравнению с мощью настоящей. Устройство некоторых галиановских ловушек оказалось весьма примитивным, я давно отказался от таких, потому что кобольды научились их обходить, а то и перенастраивать, так что заклинание, настроенное на подземного жителя, становилось опасным для человека. Пару раз я обнаружил забавные хитрости, которые мне в голову не приходили. Но в любом случае все эти штучки не смогли бы остановить нашествие кобольдов, которые, кажется, специально рвутся в рудники Тимена. Значит, заниматься нужно не ловушками, а самими кобольдами, благо, теперь я могу заглянуть в их самые глубокие норы.

Первого кобольда я обнаружил здесь же, в одном из забоев, где ломали роговую обманку. Камень этот считается серебряной рудой, хотя главное в нем – свинец и олово. Кроме того, пусть в малых количествах, но в нем присутствует сурьма. Вещества все ценные, но крайне ядовитые. В иных странах на таких шахтах работают каторжники или рабы, и жизнь их исчисляется не годами, а месяцами. Рабов, как и каторжников, в Истельне нет; рудокопы Тимена – люди свободные. При этом они вовсе не похожи на смертников и живут ничуть не меньше крестьян или ремесленников. Нетрудно догадаться, почему это происходит. Я не могу даровать всем своим подданным молодость и здоровье, какими пользовалась моя гвардия, но спасти шахтеров от горных болезней я сумел, и люди этого не забыли. Тимен остался верен мне, хотя я не избавил шахтерский край от нашествия горной нечисти.

Встреченный кобольд возился в опасной близости от одной из ловушек. Темно-красное облако нечеловеческой магии окутывало его, так что я сразу понял, чем занята тварь. Он переделывал настроенную Галианом ловушку так, чтобы она пропускала кобольдов и убивала людей. Работал он весьма ловко и умело, должно быть, среди своих он считался изрядным колдуном.

Некоторое время я, не вмешиваясь, наблюдал за его деятельностью, а потом одним движением стер неудачную западню вместе со всем, что успел привнести в нее хитроумный кобольд. Это была моя первая попытка колдовать внутри Оси, проявлять собственную силу, которую я до этого тщательно скрывал. И вновь все обошлось, магическая суть ловушки немедля растворилась в могучем потоке, лишь легкое облачко мути долю секунды виднелось там, где только что красовалось хитроумное творение двух магов – человеческого и подземного.

Значит, можно колдовать, слившись с Осью, и остаться при этом целым. Это открытие многое меняет в моих представлениях и требует осмысления.

Кобольд, убийственное произведение которого неожиданно исчезло, немедленно замер,

потом осторожно повел носом, стараясь понять, что случилось.

Кобольды ничуть не похожи на людей, скорее, они напоминают гигантских бесхвостых крыс о восьми лапах. Тело их покрыто жестким волосом, скользким и не намокающим в воде; наверное, они смазывают свои шкуры какой-то дрянью. Все четыре пары лап кончаются длинными пальцами: кобольды одинаково ловко орудуют как передними, так и задними конечностями. На головах шерсти почти нет, зато от самого носа к шее тянутся ряды слуховых отверстий, напоминающих жабры миноги. Чуткий нос окружен венчиком упругих длинных усов, которыми кобольд ощупывает дорогу и при помощи которых «рассматривает» интересующий его предмет. Костей у кобольдов нет, одни только хрящи, гнущие и упругие. Такое устройство позволяет кобольдам просачиваться сквозь щели, где застрянет и вдесятеро меньшее существо.

Чем они питаются в своих глубинах, я не знаю, но каннибализм, вопреки расхожему мнению, не практикуют, слишком уж редки встречи людей и кобольдов, слишком несхожи и отвратительны друг для друга две расы. Рудокоп, которому посчастливится зашибить киркой кобольда, станет его жрать? Нет, конечно! А почему кобольды должны вести себя иначе? Для них люди тоже отвратительны, а такое не едят.

Кобольд, за которым я наблюдал, смешно топорщил усы, всем нечеловеческим видом выражая совершенно человеческое недоумение. Я усмехнулся и щелкнул его по мокрому носу.

В то же мгновение меня вышвырнуло из Оси с такой силой, что едва не размазало по ледяной стене.

Очухался нескоро и с большим трудом. Ноги не держали, а ползти по холодному проходу в свою нору не было сил. Ясно же, что не доползу, замерзну на полпути. Оставаться в камере – тем более замерзну. Но и ползти в Ось после той взбучки, что я получил, казалось чистым безумием.

В моей жизни всегда было много безумия, а в последние дни – особенно. И я, обтирая одеждой угольные метки, пополз туда, где только что едва не погиб. Главное – не стереть последнюю метку, очерчивающую круг у самой Оси.

Конечно, была вероятность, что я немедленно получу второй щелбан, может быть, даже посильнее первого, но в этом случае мои мытарства закончились бы, пусть не безболезненно, но быстро.

Ось Мира встретила меня прежней стремительной незамутненностью, словно и не давала мне только что по башке. Но теперь я знал, чем рискую, пытаюсь нарушить законы вселенской гармонии. Все сущее гармонично, каким бы безобразным ни казалось оно узкому человеческому взгляду. Вздумай я убить кобольда, скорее всего, от меня просто ничего бы не осталось. А так я, хотя и побитый, вновь был в Оси, а напуганный кобольд улепетывал, просачиваясь сквозь трещины, которыми была окружена рудная жила.

Преследовать его я не стал: кто знает, до каких пор допустимо вмешательство в чужие дела? Зато я уничтожил все ловушки, которые были перенастроены вражескими магами. Я уже знал, что это можно делать безопасно.

Отныне и навсегда: сначала разузнать все, что возможно, и лишь затем действовать, стараясь не совершать резких движений и необдуманных поступков!

Я на время оставил кобольдов; это слишком гадкие существа, чтобы, имея дело с ними, не совершать резких движений. Прежде я решил поглядеть, что не так делал с Риверской банкой. Ривер – это не земля, не остров и вообще не часть Истельна. Это обширная мель неподалеку от морского побережья королевства. Как всегда бывает на морских банках, там ловится много рыбы, но не это главное. Беда в том, что на отмели, на каменных зубах Риверской банки, лишь немного прикрытых водой, гибнут корабли. Рыбацкие суденышки – пореже, тяжелогрузные купеческие суда – гораздо чаще. Осадчивое судно садится на мель, пропоров каменным зубом раздутое брюхо трюма, после чего волны быстро растреплют пленный корабль. Чтобы сняться с мели, судно стараются облегчить: за борт летят улов и товары, но помогает это не всегда.

Купеческие суда в основном гибли ительские или имевшие с Ительном деловые связи. Я обещал негоциантам помощь, тем более что никаких трудностей здесь не предвиделось. Поднять участок дна так, чтобы образовалась скала, которую не заливают приливы и не захлестывают бури, и поставить там маяк, указывающий кораблям правильный путь. К несчастью, простенькая задача оказалась из числа невыполнимых. Дно неизменно обрушивалось там, где я намеревался возвести скалу, и тут же выпирало каменным горбом в том месте, где еще вчера безопасно проходили купцы и промышляли рыболовецкие суденышки. Блестящая идея – малой кровью помочь своим и соседям – обернулась серьезной проблемой.

И вот теперь появилась возможность выяснить, что же там происходит. Не скажу, чтобы я чувствовал сильную благодарность столичным купцам, многие из которых участвовали в мятеже, но, как я уже говорил, обещания надо выполнять, и я их выполню. И только после этого начну наказывать виновных.

Смотреть сквозь землю могут многие... но всего на три аршина. А если хочется заглянуть глубже, то здесь не помогает самая изошренная магия. Хочешь зреть подземные тайны – изволь спускаться туда вьявь. Кстати, заветные три аршина, на которые якобы видит всякий колдун, объясняются очень просто. Три аршина – глубина могилы, поэтому в поговорку вошла именно эта цифра. Некоторые могут не только в могилы заглядывать, им подвластны и большие глубины, но предел тем не менее обозначен, и от трех аршин он отличается несильно. На сто аршин заглянуть не может никто... кроме наблюдателя, сроднившегося с Осью Мира.

Зрелище, открывшееся при взгляде на недра Риверской банки, оказалось внушительным и прискорбным. Весь скальный массив не держался буквально ни на чем. Бесчисленные залитые водой пустоты и тонкий, изъеденный соленой влагой камень. Все это должно было непрестанно рушиться, порождая землетрясения и гигантские волны, которые опустошили бы окрестные побережья, и в первую очередь, гавань Мальца.

Остановить цунами, когда подводное землетрясение уже произошло, – задача чудовищно сложная. Конечно, Мальц я бы сумел прикрыть, но рыбацьи поселки на побережье были бы обречены. Теперь все эти удовольствия свалятся на голову Галиана, а сумеет ли он сделать хотя бы то, что сделал бы я?

Злорадства я не испытывал. Конечно, приятно, когда у твоего врага беды, трудности и несчастья, но только если при этом не гибнут рыбаки, портовые грузчики и их семейства. И я продолжал рассматривать пустоты Риверской банки, думая уже не о том, как отомстить Галиану, а как спасти невинных.

А посмотреть было на что. Весь подводный массив оказался пропитан магией: чуждой, нечеловеческой, злой. Эта сила была отлично знакома мне: в Прорве, где я добыл зародыш Черепахи, ее было еще больше. Багровая магия кобольдов! Я и не думал, что эти существа способны жить не только под землей, но и в воде. А тут сыскалась еще одна прорва – не меньше первой. Теперь понятно, почему маяки, выстроенные мною, так целенаправленно уничтожались! Ну и зверушки! Хотя какие они зверушки, они ничуть не глупее людей, они просто иные.

А Ось Мира не видит разницы между кобольдом и человеком и не разрешает убивать никого. Или все-таки разрешает? Ведь добывал же где-то Растон палтуса, и мяса в его кладовке наморожено довольно. Думается, без Оси Мира дело не обошлось. Величайший источник магии – как средство добыть на обед кусок баранины... тут есть о чем поразмыслить.

Но об этом потом. Сейчас надо решать, что делать с подводной прорвой. Самих кобольдов в этом месте почти не видно, не иначе твари чувствовали, что их подводные чертоги более чем ненадежны. Лишь изредка сквозь вереницу гротов проплывало веретенообразное тело; кобольд замирал, вытянув усатую морду, делал что-то всеми восемью конечностями сразу и плыл дальше.

Все кобольды, хотя и в разной степени, обладают магическими способностями, но

здесь подобралась только мастера чародейства. Сложная система заклинаний, которую они плели, была отлично видна, но разобраться в ней мне было не под силу. Видеть и понимать – увы! – несколько разные вещи.

Зато каменного червя, который вгрызлся в основание подводной горы, я признал сразу, хотя подобной громады мне еще не доводилось видеть.

Трудно поверить, но каменные черви находятся в прямом родстве с кристаллоидами. Еще одно порождение мертвой магии недр, разновидность земляных големов. Когда-то, собираясь проникнуть в Прорву, я тысячами создавал каменных червей и посылал их на разведку глубин. Разумеется, я старался, колико возможно, уменьшить размеры своих соглядатаев и добился в этом немалых успехов. Этот червяк, напротив, поражал воображение своими размерами. И, разумеется, он был искусственно создан. Всякое отклонение от нормы непременно несет отпечаток человеческой руки или магии. Или нечеловеческой.

На этот раз угадать создателя каменного урода оказалось проще простого. Уж руку Галиана с некоторых пор я узнаю с первого взгляда. Поражало другое: размеры червя. Впервые я видел творение Галиана, какое мне было бы не под силу повторить. Вот уж действительно, у любого недоучки есть чему поучиться.

Обычно творения высших магов закрыты для чужого взгляда. Чтобы понять, как устроено наколдованное создание, нужно приложить немало сил, но мне с вершины мира было видно все. Я взгляделся в тонкие структуры, желая узнать, чего ради Галиан творил такое угробище, какое задание поручил ему. Вгляделся и ахнул. Недоумок решил ни больше ни меньше, как скрыть Риверскую отмель, обрушить скалы в систему пещер и в окружающие банку глубины. Видимо, он рассчитывал, что их можно будет ронять по одной, избежав таким образом серьезного землетрясения. Как же, избежишь... или он думает, что пока одна скала будет падать, остальные останутся висеть на прежних местах из любви к магу Галиану? Жди дольше!. Что-то я не видал прежде влюбленных скал. Они рухнут все разом, а ведь под первым ярусом пещер находятся второй и третий... и так далее, едва ли не до самого слоя магмы. Разумеется, Галиан ничего об этом не знает и предусмотреть подобную западню он не мог, ведь на суше подобное сооружение не простояло бы и минуты, обвалившись под собственным весом. Но даже в воде вторжения галиановского червяка оно не выдержит. Галиан добьется своего – Риверская банка исчезнет полностью и когда-нибудь в этих водах можно будет проплыть, не рискуя напороться на мель. Только плавать будет некому и незачем. Вместо банки, куда отправляются за уловом рыбаки окрестных стран, образуется подводный вулкан, выбрасывающий на поверхность ядовитый смрад и горы пемзы. Земля забьется в конвульсиях, Истельн, прежде не знавший землетрясений, изведает их сполна. Цунами смоят не только Мальц и рыбацьи поселки, но и портовые города сопредельных стран. Мореплавание в окрестных водах на многие столетия станет невозможным, так что некому будет разбиваться о подводные скалы, которые наверняка вновь возникнут на этом месте благодаря работе вулкана.

Ай, Галиан! Ай, молодец! Кардинально решил проблему! Заставь дурака богу молиться, так он себе лоб разобьет. И кабы только себе...

Страшное дело: видеть, знать – и не мочь. Я слишком хорошо помнил щелбан, который получил в ответ на свое вмешательство, по сути дела, совершенно безобидное. Я ведь не убил кобольда, мастерившего ловушку на человека, не нанес ему никакого вреда, не причинил боли. Щелчок по носу, и в ответ – удар, едва не отправивший меня к праотцам. А тут надо вмешиваться быстро, решительно и жестко. Червь уже приступил к своей разрушительной работе, и каждый день приближает если не конец света, то катастрофу вполне с ним сравнимую.

Но Галиан-то каков? Мог бы разведать все получше, прежде чем запускать свое чудище. Вот ведь скотина! С каким наслаждением я раздавлю его, если останусь жив.

Я не знал, будет ли у меня хотя бы секунда на исправление недоделанного, поэтому раскрылся сразу и полностью, стараясь успеть как можно больше. Кажется, червь был

хорошо защищен, я не заметил этой защиты. Всю его тонкую структуру стер единым махом, как не было. Успел еще направить обезмысленного червя вертикально вверх, где, очутившись на поверхности, он должен немедленно окаменеть. А затем... затем я удивился. Ось Мира плавно слизнула всю галиановскую ахиною, а к моей активности осталась совершенно равнодушна. Мощный поток должен был растворить меня, но почему-то не растворил. Сам себе я казался студенистой медузой, которая мало отличается от воды, но плавает в ней, сохраняясь вопреки очевидности.

Торопливо и неловко я вынырнул в подледную камеру на Медовом, которая показалась родной и уютной.

Что же это получается? Все, что писалось и говорилось об Оси Мира, оказывается неправдой? Не убивает Ось и позволяет очень и очень многое. Разве что бить других не велит, а в остальном, вот она – власть над миром. Прямо обидно, что мне эта власть не нужна. Я уже в Истельне власти досыта накушался.

Так ни до чего не додумавшись, я вернулся в Ось, причем удалось мне это легко и быстро. Галиановский червь был уже недвижим, причем башка его торчала из воды, вздымаясь над поверхностью саженой на десять. Я не без удовольствия рассматривал наше совместное с Галианом (с Галианом!) творение. О лучшем маяке не стоило и мечтать. Если наверху зажечь огонь, все корабли будут предупреждены, что именно здесь начинаются опасные мели и, значит, купцам следует держать мористей, а рыбакам – удвоить осторожность.

Дело оставалось за малым – разжечь огонь.

Разинутая пасть червя превратилась в удобную чашу, шагов пять в поперечнике. Туда бы масла налить, хотя бы бурдюк, – будет гореть всю ночь.

Масло в бурдюках для производства олифы, пропитки тканей, для лампад, светильников и иных надобностей можно найти на любом южном базаре. Там же – масло в амфорах, что идет в пищу. Взять его нетрудно, но не будет ли воровство хуже, чем щелчок по носу? Поступишь нехорошо, Ось так даст по макушке, что только масло потечет.

Я нашел на Огненном берегу, где пылают негасимые огни, источник черной нефти и, мысленно зачерпнув бочку густой жидкости, перенес ее на вершину так удачно окаменевшего червя. Туда же кинул частицу пламени из горящего источника. Вершина рукотворного пика запылала, словно факел в руке циклопа. И хотя пламя казалось темным и исходило клубами непроглядного дыма, видно его было издали и днем, и в ночной темноте.

Неделю волшебный маяк будет виден всем, а там, надеюсь, люди сообразят, что огонь следует поддерживать.

А я, закончив свой труд, внимательно огляделся и заметил, что поток магии уже не такой гладкий. В нем образовалось несколько струй, которые сплетались, словно канаты в баллисте. Если эта штука щелкнет, ничего не останется ни от меня, ни от результатов моей храброй деятельности.

Я поспешно покинул Ось, хотя и понимал, что если вселенская сила захочет, то достанет повсюду. Теперь становились понятны слова Растана, что здесь многое можно, но не нужно. Не стоит колдовать рядом с Осью, но и в самой Оси любые движения – как собственные, так и магические – должны учитывать направление силы и быть соразмерны желаемому результату. Не так просто переустраивать мир и не возмутить Ось, вокруг которой он вращается. Мне повезло по первому разу.

Двое суток я не осмеливался показаться в Оси. Совершал прогулки по окрестностям, а это было не слишком приятно, если вспомнить, что заячья шкурка погибла; сидел у очага, в подробностях изучал хозяйство Растана, доставшееся мне в наследство.

Многое так и оставалось неясным, например, вопрос с топливом. Огромные завалы древесины обнаружили неподалеку от моего убежища. Стволы топляка, замороженные до хрупкости, валялись там внахлест. Их было столько, что дров могло хватить на полторы сотни лет. Но как Растон умудрился доставить всю эту тяжесть в центр Медового острова?

Некоторое время я безуспешно ломал голову над этим вопросом, а потом махнул рукой, решив, что за полтора столетия что-нибудь да придумаю.

Кристаллоид Хрусть ломал эти деревья молодецкими ударами, обломки и мелкую щепу по наклонному ходу спускал вниз, а там уже Тюпа таскал бревнышки к очагу. Подкладывать дрова в огонь ему не разрешалось. Если дров оказывалось мало или, напротив, разошедшийся Хрусть забивал дровяную камеру обломками, Тюпа тонко и неразборчиво кричал на товарища, и великан послушно замирал или ускорял свои движения.

Положение с едой было и проще, и сложнее одновременно. Задавая хитрые вопросы Тюпе, я сумел установить, что провизию Растон приносил из ледяного штрека, ведущего к Оси Мира. А поскольку дорога там была одна, значит, еда добывалась при помощи Оси. Особых разносолов у старика не водилось, следовательно, не такое уж безопасное это было дело. Тем не менее кушать нужно и человеку, и магу.

На третьи сутки я зашел в Ось и обнаружил, что жгут, скрученный мною, бесследно исчез. В мире тоже не произошло кардинальных изменений. Огонь на верхушке каменного червя сошел на нет, лишь кое-где чадили смолистые остатки, которые одни называют пеком, а другие – асфальтом. Зато неподалеку от маяка стоял на якоре корабль. Мореходы, прибывшие из Истельна, осматривали место, возможно, по собственной инициативе, но скорее, посланные Галианом.

Галиан, несомненно, не мог не понять, что в его колдовство вторглась чужая воля, переиначившая все на свой лад, и теперь наверняка паниковал. Ничего, пусть паникует – это судьба всякого, кто влез не на свое место.

Потом я заглянул на ярмарку в селе Благом. Не так давно окрестные мужики готовы были взяться за рогадины, чтобы защитить меня от узурпатора, и я серьезно опасался за их судьбу.

Оказалось, что все не так плохо. Не встретив сопротивления возле замка, Галиан сумел поворотить свою сборную армию обратно к столице, так что села и хутора в большинстве своем оказались не тронуты. А те, кто пострадал, спешно получали помощь из казны. Ничего не скажешь, весьма предусмотрительно. Любви Галиан подобными штуками не заработает, но и ненависть тоже не вспыхнет. А на большее ему сейчас рассчитывать и не следует.

Базар в Благом шумел, как в прежние годы, хотя иноземных гостей – загорных и пришедших северным трактом – почти не было. Зато приехало несколько столичных купцов, скупающих деревенские товары в ущерб самим себе. Несомненно, это посланцы Галиана, перед которыми поставлена задача: добиться, чтобы оборот ярмарки не снизился.

Вот и спрашивается, зачем Галиану потребовалось свергать меня? Ничего, кроме хлопот и неприятностей, он не получил и теперь вертится, что угорь на сковородке. Ничего, пусть повертится, время еще есть.

Всякие вкусности в обжорных рядах лежали горой. Я чувствовал, что взять их можно так же легко, как некогда я зачерпнул нефти в источниках Огненного берега. К тому же нефть я черпал бочками, а тут возьму немножко. Вот только не сочтет ли Ось базарную кражу столь же недопустимой, как и щелчок по длинному кобольдову носу? Хочешь взять товар – изволь платить.

Денег у меня не было, но эту проблему я разрешил легко. Окинул взглядом океан, нашел на дне обломки давно затонувшего корабля и набрал среди ила пригоршню золотых и серебряных монет. Опасливо глянул вверх... Неровность в магическом потоке имелась, но небольшая, и уже через полминуты от нее не осталось следа.

Дождавшись, когда Ось успокоится, я вернулся на базар и бросил три монеты на прилавок перед торговцем малиной. Серебро тонко зазвенело, продавец в изумлении уставился на возникшие из ниоткуда деньги.

Ось благожелательно молчала. Закрутившаяся было струйка бесследно разошлась в общем потоке.

Теперь, наверное, я могу взять и малину. Во всяком случае, это нельзя будет назвать воровством: малина выставлена на продажу, а я заплатил куда больше, чем стоит весь товар

у торговца ягодой.

Я протянул руку и осторожно взял одну из корзинок. Всею кожей я чувствовал напряжение потоков магии, но ни один из них не сорвался и не ударил меня. Если бы Ось была разумна, можно было бы сказать, что она сочла допустимой покупку малины на Благовском рынке.

Зато продавец ягод отреагировал самым бурным образом.

– Базарник! – закричал он. – Базарник купил у меня малину!

Сбежался народ. Люди рассматривали старинные, нездешней чеканки монеты, размахивали руками, галдели каждый о своем. Оставшиеся ягоды у счастливицы были раскуплены в мгновение ока, причем никто – ни продавец, ни покупатель – не торговался. Купить тот же товар, что покупал базарник, – это же к счастью!

Базарником никто из великих специально не занимался, просто руки не доходили. Известно только, что такого существа нет, хотя в него верят по всей земле, в любом месте, где люди собираются, чтобы торговать и меняться товарами. Базарник никогда ничего не берет даром, он платит щедро, в несколько раз больше, чем стоит взятый товар. Увидать тороватого покупателя никому не удастся; просто товар, выложенный на прилавок, вдруг исчезает, а на его месте появляются деньги.

Маги в базарника обычно не верят, просто потому, что никаких следов постороннего колдовства на этом месте не остается. А раз не видно волшебства – значит, нет и базарника.

Теперь я оживил старую легенду, выступив в роли щедрого привидения. Даже жаль, что никого из колдунов не было поблизости, интересно было бы полюбоваться на их физиономии, когда они станут изучать старинные монеты и расследовать исчезновение корзинки с лесной малиной.

Но в Истельнском королевстве бродячие маги – редкость, поэтому я не стал задерживаться и с корзиной в руках вышел из Оси.

Спелая малина, собранная на старых горях, – пахучая и сладкая. Глядя на заснеженные просторы Медового, почти невозможно поверить, что где-то стоят летние деньки и зреет малина. Горстку малины я дал Тюпе, и он с готовностью счавкал ее, хотя и не умеет понимать вкуса. Остальную, как была – в плетенке, поставил на стол и долго сидел рядом, отправляя в рот по ягодинке и размышляя, как жить дальше.

Никто из врагов достать меня здесь не сможет, но и отомстить Галиану так просто не получится. Это тебе не кобельда по носу щелкнуть. Все, что я до сих пор сделал, идет, скорее, на пользу моему недругу, нежели во вред. Конечно, он обеспокоен судьбой червя, но зато на Риверской банке возник естественный маяк, создание которого молва, конечно же, припишет Галиану. И базарник в Благое объявился в правление нового властителя; при мне такого не было.

Хотя еще не известно, чем закончится создание маяка. Мои сооружения рушились через неделю-другую. Надо будет посмотреть, что сейчас творится под Риверской банкой. Посмотреть и постараться понять происходящее.

Вновь я нырнул в подводную прорву и так же, как в первый раз, ужаснулся нестойкой хрупкости всего сооружения. Зато окаменевший червь впаялся в тонкие стены, став их частью, так что в любом случае кобельдам не удастся обрушить маяк. Если это сделать, худо придется не только побережью, но и пещерам – подземным и подводным.

Смотрю, пытаюсь понять... вот скала – почему она не падает? Да потому что ее удерживают прочные нити заклинаний. Откуда магическая сила в этих заклитиях? Притекает вот по этим струнам. А дальше? Струны должны где-то сходить, но этого нет. Непонятно...

Мне чудилось, будто я вишу в пустоте и рассматриваю свысока сложнейшую паутину, сотканную волшебниками кобельдов. К несчастью, паутина разорвана, чего-то в ней не хватало, некоей важной части, возможно – самой важной. Никому из земных магов было бы не под силу сплести столь всеобъемлющую сеть заклинаний. Такое могли сделать только кобельды, когда они работают все разом. И все же в их творении зияла брешь... то ли сеть

была не закончена, то ли разрушена.

Раз за разом я прозванивал, проглядывал, выверял систему магических нитей, созданную извечными врагами рода людского. Я знал, что мне не вмешаться в чужое дело, ничего не подправить и не изменить там. Сила, питавшая паутину, была равно чужда как человеческому волшебству, так и бесхитростной магии Оси. То была багровая энергия глубин, которая заставляет взрываться горы и извергаться вулканы. Она не фонтанирует каскадом и не подчиняется изоощренному человеческому разуму. Ни один самый черный колдун не способен ею управлять. Она подвластна лишь злобе и хитрости кобольдов... да и то – подвластна ли? Может быть, дело обстоит ровно наоборот – кобольды служат той силе, что наполняет их, побуждая к жизни и работе. Так природная магия заставляет двигаться кристаллоид и одушевляет свои истинные творения – мелкую нежить, наполняющую леса, долины и дома людей.

Чем-то сила глубин была сродни магии, драконов, которую еще никто не мог направить на созидательные цели. Сила хаоса, что царит в сердце Земли.

Некоторое время я ласкался этой мыслью и даже придумал на ее основе несколько изящных парадоксов, но потом понял, что все мои построения высосаны из пальца. Магия драконов была беспросветно черна, холодна и спокойна, а эта светилась и ежеминутно готова была взорваться.

На свете есть немало сил, с которыми приходится сталкиваться и даже использовать, хотя они навечно останутся чуждыми человеку.

Постепенно становилось ясно не только строение, но и предназначение отдельных элементов сети, выстроенной кобольдами. В подводной прорве, где пещеры спускались едва ли не к самому слою магмы, энергия хаоса концентрировалась и принимала упорядоченный вид. Упорядоченный хаос – звучит дико, но у меня нет других слов. Таких мест, собирающих темную силу, по всей Земле нашлось три, и все это богатство сбрасывалось в истинную Прорву, туда, где я некогда добыл зародыш Черепахи.

Пробиваясь к своему сокровищу, я во множестве рассекал гудящие магические струны и преодолевал огненные реки медленно текущей лавы. Я воспринимал преграды, как удивительные природные явления, возникшие сами по себе и столь же бесцельно существующие. А теперь видел, что это части единого механизма, охватившего чуть не всю Землю, отлично продуманного и... хотелось бы сказать – «отлаженного», но именно этого я сказать и не мог.

То, что я когда-то сломал, испортил и сжег, давно было исправлено, но никакого порядка в подземном хозяйстве не возникло. Сила бессистемно истекала во все концы, вызывая подгорные бури, обвалы и землетрясения. Кобольды, о которых твердили, что они всегда знают, где предстоит быть катастрофе, на самом деле гибли сотнями в родных норах, и в половине случаев несчастье бывало вызвано их собственными заклинаниями.

И лишь потом, причем не находясь в Оси, а проснувшись утром и обдумывая предстоящий день, я понял причину такого несчастья.

* * *

Чужак двигался по Медовому острову.

Я заметил его издали, когда он только высадился на берег. Сверху, из Оси, чужая магия выглядела мутными светящимися пятнами, и на Медовом, где никто не колдовал, эти пятна сразу бросались в глаза.

Незнакомый колдун высадился неподалеку от того места, где причаливал к берегу и я. Разумеется, он сразу обнаружил могилу Скорна и меч с наложенным на него заклятием. Попытался выдернуть меч из камня, не сумел и принялся раскачивать рукоять, стараясь переломить клинок. Этого у него и подавно не получилось.

Чародеишко был посредственный и сразу мне не понравился. Тем не менее я следил за ним, не вмешиваясь. Он-то хамничает, находясь в обычном мире, а я слежу за ним из Оси и

не могу даже дать ему щелбана, чтобы не совал свой нос, куда не следует.

Наконец он уgomонился и, оставив могилу в покое, отправился в глубь острова. Магией он пользовался без зазрения совести, и мне пришлось несколько раз вмешиваться, чтобы успокоить Ось. Силы для этого почти не тратились, но следить нужно было в оба, поскольку дуралей был совершенно непредсказуем.

То, что он направляется к Оси Мира, стало ясно с первой минуты, но что там делать чародею такого ранга?

Немного подумав, я решил остановить самоубийцу, выслав ему навстречу Хрустя, как Растон высылал его ко мне. Встреча двух дуболомов оказалась короткой и печальной для кристаллоида. Невидимой для простого глаза молнией мелькнуло заклинание, выступ на плечах ледяного гиганта разлетелся вдребезги, и Хрусть застыл в полуприседе. Все случилось настолько неожиданно, что я тоже застыл дурак дураком.

Мерзавец, ни за что разрушивший безобидного Хрустя, довольно потер ладошки и, кажется, засвистал какой-то мотивчик.

Моим первым желанием было напрочь снести выступ, что торчал на плечах у незваного гостя, но я сумел сдержаться. В конце концов, разрушения не так велики, Хрустя можно починить. Я нашел подходящую ледыху, прилепил ее на место прежней головы и зажег голубоватое пламя природной магии, заставлявшее двигаться неживую громаду. Вроде бы получилось неплохо, во всяком случае, Хрусть немедленно возобновил поклоны, приглашая в гости пустое место, что находилось перед ним.

В чем-то он был прав, с этой минуты чужак стал для меня пустым местом. Я проследил за ним до самой воронки, окружавшей Ось Мира. Чародей остановился на краю обрыва и принялся читать одно из своих паршивеньких заклинаний. В эту минуту он был очень похож на некроманта из непрочитанной книги. Ось безучастно впитывала хилые волны магии, которые посылал пришелец. Мне даже не пришлось ничего поправлять. Затем неудачливый искатель могущества поднялся в воздух и спланировал вниз, в середину Оси.

Даже если бы я хотел что-то предпринять, я бы не смог этого сделать. Меня на мгновение ожгло не то холодом, не то жаром, душу стегнуло истовое желание дурака: «Власть! Власть над миром!» – а в следующую секунду от чародея осталось облачко мути, тут же исчезнувшее без следа. Материальная природа незваного гостя тоже не устояла, лишь мелкие брызги секанули в разные стороны, спалив мою веревку, что по-прежнему свисала с обрыва, и углубив воронку разом на целую пядь.

Лишь теперь я понял, что означают полосы чуть более темного оттенка, нежели окружающий лед, которые хоть и с трудом, но можно разглядеть на зеленоватой стене. Вспомнились слова Растана: «Там много останков нашего брата разметано...». Вот такая судьба была уготована и мне. Хорошо, что в ту минуту меня не интересовали ни власть, ни могущество, и даже мысли о мести я отложил на потом.

А что касается погибшего чародея, то в момент гибели у него и впрямь была власть над миром. Только воспользоваться ею он не успел. Власть – вещь преходящая, и чем больше власть, тем быстрее она проходит.

* * *

Кто бы мог подумать?. Уж, во всяком случае, не я. Даже когда я поселился в доме Растана и всякий день ходил к Оси, я не думал, что когда-нибудь поступлю столь немислимым образом.

Кристалл сиял передо мной ровным негаснущим светом. Драгоценнейший из артефактов, некогда с бою взятый у народа кобольдов в самой глубине чудовищной Прорвы. Зародыш Великой Черепахи. Древние верили, что на ее спине держится земной круг. А я добыл Черепаху, носил с собой и использовал в бою, едва не погубив Землю. И вот теперь я второй раз протянул руку, чтобы взять то, что мне не принадлежит.

За полтора столетия, что камень пробыл у меня, рука привыкла ощущать гладкость его

граней. Камень льнул к ладони, и все в душе кричало: «Это мое! Я добыл его, отняв у мерзких тварей, я хранил его долгие годы, и он должен принадлежать мне!».

Я не сопротивлялся этой силе, сопротивляться ей бесполезно. Я даже не сделал ни единого шага, поскольку в Оси нет расстояний и здесь не нужно делать шагов. Я просто разжал пальцы, положив кристалл на безобразный алтарь, с которого взял его полтора столетия назад.

Древние были правы: Земля действительно стоит на спине Великой Черепахи. И неважно, что на самом деле шар Земли кружится в вечной пустоте; если не будет Черепахи, Земля рухнет внутрь себя, обратившись в дым и хаос. А я, ничтоже сумняшеся, сорвал с места основание Земли, положил его в карман и ушел, довольный своим геройством.

И теперь, сокрушенный и униженный, я принес камень обратно.

Не знаю, что делали подземные жители, увидав возвращенное сокровище. Может быть, они прыгали, извивались и ликовали по-своему. Быть может, лежали ниц, не смея встопорщить усов. А возможно, просто удовлетворенно хрюкнули и продолжили заниматься своими делами. Я ничего этого не видел, потому что видеть не хотел. Кобольды не стали мне симпатичнее, оттого что я узнал, чем и как они живут. Но они живут под землей и еще меньше нас заинтересованы в землетрясениях и внезапных извержениях вулканов. Вся сплетенная ими магическая паутина направлена на то, чтобы силами хаоса поддерживать мировой порядок. И Великая Черепаха была сердцем этого удивительного явления.

Кто знает, когда ползучие кобольды сумели бы найти возрожденный зародыш, возможно, к тому времени ни под землей, ни на поверхности было бы уже невозможно жить. Но у меня хватило силы исправить зло, которое я причинил в те времена, когда считался светлым магом.

Вернув кристалл, я забился, словно волосатый кобольд, в свою нору и неделю пил без просыху. Фляжка поила меня самой горькой водкой, но это было ничто по сравнению с той горечью, что жила в душе.

Проснувшись в очередной раз, я привычно прильнул к волшебной фляге и содрогнулся от неожиданно кислого вкуса. Более злого кваса пробовать мне еще не доводилось. Глоток зверского пойла продрал меня изнутри, заставив мгновенно вытрезвиться. Разумеется, фляжка была тут ни при чем, не та это вещь, чтобы управлять владельцем и указывать, что ему пить. Просто я сам понял: пора возвращаться к жизни, и таким варварским способом рассеял алкогольный дурман.

Во время моего запоя Тюпа исправно дважды в день подметал полы и, вопреки приказанию, поддерживал огонь в очаге, так что особого урона жилище не претерпело. Хотя, возможно, начав мерзнуть, я сам приказал Тюпе заняться очагом. А что касается колдовства в пьяном виде, то я, как всякий человек, не склонный к самоубийству, давным-давно заблокировал у себя эту способность.

Теперь я был способен смотреть в лицо правде и глотать горькие пилюли. И, войдя в Ось, я отправился в Истельн, в самую столицу, куда прежде остерегался заглядывать.

Оглядев город с высоты птичьего полета, я не обнаружил никаких разрушений. Дома немногих горожан, осмелившихся выступить на моей стороне, оставались целыми, и старые хозяева жили в них по-прежнему. Каюсь, я почувствовал нечто вроде разочарования, обнаружив, что Галиан предусмотрительно отказался от репрессий и не стал наживать себе дополнительных врагов. Во время беспорядков наколдованные солдаты Галиана не вмешивались в столкновения между людьми, а всего лишь следили, чтобы в городе не начались погромы и пожары. И, разумеется, Галиан не стал никого преследовать... Это было умненько с его стороны. Мое отношение к Галиану не улучшилось, но признать за ним некоторые способности пришлось.

Во дворце – в моем бывшем дворце! – в этот день проходил прием, и я имел удовольствие взглянуть на Галиана в торжественной обстановке.

Великий Галиан оказался плюгав и даже на троне выглядел не государем, а лавочником. Окружающие этого не замечали, обманутые несложным колдовством, но я-то

видел истину! Галиан изо всех сил тщился выглядеть величественным и уверенным, но сквозь важные жесты и веско роняемые слова просвечивали тревога и недоумение. Еще бы, все его проекты заканчиваются удачно, но идут не так, как было задумано. Кобольды ушли с серебряных приисков, но ни одна ловушка не сработала, а часть и вовсе пропала, как не было. А что касается отмели с самозародившимся там маяком, то Галиан, конечно, делал вид, что все так и было задумано. Он даже наколдовал сотню бочек смолы, чтобы поддерживать огонь в пасти своего окаменевшего зверя. Люди Галиану поверили, но ведь самого себя не обманешь. И Галиан, сохраняя уверенный вид, на самом деле мучился злейшей из пыток – неизвестностью.

Глядя на надутую Галианову физиономию, я даже расхотел его убивать. Больше всего хотелось щелкнуть Галиана по носу; жаль, что Ось Мира не позволяет мне этого маленького удовольствия.

Пришлось уходить, не насладившись мстью.

* * *

В Прорве я больше не появлялся, было бы слишком больно смотреть, как подземные уроды обхаживают мой камень. Но я видел, что напоенная магией глубин сеть обрела смысл, обратившись в единое целое. Хаос был взнуздан, и кобольды могли управлять им.

Какой-то месяц назад я бы ужаснулся при мысли, что в лапы коварным тварям попадет подобная мощь, но теперь был спокоен, и не потому что сам владел силой еще большей. Я пришел к осознанию простой истины: в мире нет зла. Есть глупость и непонимание, которые порой творят чудовищные вещи, но зла нет, потому что оно никому не нужно. Кобольдам нечего делать на поверхности, их встречи с людьми всегда были случайными. Даже сталкиваясь в шахтах и пещерах, мы прежде умели разойтись миром, если только бессмысленный страх не заставлял хвататься за оружие и бормотать заклинания. А жесточайшие атаки последних десятилетий – в них виновен я. Лишившись святости, кобольды были вынуждены уходить из не доступных человеку глубин, где стало слишком опасно. Они не оставили попыток вернуть камень и шли по моим следам, уничтожая маяки, которые я ставил на Риверской банке, и отчаянно атакуя те шахты, где чуяли мою руку.

Полтора столетия длилась эта война, а я любовался зеленым камнем и жил в полном согласии с совестью. Пожалуй, те, кто называет меня сейчас повелителем зла, не так далеки от истины.

Теперь кобольды получили обратно зародыш Черепахи, и война прекратится сама собой, потому что с самого начала не имела смысла.

Глупость и непонимание возопят, что, получив зародыш, кобольды стали непобедимы. Они могут сотрясать землю, колебать моря и пробуждать вулканы. Багровая сила, таящаяся в сердце Земли, способна за короткий срок уничтожить все человечество. А разум спросит: «Зачем?». Кобольдам не нужны наши дома, пашни и дороги. Города не мешают им, скорее всего, подземные жители ничего не знают о наших городах. Они хотят спокойно жить под толщей камня, и значит, им нужно, чтобы земля не сотрясалась, море не колебалось сверх необходимого и вулканы не просыпались в недобрый час. А что при этом станет хорошо и людям тоже, то, честное слово, подобная мысль может огорчить только очень глупого и ничего не понимающего кобольда. А такой, ежели вдруг родится, долго не протянет. Глупые и непонимающие в пещерах не выживают. То, что я вышел из Прорвы живым, – исключение, подтверждающее правило.

* * *

Некоторое время я вел жизнь праздного путешественника. Окунувшись в Ось, бродил по свету, навещал страны, где когда-то бывал, и заглядывал в такие места, о которых никто из живущих и помыслить не мог.

Между прочим, я отыскал Гроста. Умница-дракон не стал возвращаться в родные места, а умотав чуть не на половину земного круга, поселился среди невысоких гор, со всех сторон окруженных безводной пустыней. Лучшего места он выбрать не мог. Люди в этих краях не селились, а вараны и дикие верблюды водились в достаточном количестве, чтобы прокормить пришлое чудовище.

Нашлись вскоре и люди, вернее, один человек. Босоногий старик в ветхом халате и тюрбане, венчавшем плешивую голову, ежедневно прилетал к логову дракона на волшебном ковре, таком же драном, как и его халат. Устроившись неподалеку, залетный старик заунывно играл на флейте. Близко к отдыхающему дракону он не подходил, а переваривать сожранного верблюда музыка не мешала, поэтому Грост не трогал старичка.

Драконы любят музыку, хотя вкусы у них странные. У старичка тоже были странные вкусы, а быть может, он просто знал, какие напевы успокаивают озлобленного дракона. Грост лежал, прислушиваясь к переливам флейты, и иногда дергал ухом, словно собака, отгоняющая муху. Картина эта умилила меня несказанно. Умилил не Грост, с ним было все ясно, а старичок. Приручить таким образом дракона можно, но для этого потребуется лет пятьсот, а старик не протянет и десятой части такого срока. Да и силы особой в нем не заметно. Так, колдунишка, каких много. Тот дурак, что на моих глазах сгорел в Оси, был куда круче. Но и он не сумел бы совладать с драконом. Одно дело – приучить к себе зверя, чтобы он не убил тебя, совсем другое – заставить его слушаться.

Я представил, что будет, если забавный старик добьется своего. Грост успокоится и станет мирным, насколько вообще способен быть мирным дракон. Старик сможет подойти к чудовищу вплотную, положить руку на иссеченную в боях броню, сможет задать вопрос и услышать ответ. Драконы умеют разговаривать, хотя и не способны произносить слова. Они говорят мысленно. Мысли драконов коротки, просты и несомненны. Драконы не рассуждают, а изрекают истины и поэтому слывят мудрецами. О чем сможет говорить с драконом старик?

Наверняка босоногий дервиш понимает, что его задача невыполнима, но он прилетает каждый день и играет на флейте, словно годы его не сочтены и пятьсот лет в запасе всегда найдется. Так, наверное, и должен поступать человек, знающий, зачем живет.

Как я ему завидую.

Мне хотелось сделать старику хоть что-то хорошее, но оказалось, что всей моей силы недостает на такую простую вещь. Дервиш ходил босиком и в драном халате не потому, что не мог разжиться обувью и одеждой поновее, а просто по привычке. От жизни ему было ничего не нужно, разве что ковер-самолет малость побыстроходнее той почтенной древности, которой он пользовался. Но тут я ничего не мог поделать. Древняя вещица летала, используя природную магию. Она была сродни Оси Мира и растворилась бы в ней при первом прикосновении, как это случилось с заячьей шкуркой, о которой я не перестану сожалеть.

Единственное, что я сумел сделать, – незаметно подсказать, какие мелодии нравятся Гросту больше всего. Теперь, чтобы успокоить и приручить дракона, старикану потребуется не пятьсот, а каких-то двести лет. Жаль, что и этот срок абсолютно недостижим.

Трудно утверждать наверняка, но мне кажется, что Грост почувствовал мое присутствие. Явно он никак себя не выдал, но есть мелкие черточки, по которым можно судить о таких вещах. Человек незнающий удивится: какие могут быть мелкие черточки у дракона? Но я много возился с драконами и знаю, что говорю. Драконы – существа насквозь магические, так что нет ничего удивительного, если они воспринимают магию Оси, «видят» ее, как мы видим воду. А то, что Грост не стал в открытую признавать меня, говорит только об одном: появление хозяина в виде бесплотного призрака выпадает из системы привычных представлений и, пока не несет угрозы, не требует никакой реакции. Раз по этому поводу нельзя изречь прописной истины, следует промолчать.

При взгляде из Оси Грост казался непроницаемо черным, что неудивительно: магия драконов напрочь чужда природной. На чем основано это волшебство, сказать трудно. Даже

хозяину дракон не позволит ковыряться в своей душе. Магия Земли, воплощенная в Великой Черепахе, также чужда драконам, это я выяснил не столь давно.

Рассуждатели из числа ученых дуралеев, говоря о драконах, твердят о силе Извечного Зла. Именно так, заглавных букв и ничуть не меньше. Помилуйте, какое Извечное Зло? Гулл – дракон, развоплощенный во время битвы на Медовом Носу, – любил, чтобы ему почесали загривок. Глухой Пэт даже смастерил специальную чесалку, этакие грабли с зубьями в виде стальных клинков. Как вам кажется, Извечному Злу можно почесать загривок? Такое прилично кошке, но не этической категории. Впрочем, те же рассуждатели числят котов, особенно черных, по тому же злодейскому ведомству. А уж меня наверняка прописали этого ведомства главой. Жаль, что мне не над кем начальствовать.

Древние мистики, те, кто считал землю плоской, называли отцом драконов Уробороса – сказочного змея, способного сожрать весь мир. Уроборос лежит в море, обвивая кольцом землю, и грызет собственный хвост, ибо ничто другое не может утолить его голод.

Красивая сказка и наивные представления... Но ведь Великая Черепаха, на спине которой покоится плоская Земля, существует, хотя и не в том виде, как представлялось предкам.

И я отправился искать Уробороса или то, что может быть им.

* * *

Легко искать, когда знаешь, что ищешь, а вернее, когда знаешь, каким должно быть то, что ищешь. Первый раз зародыш Черепахи я отыскал случайно, а чтобы найти его второй раз, потребовалось всего полчаса. Теперь передо мной стояла задача – пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что.

Ох уж эти сказки! Сплошное найди да принеси. Назвался груздем – полезай в кузов. А если груздю охота пребывать в лесу, а не в кузовке?

Я уже догадывался, что Уроборосу, ежели таковой сыщется, место где угодно, только не в моей корзине, и искал по большей части из любви к искусству, желая знать, а не владеть.

Когда я впервые увидел это чудовище, я очень похвалил себя за предусмотрительное решение не присваивать его, а всего лишь изучить. Уроборос действительно лежал в океане – просто потому что на земле для него не хватило бы места. Змеем его назвать язык не поворачивается, а другого поименования ему нет. С непривычки его можно было принять если не за горную цепь, то за древний оборонительный вал, с неведомой целью насыпанный на морском дне. Там, где подводные течения смели напластования ила, можно было разглядеть шкуру, покрытую костяными бляхами. Донные черви изгрызли кость, она осыпалась неопрятной трухой, но изнутри нарастала новая чешуя, броней прикрывающая живое тело.

Местами слежавшийся ил почти полностью скрывал чудовище, лишь бесконечно длинный холм открылся бы взору, способному видеть сквозь вечную ночь морских глубин. С поверхности сюда не проникал ни единый лучик, только глубоководные медузы и стеклистые рачки мерцали обманными, ничего не озаряющими огоньками.

Мне темнота ничуть не мешала, я искал, ориентируясь не на вещный свет, а на источники магической силы. И тут уже пройти мимо было нельзя. Бесконечное туловище Уробороса казалось рекой сияющей тьмы. Профаны полагают, что тьма – всего лишь отсутствие света, что она может только скрывать. Неправда! Тьма сияет так же ярко, как солнце, и так же освещает мир, только со своей, темной стороны. Зла нет нигде, но тьма и свет, жар и холод, движение и покой есть и будут всегда.

Целый час я следовал за извилами бесконечного тела. Быстроходному кораблю, чтобы повторить по поверхности мой маршрут, потребовалась бы не одна неделя. Наконец я увидел... хвост. Украшенный костяными шипами, он свешивался с обрыва. Иногда он вяло подергивался, и тогда целые скалы срывались в подводный каньон.

А говорят, Уроборос замкнут в кольцо и пожирает свой хвост! Я усмехнулся и отправился искать голову зверя.

Вот уж что-что, а голова Уробороса илом покрыта не была! Течение тут существовало исключительно в сторону пасти. Собственно, вода оставалась неподвижной, но нескончаемым потоком текли в бездонную утробу обитателя моря. Рыбы, крупные и мелкие, сбившись в стайки и косяки, дружно, плыли на съедение. Промысловая треска и мойва, которую ловят только ради наживки, сельдь и сельдяная акула... какие-то вовсе не промысловые рыбы, вроде минтая, который считается среди моряков несъедобным, колючий морской черт и электрический скат – все равно исчезали в разверстой глотке. Крабы, перебирая коленчатыми ногами, бодро бежали навстречу гибели, колыхались полчища медуз, пульсировали прозрачные веслоногие рачки, а если прищуриться, можно разглядеть самых крошечных обитателей моря, торопливо вспарывающих плавательными ворсинками воду в неистовом желании накормить собой повелителя вод.

Зрелище грандиозное и отвратительное.

Но не это поразило меня всего сильнее. В сияющей черноте я увидел тьму еще более беспросветную, если, конечно, возможны градации беспросветности, а посреди нее – нечто ослепительно белое.

Уже через мгновение я понял, что находится передо мной.

У некоторых рыб в голове встречается необычная кость: узорчатая, фарфорово-белая, очень твердая и тяжелая. Она давит рыбине на мозжечок, помогая находить вертикаль в мире, лишенном верха и низа. Уроборос – не рыба, но в голове у него находилась такая же кость. Я отлично видел ее – единственный белый предмет в черном теле. Костяга длиной всего три вершка, но весом почти в пуд; ее покрывали причудливые борозды, словно кость копировала извилины мозга, в котором уместилась. На что она там давила, что позволяла ощутить, не мог разобрать даже я, но одно видел ясно и несомненно: белейшая костяшка, столь малая по сравнению с телом чудовища, была источником чернейшей магии, что разливалась окрест. Все остальное – не более чем мясо, живущее за счет вечного пожирания самоотверженных даров моря.

И еще я вдруг осознал сиюминутный эгоистический смысл безобиднейшей с виду фразы: «В голове у него находилась кость».

С виду безличный, но на деле жадный глагол «находиться». «В отрогах Тимена находится серебро» – значит, туда приходят старатели, железными мотыгами вспарывают нутро горы и находят серебро. «В желудке кашалота находится амбра» – значит, китобой железным гарпуном пронзит кита, вспорот ему брюхо и найдет в желудке комок амбры. «В голове Уробороса находится волшебная кость...» – ее покуда никто не нашел, но когда-нибудь явится великий маг, море вскипит небывалой битвой и побежденный Уроборос всплывет кверху брюхом, а узорчатая кость больше не будет находиться в его голове, она будет найдена.

Люди не придумали слов, за которыми не скрывалась бы жажда обладания. Скажешь: «в голове имеется кость» – и понимаешь, что кто-то алчный хочет ее иметь. «В голове была кость» – тут алчности не осталось, одно сожаление: мол, была, да сплыла. Но если она не была, а есть – значит, кто-то мечтает ее скушать. А когда человек мечтает, жаждет, хочет – он добьется своего.

Мне зябко представлять того, кто станет владельцем подобного артефакта. Сила этого предмета так же велика, как и у молота Тора, но бьющий молотом бьет и по себе самому, а Уроборос не знает ограничений. Уроборос так же могуч, как и Великая Черепаха, но Черепаха только защищает и оберегает, а кость Уробороса способна на все. Тот, кто добудет ее, сможет творить драконов и не приручать их, не зная, что выкинет чудовище в следующую минуту, а повелевать, приказывать, как хозяин приказывает собачонке.

Все эти картины я видел ясно, как действие на сцене кукольного балагана.

А ведь это далеко не все. Полностью осознать возможности артефакта сумеет лишь тот, кто возьмет его в руки. И если такой гений объявится, то конец нашего мира наступит скоро

и неизбежно. Человек, убивший Уробороса, спустится под защитой драконов в Прорву и заберет зеленый кристалл, вокруг которого сплетаются нити багрового колдовства. Теперь-то я вижу, что нити, спряденные трудолюбивыми кобальдами, складываются под землей в единую картину, очерчивая образ Всепланетной Черепахи, той самой, на чьей спине держится земной круг. Настоящая Великая Черепаха держит Землю и живет в Земле, а то, чем владел я, – жалкий слепок, пародия, воспоминание о том, что должно быть. И если вновь забрать яйцо, Земля пусть не сразу, но рухнет.

И еще... зеленый кристалл и багровая магия глубин держат Землю. А что держат белая кость и черная магия водной пучины? И еще есть золотистое сияние человеческого волшебства, есть бесцветный или чуть голубоватый, почти невидимый поток природной магии, фонтанирующий в Оси Мира. И нет ничего, что могло бы ограничивать их, придавать порядок и смысл. Или я просто не знаю об этих артефактах, как еще недавно не знал о сокровище, скрытом под черепом Уробороса.

Я незримо висел над царем вод и думал обо всем этом, а рыбы продолжали плыть, бесконечной чередой скрываясь в черной дыре его глотки. И невольно возникала мысль, противная всему обдуманному ранее. Море кажется безбрежным, хотя на самом деле это не так. Оно богато, но и ему есть предел. Когда-нибудь Уроборос сожрет все, что плавает в океане, и тогда настанет черед земли. Если, конечно, прежде не убить змея и не забрать белую кость, дразнящую призраком черного всемогущества.

Я не знал, что делать, а вернувшись домой и открыв книгу мага, увидел чистые листы. Никто прежде не сталкивался с подобными вопросами или, во всяком случае, не обсуждал их наедине с листом бумаги или в беседе с колдуном, равным по силе.

Оставалось просить помощи у того, кто знал Ось Мира гораздо лучше, чем успел узнать я.

* * *

Найти Растана оказалось непросто. Старый чародей жил, не проявляя даже искры волшебства. Впрочем, трудно – не значит невозможно. Я нашел его в маленьком приморском городке, далеко на юге. По всему видать, старику ужасно надоели льды и вечная зима. Растан жил открыто, у всех на виду, так что никто не мог заподозрить в нем великого мага, впавшего в старческую немощь.

Я еще не придумал, как буду разговаривать с Растаном, ведь для обычных чувств я неощутим, а колдовать в этих местах мне бы не хотелось. Не хватало еще навести на след старика какого-нибудь шакала, из тех, что добивают впавших в ничтожество колдунов, чтобы воспользоваться магическими кунштюками, собранными за долгую жизнь.

Но Растан, видимо, слишком сроднился с Осью Мира, потому что сразу заметил мое присутствие. Он поднял голову, улыбнулся вечернему небу и негромко сказал:

– Ну, здравствуй. Я думал, ты явишься ко мне гораздо раньше.

– Я хотел разобраться сам, – ответил я.

– Хорошо. Я рад, что не обманулся в тебе. И как ты, разобрался?

– Нет.

– Это тоже хорошо. Человек, который совершенно точно знает, что надо делать, непременно совершает ошибки.

– Но делать все равно нужно. Тот, кто колеблется всю жизнь и вовсе ничего не делает, совершает ошибку куда более серьезную.

Растан промолчал, мелко кивая, так что непонятно было, согласен он со мной или у старика просто трясется голова.

Тогда я спросил:

– Ты долго жил на Медовом, был хозяином Оси. Почему ты не узнал о мире все, что может узнать человек, и не исправил то, что можно исправить?

– Я не был хозяином. Подобная сила хозяев не потерпит. Ей можно только служить.

Тот, кто приходит властвовать, не проживет в Оси и единого мига.

– Это я знаю. Одного такого я успел увидеть. Но пускай ты не был хозяином, но ты видел устройство мироздания, и у тебя было довольно времени, чтобы понять его. В мире есть великие артефакты, один из них еще недавно был в моих руках, но коснувшись Оси, я понял, что не имел права владеть подобным предметом. Я вернул Великую Черепаху на законное место...

– Значит, мир еще немного постоит, – ответил Растон, безмятежно улыбнувшись.

– Так почему ты не отнял у меня зародыш Черепахи еще сто лет назад и не отнес его в Прорву? Сколько несчастий ты мог бы предупредить!

– Потому что это не моя, а ваша жизнь, и не я, а вы должны решать, как поступить с миром, доставшимся вам в наследство. Может быть, вы желаете его уничтожить, а я ни с того ни с сего начну мешать вам. А на это очень похоже. Молот Тора бил уже трижды. Еще один удар – и мы провалимся в тартарары.

– Один человек, даже если у него достало силы коснуться молота Тора или зародыша Черепахи, не имеет права решать судьбы мироздания!

– Ты совершенно прав. Но ведь и я тоже один. К тому же, в отличие от вас, я сполна прожил свою жизнь. Так что решать все-таки тебе, хотя ты и не имеешь этого права.

– Ты мог хотя бы предупредить меня, когда я, как последний дурак, лез в Прорву.

– А ты бы послушался? Тебя можно было остановить, только убив. А если убивать самых лучших, то мир провалится в тартарары еще неизбежнее.

– Все равно можно было что-то сделать...

Растон поник головой и долго молчал. Потом произнес:

– Наверное, что-то сделать было можно. Но тут есть еще одна загвоздка. Великие маги живут тысячу лет, а я провел возле Оси срок вдвое больший, хотя пришел туда уже не мальчиком. Я устал.

Совсем недавно я слышал подобные слова и видел такой же тусклый взгляд. Мне было нечего возразить.

А Растон продолжал говорить медленно, как будто самому себе:

– Я не знаю, проклят я бессмертием или когда-нибудь умру. Мне еще хочется сидеть у огня, дышать чистым воздухом, наблюдать рассветы и закаты, любоваться красивыми девушками. Да, девушки до сих пор нравятся мне, если смотреть на них издали. Но я устал от волшебства, чудес, от силы, которая не вмещается в дряхлом теле. Я просто устал. Последние годы я держался только на чувстве долга и ждал, когда явится кто-то, способный взять на себя мое служение. На Медовый приходили многие, но души их были слишком мутны, и Ось убивала их, равнодушно и жестоко, как это умеет одна только природа. Тебе я сумел помочь. Думаешь, ты со своими обидами и желанием отомстить выжил бы, коснувшись Оси в первый раз?

– Я и сейчас хочу отомстить.

– Конечно, хочешь, но не сию минуту, а когда-нибудь потом. Сегодня у тебя есть дела поважнее, чем расквитаться с этим... как его?. Галианом.

– Мне очень хочется щелкнуть его по носу, а большего он не заслуживает.

– Думаю, когда-нибудь это желание исполнится.

– И все же, Растон, посоветуй, что мне делать с Уроборосом?

– Чем помешал тебе старый змей?

– Убивать его нельзя, поскольку он хранит последний из великих артефактов, не побывавший в руках людей. Но, если оставить все, как есть, он сожрет море и землю, луну и звезды, а потом и сам сгорит, пытаясь заглотить солнце. Мир рухнет в его утробу, словно в бездонную прорву.

– Это не единственная прорва, в которую рухнет мир. Одну ты сумел заткнуть, Черепаха не позволит Земле провалиться внутрь себя. Но что ты скажешь об Оси Мира?

– Она вращает Землю, – растерянно произнес я общеизвестную истину.

– Ты так думаешь? А в те времена, когда я постигал азы нашего искусства, думали

иначе. В ту пору Земля была плоской, возлежала на спине твоей любимой Черепахи, и никто помыслить не мог, что она способна вращаться. Над Землей, вздымалась небесная твердь, и природная магия Оси не рассеивалась меж звезд, а, отражаясь от небес, дождем падала вниз, орошая и оплодотворяя все. Ныне Покров небес сорван, шар Земли носится в космосе, и магия Оси расточается в этой прорве. Попробуй разобраться с Покровом небес, тогда, быть может, поймешь, что делать и с Уроборосом. Небо, земля и вода должны быть едины.

– Покров небес? Я всегда воспринимал его как одну из аллегорий древней космогонии.

– Теперь ты знаешь, что Великая Черепаха и впрямь держит Землю и Уроборос лежит в океанских глубинах. Так почему не быть и Покрову небес?

– Где он? У кого? Как его отыскать?

– Эти вопросы не ко мне. Ты лучше меня разбираешься в сегодняшней жизни.

– Но я ничего не знаю о таком артефакте...

– И это говоришь ты? – Растон усмехнулся, и странно было видеть усмешку на его бескровных губах. – А чем, по-твоему, можно развоплотить дракона?

* * *

Колдовство высших степеней – занятие мужское. Среди прекрасной половины рода человеческого встречаются феи и ведьмы, колдуньи и чародейки. Маг – слово мужского рода. Считается, что женщинам этот уровень недоступен.

Правило было бы неполным, если бы из него не было исключений.

В святилище Анрат, несмотря на все преграды, я прошел так же легко, как и в любое другое место на Земле.

Святилище... можно подумать, что маг кому-то поклоняется там или кадит фимиам самому себе. Куда точнее подходят слова лаборатория или мастерская, но люди вкладывают в них несколько иной смысл, представляя жилище алхимика, кузницу или мануфактурное производство, что не соответствует истине. Волшебники же, вопреки бродячему мнению, не знают иных слов, кроме тех, которые созданы людьми. Так что пусть будет святилище. Все равно, когда о колдунье Анрат напишут увлекательный роман, гравер вырежет на меди такие иллюстрации, что дом Анрат иначе как святилищем назвать не получится.

Покров небес вовсе не имел никакого цвета, лишь чуть заметные искорки посверкивали в глубине. С виду он представлял собой кусок материи размером с головной платок, даже переплетенные нити вроде бы можно было рассмотреть, хотя никаких ниток там, конечно же, не было. В отличие от других великих артефактов, Покров не излучал никакой силы. Чудовищные противоположности сходились в этой невзрачной тряпице. Нечто донельзя волшебное и в то же время бесконечно чуждое магии.

И еще... я чувствовал незавершенность этой вещи. Всякий артефакт, даже самая простенькая волшебника, представляет собой вещь в себе, иначе он попросту не станет работать. А тут... чем-то маленькая тряпочка напоминала мне багровую паутину, сплетенную кобальдами: могучую, всеобъемлющую и не способную к работе, потому что у нее вырвали сердце. Возможно, дело в том, что сейчас артефакт был опустошен недавним использованием. Но я видел, что он постепенно восстанавливается и через полгода или год вновь сможет бесследно рассеять любое проявление магических сил, мощь которого хоть как-то ограничена.

Этой вещью владела грозная старуха Анрат – единственная женщина, вошедшая в плеяду великих магов. Она была много старше меня, жизнь ее клонилась к закату, но она по-прежнему оставалась грозной старухой, которая пятьсот лет назад поднялась в горние выси и сорвала Покров небес. Слабыми руками эту тряпицу было бы не удержать, а в битве на Медовом Носу Анрат сражалась жесточе, нежели более молодые маги.

Хотя я находился в Оси, Анрат почуяла неладное и немедленно объявилась в своем святилище. Встревоженно огляделась по сторонам, резко каркнула:

– Кто здесь?

Лишь увидав старуху, я понял, что тревожило меня при взгляде на артефакт. Теперь все вопросы разрешились, я сразу успокоился. Все-таки хорошо, что я не стал сразу хватать Покров, а дождался появления хозяйки. Правильный поступок всегда тот, что наиболее нравственен, об этом не стоит забывать.

– Здравствуй, Анрат, – сказал я, желая, чтобы меня услышали.

– Кто?. – выкрикивала Анрат, спешно сплетая хитроумные узлы волшбы. – Кто здесь?

– Ты меня не узнала? А ведь мы однажды встречались, совсем недавно, на Медовом Носу. Я тогда лишился одного из своих драконов.

– Ты жив? Я думала, что стерла тебя вместе с твоим чудовищем.

– Как видишь – жив. И сейчас я пришел забрать у тебя Покров небес.

– Не выйдет! Меня не так просто убить!

Я видел, что Анрат готова к сражению, но не знает, куда бить. Она чуяла чужое присутствие, но не могла понять, откуда я говорю с ней.

– Я не собираюсь тебя убивать, – произнес я как можно спокойнее, – да и не смог бы этого сделать, разве что ценой собственной жизни. Я пришел за Покровом небес, а потом сразу уйду и постараюсь больше не тревожить тебя.

– Ты его не получишь!

– Я мог бы взять его минутой назад, пока тебя еще не было тут, могу взять его и сейчас, так, что ты не сумеешь мне помешать. Но я не хочу раздирать Покров небес, мне надо, чтобы ты сама отдала его, своими руками и по доброй воле.

– Зачем?

Все-таки маг всегда остается магом. Прежде всего ему требуется знать, затем – мочь и лишь потом – все остальное. И старуха, отжившая почти девятьсот лет, стоя перед лицом противника, пришедшего отнять самую ценную вещь из всего, что она скопила за свою невероятно долгую жизнь, не умоляла, не ругалась и не грозила. Она спрашивала, потому что понимать важнее, чем иметь. Не ответить на ее вопрос было бы самой большой несправедливостью, какую только можно измыслить.

– Мы пришли в этот мир, – сказал я, – чтобы владеть им, создавать и устраивать. Но вместо этого мы растаскиваем его на куски, раздираем на части, и каждый тащит оторванное в свою нору. Рачительные хозяева так не поступают. В мире есть предметы, которыми никто не должен владеть, потому что они олицетворяют существование той или иной ипостаси этого мира. Насколько я знаю, таких предметов четыре, и три из них уже сорваны с мест и принадлежат отдельным людям. Более того, их уже использовали в битве друг против друга. Чудо, что Вселенная уцелела в тот день. Теперь надо исправлять порушенное. Покров небес должен вернуться на свое место.

– Какой в этом толк, если твою Черепаху раскололи на части, а молот Тора бил уже трижды?

– Черепаху можно разбить лишь с четырех ударов. Зародыш Черепахи остался цел, и я вернул его туда, где он должен быть. Теперь очередь за Покровом небес.

– Никто не может повернуть время вспять. У меня уже не хватит сил, чтобы подняться в ту высь, где парила эта тряпица.

– Она не просто парила. Покров небес – единственное, с помощью чего можно управлять природной магией. Некогда он сдерживал ее поток, не давая бесследно исчезать в пустоте. А теперь мир истекает магией, как раненый – кровью.

– Ты мне-то не ври. Уж я-то знаю, что Покров ничем не умеет управлять. Простой тряпкой можно стереть со стола грязь, этой тряпицей можно стереть любую магическую сущность. И все, не более того. Если бы я не использовала ее так недавно, я бы попросту стерла тебя сейчас, несмотря на все твои хитрости и уловки.

– Ты права, пока говоришь о сущностях, хоть как-то ограниченных. А ты не пробовала стереть своей тряпкой подземный хаос или Ось Мира?

– Ты сошел с ума! Люди не могут играть в такие игры!

– Тем не менее они в них играют. И ты первая среди игроков. Лишь потом Ашх добыл

молот Тора, а я – яйцо Великой Черепахи. Ашх уже не сможет ничего исправить – он умер, но ты жива и должна вернуть Покров.

– Ты оглох, да? Я уже говорила, что не смогу второй раз подняться в эти поганые горние выси. Там не было ничего, кроме пустоты и спящего света. Там нечем дышать, не на что опереться, не на чем остановить взгляд. Такой свет еще хуже, чем тьма, он выжигает не просто глаза, но душу. И в то же время нет ничего тверже этой пустоты. Небесная твердь – она существует! Представляешь, какво было пробиться сквозь эту нематериальную твердь? И ты полагаешь, я поднимусь туда второй раз, чтобы отдать мой Покров?

– Он не твой, это Покров небес. Он олицетворяет небесную твердь, в которую верили некогда и которой не стало в ту секунду, когда ты схватила Покров. Именно тогда мир изменился и медленно двинулся к гибели. Великий артефакт должен не пылиться в твоей кладовке, а покрывать хрустальные сферы, пусть даже они существуют только в нашем представлении. Ты уже стара, прежние подвиги тебе не по силам, поэтому я сам поднимусь в твои горние выси и, если не завязну, как мошка в янтаре, попытаюсь расстелить Покров, где ему положено быть. Но ты должна отдать мне его.

– Это-то тебе зачем?

– Это нужно не мне и не мирозданию. Это нужно тебе, чтобы ты не осталась в памяти как человек, который схватил чужое – и не отдал, совершил ошибку – и не стал ее исправлять.

– Всегда удивлялась, глядя на заботливых палачей, – проскрипела Анрат. – Но обо мне можешь не заботиться, я как-нибудь сама разберусь со своей жизнью, смертью и посмертной памятью о себе. Я не стану отдавать тебе Покров – много чести для такого, как ты. Сумеешь – забирай и уматывай прочь! А меня оставь в покое.

Она уже не сплетала в огненный кулак боевые заклинания, не пыталась найти меня и вступить в схватку. Наверное, она поняла, как и откуда я говорю с ней. Не знаю и не возьмусь судить о таких вещах. Анрат просто уселась на скамью, стоящую у стены. Теперь она больше всего походила на то, чем и была в действительности: на бесконечно старую, уставшую женщину.

– Спасибо, мать, – сказал я.

Святылище Анрат – или лаборатория, или сокровищница, как ни назови, – было богато убрано узорными тканями. Покровы на стенах, полу, столах. Расшитые шелками, украшенные жемчугом и самоцветами, в каждом из которых было довольно своей магии. Были здесь и другие волшебные вещицы, за любую из которых начинающий колдун отдал бы правую руку. У меня в пору могущества не накопилось и четверти подобных сокровищ. Но мне был нужен лишь один, великий артефакт, не узнать который невозможно, хотя я и не сумел сделать это, пока был в сокровищнице один, пробравшись туда, подобно вору.

Теперь я видел Покров ясно, словно уже держал его в руках. При взгляде из Оси он блистал невысказанно алым, зоревым светом, мгновенно приковывал взор, хотя взгляд, не обремененный волшебством, вряд ли остановился бы на этой вещице.

Я приблизился к Анрат, снял у нее с головы невзрачный серый платок.

– Знаешь... – прошептала старуха.

– Вижу, – ответил я.

Лишь после этого я коснулся второй части Покрова, в глубине которой мерцали неуловимые звездные искры.

Внести развернутый Покров в Ось было бы невозможно, и я свернул его вчетверо и еще раз вчетверо, пока он не обратился в тугой сверток, но и тогда Ось возмущенно забурлила, почувствовав единственную силу, способную стать преградой ее вольному течению. Оставалось надеяться, что, пока я держу Покров в руках, меня не убьет. А там уж, как судьба рассудит.

Исчезая, я видел простоволосую Анрат, которая бормотала, раскачиваясь на лавке:

– И даже проклятия ему не послать... Сиди и желай удачи мерзавцу, будь я проклята!

Странным образом до сих пор я не пытался, находясь в Оси, подниматься вверх. Должно быть, идея плоской Земли слишком прочно пустила корни в моем сознании. Утекает магия, ну и пусть утекает, в мире ее много, не убудет. Если бы не Растон, упомянувший о трех прорвах, я бы еще долго не задумывался, куда девается магия Оси. Она вращает землю, а дальше?

Теперь, прижимая к груди скомканный Покров небес, я плавно возносился в те области, которые прежде назывались горными высями, а ныне еще не получили своего наименования. Подъем можно было бы назвать приятным, если бы не мысль о чудовищной силе, что несет меня. Проще было бы прокатиться верхом на ужаснейшем урагане: торнадо, смерче, самуме или зимнем буране. Прежде, находясь в Оси, я в любой миг мог покинуть ее, очутившись в ледяной камере, и уже через полчаса сидел бы в кресле перед очагом, попивая горячий сбитень из меда с имбирем. Отсюда выходить было некуда. Покупая малину или забирая Покров, я переносил предметы или переносился собственной силой. При попытке двинуться наверх Ось начала перемещать не магическую мою составляющую, а меня во плоти.

Я никогда не умел слишком хорошо летать, и высота, на которой я очутился, меня тревожила. Вспомнилась поговорка: «Сколько на коровушке шерстинок, столько и до небушка верстинок». Не знаю, сколько шерстинок на корове, но верст я пролетел уже немало.

Постепенно полет замедлялся, и вскоре я висел, напоминая муху, вляпавшуюся в клейстер. Лапками шевелить мог, но при этом никуда не двигался.

Пора было действовать. Страшновато, конечно, но ведь я прилетел сюда не для того, чтобы болтаться, словно рыбий балык, подвешенный для копчения. Вот когда я пожалел, что у меня нет, как у кобальда, восьми ловких конечностей. Сейчас бы они оченьгодились. Два платка надлежало растянуть за углы, а для этого потребно как раз восемь рук.

Я осторожно выпутал из комка по уголку каждого из платков, зажал их зубами. Не полагается этак обращаться с великими артефактами, но что делать? Останутся на магическом небосводе следы зубов – как-то их нарекут звездочеты?

Провел пальцами вдоль краев, чтобы ткань нигде не перекрутилась, а то сверну небо в жгут, вот тебе и апокалипсис. Есть еще риск вывернуть небо наизнанку, положив наверх тот платок, что должен быть внизу. Но тут уже ничего не попишешь, я не Уроборос, костей в мозгу у меня нет, верха от низа в этом дурмане мне не отличить. Конечно, небо вверх тормашками не встанет, вверх тормашками встану я, очутившись по ту сторону небесной тверди. На такой риск пойти можно. Размажет меня по хрустальному куполу, и буду сколько-то недель наблюдаться в виде кометы – хвостатой звезды, обещающей беды и несчастья царствующим особам. Я уже довольно давно не царствую, но в отношении меня мрачное предсказание сбудется точно.

Жаль, что в этом случае дело придется заканчивать кому-то другому, и найдется ли такой человек – неведомо.

Все-таки Анрат было куда легче. Конечно, ей пришлось добираться сюда своим ходом, но зато потом – сдернула Покров и все дела. Разбирать застланную кровать всегда проще, чем стелить расхристанную. Уж это я знаю, за триста лет так и не научился как следует заправлять постель, а горничной у меня никогда не было: спальня – не то место, куда маг может без опаски пускать посторонних.

Теперь неумехе, не способному справиться с покрывалом на собственной кровати, выпало расстилать Покров небес. Будет у нас небо в морщинку и земля в складочку.

Нашупав еще две пары углов, я широко развел руки, стараясь расправить платки как можно ровнее. Наивное желание! В тот же миг Покров вырвало у меня едва ли не вместе с зубами.

А я-то переживал, удастся ли как следует расстелить скомканный Покров!

Мне не пришлось ничего делать. Уловив поток магии, два невзрачных платочка

мгновенно развернулись, надувшись, словно паруса, раздались вширь, и вот уже гигантское двойное полотнище заполоскалось в пустом прежде небе.

Как Анрат сумела когда-то сорвать подобное великолепие? Откуда взялись у нее силы и решимость присвоить волшебство закатов и рассветов, смутную магию пасмурного неба и пронзительную июльскую синь? Наверное, никакой особой решимости здесь не было. Единственная из всех магов, Анрат сумела подняться в невообразимую высь, а там увидела чудо и схватила, не думая, как я когда-то цапнул зародыш Черепахи. У мудрых магов хватательный рефлекс развит точно так же, как и у новорожденных младенцев. А потом, даже если Анрат поняла, что наделала, ей было уже не повторить свой лучший полет.

Думается, Анрат давно все поняла, иначе она не отдала бы без боя Покров небес.

Славно размышляется о таких вещах, когда, выпав из Оси, летишь вниз головой, одну за другой отсчитывая верстинки, что от неба до земли. Болезнь высоты – многие волшебники, взлетев слишком высоко, разбиваются, только оттого что, забыв, где находятся, предаются возвышенным мыслям.

Превратить падение в полет не так трудно, если умеешь хотя бы немножко летать и есть достаточно времени. У меня времени было с избытком, и вскоре я уже не падал, а довольно плавно спускался на далекую пока еще землю.

Но до чего же холодно оказалось на высоте, будь она неладна! Как ни вертись, но я падал на заледеневший остров Медовый, вокруг которого вращается Земля. По всему видать, оттуда мне не уйти еще много сотен лет, так что придется привыкать к холоду, одиночеству и длинной, на полгода, ночи. Останусь жив, базарник купит на одном из рынков в северных краях медвежью шубу, крытую сукном, меховые катанки, унты или пимы... или что там лучше всего иметь на ногах в медовом климате... А покуда поскорее бы опуститься на землю, чтобы не все силы уходили на полет, а там – наколдую защитный кокон. Должна же Ось понимать, что иначе я пропаду, не добравшись до дома.

Анрат небось во время полетов не мерзнет, она летучая ведьма, полет почти не отнимает у нее силы. А я должен выбирать: или падать в тепле, или замерзнуть в полете. Не может даже самый великий маг уметь все. Анрат в Прорве, думается, и часа бы не прожила.

Земля была близко, так что можно разглядеть не очертания острова, который раздался вширь и ушел за обозначившийся горизонт, а линию берега, водную гладь, на которой почти не было плавучих льдов, и кораблик, стоящий на якоре возле самого запретного острова. Рыбаки, промышленники, китобои? Или еще один соискатель земного могущества?

По мере сил я принялся направлять полет к кораблю. Кто бы там ни был, у них можно найти тепло, а возможно, и отдых.

Трудно поверить, но мой спуск был замечен, и, когда я не слишком мягко шлепнулся на камни, ко мне уже бежали люди. Первым делом на плечи мне накинута шуба, не медвежью, конечно, а важенковую, и сукном вовсе не крытую. Но те, дорогие, шубы были еще в работе у скорняка, а эта, неказистая, но теплая, спасла меня от холода, который царит на Медовом и в августе. На голову мне натянули лисий треух, и лишь потом парень, оставшийся в одной косоворотой рубахе, спросил:

– Отколь ты свалился, мил человек?

Зубы у меня ляскали, тело колотило, так что я и впрямь не смог сразу ответить на вопрос, а подумавши с полминуты, решил не открываться моим благодетелям. На севере колдунов не любят – и не без основания. Жизнь человеческая здесь сильно зависит от погоды, а у неопытного чародея... сами, наверное, знаете, что начинающий или глупый волшебник может ненароком устроить, взявшись колдовать. Но, с другой стороны, без волшебства люди по воздуху не летают...

– Хозяин меня сюда закинул, – выговорил я, продолжая трястись. – У чародея я в услужении, да не угодил ему. День жаркий. А я шербет хозяину подал не со льда. Хозяин и разгневался. Я, говорит, тебя научу напитки остужать! Да и забросил прямиком сюда.

– Да уж, – заметил парень в рубахе. – Тут на что ни глянь – все со льда. Чего ж твой хозяин сам сюда не заявится, когда по холоду соскучал?

– Он чародей, у него слуг довольно, – сказал я и, уходя от щекотливой темы, спросил: – Сам-то ты как без одежды?

– Я привыкши. Да и тепло сейчас, лето на дворе. Лед-то на солнышке тает. А на коче у меня другая шуба есть. Так что эту носи на здоровье.

Хороший был человек, и веяло от него уверенной доброй силой. Я порылся в пояс, нашел не потраченную покуда золотую монету, протянул ее своему спасителю:

– На вот, за твоё тепло и доброту.

– Тю! – присвистнул парень, разглядывая желтый кругляк. – Такой деньгой не за мою драную шубейку платить, а за боярскую шубу на седых волках.

– Бери, не стесняйся, – сказал я. – Без твоей шубейки мне бы уже никакое золото было не нужно.

– Бери, Артемий, поддержал один из промышленников. Не тем шуба дорога, что богата, а тем, что в мороз подата.

– А и возьму! – вдруг согласился Артемий. – Это ведь у тебя золотинка? Так я из нее колечко справлю Олене.

– Невеста?

– Круче бери! Жена! Ребятенка она ждет, уж недолго осталось. У нас так: родит тебе жена мальчишечку – дари ей перстенок с зеленым камушком. А за девчонку – с красным. У меня уже изумруд приискан подходящий и гранат. Колечко хотел из серебра спроворить, но золотое показистей будет.

– На счастье, – сказал я.

Обычно маги счастья не желают, поскольку разучились говорить искренне, но тут пожелание сказалось само, и значит, так и сбудется. А покуда будущий счастливец дождался, когда с корабля привезут запасную одежду, и все зашагали по берегу напрямик к могиле Скорна.

– Там знак на берегу, – объяснял разбитной промышленник, – но поставлен странно, не для мореходов. С моря его плохо видать, да и невелик он. Вроде как меч в камень вделан, а для чего – не пойму. Но вделан на совесть – не вытащить. Должно, свинцом залито, а то я бы вытащил. Я бы и со свинцом вытащил, камень расколупать – дело недолгое, но зачем ломать? Люди старались, работали – стало быть, нужный знак. Понять бы, к чему он там...

Под эти разговоры дошли до могилы. Проводник подергал рукоять, показывая, как крепко вделана сталь в камень. Остальные пятеро промышленников уважительно качали головами, но силу пытаться не торопились.

– Свинцом залито, – уверенно повторил проводник.

– Что-то не вижу я тут свинца, – возразил Артемий, ухватил рукоять и одним движением выдернул меч из каменного плена.

– Ну, ты силен! – восхитился проводник.

– И где тут свинец? – спросил Артемий. – Затем он прислушался к чему-то и добавил: – Шапки-то скиньте. При могиле стоим.

– Откуда знаешь? – спросил кто-то.

– Меч нашептал. Воин тут похоронен, Скорном звали. Видать, из западных, у них есть такие имена. И меч так же зовут.

– А меч-то хорош, – произнес промышленник постарше.

– Хорош, да к делу не гош. Куда он мне?

– С таким мечом тебя Чубарь в ватагу на раз возьмет.

– Он-то возьмет, а я пойду ли? Ушкой дело пагубное – бедных грабить да невинных убивать. Это не по мне. А так просто оружие дома держать – лишний соблазн.

– А ежели враги? – напомнил я.

– Такое в теплых краях бывает, где жизнь полегче да побогаче. А тутошних рыбаков даже Чубарь не грабит. Вот я весной за гагачьим пухом хожу, летом и осенью зверя бью, моржовый клык добываю. Товар все дорогой. А много ли с него прибытков? На юге он в цене поднимается, там и грабить начнут, там и меч понадобится. А тут гарпун нужнее. Так

что... – Артемий поклонился могиле, – спасибо, брат Скорн, за подарок, но мне он не нужен. Всем хорош, да не ко двору пришелся.

Артемий двумя руками, словно гарпуном замахивался, вздел меч и, не примериваясь, вбил его на прежнее место, только сталь скрежетнула.

– Зря, – сказал проводник. – Штука дорогая. Не нужен меч – продал бы или мне отдал. Уж я бы ему дело сыскал.

– Ты, Потапка, никак умом тронулся, – заметил пожилой промышленник. – На могиле взятое – продавать! Себе взять можно, а за деньги продавать – грех. А уж тебе его дарить – и вовсе курам на смех. Не по руке он тебе. Хошь – вон бери!

Потапка подергал рукоять, сморщившись от натуги, потянул. Меч не шелохнулся. Старое заклятие, сомкнувшись, держало клинок, не желая отдавать оружие недостойным рукам.

– Как влитой! – сообщил Потапка, утирая пот. – Ты, Артёма, – лось, такую дуру сначала вытащить, а потом обратно загнать!

– На коче, – веско произнес Артемий, – распечатаем баклагу с фряжским, помянем человека. Пусть спит бестревожно.

– Это дело! – обрадовался Потап, сразу успокаиваясь.

– А ты как? – повернулся Артемий ко мне. – С нами пойдешь или тут останешься, шербеты студить?

Раз совравши, потом правды не скажешь, приходится лгать дальше.

– Я бы с вами пошел, – постно произнес я. – Только я человек подневольный. Хватится меня хозяин, так с его словом не поспоришь. Поднимет в небо да и унесет под свои светлые очи.

– Тяжелая жизнь у вас на югах. У нас намного легче. А что, очи у твоего господина и впрямь светлые?

– Кто его знает? – пожав плечами, ответил я. – Ему в глаза смотреть боязно. Но величать нужно светлыми.

Разговор был закончен и начинал тяготить всех, поэтому я скорчил испуганную гримасу, прошептал: «Хозяин зовет!» – и стал невидимым. Улетать на глазах у всех, нелепо размахивая руками и что-нибудь выкрикивая, не хотелось.

Промышленники смущенно потоптались, разглядывая из-под ладоней небосвод, но ничего не высмотрев, направились к себе на корабль. Я глядел вслед и думал, что им и впрямь живется легко. Сама жизнь на краю земли так непроста, что прочие трудности обходят ее стороной. Счастлив человек, которому не нужен меч и у которого хватило разума отказаться от оружия, когда оно само легло ему в руку.

Оказавшись в одиночестве, я поднялся в воздух и полетел к дому. Не хотелось лишний раз возмущать Ось, но что делать, пешком я туда не доберусь даже в Артемьевой шубе, тем более что нет у меня при себе ни прыг-скока, ни волшебной баклажки. Летел я низенько и аккуратно. Анрат бы со смеху померла, глядя на мой полет. О том, что мне осталось сделать, я старался не думать.

* * *

После битвы на Медовом Носу молот Тора был поднят уцелевшими победителями. Они и определяли его судьбу. Все разумно решили, что никто не должен владеть столь опасным предметом. Молот поместили в специальное хранилище, и каждый из великих магов наложил на него заклятие, не позволяющее другим коснуться смертельного сокровища.

Вокруг великого артефакта было накручено столько посторонней волшбы, что найти его не составляло ни малейшего труда. Точно так же охранные заклинания великих магов – не преграда для того, кто действует, слившись с Осью.

Ось была беспокойна. Полотнища Покрова бились в вышине, искажая привычные токи

магических сил; сполохи и зарницы озаряли ночное небо, жители Африки могли любоваться северным сиянием. Не так трудно было сломать мироздание, раздвигая его на артефакты, куда сложнее собрать и отладить его заново.

Я смотрел на молот Тора и пытался на расстоянии определить, что он может. Больше всего меня тревожило, сможет ли его владелец летать не хуже великой ведьмы Анрат?

Знаменитый молот скорее походил на клевец, нежели на рабочий инструмент. Рукоять его отливали серебром, било чудилось отлитым из золота. Сочинители романов сообщают, что молот Тора хранится одновременно на Солнце и Луне. Как оно было в действительности, никто не узнает, Ашх никому не рассказал, где он умудрился добыть эту вещь. Молот Тора – средоточие и высшее проявление человеческой магии. Почему-то все считали, что он годится только на то, чтобы разрушать и, в конечном счете, погубить мир. Пока люди думают так, у мира не будет никаких шансов уцелеть.

Любоваться молотом можно было долго и при этом не высмотреть ничего. Пришло время действовать.

Сложная вязь, облака и туман чужих заклинаний окутывали артефакт. Великие маги постарались на славу, защищая молот от любых попыток похитить его. Вот здесь потрудились Анрат, это – кто-то незнакомый, эти захваты смастерил Кайхо, бывший моим соперником, когда меня избирали королем Истельна. Стыдно вспомнить, какие мелочи волновали меня в ту пору. Корона Истельна – вот уж о чем не буду жалеть! А это кто постарался? Приятель Галиан! Уж конечно, без тебя не обошлось, ты же у нас самый великий маг! Вот твои заклинания я и развею, чтобы беспрепятственно взять молот. Пусть это будет моим щелчком по твоему самолюбию. Когда молот исчезнет, сюда немедленно слетятся все великие, и каждый будет знать, кто допустил оплошку.

Рукоять удобно легла в ладонь. Молот оказался не слишком тяжел, но самая его вескость, казалось, упрашивала: размахнись – и бей! Нет уж, милый, тобой и так лупили без толку, так что теперь и самые прозорливые не скажут, будем ли мы живы завтра. Тебе пока найдется другое применение.

Взяв молот, я немедленно ушел к себе. Совершенно не интересно лицезреть обманутых магов и наблюдать ту кутерьму, что начнется здесь через пару секунд. Куда важнее в тишине и спокойствии осознать, чем молот может помочь мне в настоящую минуту.

Молот мог многое. Любой великий артефакт многое может. Но летать он не умел... не полагается молоткам летать по поднебесью. Оставалось надеяться на свои силы или просить помощи. А поскольку летаю я немногим лучше воробья, то на свои силы рассчитывать не приходится. Один, даже развеликий маг всего сделать не может.

* * *

Старуха Анрат никуда не торопилась. Она и так знала, что случилось с волшебным молотом, и понимала, что шум ни к чему. Она сидела в своем бывшем святилище, которое теперь потеряло всякий смысл, и бездумно глядела перед собой. Черный вдовый платок покрывал седые волосы.

– Здравствуй, мать, – сказал я, выходя из Оси.

Теперь, когда природная магия была заперта Покровом небес, я мог выйти из Оси и войти в нее в любом месте. Жаль, что я не знал этого, когда падал на побережье Медового.

– Ты? – выкрикнула старуха, вскочив и смерив меня взглядом. – Вот ты каков! Зачем ты явился на этот раз? Что еще хочешь отнять?

– Мне нужна твоя помощь.

– Ха! Я так и знала, что ты не справишься с Покровом. И нечего было дурить мне голову!

– Ты знаешь, что Покров небес возвращен на место. Иначе ты попыталась бы убить меня, едва увидев. Но я действительно не могу справиться с задуманным и пришел к тебе за помощью. Идем, это проще показать, чем рассказать словами.

И вновь знать ей захотелось сильнее, чем отомстить или вернуть утраченное.

Я взял ее за руку, словно ребенка, и мы вместе шагнули в Ось, отныне незримо присутствующую повсюду.

Теперь-то я понимал, что сделал Растон, не дав мне сгореть в Оси в первую же секунду, и так же старался сберечь Анрат. Нас обоих немедленно вышвырнуло в подледную камеру на острове Медовом. Шваркнуло при этом как следует; меня опять провезло по льду многострадальным носом. Благо еще, что он у меня невелик, а был бы гордый орлиный профиль, стесало бы его льдом по самые щеки. Анрат досталось сильнее, чем мне, я все-таки был в Оси старожилом, а она шагнула туда впервые, и реакция Оси была именно на нее.

– Что это было? – спросила Анрат, сплюнув кровь, и было ясно – спрашивает она не чем нас ударило, а о том, что успела увидеть за краткий миг перед ударом.

– Это Ось Мира. Вы не пускали меня туда, но я дошел и сумел остаться живым.

– Вот оно как? И ты привел меня сюда и показываешь такое?

– Мне нужна твоя помощь. Один я не справлюсь. Как только ты сможешь войти туда снова, я все тебе покажу.

– Что значит, как только сможешь? – проворчала Анрат, поднимаясь на ноги. – Я тебе что, кисейная барышня? Давай показывай. Ох, и вдарит меня сейчас! И поделом вдарит.

Никогда ни один маг не отдаст другому то, что является для него действительно важным. Приятели дарят друг другу мелкие диковинки, чудесинки, деревенские артефактики, в которых нет никакой тайны, а одна только причудливость. Ученики магов почти всегда являются слугами, которых учат лишь самому необходимому, чему можно научить даже человека, не имеющего никаких колдовских способностей. В конце концов, мои могучие старцы тоже умели немного колдовать и обращаться с боевыми артефактами. Маг предусмотрительно держит свое искусство при себе, потому-то в «Основном своде» видим по большей части афоризмы и сентенции и никогда – конкретные рецепты. Даже Растон, подстраховавший меня во время первого касания Оси и оставивший в подарок подземное убежище на Медовом, ничем не поделился из своего тысячелетнего опыта. Не принято такое среди волшебников и попросту не приходит в голову. Делиться – значит, убивать себя, а прилюдные акты суицида приличны только юнцам и истеричным девушкам.

Но Анрат я не только привел в Ось за руку, не только показал все, что успел понять в мироустройстве, не только объяснил, что нужно сделать, но и подсказал, как этого можно добиться. Не знаю, появится ли рассказанное в книге магов, а если появится, что подумают обо мне мои коллеги, враги и соперники. Утешает одно: вряд ли кто из них сумеет это прочесть в ближайшие столетия. Разве что Растон... но не думаю, что он за последние сто лет хотя бы однажды раскрыл свою книгу.

Анрат не была бы ведьмой, если бы не изначила все на свой салтык. Исказив в усмешке и без того сморщенное лицо, она ткнула пальцем в сторону мирно жрущего Уробороса и воскликнула:

– Значит, ты желаешь изловить эту дуру и меня прочишь на роль живца! Ничего не скажешь, мужской поступок. Другого я и не ожидала.

– Если бы я мог, то пошел бы сам, – произнес я, хотя и понимал, что оправдываться не имеет смысла.

– Уж ясно, что не можешь... Где тебе! Только старух и умеешь грабить, а потом за помощью приползать. Да что с тобой говорить, где твой молоток? Давай его сюда.

Анрат взвесила волшебный молот на руке, еще раз зловеще усмехнулась и легко, словно всю жизнь только этим и занималась, выпорхнула из Оси под самым носом Уробороса.

Глубина моря тут была больше двух верст, но отчаянная старуха чувствовала себя превосходно, ни тьма, ни огромная тяжесть воды, ни отсутствие воздуха не беспокоили ее. Кто знает, было ли в ее арсенале подобное умение, но я щедро поделился с ней своими тайнами, и старуха выслушала молча, ничего не прокомментировав и никак не поблагодарив. Благодарить среди магов вообще не принято. Если маг делает что-то для другого – значит,

это, в первую очередь, нужно ему самому. За что в таком случае благодарить?

– Эй, гада безногая! – завопила Анрат так, что у меня заложило уши, хотя я находился за десять тысяч верст от того места, где безумная старуха дразнила чудовище. – Чего разлеглась? Думаешь, все так и будут плыть тебе в брюхо? Ну-ка, попробуй, скушай меня! Сглотни, да не подавись!

Уроборос лежал, не шевелясь, рыбы и кальмары, медузы и планктон безостановочно текли в разверзтую пасть.

– Тьфу ты, дохлятина! – бесновалась Анрат. – Ты шевелиться умеешь, рыбоедка? Да тебя с любого бока свежевать можно!

Голубые нити грозового разряда зазмеились меж пальцами вытянутой руки, сплелись в клубящийся шар, и тот, вопреки всем законам, не растворился в соленой воде, а торжественно поплыл к разъявленному зеву и только там лопнул с громким треском и шипением.

Уроборос не дрогнул, но сомкнутые щели век чуть приоткрылись, по-куриному, сверху вниз. Холодный огонь гипнотического взгляда засветился в подводной тьме.

– Нуте-ка, проснулась губошлепка! Что, не понравился тебе мой огонек? Обиделась? Так плыви сюда, посчитаешься за обиду! Ты глянь, пиявка жареная, какую красавицу дают тебе на обед! Чем я тебе не хороша? У-тю-тю!. Иди сюда, когда зовут! Да хайло-то захлопни, а то зубы молотком за раз вышибу! – Анрат замахнулась молотом, и на мгновение меня ожгла жуткая картина: вошедшая в раж старуха бьет молотом Тора по оскаленным зубам Уробороса, а затем... Затем уже не важно, чем кончится схватка, главное, что кончится наш мир, так некстати завязанный на несколько подвластных человеку предметов.

Анрат не ударила. Она была слишком холодна и расчетлива, чтобы действительно впасть в боевое безумие. В этом плане противники стоили друг друга.

Глаза Уробороса продолжали медленно раскрываться. Впервые древний змей видел добычу, достойную того, чтобы шевельнуться ради нее. Речь, конечно, не об Анрат, вряд ли змей заметил настырную козьявку, щелкнувшую ему в нос молнией. Уроборос увидел молот Тора.

Две равновеликие, но чуждые друг другу сущности. Морской змей, скрывающий в плоской голове источник черной силы, и могучий талисман, излучающий золотистую человеческую магию. Когда молот будет проглочен и золотистое сияние утонет в змеиной утробе, вековой голод окажется хотя бы на время утолен.

Голова Уробороса медленно качнулась из стороны в сторону, словно змей выбирал, откуда удобнее напасть, а затем последовал молниеносный рывок, от которого не то что уйти, заметить его немислимо. Немислимо для всех, кроме летучей ведьмы.

Анрат проворно отскочила и торжествующе расхохоталась:

– Что, дура, съела? Ты меня сначала поймай! У-тю-тю! Давай, растрясси жирок, толстомсяя!

Рыбы, спруты и каракатицы, только что побатальонно шествовавшие на съедение, в испуге удирали кто куда. Море заволновалось, горы ила осыпались, вздымая облака мути, – Уроборос поднимался со дна. Раскрытые глаза тускло фосфоресцировали, пасть уже не разъявлена во всю ширь, а чуть приоткрыта, чтобы захлопнуться в ту же секунду, как добыча будет схвачена.

Второй рывок был стремительнее первого, а когда Анрат ускользнула и от него, Уроборос не замедлил движения, ринувшись следом за удиравшей ведьмой. Кольца бесконечно длинного тела упруго разворачивались, позволяя голове, состоящей, кажется, из одной пасти, двигаться вперед, не снижая скорости.

Если бы там был я, все закончилось бы на первом рывке. Не с моими умениями дразнить вселенского змея. Но Анрат создана для таких гонок, и, думается, старая колдунья была в эти минуты счастлива, как никогда за всю девятисотлетнюю жизнь.

– Давай! – орала она, рассекая воду. – Гони! Пошевеливай потрохами, дылда ленивая!

Уже весь океан пришел в волнение. Серия непрерывных рывков все нарастала,

Уроборос упорно сокращал расстояние, отделявшее его от юркой добычи. Но в тот миг, когда зубы почти уже сомкнулись, Анрат, расплескав воду, вылетела на поверхность. Тут она была в своей стихии, и расстояние сразу увеличилось. Но Уроборос сдаваться не собирался. Под водой оставалось еще слишком много змеиного тела, и тварь могла поднимать голову сколь угодно высоко. Казалось, не пружинистое туловище толкает вперед голову, а хищная голова тащит за собой бесконечные змеиные извивы.

– Поспешай! Это тебе не воду мутить, балда безмозглая!

Безмозглая балда, не рассуждая, тянулась в небеса.

Анрат, почувствовав себя в безопасности, вновь подпустила Уробороса поближе и проносила едва не у самых ноздрей, украшавших кончик морды.

– Хватай меня, и я буду твоей! Йех!. Давненько меня никто так не хотел, что ж ты ползешь, как неживая? Не видишь, что ли, женщина ждет!

Двойное полотнище Покрова небес, голубое с одной стороны и темное, расшитое звездами – с другой, приближалось с каждой минутой. Здесь, вдали от Оси Мира, до неба было не так высоко, но даже у здешней лысой коровушки шерстинок было достаточно, чтобы я вспомнил, как Анрат твердила, что не сможет второй раз подняться до неба. Куда там! Не снижая скорости, Анрат врзалась в ткань небесного Покрова и просадила в ней дыру. Вернее, дыру пробила не она, человеку такое не по силам, – пробил молот Тора. Божественный молот не способен ударить по небесам, но пронзить он может что угодно, достаточно развернуть его рукоятью вперед. Именно это и сделала отчаянная летунья.

Уроборос без тени сомнения нырнул за край мира.

Теперь я не мог наблюдать за ними. Поэт сказал: «Кристалл небес мне не преграда боле». Для меня – преграда, я сам поставил ее в зените, чтобы драгоценный дар волшебства не рассеивался в бесконечности. Минуту, пока Анрат и ее преследователь были недоступны, я мог посвятить иным делам. Я обратил взор на хранилище, откуда исчез молот Тора. Разумеется, все великие были там. Полтора десятка магов, с некоторыми я был знаком, о других только слышал. Маги не любят общаться друг с другом и очень редко встречаются лицом к лицу. А я уже второй раз заставил их собраться всех вместе. Первый раз, когда они сообща били меня, а потом прятали молот, лишившийся хозяина. Второй раз – теперь.

Кто-то из присутствующих бессмысленно кричал и в ярости топал ногами, кто-то, сжав зубы, наколдовывал нечто причудливое. Галиан стоял, как побитая собачонка.

– Это Анрат! – тявкал он. – Только она не пришла сюда!

– Слушайте меня! – произнес я так, чтобы услышали все. – Надеюсь, вы меня узнали, а кто не узнал, тому мало досталось на Медовом Носу.

Медовый Нос был памятен всем, в хранилище мгновенно наступила тишина.

– Молот Тора у меня, – сообщил я то, что казалось этим людям главным, – но конца света в ближайшее время не будет. А вот катаклизмы будут, причем не в ближайшее время, а прямо сейчас. Так что советую прекратить галдеж и заняться делом. Ураганы, грозы и землетрясения обрушатся на землю с минуты на минуту. Их нужно не допустить или, по меньшей мере, предупредить людей. Вы долго были господами жизни, столетия ели свой сдобный хлеб. Теперь пришла пора его отрабатывать.

Как высокое собрание отнеслось к моим словам, я не досмотрел. Покров небес прорвался, в воздухе показалась Анрат.

– Й-я-а!. – визжала она, пикируя к воде. За ней, пылая глазищами, несся Уроборос. Апокалиптическая пара пронеслась над океаном и пала в воду, лишь бесконечное тело Уробороса продолжало змеиться сверху вниз, ощутимо притягивая Покров небес к земле.

Глубина океана в этом месте была невелика, Анрат быстро достигла дна и на полном ходу вбуравилась в гранит. Молот Тора, развернутый задом наперед, пронзал твердь земную с той же легкостью, что и твердь небесную. За летящей ведьмой оставался широкий туннель, и Уроборос, увлеченный погоней, устремился под землю. Он не видел ничего, кроме лакомой добычи, а думать не умел и прежде, будучи способным только хапать и глотать.

Гибкая плоть чешуилась сквозь подземный ход, в недрах земли обеспокоенно

заворочалась Великая Черепаха. Земля дрогнула, и там, где не случилось великого мага, готового утишить толчки, случились великие беды.

– Ползи! – голосила буравящая недра Анрат. – Смелей! На то ты и червяк, чтобы под землей ползать!

Она вынырнула в южном океане и вновь устремила к небу.

– Есть стежок! – Анрат сорвала голос и уже не кричала и не визжала, а хрипела: – Вот это, я понимаю, рукоделие – бабская работа!

Пара скрылась за небесами, и я смог окинуть взглядом земной круг, поглядеть, что подельывают мои недруги, которыми я так беззастенчиво взялся командовать.

В хранилище уже не было никого. Кто-то из великих торопился обеспечить собственную безопасность, другие отчаянно пытались удержать от падения Вселенную, и лишь Растон сидел на плоской крыше своего дома и безмятежно созерцал полыхающее небо.

Покров небес прорвался, показалась Анрат. За ней, подобно нитке за иглой, тянулся Уроборос. Старуха уже не орала и не бесновалась в полете. Слышалось лишь хриплое дыхание да иногда натужное: «Ну!.. Ну!..». Кого она там понукала – змея или саму себя?

Собрав свою силу в мощный импульс, я послал ее ведьме и с радостью услышал, как выровнялось дыхание, и увидел, как ускорился полет. Змей, готовый схватить стремительную точку, разочарованно клацнул зубами и вновь устремился вдогон.

Раз за разом грозная старуха проламывалась сквозь землю и взмывала к небесам, а не умеющий устоять Уроборос гнался следом, с каждым новым стежком прочнее притягивая небо к краю земли. Анрат выла и стонала, я отдавал ей всю свою силу, не думая о том, что Ось над моей головой давно сплелась в узел, готовый изничтожить меня в одно мгновение. Я был бы давно мертв, но Покров небес впитывал обезумевшую магию, позволяя мне до времени уцелеть.

И наконец, на сотом нырке перед Уроборосом замаячила еще одна цель, добыча столь же желанная, что и неуловимый молот Тора. Исполненная черной магии, украшенная шипами и кольцами гремушек, она колыхалась в воде, никуда не пытаясь бежать. Уроборос кинулся и вцепился зубами в свой собственный хвост.

Наконец сбылось то, к чему древний змей стремился все бесчисленные тысячелетия своего существования. Отныне он мог бесконечно утолять бесконечный голод. Большого ему не требовалось. Уроборос замер, заостенев в параксизме наслаждения. Плевать, что тело его отныне намертво спаяно с небом и землей. Главное – можно бесконечно жрать. Что еще нужно для счастья?

Я ухватил Анрат за руку, втянул в Ось, потом мы оба вывалились в подледную камеру. Магический жгут над нашими головами медленно начал ослабевать.

Анрат повалилась на пол, прижалась лбом к холодному камню. У меня тоже подкашивались ноги, но я нашел силы поднять Анрат, чтобы на руках отнести в тепло, к огню и покою.

– Сама! – прохрипела старуха, а потом вдруг улыбнулась во все свои четыре зуба: – А впрочем, тащи! Давненько меня никто на руках не носил.

До самого дома я ее не донес. Хотя старушка весила немного, но ведь и я еле волочил ноги. Вместо обычных тридцати минут мы плелись больше часа и в теплые помещения ввалились, поддерживая друг дружку.

– Тюпа! Меда! И много!. – просипел я, падая в кресло.

Когда я открыл глаза, то обнаружил, что Тюпа уже принес четыре кувшина с медом и отправился за пятым.

«Эх, Тюпа!» – я вздохнул и поставил кипятиться воду для сбитня.

Чем хорош сбитень? Греет не хуже глинтвейна, а голову проясняет. Глинтвейн перед серьезной работой пить не станешь, а сбитень – сколько угодно. Так что уже через пару часов мы стояли возле Оси, оглядывая колдовские просторы.

Нет, наша Земля по-прежнему оставалась шаром, который, вращаясь, плыл по эфирным волнам. В материальном мире не изменилось ничего, а когда люди оправятся от потрясения,

они сочтут, что жизнь вернулась на круги своя и можно жить по-старому. Но взгляд, пронизывающий тонкие материи, видел иное. Сливаясь с истинной Землей, сиял в просторах мироздания ее магический дубликат. Там была плоская земля, в основе которой – Великая Черепаха. Старательные кобольды обихаживают ее, и им совершенно нет дела до того, что творится в вышине.

А в вышине, где в реальности кончалась колоземица и начиналась пустота, в магическом мире вздымались твердейшие сферы: темная с проблесками звезд и безмятежно голубая, исполненная света и солнца. Покров неба уже не полоскался наволочкой на ветру, он был накрепко пришит к краю Земли гибким телом Уробороса. Ось Мира упиралась в Покров, и магия, расплескавшись в небесах, щедрым дождем орошала иссохшую землю.

– Стройненко, – словно нехотя признала Анрат. – Самой приятно поглядеть. И вспомнить будет что. Гонка была славная, я уж думала – не сбегу от проклятой змеюки.

– Куда ей, – возразил я. – Мне даже не пришлось придерживать Уробороса. Пёр во всю мочь, а не догнал.

Анрат довольно усмехнулась, и я не стал уточнять, сколько силы отдал ей, когда она начала ослабевать во время полета. Вместо этого я сказал:

– А ты заметила, что впервые маги сошлись не для того, чтобы воевать, а чтобы создать нечто великое?

– Что сошлись – я заметила, – проворчала Анрат. – А вот все остальное... Ты говоришь, нечто великое? Большущее – да, а великое – сомневаюсь. Стройно получилось, да не прочно. Сметано, да не пришито. Сам по себе Уроборос зубы не разожмет, но ведь его можно к этому понудить. И тогда все начнется сначала. Кроме того, ты забыл вот про эту штуку, – Анрат кивнула на молот Тора, ненужно валяющийся у ледяной стены. – Мы оба про него забыли, а между тем это не тот предмет, который можно швырять, где попало. Один лишь удар – и все наше замечательное дело пойдет прахом. Великая Черепаха, пусть даже ей и вернулся истинный облик, не выдержит четвертого удара.

– Значит, надо бить не по земле.

Анрат уставилась на меня изумленным взглядом.

– Земля не вынесет удара, – пояснил я, – а бить по небу молот Тора не умеет. Но ведь есть еще Уроборос.

– Ты хочешь уничтожить змея?

– Нет, конечно. Если покончить с Уроборосом, рассыплется все, нами собранное. Я хочу заклепать змею челюсти, чтобы он никогда не смог разжать зубов, кто бы ни понуждал его к этому.

– Это все равно будет четвертый удар, знаменующий конец мира.

– Значит, бить надо не из нашего мира, а оттуда, – я ткнул пальцем в никуда, но Анрат, кажется, поняла.

Она уселась на замороженный камень, сжала голову руками, став очень похожей на сморщенную обезьянку. Внешность обманчива, в эту минуту ведьма наверняка просчитывала будущее – каким оно может стать, если исполнится мой план.

– Да, это будет прочно, – проскрипела она. – Даже слишком прочно. Земля станет жесткой, Покров небес – непроницаем, а бока Уробороса – несокрушимы. Именно так и случится. Есть лишь единственное «но». Заклепав челюсти Уроборосу, ты поставишь перед людьми непреодолимую преграду. А непреодолимых преград быть не должно. Пятьсот лет мне снится единственный сон: будто бы я, взлетев в зенит, не срываю Покров небес, а продолжаю подниматься все выше и выше, в неведомую бесконечность. А теперь мы будем биться в небеса, как мотыльки в запертое окно.

– Это не так. Люди даже не заметят поставленной нами преграды. Я говорю именно о людях, а не о магах или волшебниках. Тысячелетиями мир принадлежал колдунам, а люди, которых мы полупрезрительно называли простыми, оставались жалким довеском к великим магам. Те годы, что я провел на истельнском троне, научили меня по-другому смотреть на людей. Прежде чародей мог все, человек – ничего. Теперь людям будет доступно такое, чего

никогда не достигнут волшебники. Люди смогут полететь к звездам. Маги тоже смогут, но для этого им нужно будет отказаться от колдовства и лишиться всех своих привилегий. Мне кажется, это справедливо. В мире нет зла, а если вдуматься, то нет и добра. Но справедливость должна быть.

– Люди не умеют летать.

– Они научатся. В этом я уверен.

– А как же ты? Туда ты пойдешь. А обратно? Не забывай, свод небес станет непроницаем.

– Значит, я останусь там. Магические способности меня покинут, но, надеюсь, молот Тора позволит пронзить пространство, и я буду первым, кто достигнет миров, лишенных магии.

– Слушай, сколько тебе лет? Ведь тебе нет еще и полутысячи...

– Триста восемьдесят, – зачем-то ответил я.

– Вот видишь, совсем мальчишка. Туда пойду я.

Я покачал головой.

– Стучать молотом – мужская работа. Вряд ли тебе приходилось вкалывать в забое или заниматься кузнечным делом. Мне приходилось. Поэтому туда пойду я. Не потому что я хочу отодвинуть тебя плечом, просто я справлюсь с этим лучше. Не забывай, что у молота Тора тоже есть предел. Пятого удара он не сможет нанести.

– Я все равно пойду с тобой.

– Зачем?

– Потому что здесь мне больше нечего делать. Я взлетала в зенит и опускалась на дно моря. Я держала в руках два великих артефакта из четырех. Я пришила небо к земле. Мне уже почти девятьсот лет. Впереди только дряхлость и необходимость прятаться в какой-нибудь норе. А мне хочется еще чего-нибудь небывалого.

– Хорошо, – сказал я. – Мы пойдем вместе.

* * *

Все амулеты и волшебные вещицы, которых у меня почти не осталось, а у Анрат было больше, чем нужно, мы бросили на земле. Там, куда мы летим, они не понадобятся. Я дал указание Тюпе, чтобы он поддерживал порядок в моем последнем убежище и принял как хозяина того, кто придет мне на смену. Что сделала со своим святилищем Анрат, я узнавать не стал. Зато я еще раз потревожил Растана.

Старик сидел в кресле, словно и не вставал с него последние дни. Взор был устремлен к закату.

– Я все знаю, – сказал Растан, почувствовав мое присутствие. – Ваши разговоры с Анрат попали в «Основной свод», и в моей книге они есть.

– Я правильно поступаю? – спросил я, хотя знал ответ.

– Это решать тебе. Единственное, на твоем месте я бы взял с собой ведьмочку помоложе. Я хорошо помню Анрат, восемьсот лет назад она была прехорошенькой. А теперь я бы так не сказал. Впрочем, повторюсь, не мне решать.

На прощание мы улыбнулись друг другу, хотя, кажется, Растан не увидел моей улыбки.

Мы не стали лишней раз тревожить Ось, внося в нее молот Тора, а добрались к границе мира обычными путями магов. Теперь я знал, как их можно использовать, даже находясь на острове Медовом. Другие не знают, и это хорошо. Все-таки даже сейчас это место не должно быть проходным двором.

Уроборос лежал в пучине, наслаждаясь сытостью. Ни мы, ни молот Тора больше его не интересовали.

Мы пронзили Покров небес, спустившийся в море, и оказались за пределами мира. Я не мог бы описать, что там было и как оно выглядело, люди еще не придумали слов для таких описаний.

Анрат протянула мне молот.

– Эх, даже удачи не пожелать! Вот она, ведьмина судьбина.

Взяв молот на изготовку, я приблизился к Уроборосу.

Легко было говорить, что я знаю кузнечное ремесло и справлюсь со своей задачей. А на самом деле... Ударишь слишком сильно – череп змея треснет, узорчатая кость разлетится на мелкие кусочки и передо мной останется разлагающаяся туша. Мир вновь расползется на части и, в конечном счете, погибнет. Ударишь слабо – челюсти не будут заклепаны, разъяренный змей бросит свой хвост, кинется на меня, а затем примется рушить все, до чего сможет дотянуться. В этом случае мир погибнет очень быстро.

Если бы в запасе были все четыре удара, челюсти можно было бы заклепать в два-три приема. Увы, теперь это невозможно.

Я вздохнул и медленно повел руку на отмах.

У меня всего одна попытка. Я не должен промахнуться.

ГЭРИ ДЖЕННИНГС РАНО ИЛИ ПОЗДНО ЛИБО НИКОГДА-НИКОГДА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Г Э Р И Д Ж Е Н Н И Н Г С

РАНО ИЛИ ПОЗДНО

ЛИБО НИКОГДА-НИКОГДА

«Аборигены Северной Австралии, относящиеся к племени анула, ассоциируют с дождем птицу широкогорота и называют ее дождь-птицей. Мужчина, чей тотем такая птица, способен вызывать дождь у определенного водоема. Он ловит змею, живьем бросает ее в водоем и некоторое время держит под водой, затем вынимает, убивает и кладет на берегу. Потом связывает из стеблей травы изогнутую плетенку наподобие радуги и накрывает ею змею. Теперь остается лишь пропеть заклинание над змеей и имитацией радуги: поздно дождь пойдет».

Сэр Джеймс Фрейзер.
«Золотая ветвь»

*Его преподобию Орвиллу Дисми,
декану отделения миссионерства,
Южный колледж церкви Прimitивного протестантства,
Гроубиен, Виргиния*

Досточтимый сэр!

С нашего расставания прошло немало времени, но прилагаемый отрывок из Фрейзера должен напомнить вам обо мне, Криспине Моби, некогда вашем студенте в старом добром ЮжПриме. Полагаю, до вас дошли лишь отрывочные сведения о моей деятельности в Австралии, поэтому пусть данное письмо послужит полным отчетом.

К примеру, мне хотелось бы опровергнуть мнение Примитивно-протестантского синода Тихоокеанского региона, дескать, моя миссия в племени анула была далека от бесспорного успеха. Если я внес свою лепту в отвращение анула от языческого колдовства (а я этого добился), мне кажется, я немного приблизил их к Истинному Слову, и моя миссия стоила любых затрат.

Для меня самого она стала воплощением мечты всей моей жизни. Еще ребенком в Дире, штат Виргиния, я видел себя миссионером в отсталых и непросвещенных уголках мира и старался соответствовать этому призванию. От неотесанных юнцов Дира я часто слышал в свой адрес благоговейное «христосик Моби». В смирении моем я скорбел, что меня возносят на столь высокий пьедестал.

Но лишь когда я вступил под святые своды Южного колледжа, мои до того смутные устремления оформились. На втором курсе старого доброго ЮжПрима я наткнулся на двенадцатитомный трактат сэра Джеймса Фрейзера по антропологии – «Золотую ветвь» с ее рассказом о бедном заблудшем племени анула. Я провел изыскания и к радости моей обнаружил, что такое племя все еще существует в Австралии и что оно столь же прискорбно лишено надежды на Спасение, как когда Фрейзер писал о нем: ни одну примитивно-протестантскую миссию не посылали заботиться об этих заблудших душах. Бесспорно (сказал я себе) налицо единство благоприятного времени, потребности и человека. И я развернул кампанию, дабы Комитет по миссионерству поручил мне отправиться к обездоленным анула.

Добиться этого было нелегко. Члены комитета указывали, что я удручающе плохо успеваю по таким базовым церковным дисциплинам, как управление пожертвованиями, ораторское искусство и гнусавопение. Но вы, декан Дисми, пришли мне на помощь. Помню, как вы спорили: «Да, конечно, оценки Моби приближаются к «N». Но проявим милосердие, и пусть «N» станет первой буквой «набожности», а не «нуля», и уважим его просьбу. Преступлением было бы, джентльмены, не послать Криспина Моби в самую глубь Австралийского континента».

(И, полагаю, данный отчет о моей миссии продемонстрирует, что ваша, декан Дисми, вера в меня была оправданна. Скажу без ложной скромности, что в ходе моего путешествия к антиподам меня часто называли «воплощением миссионерства».)

Я был вполне готов отработать мой билет в Австралию, без чьей-либо помощи проникнуть во внутренние ее районы и жить так же примитивно, как и моя паства, пока буду нести ей Слово. Но, к удивлению моему, я обнаружил в своем распоряжении щедрое ассигнование из Фонда заморских миссий – даже чрезмерно щедрое, ведь с собой я намеревался взять только немного бусин.

– Бусы? – воскликнул казначей Фонда заморских миссий, когда я представил ему мою заявку. – Вы хотите получить всю сумму стеклянными бусами?

Я постарался объяснить, что узнал благодаря своим изысканиям. Я пришел к заключению, что аборигены Австралии – самые примитивные из всех живущих на земле народов. Они – истинный пережиток каменного века, ведь эти несчастные создания не продвинулись по шкале эволюции даже до лука и стрел.

– Мой милый мальчик, – мягко увещевал меня казначей, – бусы вышли из моды еще во времена Стэнли и Ливингстона. Тебе понадобится электрокар для гольфа в подарок вождю и абажуры для его жен – их они носят вместо шляп, сам знаешь.

– Анула никогда не слышали про гольф, и шляп они не носят. Они вообще ничего не носят.

– Все лучшие миссионеры, – чуть уязвленно возразил казначей, – на абажуры не намолются.

– Анула – практически пещерные люди, – настаивал я. – У них даже ложек нет. У них нет письменности. Мне придется воспитывать их с уровня обезьян. Бусы мне нужны, лишь чтобы привлечь их внимание, показать, что я их друг.

– Нюхательный табак всегда делает свое, – испытал он последнее средство.

Как вы, без сомнения, поняли из товарных накладных, на выделенные мне деньги было приобретено громадное количество цветных стеклянных бус. Правду сказать, мне следовало подождать с закупкой до Австралии и тем самым избежать непомерных счетов за транспортировку: товар заполнил целый грузовой трюм корабля, который однажды июньским днем увез меня из Норфолка.

По прибытии в Сидней я распорядился перенести бусы на склад в доках Вулумулу и немедленно отправился с докладом к ПримПрофи ЕпТиху Шэгнасти (как любит величать себя сам епископ Шэгнасти, во время войны он служил капелланом на флоте). Этого достойного джентльмена я застал – после немалых поисков и расспросов – в местном клубе Англоговорящего союза.

– Наша крепость – истинное убежище среди австралишек. Ну что, по «красотке»?

От коктейля я отказался и пустился в рассказы о целях своего вояжа.

– Так значит, к анула собираетесь? В Северные территории? – Он многозначительно кивнул. – Прекрасный выбор. Девственная земля. Отличная рыбалка.

Какая подходящая метафора!

– Ради этого я и приехал, сэр, – с жаром сказал я.

– М-да, – задумчиво протянул он. – Года три назад у меня там, на реке Роупер, королевская нимфа пропала.

– Господи милосердный! – с ужасом воскликнул я. – Я и не знал, что несчастные язычники враждебны! К тому же фрейлина самой коро...

– Да нет же! – Он уставился на меня во все глаза. – Я про мормышку на форель говорю. – Он помолчал. – А... я, кажется, начинаю понимать, почему вас послали так далеко. Полагаю, вы едете на Север немедленно?

– Нет, для начала хочу выучить местный язык, – сказал я. – В ричмондском центре «Берлитца» заверили, что я могу освоить язык анула в их сиднейском отделении.

На следующий день, разыскав контору «Лингвистической школы Берлитца», к расстройству моему обнаружил, что сначала мне придется выучить немецкий. Их единственный преподаватель языка анула был меланхоличным священником-расстригой из какого-то немецкого католического ордена, сам бывший миссионер, и по-английски не говорил.

У меня ушло три тяжелых и тревожных месяца на немецкий разговорный (а плата за хранение моих бус все росла), прежде чем я смог начать учиться языку анула у бывшего священника, герра Краппа. Сами понимаете, декан Дисми, я держал ухо востро на случай малейшей папистской пропаганды, какую он мог подмешать в свои наставления. Но единственно странным показалось мне то, что словарный запас анула у герра Краппа состоял как будто исключительно из ласкательных словечек. Он часто и почти безутешно бормотал на своем собственном языке: «Ах, милая черняшечка!» и облизывал губы.

К концу сентября герр Крапп научил меня всему, что знал сам, и у меня не было причин долее оттягивать отъезд на Север. Я нанял два грузовика с водителями для транспортировки моих бус и меня самого. Помимо полевого комплекта миссионера (малоформатного шатра бдения) мой багаж состоял лишь из Нового Завета, очков, немецко-английского словаря, однотомного издания «Золотой ветви» и учебника местного языка «Die Gliederung der australischen Sprachen»¹ некоего В. Шмидта.

Перед выездом я отправился попрощаться с епископом Шэгнасти. Его я нашел опять – или все еще – у стойки бара в клубе Англоговорящего союза.

– Вернулись из буша, а? – приветствовал меня он. – Возьмите «красотку». Как поживают черные человечки?

Я попытался объяснить, что еще не уезжал, но он меня прервал, дабы представить джентльмену с военной выправкой.

– Майор Мэшворм, заместитель протектора. – И в пояснение добавил: – Так здесь называют чиновников по делам аборигенов. Майору Мэшворму будет очень интересно узнать, как вы нашли его черных подопечных, ведь в глубь континента он дальше здешних палестин никогда не заезжал.

Я пожал руку майору Мэшворму и объяснил, что пока не встречал его черных подопечных, но надеюсь их вскоре увидеть.

– А, опять янки, – сказал он, едва я открыл рот.

– Сэр! – возмутился я. – Я южанин!

– Именно, именно, – закивал он, точно не видел никакой разницы. – И вы обрезаны?

– Сэр! – охнул я. – Я христианин!

– И то верно. Ну, если надеетесь чего-то достичь среди диких маяллов, то обрезание решительно необходимо, не то вас сочтут несовершеннолетним. Если придется, местный колдун вас обрежет, но, полагаю, вы бы предпочли сделать операцию в больнице. Туземная церемония включает выбивание пары-тройки зубов, а потом вы будете сидеть на корточках посреди буша, вращая трещотку, пока аборигены не сочтут, что вы достаточно пришли в себя.

Услышь я такое, когда впервые узнал про анула, пыл мой, возможно, поумерился бы. Но, зайдя так далеко, я не видел иного выхода, кроме операции. Вообще-то могли бы сообщить мне раньше; я бы поправлялся, пока учил языки. А так я не смел задержать отъезд на Север. Поэтому операция была совершена тем же вечером в «Сиднейском Милосердии» – руками едва поверившего своим ушам хирурга и двух хихикающих медсестер, – и сразу после нее я тронулся в путь с моим маленьким караваном.

Путешествие обернулось чистой мукой, не говоря уже про нескончаемый конфуз. Для полного выздоровления мне предписали носить громоздкое приспособление, нечто среднее между шиной, фиксирующей перелом, и грыжевым бандажом, которое практически невозможно было скрыть даже под плащом – на несколько размеров больше, чем следовало. Не буду останавливаться на многочисленных унижениях, преследовавших меня на привалах. Но какое-то представление вы, достопочтенный сэр, сможете себе составить, вообразив, как вас в подобном болезненном состоянии везут по бездорожью на уцелевшем со времен войны дребезжащем грузовике от Ричмонда до самого Большого Каньона.

---

¹ «Членение австралийских языков» (нем.). (Здесь и далее прим. перев.)

Огромные территории внутри континента называют собирательно Глушь, но Северные районы, куда я направлялся, глуше самой Глуши и австралийцам известны как Никогда-Никогда. Территория размером приблизительно с Аляску, но людей на ней живет ровно столько же, сколько в моем родном городе Дир в Виргинии. Племенные земли анула расположены в малонаселенной части Квинсленда, на самом севере этого Никогда-Никогда, за плато Баркли, между бушем и тропическими болотами залива Карпентария – за кошмарные две с половиной тысячи миль от Сиднея, начальной точки моего путешествия.

В городе (ха, город!) Клонкарри (население 1955 человек) мы в последний раз видели признаки жизни. Для наглядности: следующий город, который мы проезжали (он назывался Доббин), население имел приблизительно нулевое. А последний городишко с хотя бы подобием имени в этом никогдашнем запустении – Брюнетка-Даунс – имел население минус с чем-то.

Вот тут мои водители меня оставили, как и было договорено в начале. Дальше Брюнетки они не исхитрились бы найти никого, кто бы подобрал их назад к цивилизации. Они указали, в каком приблизительно направлении мне двигаться дальше, и я продолжил свое паломничество в неведомое за рулем одного из грузовиков (другой я до времени припарковал в Брюнетке).

Водители заверили, что рано или поздно я выеду к Экспериментальной сельскохозяйственной станции, чьи сотрудники, вероятно, знают, где искать кочевников-анула. Но когда я прибыл туда однажды под вечер, станция оказалась заброшена, если не считать нескольких вялых кенгуру и одной морщинистой, усатой и проспиритованной пустынной крысы² – этот выбежал мне навстречу с улюлюканьем и странным приветственным криком:

– Куй-я! А-йя! Эй, ура?! Да, ура! Слюнь ты Господи, ха, увидеть желтопузика туточки, ангей, уй-йя!

(Дабы не отпугнула вас, декан Дисми, эта вспышка, позвольте объяснить. Поначалу я краснел от очевидного богохульства и непристойностей, которые так в ходу у австралийцев, начиная с майора Мэшворма. Потом я осознал, что подобные идиомы они употребляют так же небрежно и невинно, как знаки пунктуации. А поскольку таков здешний диалект, то я уже и не знал, когда краснеть на их намеренно бранные слова, потому что не мог разобрать, какие из них непристойны. А потому, не подвергая цензуре или использованию эвфемизмов каждую произносимую ими фразу, я стану передавать разговоры дословно и без комментариев.)

– Порадуй зад, приятель! Котелок кипит. Преломим оладушек, устроим заправскую свальную! Чё скажешь?

– Как поживаете? – выдавил я.

– Как... ах, янки! – удивленно воскликнул он.

– Я уроженец Виргинии, сэр, – с достоинством возразил я. – Штата, названного в честь королевы-девственницы.

– Чё, правда девственник? Ну, если решил девственность потерять, то чертовски неподходящее для этого место выбрал. Ни одной приличной девки окрест нет, разве только хочешь поваляться с черным бархатом.

Это вообще никакого смысла не имело, а потому, чтобы сменить тему, я представился.

– Слюнь Господня. Заправской братец буша?³ Сам бы мог скумекать, когда ты заявил, мол, девственник. Теперь придется за языком последить, мать мою растак.

Если он и «следил за языком», я ничего подобного не заметил. Он несколько раз повторил свое непристойное предложение, прежде чем я расценил его как приглашение на

---

² Обозначение солдат седьмой бронетанковой дивизии союзных войск во Второй мировой войне.

³ Братство буша – англиканское братство, проповедующее жителям отдаленных районов.

чашку чая («Завалимся с «Бледью Грей»). Пока мы пили чай, сваренный на костре, он рассказал про себя. По крайней мере, я счел, что он про себя рассказывает, поскольку понял лишь, что зовут его Маккабби.

– Слонялся тут по глухотани, вольфрам шукал. Но мой осел сбежал с местными кобылками, и я попал в пере-хренову-дрягу. Ну и завернул со своим мешком на Сперментальную станцию, думал найти тут работяг, бездомного, ну хоть занюханную динго. Но нет, тут вообще ни души, все свалили. Я и зенкам своим не поверил, когда твою рожу увидел.

– А чем вы тут занимаетесь? – спросил я.

– Ты что, глухой? Вольфрам шукаю.

– Понимаете, – извиняясь, сказал я, – у вас тут в Австралии столько незнакомых животных. – Я никогда не слышал про моль Фрама.

Он глянул на меня подозрительно.

– Вольфрам – это металл такой, а шукать... ну, в смысле разведывать, где месторождение.

– Кстати, об австралийской фауне, – сказал я, – не могли бы вы объяснить, что такое ширококорот?

(Как вы помните, сэр, птица ширококорот – тотем, упоминаемый Фрейзером в связи с церемонией вызывания дождя. Я забрался в самое сердце Австралии, но так и не смог узнать, что представляет собой эта птица.)

– Да уж, это тебе не цапель, преподобный. Для краткости я Препом буду тебя звать, ладно? И скажи спасибо, что не цапель. Вот как раз ширококорот тебе на нахлобучку, Преп, и накал.

– Что?

– Э, я опять забыл, что ты желтопузик, – вздохнул он. – Нахлобучка – по-нашему шляпа. Широкорот как раз над тобой пролетел... ну и погадил.

Сняв шляпу, я вытер ее клоком сухой травы.

– Широкорот, – педантично начал Маккабби, – называется так потому, что на развороте крыльев у него широкая отметина серебром – наподобие рта.

– Спасибо, – сказал я и пустился объяснять, как птица вдохновила меня проповедовать аборигенам...

– Аборигенам? Да чтоб я сдох! – вырвалось у Маккабби. – А я-то думал, ты к хреновым раздолбаям в Дарвине собираешься. Что, весь остальной мир уже охристианился, если Боженька подбирает по сусекам бушменчиков?

– Да нет, – неуверенно возразил я. – Но у аборигенов не меньше, чем у остальных, прав узнать Истинное Слово. Узнать, что их языческие боги – это демоны, искушающие их на геенну огненную.

– Они только Ггенны и ждут, Преп, – сказал Маккабби, – все лучше, чем Никогда-Никогда. Разве им мало бед, чтобы еще и ты со своей религией на них наседали?

– Религия – сок животворный, – процитировал я Уильяма Пенна, – проникающий до самых малых ветвей живого дерева.

– Сдается, бушменчикам ты притащил целый хренов собор, – заключил Маккабби. – Кстати, а что у тебя за добро в кузове?

– Бусы. Ничего, кроме бус.

– Бобы, говоришь? – Он глянул на огромный грузовик. – А ты не так прост, циркалка церковная.

Не успел я исправить его ошибочную догадку, он вскочил и, подойдя к кузову, распахнул обе дверцы. Кузов под потолок был загружен бусами, которые удобства ради ссыпали туда из контейнера. Разумеется, Маккабби тут же был погребен под шуршащей лавиной, а еще несколько тонн бус волнами раскатились по акру местной пустоши. Речушки и ручейки их побежали, поблескивая, в стороны, сложившись в истончающийся нимб вокруг основной массы. Некоторое время спустя гора позади грузовика зашевелилась и

забогохульствовала, и над ней появилась щетинистая физиономия Маккабби.

– Только посмотрите, что вы наделали, – сказал я с оправданной укоризной.

– Мать моя женщина, – негромко сказал он. – Впервые бобы меня бросили.

Подобрав одну, он попробовал ее на зуб и сказал:

– От них даже у казуара запор случится, Преп. – Он рассмотрел ее внимательнее и побрел ко мне через насыпи. Бусины скатывались из всех складок его одежды. – Кто-то тебя круто нагрел, сынок, – доверительно продолжил он. – Это не бобы. Это стекло.

Боюсь, я на него рявкнул:

– Знаю! Это для туземцев!

Он поглядел на меня каменно. Потом все так же каменно повернулся и осмотрел сверкающее пространство, растянувшееся во все стороны до горизонта.

– Так какую, говоришь, религию впариваешь? – осторожно спросил он.

Я проигнорировал этот вопрос.

– М-да, – вздохнул я. – Нет смысла пытаться собрать их до темноты. Вы не против, если я останусь здесь до утра?

Несколько раз за ночь меня будило ужасающее чавканье с периметра нашей стеклянной пустыни, но, поскольку Маккабби не просыпался, я постарался не тревожиться.

Встали мы на рассвете; весь наш уголок вселенной переливался «как хренова Страна Осс», по выражению Маккабби. После завтрака я принялся за геркулесов труд по собиранию моих запасов, вооружившись ржавой лопатой, которую нашел в развалюхе при станции. Маккабби на время меня оставил: пошел, оскальзываясь на бусинах, за пределы нимба. Вернулся он, сияя от счастья и с охапкой кровавых шкур.

– Скальпы динго, – хмыкнул он. – В скупке по трешке каждая. Ты, Преп, похоже весь долбанный континент избавил от казни египетской. Там горы трупов динго и кроликов, пытавшихся пообедать твоей бижутерийкой. Помяни мое слово!

Он был так рад привалившему счастью, что разыскал вторую лопату и взялся помогать мне с бусами. К тому времени, когда мы загрузили кузов (половина там оказалась земли), снова спустилась ночь, а территория вокруг Экспериментальной станции по-прежнему напоминала Диснейленд.

– Ну и ладно, – философски сказал я. – Хорошо, что в Брюнетке есть еще один грузовик.

Вздвогнув, Маккабби уставился было на меня, потом ушел, бормоча что-то себе под нос.

На следующее утро я наконец подошел к последнему этапу перед выполнением истинной миссии милосердия. Маккабби сказал, что видел стоянку анула по пути к станции. По его словам, они стояли лагерем у болота с акациями, где из деревьев выковыривали личинок, а из болота – луковицы ирриакура, единственную доступную им пищу в сезон засухи.

Там я их и застал – на закате. Все племя насчитывало никак не больше семидесяти пяти душ, и каждая была безобразнее предыдущей. Не знай я, сколь велика их нужда во мне, возможно, отступил бы. Мужчины были широкоплечими, угольно-черными, с еще более черными бородами и кустистой растительностью на низких лбах, угрюмыми взглядами и плоскими носами, проткнутыми косточками. У женщин волос было больше, а бород не было совсем, зато имелись обвисшие груди с сосцами, как пара наколотых медалей. Мужчины носили только веревки из конского волоса поперек тела, за которые затыкали бумеранги, трещотки, амулеты из перьев и тому подобное. На женщинах были нагас, переднички размером с фиговый листок из коры бумажного дерева. На детях – потеки слюны.

Когда я остановил грузовик, племя тупо подняло глаза. Никаких признаков ни гостеприимства, ни враждебности. Взобравшись на капот, я взмахнул руками и крикнул на их языке:

– Дети мои, придите ко мне! Я принес вам благую весть!

Несколько детишек подобрались поближе и начали в ответ ковырять в носу. Женщины

вернулись к копошению заостренными палками среди акаций. Мужчины – к ничегонеделанью. Они просто застенчивы, подумал я, никому не хочется быть первым.

Потому я решительно шагнул в самую их середину и взял за руку морщинистого белобородого старика. Из кабины грузовика я открыл небольшое окошко, дававшее доступ в кузов, и сунул сопротивляющуюся руку папаши внутрь. Вынырнула она с пригоршней земли и одинокой зеленой бусиной, на которую старик недоуменно заморгал.

Как я и рассчитывал, любопытство овладело остальным племенем.

– Тут на всех хватит, дети мои! – крикнул я на их языке. Подтаскивая и толкая, я одного за другим загонял их в кабину.

Каждый покорно засовывал руку в отверстие и, достав одну бусину, возвращался к своему занятию, словно бы благодарный, что церемония позади.

– В чем дело? – спросил я одну робеющую девчушку, последнюю в процессии и единственную, кто добыл две бусины. – Разве никому не нравятся красивые штучки?

Она виновато поежилась, вернула одну из бусин и поспешила прочь.

Такое отсутствие энтузиазма меня ошеломило. На данный момент у анула было по крошечной бусине на каждого, а у меня – порядка шестисот миллиардов.

Заподозрив, что тут что-то не так, я встал среди сидящих на земле мужчин и принялся украдкой вслушиваться в их застенчивые разговоры. Я ни слова не понял! О, ужас! – подумал я. Если мы не сможем договориться, у меня нет надежды заставить их принять бусы... или меня... или Евангелие. Неужели я наткнулся не на то племя? Или они намеренно превратно меня понимают и бормочут околесицу?

Был только один способ выяснить – и без малейших проволочек. Развернув грузовик, я сломя голову бросился назад на станцию, от души надеясь, что Маккабби еще не уехал.

Он не уехал. Дикие собаки по-прежнему совершали массовое самоубийство, лакомясь моими бусами, и Маккабби не намеревался делать ручкой неожиданной удаче, пока бизнес сам не зачахнет. Станции я опять достиг на закате, когда он пошел собирать вечерние скальпы. Выскочив из грузовика, я выпалил свой вопрос:

– Я их не понимаю, а они не понимают меня. Ты утверждаешь, будто знаешь большинство аборигенских наречий. Что я делаю не так? – Я произнес фразу и встревоженно спросил: – Ты это понял?

– Даже слишком хорошо, – отозвался он. – Ты предложил мне тридцать пфеннигов за то, чтобы я тащил мою черную задницу к тебе в постель. – И добавил: – Сволочь скарденная.

– Не важно, что говорят слова, – взмолился я, слегка смущенно. – У меня что, произношение плохое или проблема в чем-то другом?

– Нет-нет. Ты отлично калякаешь на питджантьярьяре.

– На чем?

– Язык такой. Сильно отличается от анула. У анула пять классов существительных. Единственное, двойственное, тройственное и множественное число выражаются через приставки в местоимениях. Переходные глаголы включают в себя дополнения. У глаголов много времен и сослагательных наклонений, а еще отдельное спряжение при отрицании.

– Что?

– Зато в питджантьярьяре суффиксы, указывающие на личные местоимения, можно присоединять к первому же ударному слову в предложении, а не просто к глагольному корню.

– Что?

– Не хочу хаять твои лингвистические подвиги, приятель. Но питджантьярьяра, хотя в нем четыре класса склонений и четыре спряжения, считается самым простым из всех треклятых австралоидных языков.

Я потерял дар речи.

– Сколько, – спросил наконец Маккабби, – будут твои тридцать пфеннингов в шиллингах и пенсах?

– Возможно, – задумчиво пробормотал я, – мне лучше поехать проповедовать племени

питджантьярьяра, раз уж я знаю их язык.

Маккабби пожал плечами.

– Они живут по ту сторону Большой Песчаной пустыни. И они не копатели-маяллы, как наши анула. Теперь они все как один объездчики на пастбищах мериносов вокруг Шарк-бей. К тому же тамошние туземцы сами кого угодно обратят, им это раз плюнуть. Они же заправские католики.

Ну, разумеется. И я уже начал подозревать, почему герра Краппа расстригли.

Следующий мой шаг был самоочевиден: нанять Маккабби переводчиком. Поначалу он артачился. К тому времени мои средства истощились настолько, что я никак не смог бы отвлечь его от процветающего бизнеса со скальпами динго. Но наконец я сообразил предложить ему все бусы во втором грузовике: «Там хватит, чтобы прикончить всех динго в Оутбэке». А потому он собрал пожитки и сел за руль (я до смерти устал водить), и мы вновь отправились на земли анула.

По дороге я объяснил Маккабби, как собираюсь познакомить туземцев с современным примитивным протестантством. Я прочел ему вслух отрывок из сэра Джеймса Фрейзера о вызывании дождя, который заканчивался словами: «Теперь остается лишь пропеть заклинание над змеей и имитацией радуги...».

– Ха, «лишь»! – фыркнул Маккабби.

– «Рано или поздно дождь пойдет». – Я закрыл книгу. – И вот тут вступаю я. Если дождь не начинается, туземцы ясно поймут, что их колдовство не подействовало, и я смогу обратить их просветлевшие взоры к христианству. Если дождь все-таки выпадет, я просто объясню, что на самом деле они, сами того не сознавая, молились истинному, протестантскому богу, а дождь-птица не имеет к этому никакого отношения.

– И как ты склонишь их на мумбо-джумбо с птицей?

– Ха, да они, наверное, сами его все время устраивают! Господь всемогущий, им же нужен дождь. Вся страна пересохла, как бумага.

– Если дойдет до дождя, – мрачно пробормотал Маккабби, – помяни мое слово, я сам на колени паду.

Что это значило, я (к несчастью) в тот момент не подозревал.

На сей раз прием в лагере анула нам оказали совершенно другой. Аборигены сбежались приветствовать Маккабби, особенно обрадовались его прибытию три молоденькие женщины.

– Ах, вы мои мордастенькие туземушки, – нежно сказал он. А потом, после совещания со старейшинами племени, обратился ко мне: – Они и тебе хотят предложить лубру, Преп.

Лубра – существо женского пола, и я ожидал подобного гостеприимства, зная, что таков обычай анула. Я попросил Маккабби объяснить, что причины моего отказа религиозного свойства, и пошел ставить шатер на бугорке с видом на лагерь туземцев. Когда я в него забирался, Маккабби спросил:

– Решил пораньше распахать глубину?

– Просто хочу снять одежду, – сказал я. – В чужой монастырь... и так далее. Узнай, нельзя ли мне раздобыть волосяные стринги.

– Голый миссионер? – шокированно спросил он.

– Моя церковь учит, что тело – лишьместилище души. А кроме того, на мой взгляд, истинному миссионеру не следует возноситься над паствой в вопросах одежды и поведения в обществе.

– У истинного миссионера, – сухо ответил Маккабби, – нет крокодильей кожи, как у этих бингхов.

Но все-таки принес мне волосяную веревку. Завязав ее на талии, я заткнул за нее Новый Завет, карманную расческу и очешник.

Когда я был готов, я показался себе беззащитным и слегка вульгарным. Главным образом потому, что я человек скромный и склонный к интроспекции, и мне неприятно было думать о том, как выйду из палатки – особенно на глазах у женщин – в моей полнейшей

белой наготы. Но, утешал я себя, я же не настолько гол, как моя паства. По предписанию сиднейского врача мне еще неделю полагалось носить бандаж.

Выбравшись из палатки, я распрямылся, изящно переминаясь, так как сухая растительность царапала голые подошвы. О боже, сколько белков белых глаз на черных лицах! Маккабби пялился так же сосредоточенно и недоверчиво, как и все остальные. Какое-то время он жевал губами, прежде чем заговорить.

– Мать мою растак! Неудивительно, что ты девственник, бедолага.

Тут аборигены сгрудились вокруг нас, начали лопотать и измерять мое устройство пальцами, словно прикидывали, не завести ли себе такое же украшение. Наконец я чуть раздраженно спросил моего переводчика, из-за чего такое волнение.

– Они считают, ты либо похваляешься, либо их надуваешь. Честно говоря, и я тоже.

Пришлось рассказать про операцию, которой я подвергся, потому что таков обычай анула. Маккабби повторил мою историю толпе. Аборигены умудренно покивали друг другу и забормотали еще яростнее, а потом один подошел и хлопнул меня по голове.

– Э, они одобряют, да? – спросил я с немалым удовлетворением.

– Они думают, что ты сумасшедший, как кукабурра,⁴ – отрезал Маккабби. – У них считается, что теребить перец к удаче.

– Что?

– Посмотришь на мужчин своей паствы, – посоветовал он, – и заметишь, что обычай обре-матьего-зания уже довольно давно вышел из моды.

Я посмотрел: так оно и было. Я поймал себя на том, что мысленно составляю кое-какие далеко не христианские замечания в адрес майора Мэшворма. А потому, чтобы возвысить мои мысли, предложил снова попробовать раздать дары, а именно бусы. Не знаю, что Маккабби сказал туземцам, но все племя с жадностью направилось к грузовику, из которого каждый унес по две пригоршни. Некоторые даже сходили по два-три раза. Я был удовлетворен.

Надвинулись короткие тропические сумерки. Среди акаций замерцали кухонные костры анула. Сегодня мне большего совершить не удастся, поэтому мы с Маккабби поставили на костер собственный котелок. Только мы сели ужинать, как из лагеря явился абориген и протянул мне кусок коры с горкой какой-то местной еды. Что бы это ни было, оно заметно подрагивало, и, глянув на него, дрогнул я сам.

– Жир эму, – сказал Маккабби. – Излюбленный тут деликатес. Это в обмен на бусы.

Радости моей не было предела, но проглотить блюдо было тошнотворно трудно: словно ешь миску губ.

– Я бы на твоём месте сожрал поскорее, – посоветовал Маккабби после визита к туземным кострам. – Они, вероятно, придут забрать его назад, когда сдадутся с бусами.

– Что?

– Они уже два часа их варят, и, похоже, бусы все еще жесткие на вкус.

– Они едят бусы?

Увидев мой ужас, он почти надо мной сжалился:

– Местные бингхи, Преп, живут лишь ради того, чтобы есть, чтобы жить, чтобы есть. У них нет домов, нет карманов, поэтому собственность им ни к чему. Они знают, что сами безобразнее задницы вомбата, поэтому и украшения им ни к чему. Найти пропитание в этой никудышной стране крайне тяжело. Когда появляется что-то новое, они пытаются это съесть – вдруг получится.

Я слишком устал, чтобы переживать. Я забрался к себе в шатер, желая лишь «пропахать глубину», по выражению Маккабби. Но, как выяснилось, поспать мне удалось лишь самую малость. Мне приходилось то и дело выгонять чернокожих девушек, которых, как я предположил, привело детское желание ради разнообразия провести ночь под кровом.

---

⁴ Зимородок-хохотун.

Поднялся я довольно поздним утром и обнаружил, что анула все еще корчатся, постанывая, на своих циновках.

– Сегодня мумбо-джумбо с птицами не увидишь, Преп, – сказал Маккабби, роясь в своем мешке. – Но немного магарыча я на них потрачу.

– Что?

– Жвачка. Я всегда к ней прибегаю, когда надо у бингхов что-то выторговать или их умаслить. Ее вид им нравится гораздо больше бус.

– Но это же слабительное! – воскликнул я, когда он достал «магарыч».

– Как раз это они в нем и любят. Удовольствие о двух концах.

События того дня не поддаются описанию. Но лучи заходящего солнца играли бликами на горках бусин, тут и там рассыпанных по окрестностям. А меня одолевали собственные беды: все мое тело начало невыносимо зудеть. Маккабби не удивился.

– Мясные муравьи, – предположил он, – или, может, сахарные муравьи, белые муравьи, бугонги. Еще тут водятся антилопы мушки. Говорю тебе, Преп, у миссионеров шкура тонка расхаживать с голым задом.

Без чрезмерных сожалений я отказался от мысли жить так же примитивно, как моя роговокожая паства, и вернулся к ношению одежды.

Однако день не прошел совершенно напрасно. Я напомнил Маккабби, что нам нужен водоем для ритуала, и он повел меня в племенной оазис анула.

– Жалкое зрелище в засуху, – признал он. Пруд был сравнительно широким и глубоким, но содержал лишь вонючую пенистую грязь, через которую петляла угрюмая зеленоватая струйка шириной в простой карандаш. – Но когда наступит сезон дождей, тут и Ной содрогнется. И вообще, это, наверное, он в твоём «Златосуке» описан. На протяжении ста миль никакой другой воды нет.

Я задумался: если герой Фрейзера достаточно отчаялся, чтобы попытаться вызвать дождь, то как же ему подыскали подходящий водоем?

– А, будь все проклято, – пробормотал я.

– Твоя неумеренность в выражениях, Преп, меня изумляет.

Но у меня созрел план, который я и объяснил Маккабби. Мы перебросим временную дамбу через нижний конец прудика. К тому времени, когда анула оправятся от желудочно-кишечных неполадок, вода достигнет уровня, достаточного для наших целей. Именно так мы с Маккабби и поступили: притащили и нагромодили камни, а щели между ними замазали глиной, которую палящее солнце быстро превратило в цемент. Закончили мы к ночи, и вода уже поднялась нам до лодыжек.

На следующее утро меня разбудили улюлюканье, свист и лязг из лагеря анула. Ага, подумал я, довольно потягиваясь, они обнаружили улучшенную систему водоснабжения и празднуют. Тут в палатку влезла щетинистая физиономия Маккабби, и он возбужденно возвестил:

– Войну объявили!

– Неужто с Америкой? – охнул я (в его словах прозвучала явная укоризна), но физиономия так же внезапно исчезла.

Натянув ботинки, я вышел к нему на пригорок и тут понял, что он имел в виду межплеменную войну.

Под нами было эдак вдвое больше черных, чем я помнил, и каждый улюлюкал за двоих. Они топтались на месте, били друг друга по головам копьями и палками-копалками, бросались камнями и бумерангами, а еще совали угли от костров в курчавые волосы друг дружке.

– Это соседи, – пояснил Маккабби. – Племя бингхи-бангхи. Они живут ниже по ручью, а сегодня на восходе обнаружили, что им выключили воду. Они винят анула в преднамеренном массовом убийстве с целью захватить их земли для выращивания ямса. Ну и переплет!

– Нужно что-то предпринять!

Маккабби порылся в вещмешке и достал игрушечного вида пистолетик.

– Это просто пукалка двадцать второго калибра, – сказал он. – Но им положено бежать домой, едва завидят оружие белого человека.

Мы бросились вниз по склону в самое пекло, Маккабби отчаянно палил из пистолетика в воздух, а я махал Новым Заветом, возвещая, что право на нашей стороне. Разумеется, под этим новым натиском захватчики отступили, унося раненых. Мы загнали их на ближайший холм, с высоты которого они потрясали кулаками и выкрикивали угрозы и оскорбления, но наконец усталые и разгромленные ушли на собственную территорию.

Маккабби расхаживал по лагерю анула, посыпая тальком для ног (единственное медикаментозное средство, какое нашлось в его мешке) тех, кто был более или менее тяжело ранен. Впрочем, потерь насчиталось немного, и большинство отделалось разбитыми носами, шишками на голове или поверхностной депиляцией в тех местах, где были вырваны усы или волосы. Я по мере сил играл роль капеллана на поле боя, пантомимой оделяя духовным утешением. Одно было хорошо: анула как будто совершенно оправились от прострации после бусинной диеты. Утренняя зарядка помогла.

Когда все немного успокоилось, а мы с Маккабби завершили завтрак чашкой чая, я отправил его искать среди племени незанятого мужчину клана, который считал бы широкорота своим кобонгом, или тотемом. Он действительно нашел молодого человека такой конфессии и, возобладав над его упрямым нежеланием, привел ко мне.

– Это Яртатгурк, – объявил Маккабби.

Яртатгурк прихрамывал – последствие основательного пинка головореза из племени бингхи-бангхов. Остальное племя тоже пришло и выжидательно расселось на корточках вокруг нас троих, словно им не терпелось посмотреть, какое новое лакомство я припас для их юноши.

– Теперь мы должны воспроизвести ритуал, – сказал я и начал зачитывать описание церемонии в «Золотой ветви», а Маккабби фразу за фразой переводил. По завершении юный Яртатгурк внезапно встал и, невзирая на хромоту, изобразил бодрую джигу к дальнему горизонту. Остальные анула забормотали между собой и начали постукивать себя указательными пальцами по лбу.

Когда Маккабби привел назад упирающегося Яртатгурка, я сказал:

– Церемония же должна быть им знакома...

– Они говорят, мол, если тебе так адски хочется пить, что ты готов пуститься в такие тяжкие, мог бы не бусы привезти, а аппарат для бурения артезианских скважин. И они правы.

– Не в том смысл, – сказал я. – Согласно Фрейзеру, когда-то давным-давно у широкорота была жена-змея. Змея жила в водоеме и обычно вызывала дождь, плюя в небо, пока не покажутся радуга и облака и не пойдет дождь.

Перевод этого вызвал целую бурю чириканья и постукивания пальцами по лбам.

– Они говорят, – перевел Маккабби, – мол, покажи им, как птица совокупляется со змеей, и они принесут тебе сколько угодно воды, даже если придется на руках прыгать отсюда до гребаного залива Карпентария.

Подобное отношение угнетало.

– Я совершенно уверен, что такой почтенный антрополог, как Фрейзер, не стал бы лгать относительно их племенных верований.

– Если он родня тому Фрейзеру, который был у меня когда-то в приятелях, старому Блейзеру Фрейзеру, то он солгал бы о том, какая рука у него левая, какая правая.

– Нет, – непреклонно возразил я, – я проделал двенадцать тысяч миль, чтобы воссоздать этот обычай, и ничто меня не остановит. Теперь скажи Яртатгурку, пусть перестанет визжать, и перейдем к делу.

Маккабби удалось – при помощи большого батончика слабительного – убедить Яртатгурка, что церемония (сколь бы идиотской он по невежеству своему ее ни считал) не причинит ему вреда. Втроем мы отправились проверить прудик и с удовлетворением

обнаружили, что он полон омерзительной бурой воды и достаточно глубокий и широкий, чтобы утопить наш грузовик. Оттуда мы направились в бескрайний буш.

– Для начала, – сказал я, – нам нужна змея. Живая.

Маккабби поскреб баки.

– Тут у нас загвоздка выйдет, Преп. Бингхи съели почти всех змей в пределах досягаемости. И атаковали их с безопасного расстояния – бумерангом или копьем. С местными гадами живьем никому встречаться не советую.

– Почему?

– Ну, у нас есть тигровая змея и шипохвост, а яд у них по замерам в двадцать раз мощнее, чем у чертовой кобры. Еще водится тейпан, а я сам видел, как лошадь пала через пять минут после его укуса. Есть еще...

Он прервался, чтобы схватить Яртатгурка, который попытался улизнуть. Указав в буш, Маккабби послал парня к горизонту с четкими инструкциями. Яртатгурк захромал прочь, нервно оглядываясь по сторонам и мрачно жуя свой батончик. Вид у самого Маккабби, когда мы последовали на некотором расстоянии за туземцем, был не самый счастливый.

– Жаль, что вашу сволочь Фрейзера нельзя за змеей послать, – язвительно бормотал он.

– Да ладно, – обнадежил я. – Должна же быть хоть одна неядовитая разновидность, которая послужит нашей цели.

– Ничто нашей цели не послужит, если сперва мы наступим на какую-нибудь из прочих, – ворчал Маккабби. – Будь я проклят, если это не самый идиотский...

Внезапно зашевелились кусты там, где мы в последний раз видели пробирающегося, согнувшись в три погибели, Яртатгурка.

– Поймал! Он поймал! – закричал я, когда туземец поднялся со сдавленным криком.

Яртатгурк четким силуэтом выделялся на фоне неба, но отчаянно боролся с чем-то огромным и бьющимся – ужасающее зрелище для любого взора.

– Чтоб я сдох! – с благоговейным удивлением выдохнул Маккабби. – Никогда не видел квинслэндского питона так далеко на западе.

– Питон!

– Да, черт побери! – с неподдельным восхищением отозвался Маккабби. – Двадцать футов, помани мое слово.

Я уставился на ожившего Лаокоона. Яртатгурк почти скрылся под извивающимися кольцами, зато его хорошо было слышно. На мгновение я задумался, а не отхватили ли мы больше, чем сможем переварить, но решительно подавил это проявление малодушия. По всей очевидности, Господь следовал сценарию Фрейзера.

– Яртатгурк осведомляется, – негромко сказал Маккабби, – чего мы, мать нашу, ждем?

– Как, по-твоему, мы испортим магию, если поможем?

– Мы туземца испортим, если нет. Взгляни туда.

– Мать божья, он кровью харкает!

– Это не кровь. Если бы ты только что сожрал четверть фунта слабительного, а потом тебя обнял питон, тоже захаркал бы.

Подобравшись к извивающемуся клубку, мы наконец сумели оторвать тварь от Яртатгурка. Потребовались титанические усилия всех троих, чтобы распрямить ее и не дать ей снова свернуться. Яртатгурк сделался почти таким же белым, как я, но храбро цеплялся за хвост питона (его било и мотало, иногда поднимая высоко над землей), а Маккабби держал голову, я же, обхватив похожую на бочку середину, тащил рептилию к руднику.

Пока мы до него добирались, нас всех неоднократно подбрасывало в воздух и швыряло друг мимо дружки, иногда нам удавалось разминуться, иногда мы сталкивались.

– Теперь, – умудрился прохрипеть я между конвульсиями змеи, – он должен... держать ее... ух! под водой...

– Сомневаюсь, – услышал я голос Маккабби слева от себя, – что он согласится. – Теперь голос доносился откуда-то из-за спины. – Когда я крикну «отпускай!», – произнес он справа от меня, – топи его и змею разом! – раздалось у меня над головой. – Отпускай!

ОТПУСКАЙ!

По команде каждый из нас занес свою часть питона над водой и отпустил. Тварь и несчастный Яртатгурк, болтавшийся как хвост летучего змея, исчезли в фонтанах жижи. И тут же прудик заполнился шипящей бурой пеной.

– Питоны, – просипел Маккабби, когда чуть отдышался, – ненавидят воду похуже кошек.

Все племя анула, как я теперь заметил, сгрудилось на противоположном берегу прудика и внимательно следило за происходящим округлившимися глазами.

– Если бы ты меня спросил, – сказал Маккабби, передохнув, – я затруднился бы сказать, кто кого удерживает под водой.

– Пожалуй, хватит, – постановил я.

Мы зашли в жижу по пояс и, после того как нас немного потрепало, исхитрились схватить скользкие кольца и вытащить рептилию назад на берег. Яртатгурк, как мы с удовольствием отметили, поднялся вместе с ней, зажатый в извиве хвоста.

В какой-то момент наша самодельная дамба рухнула. Грязевую известку понемногу размывала вода, которую дамба запирала всю ночь и все утро. Теперь же коловращение в прудике опрокинуло ослабленную конструкцию, и собравшаяся вода с шипением изверглась разом. Это, вероятно, усмирит истомившихся бингхи-бангхов ниже по течению, подумал я, если, конечно, первая великая волна не утопит всех до единого.

Купание поубавило змее прыти, но не намного. На этой стадии битвы, пока силились обездвижить переднюю часть твари, мы с Маккабби обзавелись многочисленными синяками и ссадинами. Яртатгурк мало чем нам помогал, так как совершенно обмяк и, зажатый в свободно мечущемся хвосте, был бит, как дубинка, об окрестные деревья и бугры.

– Пора ему ее убить, – крикнул я Маккабби.

Аборигена носило мимо нас, и Маккабби старался разобрать его едва слышное бормотание, но наконец доложил:

– Он говорит, ничто не может доставить ему большего удовольствия.

Наша фантастическая битва продолжалась еще какое-то время, пока не стало очевидно: в ближайшем будущем Яртатгурку убить монстра не под силу, и я воззвал к Маккабби за советом, что делать дальше.

– Буду держаться, насколько смогу, – проревел он между проклятиями и уханьем. – А ты беги за моим мешком. Достань пистолет. Пристрели животину.

Я побежал, но с недобрим чувством. Я боялся, что мы, белые люди, вероятно, бессознательно выставляя на показ наше превосходство, слишком уж вмешиваемся в эту церемонию и своим вторжением лишаем туземцев возможности постичь ее мистический смысл, какой они способны в нее вкладывать.

Вернулся я тоже бегом, обеими руками сжимая пистолет. Питон как будто оправился от испытания водой и мотался энергичнее прежнего, временами поднимая в воздух обоих мужчин. Во всей этой сумятице я трясущимися руками прицелился и... выстрелил Яртатгурку в ногу.

Он не пожаловался сразу (хотя, думаю, не преминул бы, имей такую возможность), но его взгляд был красноречивее любых слов. Я едва не расплакался, прочтя в нем глубокое во мне разочарование. Такой взгляд отрезвил бы любого, но, полагаю, даже самый вдохновленный свыше наставник хотя бы раз в своей карьере с подобным сталкивается. Никто из нас не совершенен.

Тем временем Маккабби вышел из потасовки. Выхватив у меня пистолет, он разрядил его в безобразную голову рептилии. Потом долгое время мы стояли, опираясь друг на друга, и устало сипели, а туземец и питон лежали бок о бок и подергивались.

С облегчением сообщаю, что рана Яртатгурка была несерьезной. По сути, он больше пострадал от пребывания под водой. Маккабби поводил его обмякшими руками вверх-вниз, чем извлек поразительное количество воды, грязи, водорослей и головастиков, а я тем временем перевязал дыру у него в ноге лентой, оторванной от моего собственного бандажа.

Из пистолета двадцать второго калибра, по всей очевидности, вылетает исключительно маленькая пуля, и моя чисто прошла через ступню Яртатгурка, даже не задев сухожилия. Поскольку свинец в ране не остался и сама она свободно кровоточила, на мой взгляд, не было причин для мучений, хотя он очень мучился – долго и громогласно, едва успел прийти в себя.

Я решил дать дурачку немного отдохнуть под ухаживания его хлопочущих соплеменников. Теперь я уже настолько увяз в церемонии, что решил: еще чуточка вмешательства не повредит. Поэтому я сам взялся выполнить следующий шаг ритуала: установить «подобие радуги» из травы над покойной змеей.

Безуспешно проковырявшись с этим проектом значительное время, я вернулся и в отчаянии сказал Маккабби:

– Всякий раз, когда я стараюсь согнуть траву в дугу, она просто рассыпается у меня в руках.

– А ты чего ждал? – ядовито ответил он. – После восьми-то гребаных месяцев засухи?

Еще один факт (как и высохший водоем), который я не смог примирить с сообщением Фрейзера. Если трава достаточно сухая, чтобы требовать вызова дождя, то она слишком суха, чтобы согнуться.

Но тут меня посетило озарение, и я пошел посмотреть на грязь из нашей недавней запруды. Как я и надеялся, там имелась редкая поросль, хорошенько напитавшаяся влагой в течение ночи. Повыдергав все, что смог найти, я связал добычу в неряшливую «радугу» собственными шнурами. Этот похожий на подкову предмет я установил над шеей мертвого питона, придав ему вид такой же зазорный, как у скакуна на круге победителей.

Очень довольный собой, я вернулся к Маккабби. Вместе с остальными анула он соболезновал Яртатгурку, который, по всей видимости, пересказывал всю историю своей раненой ноги с того дня, как она появилась на свет.

– Теперь скажи ему, – попросил я, – что от него требуется только спеть.

Впервые Маккабби как будто не хотелось передавать мои распоряжения. Он посмотрел на меня кисло. Потом заложил руки за спину и, задумчиво расхаживая взад-вперед по берегу прудика, забормотал что-то себе под нос. Наконец он пожал плечами, издал короткий невеселый смешок и опустился на колени, чтобы прервать лепечущего Яртатгурка.

Пока Маккабби в общих чертах излагал следующую и последнюю стадию церемонии, Яртатгурк постепенно приобретал вид стреноженной лошади, которую просят самой себе сделать харакири. После показавшейся мне непростительно долгой конференции между этими двумя Маккабби подытожил:

– Яртатгурк просит его извинить, Преп. Он говорит, в последние несколько дней он слишком много думал. Сперва ему пришлось медитировать над природой бус, которые ты ему скормил. Потом размышлять над сожжением бингхи-бангхами его бороды, на отращивание которой у него ушло три года и которая сгорела за три секунды. Потом над тем, что его раздавило в кашу, на три четверти утопило, на девять десятых забило до смерти, а потом еще и копыто ему продырявили. Он говорит, его бедный, недоразвитый черный мозг так полон пищи для ума, что она просто вытеснила слова всех песен.

– Ему не нужно петь слова, – сказал я. – Наверное, любая бойкая мелодия подойдет, лишь бы ее возносили к небесам.

Последовало короткое молчание.

– Во всей этой безлюдной глуши, – сказал вполголоса Маккабби, – одна восьмая человеческого существа на квадратную милю, а меня угораздило связаться именно с тобой.

– Это самая важная часть ритуала, Маккабби, – терпеливо возразил я.

– А, ладно. Пропадай последнее слабительное.

Он протянул батончик аборигену и пустился в долгие соблазняющие уговоры. Наконец, просверлив меня взглядом красных глаз, Яртатгурк злобно зарывал визгливую песню, да так внезапно, что все анула подпрыгнули. Опасливо переглянувшись, аборигены потянулись назад в лагерь.

– Помяни мое слово, такое мало кто из белых слышал, – сказал Маккабби. – Древняя песня смерти анула.

– Чушь, – сказал я. – Он не умрет.

– Не он. Ты.

Я укоризненно покачал головой.

– У меня нет времени для веселья. Мне нужно садиться за проповедь, которую я произнесу по завершении ритуала.

Как видите, декан Дисми, я задал себе немалую задачу. Мне нужно было подготовить две версии: одну – на случай, если вызывание дождя увенчается успехом, и другую – на случай, если оно провалится. Но в них имелись и сходные моменты: например, в обеих я называл Псалтырь «чековой книжкой в банке Бога». Но тут, разумеется, вставала проблема, как объяснить понятие «чековая книжка» словами, понятными аборигену австралийской глуши.

Трудясь в уединении моего шатра бдения, я все же прислушивался к добросовестным завываниям Яртатгурка. К тому времени когда спустилась ночь, он охрип и как будто несколько раз был на грани того, чтобы сдаться. Всякий раз я тогда откладывал карандаш и спускался помахать ему поощрительно через прудик. И такое проявление моего неустанного интереса неизменно вдохновляло его на удвоенный пыл.

Остальные анула эту ночь тихо провели в своем лагере – без стонов несварения желудка, усталости боя или прочих недомоганий. Я был благодарен, что никакой внешний гам не нарушает моей сосредоточенности, и даже высказался по этому поводу Маккабби:

– Туземцы сегодня как будто притихли.

– Нечасто бедолагам удается набить животы хорошим питоньим мясом.

– Они съели церемониальную змею? – вскричал я.

– Какая разница? – утешил он. – Скелет-то остался под твоей плетеной корзинкой.

Ну и ладно, подумал я. Теперь все равно уже ничего не поделаешь. И, как намекнул Маккабби, должен же скелет явить символ столь же мощный, что и полноценный труп.

Перевалило за полночь, и я только-только закончил заметки к завтрашней службе, когда с визитом явилась делегация старейшин.

– Они говорят, ты очень их обяжешь, Преп, если либо поторопишься и помрешь, как полагается, или как-нибудь ублажишь Яртатгурка. Они заснуть не могут, пока он там куролесит.

– Скажи, – повелительно махнул рукой я, – что вскоре все завершится.

Я не знал, сколь верны были мои слова, пока несколько часов спустя мой сон безжалостно не прервали: шатер сложился надо мной, как зонтик, и – пш! – исчез во тьме.

Потом так же яростно темноту разорвала и прогнала совершенно самая яркая, извивающаяся, раздваивающаяся, каскадная молния, какую я только мог надеяться увидеть. За ней тут же последовали еще большая чернота, едкий запах озона и накатившая канонада грома, который словно бы подхватил все земли Никогда-Никогда и встряхнул, как одеяло.

Когда ко мне вернулся слух, я разобрал голос Маккабби, в неприкрытом ужасе скулящего в темноте.

– Разрази меня, Господи!

Это казалось более чем вероятным. Я как раз увещевал его умерить безбожие рассудительностью, когда по гулкому куполу небес пронесся второй космический раскат, еще более впечатляющий, чем первый.

Не успел я оправиться от его оглушительной ярости, как ветер, наподобие поршня, ударил меня в спину, скрутил в шар и послал кувырком по кочкам. Я болезненно отскакивал от многочисленных эвкалиптов, акаций и каких-то неопознаваемых препятствий, пока не столкнулся с другим человеческим телом. Мы обхватили друг дружку, но продолжали путешествовать, пока ветер на мгновение не утих.

По великой милости фортуны это оказался Маккабби – хотя, должен сказать, сам он в этом особой милости не усмотрел.

– Что, скажи на милость, ты натворил? – дрожащим голосом спросил он.

– Что сотворил Господь? – поправил я его.

О, какое неизгладимое впечатление это произведет на анула, когда я объясню, что все это дело рук вовсе не их ширококота!

– А теперь, – не мог не воскликнуть я, – если бы только полил дождь!

Не успел я произнести эти слова, как нас с Маккабби снова расплющило. Дождь обрушился, как каблук Всевышнего. Он продолжал безжалостно топтать мою спину, вдавливая меня в жесткую землю так, что я едва мог расправить грудь для вдоха. Это, подумал я в муках, много больше, чем я намеревался просить.

По прошествии неисчислимых минут мне удалось приблизить губы к уху Маккабби и проорать достаточно громко, чтобы он услышал:

– Надо найти мои заметки к проповеди, пока они не промокли!

– Твои чертовы заметки сейчас на Фиджи! – крикнул он в ответ.

– И мы тоже там будем, если не найдем чертов грузовик, да побыстрей!

Я старался внушить ему, что мы не можем бросить анула сейчас, когда все идет так хорошо и когда мне представилась богоданная возможность совершить чудесное обращение целого племени.

– Никак не вобьешь в свою дурью башку, да? – взревел он. – Это же Косоглазый Боб! Он пришел раньше времени! Я таких бурь вообще не припомню! Вся низина уйдет под воду, и мы вместе с ней, если нас не унесет на тысячу миль и не разорвет на тряпки в буше!

– Но тогда сама моя миссия окажется напрасной, – запротестовал я в перерывах между раскатами грома. – И бедные анула будут лишены...

– Плевать на чертовых кривоногих ублюдков! – взвыл Маккабби. – Они несколько часов как свалили. Нам надо разыскать грузовик... если его еще не унесло. Выбраться на возвышенность возле Сперментальной станции.

Крепко цепляясь друг за друга, мы сумели ощупью пробиться через, казалось бы, непроницаемую стену воды. Громы и молнии звучали теперь одновременно, слепя нас и оглушая разом. Оторванные ветки, вывороченные с корнем кусты и деревья все большего и большего размера темными метеорами проносились по Никогда-Никогда. Однажды мы увернулись от самого странного снаряда из всех – несущегося по воздуху скелета питона Яртатгурка, все еще в своем развеселом воротнике из травы.

Мне показалось странным, что мы не встретили ни одного туземца. Но грузовик мы наконец нашли: он опасно раскачивался на рессорах и скрипел каждой заклепкой, словно просил о помощи. Гонимая ветром вода текла вверх по его наветренной стороне и поднималась над крышей, как пена девятого вала. Уверен, только мертвый груз нерозданных бусин, еще заполнявших три четверти кузова, не дал ему опрокинуться.

Пробравшись с подветренной стороны, мы открыли дверь, и ее тут же едва не сорвало с петель, когда в нее вцепился ветер. В кабине было не тише, чем снаружи, гром грохотал душераздирающе, а капли едва не проминали металл, но в неподвижном воздухе дышалось легче.

Когда мы отдышались, Маккабби выжал еще один водопадик из своих баков и завел мотор. Я, сдерживая его, положил ему руку на локоть.

– Мы не можем оставить анула на волю стихии, – сказал я. – Нельзя ли выбросить бусы и набить в кузов женщин и малышей?

– Говорю тебе, они уже много часов как собрали манатки.

– Значит, они ушли?

– Едва ты на боковую завалился. Они уж точно свалили из низин, когда Косоглазый Боб подошел.

– Гм, – несколько уязвленно протянул я. – Довольно неблагодарно с их стороны бросить своего духовного наставника, не предупредив.

– О, они благодарны, Преп, – поспешил заверить меня Маккабби. – Вот почему они сбежали молчком: ты их обогатил. Помяни мое слово, они себя истинными крезами

чувствуют. Свалили в Дарвин, чтобы продать шкуру питона на обувную фабрику.

Я мог только шмыгнуть носом.

– Пути Господни неисповедимы...

– Во всяком случае такую причину они мне назвали, – сказал Маккабби, когда грузовик тронулся. – Но теперь я подозреваю, что они почуяли ураган и сделали ноги, как бандикуты перед пожаром в буше.

– Не предупредив нас?

– Ну, Яртатгурк ведь наложил на тебя проклятие своей песней смерти. – Мгновение спустя Маккабби мрачно добавил: – И как я не скумекал, что сволочь и меня тоже пришпилил?

С этими словами он направил грузовик к Экспериментальной станции. Ни от дворников на лобовом стекле, ни от фар толку не было никакого. Дороги тоже не было, а еле заметную тропу, по которой мы приехали сюда, смыло водой. Время от времени грузовик встряхивало от гулко-го удара стволом эвкалипта, либо обломком камня, либо кенгуру – да кто там разберет. Чудом ни один снаряд не разбил лобовое стекло.

Понемногу мы выбирались из низин, карабкаясь на мягкий уклон плато. Когда мы взобрались на его ровную вершину, то поняли, что поднимающиеся воды нам не грозят, а когда спустились с дальнего его склона, шумное буйство погоды несколько утихло, отрезанное застывшей грядой.

Шум за нами унялся, и я прервал молчание, спросив Маккабби, что станет теперь с анула. Я рискнул надеяться, что новообретенное богатство они потратят на орудия и принадлежности для улучшения уровня своей жизни.

– Возможно, построят деревенскую церковку, – размышлял я вслух, – и наймут разъездного проповедника...

Маккабби фыркнул.

– Для них, Преп, богатство – это пара долларов, а большего они за ту шкуру не выручат. И спустят они всё на одну буйную пьянку. Накупят самого дешевого самогона, какой только найдут, и проведут в угаре неделю. Проснутся в каталажке ближайшего поселка, скорее всего, с преотвратным похмельем.

Такое любого лишит иллюзий. Похоже, своим приездом я вообще ничего не добился, так я и сказал.

– Тебя, Преп, они никогда не забудут, – процедил сквозь стиснутые зубы Маккабби. – И любой другой мужик в Глуши, кого ты застал врасплох. Ты же сезон дождей на два месяца раньше положенного вызвал, и со всей силой. Наверное, всех до единой овец-джамбак в Никогда-Никогда утопил, смыл все узкоколейки, обанкротил всех бурильщиков, залил всех фермеров, которые выращивают арахис и хлопок...

– Не надо, – взмолился я. – Не продолжай.

Последовало новое долгое и унылое молчание. Потом Маккабби надо мной сжалился. Он несколько приподнял мое настроение и подытожил исход моей миссии – своего рода сослагательным утешением:

– Если ты приехал сюда, чтобы отвадить туземцев от языческого мумбо-джумбо с вызыванием дождя, ну, можешь лучшую библию прозакладывать, что ничего подобного они ни за что не сделают.

И на такой оптимистической ноте поспешу привести мою историю к ее счастливому завершению.

Несколько дней спустя мы с Маккабби прибыли в Брюнетку-Даунс. Он перегрузил бусы на несколько «лэнд-роверов» и вернулся на Север. Нисколько не сомневаюсь, что с тех пор он стал крезом-миллиардером, застолбив рынок скальпов динго. Мне удалось нанять другого шофера, и вдвоем мы вернули арендованные грузовики в Сидней.

К тому времени когда я попал в город, у меня не было ни гроша, и выглядел я живописным, если не сказать, отвратительным нищим. Я сразу поспешил в клуб Англоговорящего союза на поиски Прим-Профи ЕпТиха Шэгнасти. Намерением моим было

подать прошение о временном месте в сиднейской церкви и выпросить небольшую сумму аванса в счет жалования. Но едва я нашел епископа Шэгнасти, как стало ясно, что в настроении он отнюдь не благостным.

– Я все получаю чертовы письма, – капризно сказал он, – от портовых властей Сиднея. Там какой-то груз на ваше имя. А я не могу за него расписаться, не могу даже выяснить, что это такое, а мне шлют и шлют заоблачные счета за его хранение.

Я сказал, что пребываю в таких же, как он, потемках, но епископ меня прервал:

– И не советую вам тут ошибаться, Моби. В любую минуту может войти заместитель проектора Мэшворм, а он шкуру с вас спустит. Он уже спустил добрую долю моей.

– И моей тоже, – не мог не пробормотать я.

– Ему тоже поступают письма. От комиссара по Северным территориям с запросами, почему, черт возьми, вас допустили разлагать туземцев. Похоже, целое племя, как саранча, обрушилось на Дарвин, омерзительно напилось и снесло половину города, прежде чем их удалось собрать в загон. Когда они достаточно протрезвели для допроса, то сказали, что деньгами на попойку их снабдил новенький парень из Братства буша. Описание безошибочно к вам подходит.

Я попытался проблеять объяснение, но он и его прервал:

– Это еще не все. Один из туземцев утверждал, будто проповедник стрелял в него и ранил. Остальные сказали, мол, миссионер спровоцировал межплеменную войну. А третьи заявили, что он голым танцевал перед ними, а после скормил им яд, но в этой части выражались не вполне внятно.

Я снова заскулил, и меня снова прервали:

– Не знаю, чем именно вы там занимались, Моби, и, откровенно говоря, не хочу этого слышать. Но я был бы до скончания веков благодарен лишь за два слова.

– И какие, ваше преподобие? – сипло спросил я.

Он выбросил вперед руку.

– До свиданья.

Делать мне больше было нечего. Сам не знаю как, я очутился в доках Вулумулу, где осведомился о загадочном грузе. Оказалось, его послал Фонд заморских миссий старого доброго ЮжПрима, и состоял он из одного двухместного электрокара для гольфа, семи гроссов⁵ абажуров «Лайтолье» (всего было тысяча восемь абажуров) и десятка ящиков нюхательного табака «Оулд Кроун Брэнд».

К тому времени я был слишком оглушен и подавлен, чтобы выразить удивление. Подписав квитанцию, я получил ваучер. Ваучер я отнес в матросский ломбард, где ко мне подошли люди с бегающими глазками. Один из них, хозяин ржавого траулера, занятого контрабандой капиталистической роскоши обездоленным коммунистам Красного Китая, не глядя выкупил весь груз. Не сомневаюсь, что меня на сделке нагрели, но я был рад, что смогу оплатить накопившиеся счета за хранение и у меня остается достаточно на билет в четвертом классе на первом же грузовом пароходе, отправляющемся в старые добрые США.

Единственным пунктом, где причаливал в нашей стране пароходик, был Нью-Йорк, там я и сошел недели две назад. Отсюда и почтовый штемпель на моем письме, так как я все еще здесь. К приплытию я снова был без гроша. Но счастливый случай привел меня в местный Музей естественной истории (потому что вход был бесплатный) как раз в то время, когда в Австралийском крыле готовили новую экспозицию по аборигенам. Едва я упомянул мое недавнее пребывание у анула, меня тут же наняли техническим консультантом.

Оклад был скромным, но мне удалось немного отложить в надежде на скорое возвращение в Виргинию и в старый добрый ЮжПрим, где я узнаю, какая следующая мне назначена миссия. Однако совсем недавно я обнаружил, что на миссию призван прямо здесь.

Художник, расписывавший задник к аборигенской экспозиции, (насколько я сумел

---

⁵ Единица измерения, равная 12 дюжинам.

понять, итальянишка, ведь его зовут Даддио) познакомил меня со своим, что называется, «кланом»: обитателями поселения в самом сердце Нью-Йорк-Сити. Он привел меня в тускло освещенный, продымленный подвал (они зовут его флэтом), полный своих соплеменников: бородатых, пахучих, невнятных, – и мне почти показалось, что я перенесся назад к аборигенам.

Толкнув меня локтем, Даддио зашептал:

– Давай же, скажи это. Громко и именно так, как я тебя учил, мужик.

Поэтому я продекламировал всему подвалу диковинное вступление, которое он заставил меня заранее отрепетировать:

– Я Криспин Моби, парень из Братства буша! Я недавно сделал обрезание и язык питджантьярьяра выучил у священника-расстриги по фамилии Крапп!

Собравшиеся, которые до того бессвязно разговаривали между собой, разом замолкли. Потом один приглушенным и почтительным шепотом сказал:

– Этот Моби так далеко зашел, что нас на обочине оставил...

– Я понял, понял... – ни к селу, ни к городу залопотал другой: – «Вой» – это квадратный корень из Пила...⁶

Тут встала сидевшая на корточках девица с обвислыми волосами и написала на стене зеленым карандашом для бровей: «Лири, по. Ларри Вельк, si».⁷

– «Голоый завтрак» – так себе пасхальный перекусон, – сказал кто-то еще.

– Ну впрямь пипл, – начали несколько разом, – вождя нам привели!

Все это показалось мне сродни загадочным высказываниям Маккабби и Яртатгурка. Но тут меня приняли, как никогда не принимали анула. Теперь местные туземцы, приоткрыв рты на заросших лицах, ждут самых банальных моих изречений и слушают – так жадно, как ни одна из конгрегации, которые я знал прежде, – мои самые невразумительные проповеди. (Ту, про Псалтырь как чековую книжку и т. д., я многократно произносил в кофейнях племени под аккомпанемент племенной струнной музыки.)

Так, декан Дисми, божественное Проведение привело меня – не ведающего, но не сворачивающего с пути, – ко второй миссии в моей карьере. Чем больше я узнаю про обитателей Виллидж и их несчастное обманутое идолопоклонство, тем большую ощущаю уверенность, что рано или поздно смогу Помочь.

Я подал прошение в головной офис по миссиям местного синода церкви Примитивного протестантства о надлежащей аккредитации и позволил себе указать вас, досточтимый сэр, и епископа Шэгнасти как людей, могущих дать мне должные рекомендации. Любое слово заступничества, которое вы по доброте своей сообразовали произнести в мою пользу, будет принято с благодарностью.

Ваш в яром смирении,

Криспин Моби.

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Gary Jennings. Sooner or Later or Never Never. 2009. Публикуется с разрешения журнала «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ

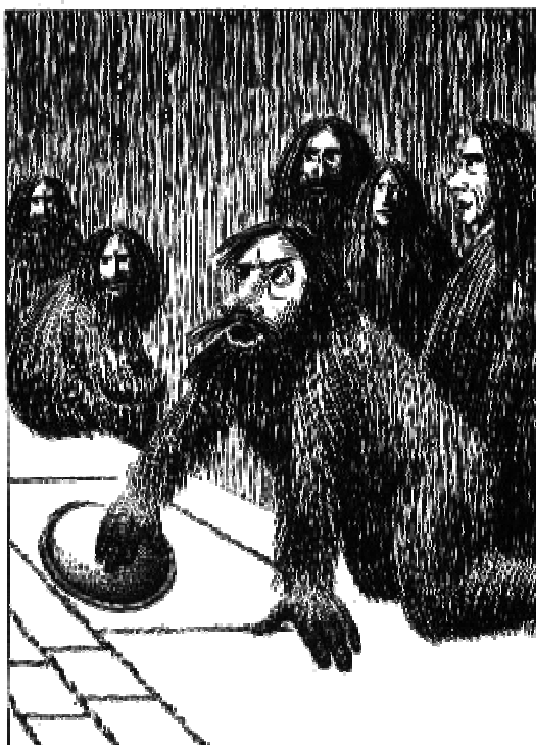
⁶ «Вой» – стихотворение Аллена Гинсберга; Норманн Пил – протестантский проповедник, автор доктрины «позитивного мышления».

⁷ Тимоти Лири – американский писатель, культуролог, пропагандист культуры галлюциногенов и психоделики; Ларри Вельк – американский музыкант и ведущий музыкального телешоу в 1950–1980 годах.

ПРОГЛОТ

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

ДА Л И Я
Т Р У С К И Н О В С К А Я
ПРОГЛОТ

Неонила Игнатъевна, всем ведомая сваха, от усталости уже на углы натыкалась, но ее ликование не было предела: она таки сосватала славного молодца Трифона Орендъевича и красавицу Маланью Гавриловну. На ее плечи легло устройство свадьбы. А свадьба у домовых начинается, когда все приданое в дом жениха из невестиного дома перетащат. Расстояние было немалое, призвали на помощь всю родню, занимались этим делом четыре ночи – с ночлегом на складе у магазинного домового.

В свадебный вечер мешки принесли целой процессией – возглавлял ее Матвей Некрасович, который нес всего-навсего махонький коробок с внучкиными цветными ленточками, за ним шел сын, Гаврила Матвеевич, с грузом чищенных орехов, потом – невестка Степанида Афанасьевна с узлом постельного белья из самолучших китайских носовых платочков, затем – прочие участники торжества. Замыкала шествие Неонила Игнатъевна, которая вела невесту.

Особых церемоний домовые не разводят, обряд у них простой – старшие объявляют молодых мужем и женой, а потом – угощение и пляски. Этого довольно: союзы у домовых неразрывные, не то что у людей, которые подпирают свое ненадежное супружество всякими бумажками. Раньше, в древнюю, догородскую пору, свадьбу играли в погребѣ или овине: с

банником не всегда сговоришься – он суров, а овинник свадьбы любит, у него способность есть свадьбы предугадывать, и деревенские девки этим пользовались – на святках бегали ночью через двор, оборачивались к овину спиной, задирали подол и говорили заклинание:

– Мужик богатый, ударь по заду рукой мохнатой!

А овинник и рад стараться! Кого шерстистой лапой шлепнет – ту в богатое семейство замуж отдадут. Кого босой и холодной пяткой лягнет – той быть за бедняком. А если и близко не подойдет – в девицах век вековать.

Но в городе овина нет, зато есть чердак. Этот чердак уже освоила молодежь, затевала там гуляния, вот ей и приказали навести порядок, устроить столы и сиденья.

Наконец все общество собралось, расселось, и два домовых дедушки, Матвей Некрасович и дед жениха Мартын Фомич, объявили Трифона Орентьевича и Малашу супругами.

Трифон Орентьевич (еще совсем недавно – Тришка, ни на что не годный, кроме чтения хозяйской литературы) сидел довольный и гордый, ведь экую красавицу отхватил! Малаша смущалась, но исподтишка поглядывала на суженого – он ей страх как нравился. Неонила Игнатьевна выпила красного вина и первая пошла в пляс. А когда домовиха пляшет – это настоящее зрелище: она и топает, и подпевает себе, и взвизгивает, и хохочет.

За общей суетой никто не заметил, как на чердаке появились два незваных гостя.

Они стояли у дверей довольно долго. Наконец набрались смелости и подошли к сидевшему с краю домовому Аникею Киприяновичу. Место было не самое почетное – ну так и Аникей Киприянович только-только начал заново завоевывать репутацию хорошего хозяина. Он слишком долго прожил безместным, а когда такое случается, домовые дедушки говорят: обленился. А это худший упрек для домового. И хотя Аникея Киприяновича определили в неплохую квартиру, ему еще следовало убедить общество в своем трудолюбии.

– Сделай милость, укажи, кто тут Трифон Орентьевич, – с поклоном попросил незнакомый гость, по виду еще совсем молодой, из подручных.

– Так вы опоздали, молодцы, – отвечал Аникей Киприянович. – Свадьба еще когда началась! А вы что же без подарков?

Узелки, что имели при себе гости, были наискромнейшие.

– Так это он женится?

– Он самый.

– Ахти нам, – сказал безымянный пока гость. – Пропали мы.

– А чтостряслось?

– Беда. Такая беда, что мы сутки шли, не присаживаясь, а где и бежали. Вся надежда была на Трифона Орентьевича. Сказывали, не только что умен, а умеет автомобиль водить и молчкам хозяин.

– А что за беда-то? – спросил Аникей Киприянович.

– У нас домовый дедушка помирает. А он нам с Яковом Поликарповичем вместо отца был...

– Так Трифон Орентьевич, чай, не знахарка, – рассудительно сказал Аникей Киприянович.

– Трифон Орентьевич технику знает, – уважительно произнес гость. – А бедный наш Евсей Карпович...

– Из-за техники помирает, коли уже не помер, – добавил второй гость.

Аникей Поликарпович задумался. Положение было двусмысленное. С одной стороны, отвлекать новобрачного от его только что обретенных семейных радостей плохо, да и не принято. Когда домовый женится, он, отгуляв трехдневную свадьбу, первым делом со своей супругой забирается в какой-нибудь тихий уголок, где его никто не потревожит. С другой стороны – беда...

– Подождите, молодцы, – сказал он и пошел на поиски женихова деда. Тот был хранитель древних правил и знал ответы на все вопросы, относящиеся к верному поведению и нерушимым обычаям.

Молодцы присели в уголке и с тоской смотрели на свадьбу.

– Ничего не выйдет, Акимка, – горестно молвил тот, что повыше и покурчавее.

– До конца бороться будем, Якушка, – возразил второй. – Он-то нас от смерти неминучей спас, а мы что же?

Не так давно, когда на городской окраине были замечены опасные смерчи, приходившие из заброшенных деревень, старшие отрядили Акимку с Якушкой сбегать и разобраться, что это еще за враг. И погибнуть бы им безвременно, если бы сообразительный домовый Евсей Карпович, наловчившийся пользоваться хозяйским компьютером, не выискал там описание парашюта и не смастерил это устройство для разведчиков из подручных материалов.

А сейчас норовистый и независимый Евсей Карпович накликал на свою кудлатую голову большую неприятность.

* * *

Денис, проведавший про своего домового, уходя на работу, оставлял для него компьютер включенным. Евсей Карпович не на шутку увлекся этой игрушкой. Когда хозяина не было дома (а отсутствовал он часто, потому что работал и учился), домовый не отходил от клавиатуры и даже приноровился возить по коврику мышью. Евсей Карпович выкапывал в Интернете такие знания, что прочие домовые лишь в затылке чесали да кричали, когда он делился находками. Его приятельница, Матрёна Даниловна, сперва огорчалась – она, улучив минутку, тайком прибежит к Евсею Карповичу, а его от монитора за уши не оттянешь. Она-то и заметила неладное.

Матрёна Даниловна своего приятеля навещала секретно, чтобы не дразнить законного супруга Лукьяна Пафнутьевича. И вот однажды, проскользнув в Денискину квартиру, Матрёна Даниловна увидела Евсея Карповича лежащим на компьютерной клавиатуре. В комнате было темно, светился лишь экран, на котором суетились фигурки, и Матрёне Даниловне почудились светлые дрожащие струнки, натянутые между домовым и экраном. Она подумала было, что Евсей Карпович заснул, и окликнула его. Он отозвался не сразу и, очнувшись, был странен – тих, задумчив, неразговорчив и словно к чему-то прислушивался.

И во второй раз случилась та же история, мерещились те же струнки. А в третий Матрёне Даниловне не удалось растолкать Евсея Карповича. И она смертельно перепугалась.

Домовые умирают не по-человечески, а на свой лад – от старости засыпают и понемножку усыхают. Родня прячет тельце в такое место, откуда, ежели проснешься, можно выбраться, и, говорят, такие случаи бывали. Матрёне Даниловне вовсе не хотелось хоронить Евсея Карповича – не в тех он еще был годах, чтобы от старости засыпать, и на здоровье не жаловался. Она помчалась к подручному Лукьяна Пафнутьевича – Якушке.

Сперва-то подручных было двое, Якушка да Акимка, но потом на сходке постановили, чтобы Акимка шел домовым дедушкой в бестолковое семейство Бенедиктовых, которое нельзя было оставлять без присмотра: того гляди, увлекутся умными речами и пожгут все кастрюли или же забьют сток в ванной мокрым носком и устроят потоп на весь дом. Акимка стал Акимом Варлаамовичем, но Матрёна Даниловна, сама его воспитавшая, по-прежнему давала ему всякие поручения.

Якушка сбегал за Акимкой, и все трое поспешили к бездыханному домовому. Там Матрёна Даниловна и рассказала про свои видения.

– Это техника виновата! – сразу сказал Акимка. – Как-то она скверно на него подействовала.

– Отродясь у домовых таких хвороб не было, – еле выговорила, утирая слезы, Матрёна Даниловна.

Якушка сбегал за опытной бабушкой Минодородой Гитовой, чуть не в охапке притащил ее. Матрёна Даниловна спряталась за книгами и оттуда смотрела, как старушка тормозит Евсея Карповича.

– Помирает, – сказала бабушка. – Словно бы из него кровь высосали. А как сделано – не понять, ран не вижу. Не кикимора ли шкодит?

– Как же быть? – спросил Акимка.

– Я такой хвори отродясь не видала. Но, сдастся, дня два-три продержится, а тогда уж уснет окончательно. Сейчас-то он еще в полудреме.

И Минодора Титовна пошла звать соседей: негоже, чтобы домовый дедушка, да еще такой уважаемый, как Евсей Карпович, засыпал в полном одиночестве.

Сбежались кумушки. Кое-кто поглядывал – не прячется ли в доме Матрёна Даниловна, о ее хождениях к соседу слухи все ж завелись. Но ее Акимка с Якушкой успели вывести и устроили в вентиляционной шахте, чтобы там в одиночестве горевала. Сами же забрались по той же шахте двумя этажами выше.

– Может ли быть, чтобы кикимора засела в компьютере? – спросил Акимка.

– Кто ее разберет. У нас один только Евсей Карпович с компьютером ладит... то есть ладил...

– Может, Дениса поискать?

– Люди не помогут, если там кикимора засела.

– Леший?.

– Как ты его из лесу доставишь?

– Так ведь кикимора только его, сказывали, боится...

– Ну и дурень же я! – воскликнул Акимка, шлепая себя по лбу. – Я знаю, кто нам нужен! Помнишь, говорили про домового дедушку Трифона Орентьевича? Который в шумную машину молчка подсадил? И машина замолчала! И кикимору из своего дома прогнал! Вот! Его привести надо!

* * *

Сборы заняли четверть часа – старшие объяснили, где искать знатока, домовихи собрали припасов. И Акимка с Якушкой отправились в путь.

Им еще повезло – кварталов с десятков ехали на машине, подвез знакомый автомобильный. И тем везение кончилось: кто ж из домовых в здравом уме и твердой памяти сбежит с собственной свадьбы?

Аникей Поликарпович меж тем отыскал Мартына Фомича и сильно его озадачил.

Перед домовыми вообще редко встает проблема выбора, как-то все само по порядку получается.

С одной стороны, три дня свадебного гуляния – это свято. С другой – нельзя не прийти на выручку своему брату домовому. Хотя домовые мирно не живут, могут ссориться до визга и укусов, но твердо помнят, что все они – родня. И Мартын Фомич долго молчал, прежде чем изрек мудрое слово:

– Это не моя свадьба, а Тришкина. Ему решать. Сейчас приведу.

Трифон Орентьевич поспешил на дедов зов, а Маланья Гавриловна следом, не для того она замуж выходила, чтобы супруга от себя отпускать.

Акимка с Якушкой чаяли увидеть высокого и статного домового дедушку, а Трифон Орентьевич оказался ростом вровень с ними да и дородства покамест не нажил. Они переглянулись: неужто этот домовый всем молчкам хозяин, машину водит и умеет кикимору ловить?

– Вот внук, растолкуйте ему все внятно, – велел Мартын Фомич.

Якушка с Акимкой растолковали. И теперь уж Трифон Орентьевич задумался.

Дело в том, что его подвиги были совсем не таковы, как мерещились соседям. Он не умел подсаживать молчка – просто сговорился со случайно попавшимся ему гремлином Олд Расти, великим мастером портить технику, и привел его в ночной клуб, своим грохотом утомивший домовых до чрезвычайности. И машину водить он не умел – однажды проехался, вися на руле. А что до кикиморы – так никакой кикиморы не было, она всем померещилась, а

он рядом случился. Конечно, основания для славы, побывавшей по всему городу, были: Трифон Орентьевич действительно побывал в деревне, а ночной клуб после явления гремлины закрыли и наступила тишина.

Так что стоял славный молодец Трифон Орентьевич перед Акимкой и Якушкой в великой растерянности. И, возможно, сказал бы им правду, кабы не молодая жена, смотревшая на него с восторгом и преданностью, как и положено смотреть жене на мужа, по крайней мере, в первые годы брака.

– Как бы до вас добраться поскорее? – спросил Трифон Орентьевич.

– Неужто ты, Тришенька, со своей свадьбы уйдешь? – изумилась Малаша. – Нельзя же так, гости обидятся!

– Мне главное, чтобы ты, Маланья Гавриловна, не обиделась, – отвечал он. – Ты все гостям растолкуй, присмотри, чтобы все были сыты и пьяны, а я пойду с Акимом Варлаамовичем и Яковом Поликарповичем.

– Куда это ты пойдешь? Один, без меня? Трифон Орентьевич, где это видано, чтобы жених без невесты уходил?! Да ты бросить меня собрался, что ли? Хозяйских телевизоров насмотрелся?! – И Малаша заревела.

Смотреть телевизор ей родители не велели – сказали, что от него в мире все безобразия. Конечно, Малаша исхитрялась, и кое-что ей даже нравилось, но только не применительно к своей семейной жизни.

Трифон Орентьевич растерялся. Сейчас бы следовало приласкать новобрачную, да как же при посторонних?

– Ладно, ладно! – прикрикнул он. – Никуда не пойду, только не реви!

– Как это не пойдешь? – сквозь слезы едва выговорила Малаша. – Домовой дедушка в беду попал, а ты не пойдешь?! За кого ж я, горемычная, замуж вышла?! Уы-ы-ы!

Дед Мартын Фомич хмурился: очень ему эти рыдания посреди свадьбы не нравились. Пока разговор шел в уголке, незаметно для гостей, а ну как понабегут? Сраму не оберешься.

– Женился ты, внук, на дуре, – сообщил он не столько Трифону Орентьевичу, сколько Акимке с Якушкой.

– Прости, Трифон Орентьевич, что понапрасну беспокоили, – глядя в пол, извинился Акимка. – Пойдем, Яков Поликарпович. Не сладилось...

Оба развернулись и двинулись прочь с чердака.

Было им тошно.

Шли среди бела дня, вдоль стенок перебежали, в сугробах свежесвыпавшего снега вязли, за углами хоронились, чуть под колеса не попали – и напрасно. Видать, не судьба спасти Евсея Карповича от диковинной хворобы.

– Вот, глянь, за батареей местечко. Вздремнуть бы, – предложил Акимка. – Спешить-то теперь уж незачем...

– Можно, – согласился Якушка. И оба забрались в тесную теплую щель.

* * *

Но заснуть им не удалось.

Когда домовые галдят – людям слышно, обычно же они разговаривают тихо. Однако случается, что нужно при людях что-то сообщить товарищу. Тогда в ход идет скороговорка. Для человека – громкий крысиный писк, а домовой в этот писк с десяток слов уместает.

Такой вот сигнал раздался на лестнице, да не единожды. Искали Акимку с Якушкой.

– Идем, – сказал Трифон Орентьевич. – Время поджигает.

Рядом с ним стояла Маланья Гавриловна с узелком, тоже готовая в поход.

– А свадьба? – спросил Акимка.

– Так нас уже поженили, – бойко ответила Малаша. – Теперь муж может что хочет делать, а жена при нем. И не проси – не пушу одного!

– Сперва – на автостоянку. Там у сторожа в будке Вукол Трофимыч живет, он все про

автомобильные дела знает. Может, с ветерком доедем, – пообещал новобрачный.

– А свадьба? – спросил, в свою очередь, Якушка,

– Моя свадьба: как хочу, так и гуляю, – ответил Трифон Орентьевич.

* * *

Евсей Карпович ощутил себя. Он осознал, что лежит, что дышит, и только сил открыть глаза не было. Ему захотелось опять уснуть. Сладко уснуть, как у мамы под бочком. И не просыпаться.

Однако не получалось.

Он поневоле стал думать. Мысли были путанные, как ком шерсти из нескольких клубков, который, чем распутывать, проще отрезать и выбросить. Когда-то Евсей Карпович подбирал за хозяйкой такие комья и соорудил себе теплый тюфячок.

В них, в мыслях, одна нить принадлежала Матрёне Даниловне, другая – хозяину Дениске, третья – какому-то существу по имени Проглот, четвертая – другому существу, Колыбашке.

– Уйди, Проглот, – мысленно говорил Евсей Карпович. – Не мешай! Я еще не все кристаллы собрал и ключ к двери не нашел. Сгинь! Нет тебя!

– Ты собирай, собирай, – согласился Проглот. – Я вот тут, в сторонке, постою.

Евсей Карпович был недоволен, все-таки сбор голубых кристаллов – дело тонкое, и негоже, чтобы чья-то морда в затылок дышала. Опять же за ними идешь по лабиринту, идти надо быстро, чтобы не догнала Пасть, круглая и зубастая.

Он уплывал в пространство, где переплетались трубы лабиринта и мерцали кристаллы, но вдруг явственно услышал голос старушки Минодора Титовны:

– Сюда, сюда! Тут он дремлет! Проходите, молодцы, а ты, девка, в сторонке постой, девкам за больными ходить негоже.

– Какая я девка, я домовая бабушка! А это супруг мой Трифон Орентьевич! – ответил сердитый голосок.

Потом были голоса его приятелей, Акимки и Якушки, затем – чужой. Открывать глаза и смотреть, кого там принесло, не хотелось. Но домовые, собравшись над распростертым телом, несли чушь. Они собирались вытащить Евсея Карповича из Денискиной квартиры на свежий воздух. Кроме того, чужой домовой требовал выключить компьютер. Совсем рехнулись!

Нужно было приподняться и гаркнуть внушительно, чтобы отстали. Но тело превратилось в кисель – тот стародавний густой кисель, какого теперь уж не варят.

Повеяло холодным ветерком. Евсей Карпович испугался: как бы в сугроб не заташили, лекари самозваные! Сугробом как-то он сам врачевал совсем сдуревшего домового Лукулла Аристарховича, который перебрал хозяйского коньяка.

– Пустите... – беззвучно пробормотал он. – Назад волоките...

И тут ему на физиономию рухнул слетевший с крыши рыхлый комок снега.

– Просыпается, ахти мне, просыпается! Ах, держите его, держите! Сверзится! – заголосила Минодора Титовна.

Цепкие лапы ухватились за шерстку Евсея Карповича. Это было неприятно. Домовые вообще не любят прикосновений, разве что в детстве, когда мама тетешкает маленького. А тут прикосновения были злодейские – чуть доброхоты половину шкуры не выдрали.

Он ярости, не иначе, взялись силы: Евсей Карпович открыл глаза и обнаружил себя на заснеженном подоконнике. Внизу было пространство для долгого полета – семь этажей. Его втянули обратно в окошко, уложили поудобнее и стали расспрашивать. Он молчал – язык во рту не поворачивался, да и неловко было. Вся эта суэта сильно его раздражала. Особенно неприятно было, что Якушка сбежал за Матрёной Даниловной. И она, видя перед собой прославленного Трифона Орентьевича, рассказала все подряд, упомянула и струнки, что натянулись между лежащим без сознания домовым и компьютерным экраном.

– Врет, – хотел было возразить Евсей Карпович, но голос не слушался. Он столько ночей провел за компьютером и никаких струнок не замечал.

– Не кикимора ли в машинку забралась? – спросил Акимка. – Не она ли соки сосет?

– Впервые слышу, чтобы кикимора струнки из себя выпускала, – отвечал Трифон Орентьевич. – Но кто-то там точно засел.

– Так выманить же надо!

– А как?

– На живца, – вдруг сказала Матрёна Даниловна. – Коли надобно – я в живцы пойду!

И тут Евсей Карпович содрогнулся, да так, что едва обратно в приоткрытое окошко не улетел. Хорошо, что его в шесть лап все еще держали...

* * *

Трифон Орентьевич, так уж вышло, до сих пор дела с компьютерами не имел. Квартира, где он жил в подручных при собственном деде, принадлежала старому чудаку, который новомодную технику презирал. Мартын Фомич замаялся чинить его древний уют и старую кофемолку. Зато хозяин насобиравал невероятное множество книг. Отсюда и вся ученость Трифона Орентьевича.

Он прошелся перед монитором взад-вперед, почесал в затылке. Прочие взирали на него с трепетом: еще бы, не всякий день увидишь, как мастер за дело берется.

– Откуда струнки тянулись? – спросил он, уверенный, что эти сведения совершенно бесполезны. Однако что-то же нужно было говорить.

– Отсюда, и отсюда, и отсюда, – показала Матрёна Даниловна. – И вот отсюда.

– Сколько их было-то?

– Много. Как нитяная бахрома на скатерке.

– И как натянуты?

– Аж дрожали, – вспомнила Матрёна Даниловна страшноватую картинку. – И Евсея Карповича держали – тут, тут и вот тут.

Трифон Орентьевич покосился на Акимку с Якушкой, которые ждали от него мудрости.

– Давай-ка, бабушка Матрёна Даниловна, сделаем чертеж!

На Денискином столе много было всякого добра, в том числе и стопка бумажных листков – самому себе напоминалки писать. Была там и вещица, с которой никто из местных домовых дела не имел, а вот Трифон Орентьевич у хозяина ее видел и смысл понимал. Это был механический карандаш, из которого он, будучи еще Тришкой, извлекал куски грифеля. И теперь он очень гордо это проделал, а Малаша даже подбоченилась: мой-то каков!

Трифон Орентьевич велел Матрёне Даниловне вообразить, будто перед ней компьютерный экран, от которого тянутся струнки, и понаставить точек, откуда они растут. Домовиха сосредоточилась и принялась тыкать грифелем в бумажку. Дело это для нее было непривычное, она умаялась, словно целое ведро разбежавшейся по кухне картошки в кучу собирала.

Акимка и Якушка уставились на ее творчество и пришли в некоторое смятение. Изображен был продолговатый, дыбом торчащий силуэт с небольшим утолщением сверху и каким-то округлым расширением снизу. Трифон Орентьевич тоже малость смутился. Зато Маланья Гавриловна преспокойно взяла бумажку и объяснила, что изображен-де некто, имеющий голову, и в длинном балахоне, клубящемся у ног. Возражать ей не стали – тем более что она, скорее всего, была права.

– Нет, это не кикимора, – сказал Трифон Орентьевич. – Кикимора, сказывали, тоща и костлява...

Он задумался с таким умным видом, что все присмирели.

Логически рассуждая, Матрёна Даниловна видела струнки в полумраке или вообще в темноте – при солнечном свете они были бы незаметны. Значит, коли хочешь за них

уцепиться, изволь ночевать возле компьютера.

Когда Трифон Орентьевич сообщил о своем намерении, Акимка с Якушкой пришли в восторг и предложили сесть в засаду вместе. Но Трифон Орентьевич назначил их присматривать за Евсеем Карповичем – мало ли что, с боку на бок перевернуть, водицы поднести. А Матрёна Даниловна, убедившись, что ее друг сердечный вроде оклемался, засобиралась домой, к Лукьяну Пафнутьевичу.

Больного перетащили в подходящее место – на диван, где между спинкой и прислоненной подушкой образовался шалаш. Акимка с Якушкой устроились там же. Трифон же Орентьевич принялся ладить наблюдательный пункт напротив монитора. Супруга не отходила от него ни на шаг.

У Дениски был обычный недорогой ноутбук, недавно купленный взамен старого железного чемодана. Малаша никак не могла понять – неужели придется спать на открытом месте, а не в тихом укромном уголке, как она была приучена? Матрёна Даниловна принесла ей из своего хозяйства большой лоскут искусственного меха – если под него забраться, то вроде ничего получается. Трифону Орентьевичу поставили перед ноутбуком красивый камушек, подобранный Дениской на речном берегу. Он уселся и уставился на пустой экран. Там разбросаны были какие-то мелкие картинки – и ничего больше.

Продержался Трифон Орентьевич часа два. А потом заснул.

Сон сморил всех – и Малашу, и Акимку с Якушкой. Не шутка – путешествие с окраины в центр города и обратно!

Проснулась компания ни свет ни заря от крика Матрёны Даниловны. Она трясла Трифона Орентьевича и крыла его такими словами, какие домовихи берегут для крайнего случая.

Неудивительно: на клавиатуре лежал бездыханный Евсей Карпович.

* * *

Когда домовые выясняют отношения – лучше убежать подальше, потому что визг стоит смертельный для человеческого уха. Громче всех голосила Матрёна Даниловна: она доверила жизнь своего лучшего приятеля бестолковой молодежи – и что получилось? Маланья Гавриловна впервые визжала в статусе замужней домовихи, и у нее так звонко и пронзительно еще не получалось. В девках-то изволь помалкивать, а замужем можно и даже нужно визжать. Малаша защищала супруга и чуть не опрокинула Матрёну Даниловну. Трифон Орентьевич прямо любовался: ишь, какая славная жена досталась! Но и он визжал, потому что был женатым домовым дедушкой, и Акимка, который тоже стал не так давно домовым дедушкой.

Один Якушка помалкивал. Он утащил листок, который истыкала точками хозяйка, и под прикрытием стопки книг тщательно изучал подозрительную фигуру. Каждая точка означала струнку... но, может, эти струнки как-то навеки прикрепились к Евсею Карповичу? Стоит тому, кто в ноутбуке, потянуть, – и домовый к нему ползет, даже почти уплыв в последний сон?.

Якушка со своей догадкой вылез не сразу, а дождался, пока все меж собой насмерть переругаются. К Матрёне Даниловне он и подойти боялся – ведь именно он с товарищем Акимкой заснул и упустил Евсея Карповича. А вот к Трифону Орентьевичу, который тоже опозорился, подошел. К тому времени домовые уже опять затащили безвольное тело за подушку, и Матрёна Даниловна забралась туда – охранять ненаглядного приятеля.

– Незримые струнки? – переспросил Трифон Орентьевич. – А что? Может статья. Значит, немного погодя он опять к экрану поползет. Надо поднести его к экрану поближе, чтобы он поменьше сил тратил. И посмотреть, что из этого получится.

Зимой темнеет рано, и довольно скоро в комнате осталось одно светлое пятно – компьютерный экран. Якушка сбегал домой, вернулся и доложил: Матрёна Даниловна с супругом ужинать изволят, он хозяйке дал знать, что беды пока не случилось. Теперь у

Трифона Орентьевича, по Якушкиным соображениям, было часа два на эксперименты – пока Матрёна Даниловна не завершит домашние хлопоты да пока не завалится спать Лукьян Пафнутьевич.

Евсей Карповича перетащили поближе к экрану и уложили перед клавиатурой. Сами вчетвером сели в засаду.

Сперва домовые таращились на неподвижное тело очень старательно и почти не дыша. Потом расслабились, стали переговариваться и упустили тот миг, когда слабая лапка Евсея Карповича, как бы помимо воли хозяина, поползла по клавиатуре вверх, к трекболу, который для домовых куда удобнее обычной компьютерной мышки.

– Ох, гляньте... – прошептал Акимка.

На экране начались чудеса...

* * *

Домовые смотрят телевизор, но понемногу, сильно в это дело не втягиваясь. Они радуются старым добрым мультикам и не выносят современной музыки, да еще с пением: им все кажется, будто этими тупыми звуками какой-то злодей их из дому выживает. Они народ практичный и хотят видеть на экране связное действие: если кто куда пошел, чтобы он оттуда что-то принес, если парень и девка целуются, то чтобы старшие их обженили.

На мониторе же явилось им действие бессвязное: трубы какие-то заплелись, искры стали вспыхивать, проползла большая зубастая пасть, открываясь и закрываясь, но ничего не сожрала.

В трубе появилась махонькая фигурка и побежала, понеслась! За поворотом возник вдруг большой синий кристалл. Фигурка свернула, кинулась к нему – и он пропал. Два точно таких же кристалла образовались в другой трубе, куда попасть было непросто. Но фигурка, потыкавшись в тупики, и туда добралась. От ее прикосновения кристаллы моментально гасли.

– Куда они деваются? – шепотом спросил Якушка.

Трифон Орентьевич ответа не знал. Но показать себя простаком перед Малашей не мог.

– Оно их глотает.

– Как же они в нем помещаются?!

– Не знаю...

Якушка стал приглядываться к кристаллам, но того момента, когда они от прикосновения исчезают, уловить не мог. Просто фигурка – имевшая, кстати, голову, но почти не имевшая рук и ног – разевала рот и тихонько говорила: «Там!».

– Экий проглот... – пробормотал Акимка.

Фигурка, уже нацелившись на очередной кристалл, замерла, словно ее окликнули. А потом с большой скоростью понеслась по своим заковыристым трубам.

Трифон Орентьевич этот миг промедления уловил. И некое понимание забрезжило – как будто в непроглядной темноте высветился и погас кусочек дороги.

Якушка взялся считать проглоченные кристаллы. Брюхо у фигурки не бездонное, и четыре десятка кристаллов должны были разорвать уродца на кусочки. А Трифон Орентьевич наконец вспомнил про Евсея Карповича и начал следить за ним.

Обнаружилось, что лапа домового, лежащая на трекболе, шевелится и вздрагивает. И наметилась туманная связь между глотанием кристаллов и этими шевелениями. Трифон Орентьевич подумал было, что пропавшие кристаллы как-то попадают через ноутбук прямо в живот к домовому – он-то покрупнее головастой фигурки. Но следующая мысль была более разумна: если Евсей Карпович, кормится кристаллами, то отчего же он теряет силы и лежит пластом? Уж не отравлены ли они? С другой стороны, Евсей Карпович – домовый опытный, с крысиной отравой наверняка имел дело, не может быть, чтоб не догадался...

Тут появилась круглая пасть и кинулась в погоню за фигуркой, открываясь и закрываясь. Фигурка мчалась с невероятной скоростью, успевая при этом хватать и глотать

кристаллы. В конце концов пасть, разогнавшись, налетела на фигурку – и ничего не стало, ни труб, ни кристаллов, ни пасти, ни фигурки, а Евсей Карпович тихонько и очень жалобно застонал.

В ответ ему из недр ноутбука кто-то хрюкнул.

И вот наконец появилась на экране та самая фигура, которую пыталась изобразить Матрёна Даниловна. Продолговатый силуэт, смахивавший на прожорливую фигурку, сложился из точек, каждая точка испустила луч, лучи отвердели и впились в шкурку Евсея Карповича. Он же распластался и более не шевелился.

Трифон Орентьевич понял, что настала пора действовать.

* * *

Домовые только на посторонний взгляд одинаковы, а на самом деле очень меж собой отличаются. Одни деловиты и хватисты, пока все в хозяйстве благополучно, а стрясись беда – впадают в тоску и панику. Таков был супруг Матрёны Даниловны – Лукьян Пафнугьевич. Иные, видя беду, основательно готовятся ее уничтожить и, выбрав нужную минуту, наносят удар. Таков был Евсей Карпович. А Трифон Орентьевич, выросший меж книг, мог по незнанию обыденной жизни и ее пакостей влипнуть в неприятность, зарыдать, а потом вдруг собраться с силами, словно броню на себя надеть и действовать скоро и решительно, даже безжалостно.

Увидев тоненькие струнки, действительно похожие на вставшую торчмя бахрому старой скатерти, он понял не умом, а чем-то более сильным, чем обремененный знаниями и неповоротливый умишко: пора!

С геройским визгом он бросился вперед и, подпрыгнув, рухнул на струнки всем телом.

Якушка с Акимкой, не рассуждая, кинулись следом и тоже с высокого прыжка упали на спину Трифону Орентьевичу. Последней подбежала Малаша. Но барахтаться вместе с домовыми на провисших почти до самой клавиатуры струнках она не стала – схватила валяющуюся на столе авторучку и принялась лупить по стрункам, попадая при этом и по Якушкиной спине.

Для существа по ту сторону экрана это нападение было неожиданным – да и кто бы мог сопротивляться, если четверо на одного? Существо выпускало свои струнки, надо думать, из тела, на манер ежовых иголок, и втянуть их уже не могло. Они натянулись до предела – и существо оказалось выдернуто из компьютерного нутра, как морковка из грядки.

Домовые, висевшие на струнках, шлепнулись всей кучей-малой на бедного Евсея Карповича. Они даже не поняли, что произошло. А вот Малаша поняла и стала отгонять существо, имевшее туманный и невнятный вид, от экрана – как бы опять туда не улизнуло.

Трифон Орентьевич выполз из-под Акимки и увидел, что его жена воюет с нечистью. Допустить этого он не мог – чтобы баба лезла в драку, если ее законный муж рядом?! Он собрал в обе лапы сколько захватилось струнок и поволок нечисть прочь от ноутбука. Нечисть сопротивлялась, упиралась и наконец пискнула: «Пустите!».

– Так ты и говорить умеешь! – обрадовался Трифон Орентьевич. – А ну, выкладывай живо, зачем нашему Евсею Карповичу козни строишь?

– Кому? – тоненько спросила нечисть.

– Вот ему! – Трифон Орентьевич указал на распростертого домового. – Это домовый дедушка Евсей Карпович!

– Что такое домовый дедушка – не знаю, а Евсей Карпович – я!

– Аким Варлаамович, Яков Поликарпович! – крикнул Трифон Орентьевич помощникам. – Держите его за эти хвосты, а я попробую нашего страдальца растормошить. Авось он объяснит, что это за диво.

По дороге Акимка с Якушкой много чего порассказали о добродетелях и достоинствах Евсея Карповича. Брать единственного в мире домового, который успешно лазит в Интернет, за шиворот и трясти – это казалось Трифону Орентьевичу нарушением всех великих устоев,

на которых стоит и стоять будет домовое общество. Но иного пути докопаться до правды он не видел.

– Отвернись, – велел он Малаше, чтобы хоть супруга не видела безобразия.

Малаша обрадовалась беспредельно: муж отдал приказ – значит, она теперь настоящая жена! И честно устала в темный угол комнаты, слыша за спиной кряхтение и бормотанье Евсея Карповича да молодецкие покрики Якушки, не пускавшего нечисть к ноутбуку.

Неизвестно, чем бы это кончилось, но в комнате появилась Матрёна Даниловна.

Домовиха была хитра – выждала, пока хозяйка возьмется пить на сон грядущий таблетки от сердца, и толкнула ее исподтишка под локоток. Таблетка полетела на пол и закатилась глубоко под диван. А поскольку многие человеческие лекарства помогают и домовым, Матрёна Даниловна решила таким способом взбодрить своего друга.

Увидев белесую нечисть, которую держали за струнки Якушка с Акимкой, Матрёна Даниловна сперва чуть не шлепнулась, а потом расвирепела.

– Так вот кто из него соки сосет?!

Домовиха она была матерая, решительная: отняла у Малаши авторучку и пошла бить самозванца. Трифон Оrentьевич перехватил занесенную над головой авторучку и отбросил ее подальше. Тогда Матрёна Даниловна угомонилась и поспешила за водой. Кусочек таблетки истерли в порошок, разболтали в воде и кое-как выпоили страдальцу. Несколько минут спустя он открыл глаза.

– Евсей Карпович, кто это? – спросил Трифон Оrentьевич, указывая на нечисть.

– Не ведаю. Пусти-ка...

Матрёна Даниловна и Трифон Оrentьевич переглянулись. А Евсей Карпович, не замечая, что в его шерстку вошли и впились в тело загадочные струнки, сейчас – обвисшие и обмякшие, пополз по клавиатуре и накрыл лапой трекбол.

На экране появилась знакомая картина – лабиринт из труб. Проплыла зубастая пасть, возник первый кристалл. Но фигурка, которой следовало бегать по трубам, куда-то подевалась. Евсей Карпович тихо ворчал, злился и наконец треснул по трекболу.

– Ну и куда ж я подевался? – спросил он у монитора.

Монитор не ответил.

* * *

– Старый дурак! – сказала Матрёна Даниловна – но как сказала!

Все свое бывшее уважение и нынешнюю злость вложила она в эти два простых слова. Но одновременно – и вековечную жалость домовихи, которая уж если разгорится ярким пламенем, то на пути у нее становиться не могли.

А как же еще назвать домового, который влип в такую неприятность?

Он не хотел рассказывать, он сопротивлялся. Трифон Оrentьевич уж думал, что до правды не докопается. Но Матрёна Даниловна, обычно смирявшая свой нрав при Евсее Карповиче, сейчас показала коготки. Малаша смотрела и училась.

Евсей Карпович заговорил. Сперва – кратко, потом – с подробностями, со страстью. Описал, как Дениска оставил включенной игрушку с кристаллами, как угораздило пристраститься к их собиранью.

– И чудилось мне, будто это я сам там по трубам бегаю и голубые бриллианты хватаю. То бишь не Проглот, а я там, внутри. Раньше-то я думал – он их ест, заглатывает так быстро, что не углядеть. А потом дошло – тут другое! Другое! И чем дальше, тем лучше мне там было, – говорил домовый. – Здесь-то что хорошего? Пыль протрешь, хозяйские носки из углов добудешь да в ванную сволокешь. А там – бриллианты! Их считаешь! Понимаете? Считаешь! И от того воспаряешь! То сто сорок наберешь, пока Пасть не догонит, то все полтора ста. Но это еще не восторг. Однажды двести три штуки собрал! Вот где был восторг! Рад был, будто, будто... ну, не знаю, с чем сравнить... Победа была, братцы! Подлинная победа!

– Над кем? – спросил Трифон Орентьевич.

– Над собой! Коли я в прошлый раз собрал только сто сорок два, а сейчас – двести три! – прямо взвизгнул Евсей Карпович.

Нечисть, слушая его речи, съежилась, несколько раз пыталась сбежать, но ее держали крепко.

– То бишь вот он – Проглот, и ты вообразил себя Проглотом? – уточнил Трифон Орентьевич. – Хозяин – за порог, а ты, Евсей Карпович, – по бриллианты? И в Проглотовом виде победы одерживал?

– Тебе не понять.

Матрёна Даниловна засопела, хотела вступить за распутывавшего клубочек Трифона Орентьевича, но воздержалась.

– Значит, ты как-то там, внутри, с ним соединился... – предположил тот. – А у него свое соображение было?

– Не знаю, – честно признался Евсей Карпович. – Наверное, было простенькое – как у Пасти. Вон она бегаёт, а мысль у нее одна – сожрать. Брюха даже нет, а все равно жрет. И ради того на хитрости пускается.

– И что – больно, когда жрет?

– Нет, – подумав, сказал Евсей Карпович. – Вдруг все пропадает, летишь, летишь – и вылетаешь. Вот сюда.

– А он? – Трифон Орентьевич показал на нечисть по имени Проглот.

Евсей Карпович тяжело и мрачно задумался.

– Он там, без тебя, живой? – домогался Трифон Орентьевич.

– Не ведаю...

– Как же ты его оживил-то до такой степени, что он к тебе присосался?

– Всего себя в дурасть вкладывал, – встряла Матрёна Даниловна. – Весь свой ум, все свои страсти! Вот и оживил. А этот, оживши, своего-то ума не имел, только Евсея. Вот и вздумал, будто он домовый дедушка!

– Похоже, так и было, – согласился Трифон Орентьевич. – А поскольку он привык, что Евсей Карпович собой его питает, то и решил, будто так и надо. И способ изобрел.

– Он тебя, старого дурака, своим холодильником считал! – Матрёна Даниловна никак не могла угомониться. – Все! Кончилось безобразие! Помогите мне, молодцы, донести его до моего жилья! Всем домом выхаживать будем!

– Как не помочь, – сказал Трифон Орентьевич. – А что с Проглотом?

И тут же понял, что спрашивать незачем. В головы домовым, всем сразу, пришла одна мысль: лишённая кормушки нечисть помается и помрет. Нужно было только уйти из Денискиной квартиры с Евсеем Карповичем. Но перед этим как-то обрубить струнки.

А нечисть имела совсем печальный вид. Ведь если Евсей Карпович с ней умом поделился, так она прекрасно понимала, что вокруг творится...

– Ну-ка, Проглот, отцепляйся от нашего домового дедушки, – приказал Акимка.

– Простите меня, – сказал Проглот. – Я думал, он совсем бессмысленный...

– Слышал? – спросила приятеля Матрёна Даниловна. – Это ты – бессмысленный!

– Простите, – повторил Проглот. – Это я виноват... а Колыбашку-то за что?

– Кого? – удивился Трифон Орентьевич. – Евсей Карпович, ты еще одну нечисть сотворил, что ли?

Домовой помотал кудлатой головой.

– Не я. Оно само...

– И где ж оно?

– Да вот же! – воскликнула Малаша.

Все уставились туда, где она разглядела Колыбашку. И точно – только на первый взгляд туманная нечисть была одним созданием. Если очень хорошо приглядеться, то можно было увидеть фигурку вроде человеческой, а у нее в ногах клубилось нечто – прижималось к ней как к своей единственной защите. Струнки, за которые Якушка с Акимкой удерживали

Проглота, этого существа не касались вовсе.

– Что это? – спросила Матрёна Даниловна. – Живность? Или детеныш? А ну, отвечай!

– Не знаю, – сказал Проглот.

– А откуда взялось?

– Само завелось...

– С чего это завелось? Как плесень от сырости? – Матрёна Даниловна опять стала закипать.

– Да вот как-то... сколько ж можно бриллианты собирать? – ответил Проглот. – Сидишь там, сидишь один... ну и завелось...

Первой сообразила, в чем дело, Матрёна Даниловна.

Евсей Карпович никогда не был женат, детишек не наплодил, похвалялся одиночеством. Однако его независимость оказалась сомнительной, и Проглот, которого домовый снабдил своим разумом, выдал Евсея Карповича с головой.

– Допрыгался, – сказала Матрёна Даниловна. – Как же быть-то? Это ж... это ж все равно что детеныш...

– Оставлять нельзя, – возразил Трифон Орентьевич. – Оставишь – они опять к Евсею Карповичу присосутся. Другого-то корма у них нет. Уходим, уходим! Аким Варлаамович, Яков Поликарпович, держите его!

– Трифон Орентьевич! Да как же нам на это глядеть?! – завопил Якушка. – Это ж все равно что Евсей Карпович помирает! Разум-то у них одинаков! Да он ведь, Проглот, и сам себя Евсеем Карповичем считает!

– Да и струнки эти перерезать нечем! – добавил Акимка. – Ну, влипли мы...

* * *

Трифон Орентьевич недаром считался среди домовых самым грамотным. Он такие книжки читал, каких во всем Интернете днем с огнем не сыщешь. И знал вещи, совершенно в жизни домового не нужные: про таблицу Менделеева знал, и как площадь треугольника определять, и даже как сочинять совершенно бесполезные для домовых стихи.

Но ни в одной книжке не было такого, чтобы губить двойника.

Он молча смотрел на Евсея Карповича, на тонкие струнки, на Акимку с Якушкой, удерживавших Проглота с его Колыбашкой.

– Евсей Карпович, – сказал он наконец. – Ты бед наделал, ты и решай. Сдается мне, что ты один и можешь от струнок избавиться. Мы дергали – толку мало. А ты наберись мужества...

– Не могу, – хмуро отвечал домовый.

– Так всего ж высосут!

– Это он опять хочет камушки свои собирать! – догадалась Матрёна Даниловна. – А не позволю! Пропадай моя головушка – буду тут с ним сидеть денно и ночью! Не дам его погубить! Пусть мои косточки хоть весь город перемывает! Коли он такая размазня безвольная!

– Сам справлюсь! – рявкнул Евсей Карпович. Ему, домовому гордому, представилось, как все общество бегаёт смотреть на него, сидящего перед выключенным ноутбуком, и охраняющую его Матрёну Даниловну. Верно додумалась домовиха ударить по его домовому достоинству!

Евсей Карпович огладил себя, нашел место, куда впилась одна струнка, и с силой рванул ее. Она выскочила, причинив незначительную боль.

– Так-то! – сказал он. – Вот только бабьей охраны мне не доставало!

И выдернул другую струнку.

Проглот лишь тихо вскрикивал. Струнки втягивались в его туманное тело, а Евсей Карпович отступал все дальше и дальше. Вдруг он всхлипнул – прощание давалось ему нелегко.

Всхлипнула и Малаша. Ей всех было жалко – и Матрёну Даниловну, которая любит этого заносчивого домового дедушку, и Евсея Карповича, который терпит сейчас душевные муки, и собственного супруга, ввязавшегося в эту историю. А более прочих – Проглота с его ни в чем не повинным Колыбашкой...

Всякая домовиха знает, что ее жалость – огромная сила. Если домовая бабушка скажет про кого: «Я его пожалела», то может делать все, что угодно – кормить, охранять, хоть в охапочке носить, – и ни от кого дурного слова не услышит. Но Малаша всего несколько часов была домовою бабушкой и не решалась громко заявить о своем праве.

Да и Матрёна Даниловна нехорошо на нее поглядывала. Опытная домовиха чуяла беду. Малаша бы промолчала. Но она видела, что Трифон Орентьевич мается. Невозможно было найти такой выход из положения, чтобы все остались довольны, он понимал это и не хотел обрекать на смерть ни в чем не виноватое существо, пусть даже туманное и с Колыбашкой. Не хотел – хоть визжи до обморока, хоть топай до изнеможения!

– Трифон Орентьевич, – сказала Малаша, подходя к супругу. – А можно, я его пожалею?

– Ты с ума сбрела! – сразу вмешалась Матрёна Даниловна. – Это что же, он опять к Евсею Карповичу прицепится?!

– Пошли отсюда, Маланья Гавриловна, – проворчал Трифон Орентьевич. – Что могли – сделали, нам еще домой неведомо как добираться.

И Малаша поняла: ее муж признал свое поражение.

Но не для того Малаша замуж выходила, чтобы ее законный супруг в присутствии жены поражения терпел!

Она вмиг оказалась возле Проглота с Колыбашкой, хотя слишком близко подойти опасалась – как бы не впились в нее опасные струнки.

– Я тебя, Проглотушка, пожалела, с маленьким твоим вместе! – зазвенел тонкий, еще не набравший полной силы, голосок. – А теперь, Трифон Орентьевич, придумывай, чем бы их прокормить! Ты же можешь! Ты умный! Ты молчков подсаживать мастер! Ты кикиморы не побоялся! Ты догадаешься!

Трифон Орентьевич окаменел. В словах Малаши была непоколебимая вера. А если слышишь от жены такие слова, то наизнанку вывернешься, шерсткой вовнутрь, а с делом справишься.

Мысли зашевелились, будто заскакали, словно их кипятком ошпарили. В голове замелькали картинки: вот лежит Евсей Карпович бездыханный, а в него струнки проросли, вот он их выдергивает... бездыханный... без сознания... А когда в сознании – можно к нему присосаться?

Проглот думал, что домовою совсем бессмысленный, потому и присосался. За мыслящее существо его не считал...

Вот!

Трифон Орентьевич улыбнулся и еле удержался от того, чтобы обнять жену. При людях – нехорошо, не полагается. А уж наедине так-то горячо обнимет!

– Матрёна Даниловна, ты все в доме знаешь, – уважительно сказал он. – И подвал, поди, у вас есть?

– Как не быть!

– А водятся ли в подвале крысы?

– Их травят, а они опять приходят!

– Их-то нам с Проглотом и надобно. Пошли в подвал!

* * *

Как будто Трифону Орентьевичу мало было славы мастера, умеющего подсаживать молчков! Новая слава по городу побежала: он-де крыс знатно выводит. Приходит с мешком, что в мешке – неведомо, а только крысы из того дома пропадают. И никакой отравы больше

не нужно. Так что мастер – нарасхват.

Правду знала Маланья Гавриловна. Но молчала. Если жена мужские секреты выдает, какая ж она после этого жена? А Маланью Гавриловну учили на стародавний правильный лад. И не для того она замуж выходила, чтобы вековые законы нарушать. У мужа с женой свои дела, хотя – вместе сковородки чистят, хотя – крыс и мышей гоняют. На том супружество стоит. А постороннему в их жизнь мешаться не след!

А Евсей Карпович совсем пришел в себя, по-прежнему горд и задирист. Когда Дениски нет дома, лазит в Интернет. Но про голубые кристаллы ему лучше не напоминать. Так завизжит – прочь от него отлетишь, помчишься, не разбирая дороги, лишь за три квартала опомнишься...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГРИНЛАНДИЮ?

Одним из самых популярных ныне направлений фэнтези стала так называемая городская фэнтези или, попросту, городская сказка. Несколько лет назад мы уже печатали критический обзор этого поджанра. А теперь предлагаем вашему вниманию взгляд на тему с другой «колокольни» – уже писательской.

Некоторые явления в литературе кристаллизуются весьма долго. Не год должен пройти и не три, чтобы критикам и читателям стало ясно: появилось нечто новое. А прежде это самое новое приходится угадывать, «схватывать» на уровне интуиции, уловив в хаосе рассеянной информации пунктирно прочерченный силуэт закономерности. Больше всего это напоминает поиск масляток в еловом лесу, куда вместе с грибниками пришел густой туман.

Тут немудрено ошибиться. Но лучше высказать гипотезу, чем ждать у моря погоды.

Этот текст представляет собой статью-гипотезу. Пройдет несколько лет, и само время либо подтвердит мое предположение, либо опровергнет его.

Итак, последние годы в нашей фантастике постепенно растет количество сказок. Именно литературных сказок, а не фэнтези и мистики. Это видно по материалу, который приходит на разного рода конкурсы, по сектору «твердых сказок», включенных в фэнтезийные сборники, да, в конце концов, по рождению особой серии «Сирин» издательства «Снежный ком». Под маркой «Сирин» печатаются исключительно сборники сказок. Жажда сказки уловили кинематографисты, «выбросив» на экраны череду рождественских киноисторий.

Возможно, на основе литсказки в фантастике вырастет новый формат. Произойдет это далеко не завтра, но кое-какие признаки видны уже в настоящее время.

Однако прежде стоит разобраться, о какой именно сказке идет речь. Сказок много, они отличаются друг от друга, как индейское каноэ, чайный клипер и эскадренный броненосец. Это целый мир, отчасти соприкасающийся с фантастикой, отчасти же удаленный от нее.

Речь идет, разумеется, не о той сказке, которую в словарях называют «одним из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическим, преимущественно прозаическим художественным произведением волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел». Да, древняя сказка, известная нам по фольклору, была мистическим произведением. Она строилась на чудесах, творимых, главным образом, силой, исходящей от разного рода потусторонних существ. От Бога. От божков, духов, бесов. От леса, реки или горы, наделенных собственной душой. В современной литературе аналогом древней сказки выступает художественная мистика. Она также строится на чудесах, притом и автор, и читатель, во-первых, знают, что эти чудеса совершаются с помощью энергии, взятой от сверхъестественных существ; во-вторых, верят в действительное существование этих нечеловеческих сил. Фэнтези (за исключением, может быть, тусовок самых упертых толкинистов и самых безбашенных поттерщицков) воспринимается и автором, и читателем как игра, как театр приключений, построенный на фундаменте личной фантазии писателя и

определенной литературной традиции. Иными словами, каждый знает, что фэнтезийные «вторичные» миры и всё в них происходящее – чистая выдумка.

Современная литературная сказка отличается и от того, и от другого. Писатель и его аудитория играют в сложную игру. С одной стороны, если сказка не предназначена для детей, то все понимают: чудеса, происходящие по ходу сюжета, есть авторский вымысел. С другой стороны, сказка теряет смысл, если читатель парадоксальным образом не поверит, что они, чудеса эти, могут случиться на самом деле. Более того, если не считать сказки с явно выраженным христианским элементом, аудитория сказочного произведения не знает, какой у них источник, но, несмотря на это, верит в их истинность. При этом антураж и персонажи могут быть реалистичными на все сто процентов. В сказке ценится «все настоящее», т. е. полный аутентизм обстановки, действий, боли, счастья, крови, страсти, смерти. Хитро устроенный механизм сказочной веры требует максимального правдоподобия – на порядок больше, чем в традиционной фэнтези.

Однако сказка не строит «вторичного» фэнтезийного мира. Она не объясняет реальности, в которой разворачивается сюжет. Она существует сама по себе. Вне какой-либо космогонии.

Можно сравнить все это с концертом в Доме культуры. Сначала публике показывают документальный фильм о вещах величественных и пугающих, но прочно связанных с настоящей жизнью. Это мистика. Затем труппа местной самодеятельности разыгрывает пьеску. Приятная выдумка, все рукоплещут. Это фэнтези. А потом выходит поэт и самозабвенно читает стихи о прекрасной любви, которая в нашем мире невозможна. Но пока он читает, все верят – она все-таки возможна... хотя бы иногда. Это сказка.

Есть и другое отличие, никак не связанное с художественными особенностями текста. У фэнтези, мистики и литсказки – разное происхождение. Бывает так, что детишки, схожие чертами лица, одинаковые по росту, весу и цвету волос, появились от разных родителей. Или, во всяком случае, не все родители были у них общими.

Фэнтези получила бурное развитие в постсоветской России 90-х годов – после перевода огромной массы англоязычных фэнтезийных романов. До того у нас была лишь тоненькая струйка «предфэнтези» (Ларионова, Козинец, Богат и т. п.). И нечто похожее на сказку получалось только у Людмилы Козинец. Например, ее знаменитый «Летучий голландец»... Эта традиция казалась оборванной.

Литературная мистика имеет в нашей стране глубокие корни, уходящие в дореволюционную эпоху, однако на протяжении всего советского времени она пребывала в загоне. А после распада СССР начала восстанавливаться весьма поздно. Фактически, о возрождении литмистики (сакральной фантастики) можно говорить лишь с конца 90-х годов или, может быть, с начала «нулевых».

Как фэнтезийные, так и мистические тексты, за редким исключением, оказались принадлежностью массовой литературы. Это очень важно.

У литсказки история другая. Ее судьба прочно связана с литературой «основного потока», во всяком случае в советское время. Кто отделит от мейнстрима столь известную вещь, как «Три толстяка» Юрия Олеши? Или, скажем, «Город мастеров» Тамары Габбе? Или знаменитые сказки Евгения Шварца – «Обыкновенное чудо», «Дракон»?

Отечественная фэнтези 90-х годов с ее смесью простоватого правдоискательства и драчливости с первой же страницы резко отличается от мастеровитой литсказки Страны Советов – по стилю, по способу разворачивать сюжет, по идейному наполнению. Последняя источает лоск социального всезнания, порой весьма навязчивый и всегда бесконечно далекий от духа фэнтези... А романтический консерватизм юной русской мистики, добавленный, как могучая специя, в варево боевика/хоррора, и вовсе представляет собой нечто противоположное и революционному пафосу, и лукавому «инакомыслию» советской литсказки. Наша мистика выходила на позиции под знаменем с надписями «Спасти дракона!» и «Смерть мастерам!» – для тех, кто понимал смысл этой борьбы.

Несовместимые сущности!

Лишь одна фигура оказалась пограничной, зато и самая крупная – Александр Грин. Мистик, сказочник, романтик, обитатель периферийной области в мейнстриме. Язык не повернется назвать его фантастом, тут более подошло бы несуществующее слово «полуфантаст». Но ведь и не мейнстримовец в полной мере. Никому не свой в полной мере, никому не чужой в полной мере...

Современная литсказка, быстро растущая в фантастике, тяготеет не к Шварцу и подавно не к Лавкрафту, а к городской романтике, т. е. маршруту Грина-Козинец. И вот уже на конвенте «Созвездие Аю-Даг» дают премию имени Александра Грина за романтическую фантастику и вторую, имени Людмилы Козинец, – за романтические произведения, где нарисован яркий образ Крыма. Поскольку литература подобного рода на протяжении почти века пребывала на русской почве в крайней скудости, фундамент у нынешней литсказки довольно зыбкий. Фактически она растет сама из себя.

При всем том граница между сказкой и фэнтези, сказкой и литературной мистикой очень условна. И даже матерые литературоведы порой спорят, куда отнести тот или иной текст. Толкина, например, иногда зачисляют в сказочники, а тексты его даже в энциклопедических статьях объявляются авторской сказкой.

Наверное, сказка – как любовь. Чувствуешь безошибочно, а самую суть объяснить не можешь. Настоящую сказку от всех прочих текстов отличает какая-то невесомая субстанция «сказочности». Автор этих строк пытался ее определить... но готов смириться, если кто-нибудь предложит более здравую дефиницию. Надо полагать, когда сказка в фантастике примет более солидный масштаб, границы между нею и соседями по Ф-континенту обозначатся сами собой и гораздо резче.

Сказке отдали дань как мэтры, так и фантасты не столь именитые.

Так, у Далии Трускиновской на страницах «Если» еще в 2000 году появился рассказ «Сумочный». Из него впоследствии вырос цикл произведений о домовых, восемь из которых оказались под одной обложкой в сборнике «Мы, домовые» (2009). Это именно сказки, опубликованные в уже упоминавшейся серии «Сириус». Притом сказки городские – малый народец действует в них, главным образом, на территории большого города, занимая под жильё труднодоступные уголки квартир.

Домовые попадают и на страницах повестей, входящих в «Баклужинский цикл» Евгения Лукина. И цикл этот также гораздо более напоминает городскую сказку, нежели фэнтези. Безоговорочно назвать его коллекцией сказок мешает прежде всего то, что в его основе – устойчивый вторичный мир: околдованная постсоветская провинция.

Поклонники Елены Хаецкой добрым словом поминают сказку «Анахрон» (2000), написанную в соавторстве с Виктором Беньковским. Прекрасная дева-варварка из первого тысячелетия нашей эры переносится в современный Питер. Ей дает приют мелкий коммерсант Сигизмунд Морж. В жилой кубатуре современного мегаполиса разыгрывается чудесная история о том, как несбыточная мечта обращается в любовь двух людей, принадлежащих разным мирам. Поддавшись условностям, продиктованным игрой на поле фантастики, авторы промышляли нечто малочленораздельное об экспериментах, творившихся при Сталине: нечто из времен старика Виссарионыча вмешалось в жизнь настоящего, сначала доставив сюда красу-девицу, а потом отправив ее на историческую родину – в буквальном смысле. Но... все науч.-тех. оговорки призваны смикшировать «неформатность» текста. Это ведь никакая не НФ, а просто сказка о любви, дарованной чудом.

В «Анахроне-2» (2007) строй и дух сказки оказались полностью утраченными. Да и в художественном смысле продолжение заметно уступает первой книге.

Зато совсем недавно появился сборник Елены Хаецкой «Тролли в городе» (2009), уже прозванный среди читателей «Троллячьими сказками». В книгу вошло пять повестей, они

имеют различную форматную принадлежность. Где-то сказка укрылась под одежками той же НФ («Царица вод и осьминогов»), где-то – под мантией городской фэнтези («Сказки подмышечной»). И уж никак она не прячется в повести «Исчезновение поцелуя», где крестная фея сначала награждает главного героя необыкновенной привлекательностью для женщин, поцеловав его, а затем, когда всё в его жизни устраивается как надо, отбирает это волшебное свойство.

Знаменитый роман Марины и Сергея Дяченко «Vita nostra» не имеет явно выраженных признаков, позволяющих вписать его в НФ или фэнтези. В некоем заштатном городе студенты учатся быть... словами высшей созидательной речи. Если бы дуэт Дяченко доиграл до финальной ноты некоторые оккультные мелодии, разбросанные тут и там в описаниях учебного процесса, критик имел бы право сказать: вот еще одна беллетризация эзотерики. Но авторы благоразумно соединили психофизиологическую трансформацию персонажей с неким необъяснимым волшебством. В итоге получился сказочный роман или, вернее, роман-сказка.

Впрочем, для Дяченко это не первый опыт создания сказок. Еще в 2002 году вышел их рассказ «Я женюсь на лучшей девушке королевства». Это сказка о несчастной любви, почти лишенная фантастического элемента. Разве что действие происходит в мире условно-европейского условно-средневековья, а персонажи носят условно-фэнтезийные имена. Но фэнтезийного «театра» в тексте нет. Один мудрый неюный человек предоставляет молодому королю возможность понять: кое с чем на свете непозволительно играть даже монарху. Там, где длань правителя ищет безобидную муху, может оказаться оса. А неутоленная любовь превосходно умеет жалить...

Собственно, столь же условной Европой, городом-как-у-Гауфа, пользуется в качестве декораций Анна Семироль. Ее сказка «Мари» (2010) – первый шаг по дороге мастерства, сделанный после множества приличных, хороших и очень хороших текстов. «Мари» – чистая сказка, созданная в духе европейского романтизма XIX века, и в этом смысле совершенная. Печальная, трагическая вещь, более эмоциональная, чем сказки того же Вильгельма Гауфа, работавшего в уютном стиле бидермайер, для которого свойственно приглушать слишком уж яркие вспышки чувств. Но и более жесткая, более безжалостная к человеческой природе.

Сверхъестественное существо в облике маленькой девочки без конца ставит людей перед выбором. Ошибаются те, кто совершает его под воздействием внутренней фальши. С честью выходят из трудной ситуации те, кто добр, бескорыстен, способен к чистой любви. Собственно, Анна Семироль – единственный пока автор на континенте фантастики, из которого может получиться мастер-сказочник. Именно сказочник, и ничто иное.

Сказки Дяченко и Анны Семироль – городские, но в них, как уже говорилось, антураж условен. Во всех остальных случаях современные сказочники используют как подмости для развертывающихся драм город наших дней. Большой частью – мегаполис. Так поступают Трускиновская и Хаецкая. Притом творчество последней дает достаточно оснований говорить об особом «Петербурге Хаецкой» как устойчивой системе образов. К мегаполисным декорациям склонны и молодые авторы, принадлежащие «Седьмой волне». А среди них склонность к работе сказочника – скорее правило, нежели исключение.

Дуэт Карины Шаинян и Дмитрия Колодана – своего рода живая визитная карточка «Седьмой волны». Их маленькая повесть «Над бездной вод» (2007), конечно, содержит элементы НФ. Некий Перегрин Остер обзавелся «магнитно-индукционным прибором», отыскивая невероятную «рыбу Доджсона» среди корней большого города... Но что это за чудо-рыба? Ее «нельзя увидеть, до нее нельзя дотронуться...». И не напрасно в тексте упомянут «король древний Пелинор». Странствующий по каменному чреву города, среди его устрашающих внутренностей пребывает «меж двух миров»: современностью и вечно повторяющимся миром сказки.

Языком сказки современные фантасты говорят о творчестве, как, например, Марина

Дробкова и Сергей В. Васильев («Фламенко», 2009) или Ника Батхен («Случайная сказка», 2008). В обоих случаях настоящее, высокое творчество одаренного человека становится спасительным чудом для других людей...

Но чаще – о сильных эмоциях, способных в высшей точке накала преобразовать реальность. Зависть представила в сказочной миниатюре Инна Живетьева «Дар для гусеницы» (2008), а жертвенную любовь – Николай Желунов («Насморк», 2008). Любопытно, что в случае с Николаем Желуновым атрибуты НФ (эпидемия среди жителей марсианской колонии землян) соединяются с чисто сказочной особенностью главного героя: возлюбив, забирать у любимой любую болезнь, любое увечье и даже спасти от верной смерти. Автору удалось воплотить в своем тексте глубинную мечту правильно устроенных мужчин: защищать любимых любой ценой, даже ценой жизни.

В конце статьи принято подводить итоги, озвучивать выводы, на худой конец – «закруглять» текст. Но первое за автора этих строк сделает в ближайшем будущем сам литературный процесс, второе стало бы простым повтором начала статьи, а третье всегда было откровенной халтурой.

Поэтому напоследок я просто выражу главную мысль статьи максимально сжато. Так, чтоб она запомнилась.

В современной русской фантастике растет какое-то новое явление, не имеющее четких «квалифицирующих признаков» НФ, фэнтези, мистики. Оно, это новое, разыгрывается в городах. Его любят молодые фантасты. Оно опирается на веру читателя, что «так может быть», и одновременно на его же знание, что «так не бывает». Можно, конечно, сказать: происходит тупое размывание форматов – то ли из-за неспособности целого поколения писателей как следует укладываться в формат, то ли из-за простой усталости от существующих форматов. Но это ничего не объясняет. Скорее, другое: наша фантастика набухает новым форматом и он очень похож на реинкарнацию литературной сказки, постепенно дрейфующей из мейнстрима к нам, грешным.

Дмитрий ВОЛОДИХИН

РЕЦЕНЗИИ

Кристофер БАКЛИ ВЕРХОВНЫЕ СУДОРОГИ

Москва: Иностранка, 2010. – 528 с.

Пер. с англ. С. Ильина.

(Серия: «The Best of Иностранка»).

5000 экз.

Насколько реалистичным вы считаете выдвижение судьи из телевизионного шоу в кандидаты на вакантное место в Верховном суде Соединенных Штатов? Именно так поступает уставший от своей должности президент Вандердамп, после того как амбициозный сенатор отклонил всех предложенных ранее кандидатов. Да еще и запятнал их репутацию с помощью Черных Всадников: «На Капитолийском холме поговаривали, правда

шепотом, что Черные Всадники способны откопать компромат на кого угодно; что они могут и мать Терезу обратить в содержательницу калькуттского публичного дома; доказать, что святой Томас Мур крутил любовь с Екатериной Арагонской...». Последняя надежда президента растаяла после предъявления кандидату обвинения в том, что тот в рецензии, написанной им еще в школе, счел фильм «Убить пересмешника» немного скучным.

А вот ведущая телешоу оказывается более крепким орешком, и вскоре ей предстоит столкнуться с настоящей судебной практикой и каверзными вопросами: например, должна ли оружейная компания компенсировать ущерб грабителю, чей пистолет дал осечку во время ограбления. И вовсе забавный оборот события принимают, когда телевидение становится настоящей кузницей политических кадров и президент из телесериала принимает участие в выборах первого лица государства.

Бакли, и сам работавший в администрации Белого дома, едко высмеивает власть. И масс-медиа как один из столпов американского общества. Темой смешения вымысла с действительностью и иллюзорности границы между ними его новое произведение перекликается с «Американским голиафом» Джейкобса, однако в отличие от последнего Бакли смешнее и злее. Сатирик умело описывает и галерею занимательных и запоминающихся персонажей, и забавные комические сцены. Словом, это отличный образец сатирической фантастики.

Сергей Шикарев

Дэн БРАУН УТРАЧЕННЫЙ СИМВОЛ

Москва: АСТ, 2010. – 570 с.

Пер. с англ. Е. Романовой, М. Десятовой.

300 000 экз.

Дэн Браун, кажется, устал. В «Утраченном символе» он, видимо, понадеявшись на сенсационность самой темы, связанной с масонским орденом и его влиянием на США, решил не утруждать себя проработкой сюжета. Ощущение, что писателем в процессе создания книги двигали два побуждения: изобразить «белыми и пушистыми» масонов и «срубить» по-быстрому солидный гонорар. Ради этого он даже главным героем вновь сделал надоевшего всем профессора Роберта Лэнгдона. Явно для того, чтобы в последующей экранизации его смог сыграть Том Хэнкс.

Лэнгдон приезжает в Вашингтон по просьбе своего друга Питера Соломона. Соломон не только миллионер и филантроп, но еще и масон высшего градуса посвящения. Лэнгдон является в Капитолий, где ему якобы назначена встреча, но вместо друга обнаруживает на полу капитолийской ротонды отрезанную руку Питера с масонским кольцом на пальце...

После столь многообещающей завязки читатель вправе ожидать бурного развития событий с самыми неожиданными поворотами интриги. Но вместо этого романное действие еле ползет, становится до безобразия предсказуемым. И даже главный злодей, открыто появляющийся в начале книги, окажется в итоге... главным злодеем. Более того, любому человеку, прочитавшему в жизни хотя бы пару детективов, тайна личности преступника станет ясна уже в середине книги. Угроза национальной безопасности США, из-за которой в романе на уши поставят ЦРУ, окажется смехотворной. А научно-фантастический элемент – изучение влияния на материю человеческой мысли – настолько неудачно привязан к основному действию, что выглядит совершенно излишним.

Начинающему автору подобная неряшливость с рук не сошла бы. Однако Д. Браун – автор матерый. Он из числа наиболее раскрученных писателей мира. И поэтому, боюсь, в будущем нам еще не единожды придется «наслаждаться» описанием сомнительных

приключений профессора Лэнгдона.

Глеб Елисеев

Роберт МАККАММОН КОРОЛЕВА БЕДЛАМА

*Москва: АСТ, 2010. -573 с.
Пер. с англ. М. Б. Левина.
(Серия «Книга-лабиринт»).*
4000 экз.

Вторая книга цикла исторических фантазий Р. Маккаммона приводит читателя в небольшое (всего-то пять тысяч душ) поселение на берегу Гудзона. Как и в «Голосе ночной птицы», герой служит клерком магистрата, но вскоре его карьера сделает резкий скачок – и он станет сотрудником и представителем агентства «Герральд» в Новом Свете. Служба в агентстве, чья специализация уклончиво описывается как «разрешение проблем», делает Мэтью первым частным детективом на континенте и столкнет лицом к лицу с загадочным Маскером, убивающим и уродующим своих жертв, и еще более загадочной Королевой Бедлама, обитающей в приюте для умалишенных.

В книге вообще хватает эксцентричных персонажей. Чего стоят губернатор Нью-Йорка, разгуливающий в женском платье (по его словам, для выражения солидарности с королевой) или коронер-патологоанатом Мак-Кеггерс, теряющий сознание при вскрытии трупов, но коллекционирующий скелеты.

Маккаммон умеет развлечь читателя и как опытный писатель знает, что важны не только характеры, но и действие. Таковое развивается в лучших детективных традициях. Загадки множатся, как и трупы, напряжение нарастает к финалу.

В первой книге к детективной и мистической линиям примешивалась история с поиском сокровищ, во второй (произведения связаны лишь общим героем, сюжетно же независимы) – детективная составляющая усиливается. В целом перед нами восхитительная смесь Вашингтона Ирвинга и Артура Конана Дойля. Знакомые и любимые с детства мотивы, объединенные фигурой взрослеющего героя, умело обыгрываются Маккаммоном на новый лад в декорациях североамериканских поселений. Это делает возможной забавную и обоснованную формулировку, заключающую, что Мэтью Корбетт – «американский Фандорин», чьи авантюры по увлекательности своему заокеанскому коллеге нисколько не уступают.

Сергей Шикарев

ГЕРОИ. НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ Ант. Сост. В. Владимирский

*СПб.: Азбука-классика, 2010. – 840 с.
(Серия «Лучшее»).*
5000 экз.

Подходящим подзаголовком для второй антологии «Герои», посвященной «творческому переосмыслению» известных сюжетов и созданию «альтернативной классики», было бы «Критики наносят ответный удар». Действительно, весомую часть книги составляют тексты представителей критического цеха. Один из лучших рассказов сборника –

«Остров Цейлон» филолога Михаила Назаренко, который развивает излюбленные темы Бориса Штерна и выводит в качестве одного из главных персонажей А. П. Чехова. Владимир Аренев представлен в сборнике рассказом «Белая госпожа». Не чужда критических опытов Ника Батхен, автор «Слепца». Лев Гурский, который обратил внимание на одного из штандартенфюреров СС, – «альтер эго» известного критика Романа Арбитмана. Есть обоснованные подозрения, что и под именем Тимофея Алёшкина, продолжившего сюжет «Трех толстяков» Олеси повестью «Четыре друга народа», скрывается один из жанровых критиков.

Показательно, что критические взгляды и оценки трансформировались в тексты, относящиеся именно к постмодернистским забавным играм. Что ж, эта команда не уступает прочим авторам антологии. Обратился к творчеству И. А. Ефремова Вячеслав Рыбаков в «Прощании славянки с мечтой». Интересны рассказы Виктора Точинова, Даниэля Клувера, Василия Щепетнёва и Далии Трускиновской. Отметим и такие произведения, как «Мент обреченный» от детективиста Андрея Кивинова и зарисовку Игоря Минакова и Марины Дробковой «Пионер и комета», скрещивающую романтику рассказов Гайдара и персонажей из Муми-дола. Апофеозом литературной игры стал задорный и даже немного задиристый рассказ «Мы плывем на Запад» Г. Л. Олди.

На критический взгляд рецензента, антология не только удалась, но и превосходит предыдущий тематический сборник.

Сергей Максимов

Уильям Хоуп ХОДЖСОН НОЧНАЯ ЗЕМЛЯ

Москва: Вече, 2009. – 352 с.

Пер. с англ. Ю. Соколова.

(Серия «Мастера мистической прозы»).

3000 экз.

Издательство «Вече» продолжает знакомить читателей с не слишком пока известной у нас классикой мистической литературы. Вслед за рассказами У. Х. Ходжсона издан его роман «Ночная земля» – один из заметнейших памятников истории фантастики XX века. Текст этот, вышедший в 1912 году, был этапным для становления литературы вымысла. Есть в нем истоки как эпической, так и героической фэнтези, прообразы лавкрафтовских и многих последующих ужасов.

Ходжсон, на которого в свое время произвела глубокое впечатление «Машина времени» Г. Уэллса, рисует на страницах романа мир далекого будущего. И хотя он опирается на научные представления своего времени, все же изображает его средствами отнюдь не научной фантастики. Главному герою, молодому джентльмену из елизаветинской Англии, будущее открывается в снах. В мире, лишенном солнечного света, остатки человечества ютятся в Пирамиде, на дне глубокой расселины. Пирамиду, однако, окружает иная жизнь, дикая и демоническая. Вторгшиеся в этот мир силы стремятся уничтожить людей, но им противостоят силы иные, извечно защищающие человека. В этом-то мире герой и стремится обрести потерянную любовь, однако на пути возникают все новые неожиданные препятствия.

«Ночная земля» сознательно написана автором в высоком стиле ренессансной прозы. Это требует особой тщательности в работе переводчика. С одной стороны, непростая задача – сохранить колорит романа, с другой – не менее трудная: сделать его доступным для русского читателя. Этим последним и объясняется появление сокращенного перевода. Операция, наверное, простительна, ведь сам Ходжсон после волны критики сократил роман

для американского издания в десять раз. В данном случае сокращение всё-таки гораздо более бережное и не затронувшее сути.

Сергей Алексеев

ВСЕМИРНАЯ ВЫГРЕБНАЯ ЯМА

Генри Лайон ОЛДИ. ЗОЛОТАРЬ, или ПРОСИТЕ, И ДАНО БУДЕТ...
Эксмо

«Писать на стенах туалета, увы, друзья, не мудрено...» Помните продолжение? В новом романе Генри Лайона Олди оспаривает это утверждение, демонстрируя читателям, что даже там, куда не зарастет народная тропа, можно отыскать вдохновение и тему для серьезного творческого поиска. Правда, вместо «белого друга» основным источником нечистот в романе выступает Интернет, что, впрочем, не удивительно. Кто из нас хотя бы раз с досадой не вставал из-за компьютера, получив порцию «того самого» из уст какого-нибудь сетевого скандалиста?

Главный герой романа редактор Александр Игоревич Золотаренко напоминает одновременно и Сашу Привалова из «Понедельника...» Стругацких, и Антона Городецкого из «Ночного Дозора» Лукьяненко. Мягкий, слегка рассеянный и не слишком самостоятельный, он неожиданно сталкивается с жестокой реальностью, едва не погубившей его единственного сына.

Загадочные обстоятельства, при которых произошла трагедия, заставляют его обратиться в Сеть. В поисках простых ответов Золотаренко обнаруживает нечто крайне странное. Оказывается, между безобидными, хотя и весьма нелюбезными интерактивными баталиями и несчастными случаями, происходящими в вещественном мире, существует пугающая взаимосвязь.

Взаимодействие индивидуумов в Сети неизбежно влияет на человека, меняя не только стиль общения, но и психологию собеседников. Новая среда перекраивает нас под себя. Для писателя-фантаста это представляет особый интерес. Здесь уже успели основательно потоптаться англоязычные писатели. В этой связи можно вспомнить отцов-основателей киберпанка Брюса Стерлинга и Уильяма Гибсона, развивающих тему самозарождающегося разума в Сети, или более молодого, но не менее интересного британского автора Йена Макдональда, обратившегося к изучению проблемы искусственного интеллекта.

Дмитрий Громов и Олег Ладыженский предлагают свою трактовку темы. Основной вектор творческого развития харьковского дуэта лежит несколько в стороне от центральной магистрали НФ и нередко склоняется в сторону философской мистики и даже фэнтези. В соответствии с этой спецификой упор в романе сделан не на техническую сторону вопроса, а на создание соответствующего антуража и проработку психофилософской модели возможного развития событий в заданных условиях.

В соответствии с избранной тематикой нечистоты буквально выплескиваются со страниц. Нелюбезная сторона нашего бытия показана весьма выпукло, без прикрас и барочных завитушек. Дополнительный эффект создает мрачноватый образный ряд, который читатель наблюдает глазами главного героя. Город наполнен недовольством. На улицах и в общественном транспорте, в кафе и в подъездах не видно приветливых лиц. Сплошь гротескные маски, искаженные совсем не театральной злобой. Прочие фигуры отдалены и схематичны, оттесненные наползающей на мир «эпохой большой нелюбви». Авторы словно хотят сказать: «Все! Шутки кончились!». Натуралистичность в «Золотаре» гораздо выше, чем в других романах Олди. Стремясь к максимальной достоверности, авторы не чураются ненормативной лексики, регулярно встречающейся в блогах и на форумах. Перед нами возникает зеркало – не кривое, а вполне четкое, в котором ясно видны все недостатки и язвы «восетевленного» общества. Пожалуй, это наиболее жесткое из всех созданных Олди произведений.

Тенденцию к определенной брутализации текста харьковского автора мы можем наблюдать уже в романе «Алюмен». Такой радикальный подход не характерен для Г. Л. Олди и может оказаться для поклонников большой неожиданностью, если не разочарованием. В то же время у читателей появляется возможность взглянуть на творчество любимого автора в ином свете. Рассмотреть механизм без внешних покровов и красот и задуматься, что скрывается под медной броней греческих мифов, тончайшим шелком китайских легенд и затейливым кружевом фэнтезийных миров.

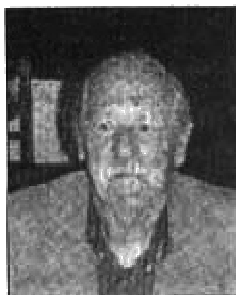
Вскрывая язвы и вычищая авгиевы конюшни, писатель не забывает о педагогической стороне вопроса. Ведь работа редактора – это тоже своего рода ассенизация. Основной этический посыл романа раскрывается предельно ясно. Накапливая и преумножая нечистоты в интерактивной, невещественной среде, мы неизбежно столкнемся с проблемой глобального нравственного загрязнения объективной реальности в полном соответствии с законом сохранения энергии. Остается только принять решение, хотим ли мы превратить нашу жизнь в выгребную яму?

Николай КАЛИНИЧЕНКО

ВЛ. ГАКОВ КАРТОГРАФ АДА

Вл. ГАКОВ

КАРТОГРАФ АДА

Сказать, что Брайан Олдисс, которому в этом году исполняется 85 лет, – личность противоречивая, значит, ничего не сказать. Последний патриарх британской НФ и «осенью» своей остается все тем же – каким-то непостижимым, фантастическим клубком противоречий, проступающих в этом британском джентльмене после первых же десяти минут общения! Впрочем, эти противоречия чисто внешние, в душе мэтр ощущает себя человеком цельным и последовательным. Он всегда придерживался своей «линии жизни».

По опубликованным свидетельствам друзей и просто шапочных знакомых Брайана Олдисса, он и для них по сей день остается неразрешимой загадкой. Не по-британски шумный и активный, не скрывающий своей слабости, любитель «поддать», записной «травильщик» анекдотов в компании... Конечно, Олдисс, кто же еще!. И в то же время один из самых «литературных», даже, можно сказать, элитарных англоязычных фантастов. Тонкий стилист, эрудированный и глубокий критик жанра, автор фундаментальной и в то же время изрядно задиристой истории фантастики. Внешне уважаемый английский джентльмен-интеллектуал из Оксфорда, разбогатевший благодаря последним книгам-бестселлерам (а до того чуть не разорившийся). И вот те на! Желанный гость американских тусовок, которые – это засвидетельствует всякий, на них побывавший, – чопорностью не отличаются.

А за два десятилетия до того – еще и безусловный духовный лидер английских писателей-бунтарей «Новой волны», со всеми их стилистическими изысками, эпатажем и нарочитой левизною. И неутомимый путешественник, одним из первых деятелей западной культуры отправившийся открывать «новый» Китай в конце 1970-х. И столь же энергичный защитник прав писателей, на протяжении многих лет возглавлявший соответствующую комиссию Британской писательской гильдии.

Ну и наконец, автор произведений, которые трудно соотнести с одним и тем же писателем. Тут и каноническая «Теплица», принесшая дебютанту Олдиссу сразу две премии «Хьюго» (вторую – в номинации «Самый многообещающий молодой автор»); и наиболее экстравагантные примеры абсурдистской НФ; и написанная на склоне лет почти «реалистическая» трилогия о планете Гелликония – самый грандиозный мир научной фантастики после «Дюны»; и короткий рассказ на пять машинописных страниц – «Сверхигрушки рассчитаны на все лето», вошедший в историю не только литературы, но и кино. По этому рассказу собирался создать свой очередной эпический шедевр сам Стэнли Кубрик, а завершил «черновики гения» Стивен Спилберг. И в результате вышел пронзительный и на редкость человечный фильм «Искусственный интеллект»...

* * *

Его биография – такой же «нестыкуемый» пазл для всякого исследователя творчества Олдисса.

Вышеупомянутый рассказ про искусственного мальчика, который искренне верил, что он живой, постоянно пребывая в поистине вселенском одиночестве, мог написать только человек, которому и самому досталось отнюдь не лучезарное детство. Каково это – терять родителей, братьев, сестер, собственных детей (речь не обязательно идет о смерти), – Брайан Вилсон Олдисс знал не понаслышке.

Он родился 18 августа 1925 года в небольшом городке Дерхэме в графстве Норфолк. Отец был типичным неудачником – младший сын преуспевающего галантерейщика, после смерти своего отца оказался фактически выдворен из семейного дела и из родного города старшим братом.

В детстве в результате конфликта с матерью у Брайана началась неконтролируемая рвота. Врачи поставили диагноз: заболевание желчного пузыря. Что ожидало мальчика с таким заболеванием в школе, легко себе представить... Он сменил несколько школ, но ни одну не закончил.

Однако именно в школьные годы он пристрастился к НФ. «И тут, – вспоминал уже маститый писатель, – я ощутил руку провидения: оно подвело меня к этим книжным полкам с дешевыми журнальчиками на плохой бумаге и заставило потратить на них всю мелочь в кармане. Потому что я внезапно понял: эта макулатура и есть реальный мир, она важнее всего, о чем я узнал до того... Хотя и до чтения «Astounding» я считал себя специалистом по динозаврам и мог бы проводить уроки по ним не хуже нашего учителя. И я уже прочитал Уэллса, но он-то был намного респектабельнее, чем эти журнальчики. Их прелесть заключалась в том, что это оказалась литература, которую ваши родители наверняка запретили бы вам читать».

Когда парню стукнуло восемнадцать, на дворе был 1943 год – в мире шла война, и забритого новобранца-связиста сразу же отправили в далекую Бирму. И хотя, по его собственному признанию, за все годы службы солдат Олдисс не только ни в кого ни разу не выстрелил, но и в глаза не видел живого японца, война осталась в его памяти настоящим кошмаром.

Из Бирмы похудевший и вытянувшийся солдат-связист был направлен на индонезийский остров Суматра, захваченный британской армией после капитуляции Японии. Потом его неожиданно перевели в Гонконг, затем в Макао, где он надолго забылся в легендарных местных борделях...

На родину «дембель» Олдисс вернулся только в 1947 году, а спустя год женился на секретарше своего первого босса – владельца известного в Оксфорде книжного магазина. У них родился сын, а в 1955-м Брайан Олдисс дебютировал со своим первым сборником рассказов – еще не фантастических, посвященных родному книжному магазину и царившим там нравам. Книга неплохо продавалась, затем вышла еще одна – сборник научно-фантастических рассказов «Пространство, время и Натаниэл», и Олдисс смог оставить работу в магазине. Его взяли редактором отдела литературы в главную газету самого знаменитого университетского города Англии – «The Oxford Mail». А вскоре один из фантастических рассказов начинающего писателя получил не менее престижный приз на конкурсе, организованном одним из ведущих британских литературных еженедельников «The Observer».

Все, казалось бы, складывалось как нельзя лучше, но Брайан Олдисс после рождения дочери в 1957 году внезапно ушел из семьи. С одним-единственным чемоданом в руках, оставив даже необходимое орудие труда – старенькую пишущую машинку. Окончательно супруги развелись два года спустя.

А через год вышел его первый фантастический роман (фактически цикл связанных

между собой новелл) «Теплица». И не только хорошо разошелся, но и принес автору-дебютанту сразу две высшие премии «Хьюго».

И писателя затянула богемная жизнь одинокого творца, наполненная бессонными ночами, пьянками, беспорядочными связями и одной бесконечной литературной тусовкой. Тем не менее за эти беспутные годы он смог выпустить свой второй НФ-роман «Серая борода» и даже возглавить Британскую ассоциацию научной фантастики. А также встретить своего ангела-спасителя, вытащившего его из богемной клоаки.

Ангел предстал в облике секретарши главного редактора той же «The Oxford Mail» – шотландки Маргарет Мэнсон. В 1965 году, когда они поженились, ему было 40, а ей – 31.

В отличие от бурных романов молодости, это была любовь на всю жизнь. Забегая вперед, можно сказать, что точку – в любви и жизни Маргарет, подарившей писателю сына Тима и дочь Шарлотту, – поставила смертельная болезнь жены в конце 1990-х. С тех пор Брайан Олдисс ведет жизнь вдовца. Знающие его близко люди, все как один, свидетельствуют, что неискоренимый весельчак и богохульник на закате своей жизни только делает вид, что ему по-прежнему все нипочем...

* * *

Жизнь же самого Олдисса после впечатляющего литературного старта всецело принадлежала литературе. Литературе вообще, поскольку он и научную фантастику старался по мере сил делать максимально литературной. И бесконечно боролся за признание ее вне границ стихийно создавшегося еще до войны жанрового «гетто».

В фантастику Брайан Олдисс ворвался, можно сказать, на плечах великих – Хайнлайна, Азимова, Кларка и других воспитанников легендарного редактора Джона Кэмпбелла. И не только своим творчеством продолжил эту линию «олитературирования» англоязычной science fiction, но и всемерно способствовал тому же в двух своих не менее известных амплуа – литературного критика и антологиста. Он выводил генеалогию современной НФ не от более привычного Жюль Верна, а от «Франкенштейна» англичанки Мэри Шелли.

«Сущностью этого романа, как и главной отличительной чертой той новой вселенной, которая открылась читателям научной фантастики, оказалось то, что в этом мире не было места Богу», – писал Олдисс. Как и многие его собратья по перу, он всю жизнь прожил убежденным агностиком, если не сказать – атеистом. «Так случилось, что все, с кем я крепко подружился за свою жизнь, оказались атеистами... Одно дело – следование культурным традициям, и совсем другое – попытаться объять религию интеллектом».

Именно такие иконоборцы и возглавили британскую «Новую волну» в начале бурных 1960-х. Их было трое – Брайан Олдисс и покойные ныне Джеймс Грэм Баллард и Джон Браннер, а за ними последовали Майкл Муркок, Кристофер Прист и целая плеяда заокеанских писателей, которых мы нынче справедливо считаем корифеями жанра: Роджер Желязны, Роберт Силверберг, Сэмюэл Дилэни, Харлан Эллисон и многие другие. Среди знамен «Новой волны», под которыми талантливая молодежь шла рушить свою Бастилию устоявшихся традиций и клише англоязычной SF, были и два романа Олдисса – «Доклад о Вероятности-А» и «Босоногий в голове». Сверхусложненная литературная форма последнего романа позволила критикам сравнить Олдисса с Джеймсом Джойсом, а сам роман назвать «Поминками по Финнегану научной фантастики».

* * *

«Новая волна» и персональная роль в ней героя этого очерка – тема отдельного разговора. Но в том же начале 1960-х произошло еще одно важное событие в жизни Брайана Олдисса.

В 1964 году вместе с Маргарет на стареньком «лендровере» писатель одним из первых западных деятелей культуры совершил бросок на тогдашнюю terra incognita – находившиеся

по ту сторону «железного занавеса» Балканы. А точнее, на озеро Охрид на границе Албании и нынешней Македонии. В те далекие времена это было все равно что прогуляться на Новую Гвинею или в Антарктиду – экзотика на грани экстрима! А супруги Олдисс не только провели там полгода, но и впоследствии не раз навещали бывшую Югославию, вытаскивали туда друзей – Гарри Гаррисона и Кингсли Эмиса. А потом организовали в «свободном городе» Триесте первую действительно международную встречу писателей-фантастов, на которой, вопреки Кипплингу, Запад и Восток наконец сошлись.

Вообще о международной деятельности Брайана Олдисса стоит сказать особо. Один из самых острых и оригинальных критиков в мире НФ, автор десятка книг по теории и истории жанра, он никогда не замыкался в рамках этого мира, активно пропагандируя богатую европейскую традицию фантастической литературы. А что греха таить, НФ и по сей день для подавляющего большинства читателей США и Англии представляется феноменом исключительно англоязычным. Для американцев – и вовсе американским, как жевательная резинка и кока-кола.

Кроме того, начиная с конца шестидесятых, Олдисс на пару с закадычным другом Гарри Гаррисоном постоянно затевал различные международные проекты. Их целью было «наведение мостов» между двумя почти не соприкасавшимися тогда материками – фантастическими литературами и сообществами по обе стороны «железного занавеса». Результатом этой подвижнической деятельности стал известный всем ныне «Еврокон», собирающий на свои ежегодные тусовки европейских фэнов и профи. И еще одна организация под характерным названием World SF.

Другое дело, что в этих международных форумах нашу НФ долгое время представляли совсем не те, кого ожидали увидеть и с кем желали пообщаться зарубежные писатели, критики, редакторы. Им приходилось общаться с узким кругом «спецдопущенных» литературных бонз приснопамятного Союза писателей, часто к фантастике отношения вообще не имевших... Но в том, конечно, не было вины организаторов. Да и вообще, в те времена, о которых идет речь, даже такой робкий ручеек информации был несомненным благом.

Окончание «холодной» войны писатель отметил тетралогией, начатой еще за десятилетие до падения Берлинской стены. Названия четырех ее романов говорят сами за себя: «Жизнь на Западе», «Забытая жизнь», «День воспоминаний» и «Где-то на востоке жизни». Окончание тетралогии (последний роман вышел в 1994-м) можно условно отнести к фантастике – если и не к альтернативной истории, то к «альтернативному настоящему». В коем не прекращаются локальные войны на Кавказе и появилась некая технологическая новинка, позволяющая «высасывать» воспоминания человека с последующей их продажей всем любопытствующим.

А многолетняя любовь к Югославии вылилась, в изданные отдельным томом путевые заметки и один из самых литературных романов Олдисса – «Малайсийский гобелен». В этой альтернативной истории средневековой Далмации, будто застывшей во времени, одновременно сосуществуют человеческая цивилизация и динозавры.

* * *

Но до этого еще много чего перевернулось в этой поистине фантастической жизни. И нашей общей, и конкретной жизни писателя Брайана Олдисса.

В 1970-е годы он уже успел насладиться успехом и материальным благополучием, купив себе просторный дом с бассейном неподалеку от ставшего родным Оксфорда. У него были любимая жена, двое детей, он был приглашен в жюри престижной литературной премии «Букер», при нем присужденной опальному писателю Салману Рушди. Тогда это был Поступок – отметить премией осужденного на смерть иранскими религиозными фанатиками! Книги самого Олдисса неплохо продавались – во всяком случае денег на посещение бесконечных конвенций и просто на путешествия по всему свету хватало.

Этой идиллии пришел конец в 1981 году. В недобрый день в дом Олдиссов нагрянул их семейный юрист с сообщением о том, что за последние два года из-за какой-то ошибки с налоговыми бумагами писатель, оказывается, задолжал соответствующему ведомству чертову уйму фунтов стерлингов. И покрыть задолженность необходимо немедленно – иначе не миновать беды. Чтобы собрать деньги, Олдиссу пришлось продать дом и свою огромную библиотеку фантастики – более пяти тысяч томов. Ее, к счастью, выкупил на спонтанно организованном аукционе какой-то университет в Техасе. Олдисс, впрочем, и тут остался верен себе – половину вырученной суммы немедленно истратил на покупку золотого браслета жене.

А в следующем десятилетии, пребывая в затяжной депрессии, неожиданно для всех – и прежде всего для себя самого – разродился едва ли не главным НФ-произведением своей жизни. Грандиозной трилогией о планете Гелликония. Орбита этой диковинной планеты настолько вытянута, что местный год длится земное тысячелетие. Меняются поколения, а вокруг – вечная зима, затем другие поколения сменяют друг друга, не зная ничего, кроме весны, а на смену им приходят «летние», потом «осенние»...

Трилогия о Гелликонии стала бестселлером, и материальные дела снова пошли вверх. Супруги купили новый дом там же, в Оксфорде, а затем переехали в третий, продав прежний известному математику и физику-теоретику Роджеру Пенроузу.

А затем врачи диагностировали у Маргарет рак. Она буквально сгорела за три месяца, и это был самый тяжелый удар для старика, разменявшего восьмой десяток.

* * *

Написал он за 56 лет творческой жизни немало – более трех десятков романов и более трех сотен рассказов и повестей, лучшие из которых составили 26 сборников. И это не считая десятков собранных и отредактированных им антологий (многие – в соавторстве с неизменным Гарри Гаррисоном), сборников критических статей, 700-страничных мемуаров. И одной из лучших и самых полных на сегодняшний день историй научной фантастики «Шабаш на миллиард лет» (1973). Она завоевала Британскую премию по научной фантастике и в 1988 году была переиздана (и приблизительно вдвое «потолстела») как «Шабаш на триллион лет».

В предисловии к этому фундаментальному, хотя и не свободному от субъективных перехлестов труду автор уделил два абзаца коллегам-критикам: «Всего пару слов в адрес тех критиков, которые не любят научную фантастику. Сверхпродуктивность этой литературы стала притчей во языцех. Ее слишком много, и она слишком популярна; для некоторых критиков этого достаточно, чтобы заклеить фантастику и больше к разговору о ней не возвращаться. Вопрос вопросов, на котором сломалось столько представителей литературной критики, звучит так: если она (фантастика) хороша, то почему она так популярна, и если она так популярна, то может ли она быть хороша?»

В этой книге я буду придерживаться куда более разумной, на мой взгляд, точки зрения: научная фантастика приносит наслаждение огромным массам людей. Наша же задача состоит в том, чтобы сравнивать различные уровни этого наслаждения. Во всяком случае, я нахожу научную фантастику – часть ее – в высшей степени «читабельной», что не мешает ей одновременно и обогащать наше сознание новыми мыслями и чувствами, иначе говоря, быть Большой Литературой».

Сам он всю жизнь пытался писать именно ее – и часто это ему удавалось. Во всяком случае факт награждения писателя в 2005 году высшей государственной наградой страны – Орденом Британской империи – никого из соотечественников Олдисса не удивил. Научное сообщество также воздало писателю должное: в его коллекции литературных трофеев две премии «Хьюго» и премия «Небьюла» (за повесть «Слюнное дерево»), плюс звание «Великого Мастера научной фантастики», присуждаемое той же Ассоциацией американских писателей-фантастов. А еще три Британские премии по научной фантастике (за первый и

третий романы трилогии о Гелликонии и за роман «Момент затмения») и Мемориальная премия имени Джона Кэмпбелла (за первый роман о Гелликонии).

Подготовленный Олдиссом и Гаррисоном сборник автобиографий шести ведущих мастеров современной фантастики (Роберта Силверберга, Альфреда Бестера, Даймона Найта, Фредерика Пола и самих составителей – Олдисса и Гаррисона) неразлучные приятели назвали «Картографы Ада». То была дань памяти их общему другу Кингсли Эмису, автору первой серьезной книги о научной фантастике – «Новые карты Ада». А чуть раньше Гаррисон предварил свой знаменитый роман «Билл – герой Галактики» характерным посвящением: «Моему товарищу по команде Брайану Олдиссу, который читает секстан и прокладывает курс для всех нас».

Критик Майкл Коллингс, написавший монографию о Брайане Олдиссе, прокомментировал это следующим образом: «Это самая точная характеристика того, что сделал Брайан Олдисс для современной научной фантастики. Если эта литература вообще куда-то движется, если у этого движения есть цель, то Олдисс, безусловно, относится к тем редким авторам, которые хотя бы представляют себе, как этой цели достичь... Он и Прометей впередсмотрящий, предлагающий новые идеи и темы. И Протей, стимулирующий интеллектуальную адаптацию читателей к изменившемуся миру, к их месту во Вселенной и к самой этой Вселенной. Но, более того, он еще и описывает те новые территории, к которым несет наш общий корабль. Иначе говоря – картограф».

КОНКУРС БАНК ИДЕЙ

В десятом номере «Если» за прошлый год в рубрике «Банк идей» мы опубликовали часть рассказа Сергея Лукьяненко и предложили читателям придумать вариант концовки. Писатель согласился завершить произведение в соответствии с той идеей, которая ему покажется наиболее интересной. Однако версий мы получили немного, всего около полутора десятков (а в былые времена конкурс собирал до ста НФ-идей!), и Сергей Лукьяненко решил предложить читателям журнала свой вариант. Победителем же стал Вячеслав Рогожин за вдумчивый подход к теме. И то сказать: Рогожин – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник физического факультета СПбГУ. Неоднократно побеждал в различных литературных конкурсах, доходил до финала и в «Альтернативной реальности» журнала «Если».

Вячеслав Рогожин получает книгу Сергея Лукьяненко с автографом автора.

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ РАЗГОВАРИВАЛ С АНГЕЛАМИ

– Он иудей? – с живейшим любопытством спросил профессор.

– Чего? – я запнулся на полуслове.

– Ну... – профессор слегка смутился, как это часто случается с русскими интеллигентами, вынужденными говорить на еврейскую тему. – Я имею в виду не столько национальную принадлежность, как вероисповедание... Впрочем, национальность тоже многое значит. – Он быстро уточнил: – В культурологическом плане, поймите меня правильно!

Я задумался. Диму Кабайлова я знал давно и вроде как хорошо.

– Да нет, – сказал я довольно уверенно. – В плане национальности он русский. То есть

всего намешано, и концов уже не найти. А в плане вероисповедания он... никак.

– Это как? – Пётр Семёнович удивленно посмотрел на меня.

– Это так, что он однажды летом попытался зайти в церковь в шортах, а на него какая-то бабка накричала. Димка в ответ заорал, что Христос тоже ходил без штанов, и на православную церковь обиделся. Ислам ему не нравится многими ограничениями. Католический храм далеко, ездить лениво. Буддизм какой-то уж больно недействительный. Протестантство – фарисейское. В общем, он воинствующий агностик. Или бездейственный атеист.

– Хм, – профессор почесал переносицу. – Интересно. А как он в плане образования? Начитанности?

– Тут все в порядке, – заверил я. – Высшее техническое, по специальности не работал, поскольку ушел в книжный бизнес. Без чтения и дня не проживет. Даже в туалет без книжки не ходит. Так что он знает, кто такой Яхве, не сомневайтесь...

– Давайте еще раз по порядку, – вздохнул профессор. – Вы с товарищем...

– Были на конференции в Киеве, – сказал я. – После рабочего дня, сами понимаете, расслаблялись в компании. Горилка всякая... медовая с перцем, на березовых бруньках, на ольховых сережках, на тополином пухе... Неумеренно употребили, если честно. Я лег спать часа в три, а товарищ вообще под утро. Номер у нас был двухместный. Ну так вот, я когда проснулся – Дмитрий еще спал. Ну, не совсем спал, а в просоночном состоянии был, когда сознание вроде уже возвращается. И вот я слышу – он говорит что-то. Бормочет, и складно так. Только это не русский язык, не английский... вообще не понять какой. Протяжный такой, горловой... Я слушал-слушал, потом не выдержал и окликнул его громко: «Дима, это что за язык?». Он замолчал, а потом отвечает: «Это язык, на котором Яхве разговаривал с ангелами». Потом всхрапнул – и снова давай бормотать. Я еще подумал, что у некоторых с похмелья пререзается офигительное чувство юмора. Пошел мыться, бриться... уже днем спросил: а почему именно Яхве? Меня это тоже больше всего удивило. Димка глаза таращит. Оказалось – ничего не помнит. И вообще не поверил, решил, что я все выдумал. Вечером у нас был банкет по случаю завершения конференции...

– И вы снова неумеренно употребили, – глаза Петра Семёновича блеснули, и я подумал, что старичок-профессор не такой уж и сухарь, как мне вначале показалось.

– Употребили, – признал я. – Я снова раньше спать ушел, а товарищ куролесил. И поутру я просыпаюсь – все то же самое. Говорит на не известном мне языке. Ну, решил, я тебе сейчас покажу, кто выдумывает... Схватил мобильник, включил диктофон, подошел к кровати. Ну и записал все, что он набормотал. Семь минут набралось.

– Семь минут? Это неплохо, – профессор оживился. – Вы меня и впрямь заинтересовали, Андрей. Давайте свой телефон!

– Я скопировал на флешку, – сказал я. – MP3 сумеете проиграть?

Пётр Семёнович лишь улыбнулся, забирая у меня брелок. Воткнул флэшку в порт, повозил мышкой по столу, запуская звуковой файл. Я сидел через стол и экрана не видел, но на флешке была одна-единственная запись: YHWH. mp3.

– Хм, – профессор посмотрел на меня. – Приятно встретить образованного человека.

– Я посмотрел правописание в энциклопедии, – скромно ответил я. – Все равно вы меня приятно удивляете.

– А вы меня, – я кивнул на мощный ноутбук.

– Куда нынче без техники? – вздохнул профессор. – Ну-ка... давайте послушаем утренний спич вашего друга...

Он шелкнул клавишей на мышке – и из колонок ноутбука послышался голос Димки.

Я несколько раз уже пытался записать его речь на бумаге. Прокручивал запись фрагментами по несколько секунд, вслушивался, запоминал, записывал... И понимал, что это бесполезно. Ну никак не соотносился грубый, косноязычный «ганхион» с тем словом, которое на самом деле произносил Кабайлов. Чуть другие звуки: «г» смягченное, как в украинском, «а» выстреливает как у первоклассника, выучившего азбуку, «н» с

прищелкиванием, чуть похоже на «м», но никак не «м» – может быть, это «к»? Нет, все-таки «н»... В общем – на бумагу не переносится.

И так – каждое слово.

Профессор слушал с доброжелательной улыбкой, кивая головой и легонько постукивая кончиками пальцев по столу. Мне даже захотелось приподняться и посмотреть – не вытерся ли в этих местах лак.

Но было неловко.

Профессор вдруг посерьезнел и по-птичьему склонил голову. Поморщился. Отмотал запись назад. Прослушал фрагмент повторно.

И дальше слушал с нарастающим интересом.

Я ждал, потупив взгляд.

Профессор опять остановил запись и повторно прослушал какой-то фрагмент. Хмыкнул. Встал, побродил у книжных шкафов, выудил какой-то потрепанный толстый том, полистал. Некоторое время читал, задумчиво перелистывая страницы. Разочарованно покачал головой, поставил книгу на место – и вернулся дослушивать запись.

Мне было очень интересно, что он там читал, но опять же – слишком живо интересоваться было неловко.

Когда запись кончилась, профессор сделал именно то, чего я от него ожидал – запустил ее задом наперед. Получившуюся белиберду он вытерпел секунд двадцать, после чего выключил запись и некоторое время сидел, с любопытством разглядывая меня.

А потом сказал:

– Вот только не притворяйтесь простачком, молодой человек. Почему вы пришли именно ко мне?

– Вы лингвист, работающий при институте перевода Библии, – пояснил я как можно более наивно. – Раз уж речь идет о Яхве, то сам Бог велел идти в институт перевода Библии...

– Угу-угу. Велел. На том самом языке, на котором разговаривал с ангелами... – профессор усмехнулся. – Еще почему?

– Ну, потому что вы занимались случаями глоссолалии, «говорения языками», которые расследовал патриархат. – Я поднял на него глаза. – Я не притворяюсь, Пётр Семёнович. Мы с Димой две недели сами разбирались. Просто я знаю, как это неприятно, когда профаны чего-то профессионалу объясняют. Вот и не хотел... высказываться раньше времени.

– Кем вы работаете, Андрюша?

– Я астрофизик.

– Ну надо же! – восхитился профессор. – Я полагал, у нас в стране все астрофизики давно убежали в коммерцию. Или умерли от голода.

– Устаревшие сведения. На иностранных грантах кое-как перебивались, потом стали лохам звезды впаривать... простите, я хотел сказать: предлагать обеспеченным клиентам наименование в их честь звезд различной величины, с внесением названия в международный звездный каталог.

Профессор тихонько засмеялся:

– Ну да, слышал... Итак, Андрюша, и в чем вы с другом разобрались?

– Мы не разобрались. Мы решили, что это и впрямь язык. На глоссолалию не похоже. Сравнивали с арамейским, с ивритом... ничего не поняли. Потому и пришли к вам.

– Это не арамейский, – профессор поморщился. – Да и с чего вы взяли, что он был бы «языком Яхве»? И не иврит это. И не санскрит, если уж на то пошло. Но вы правы в главном – это язык.

– Точно? – обрадовался я.

– Или крайне удачная имитация, – Пётр Семёнович нахмурился. – Признаться, если бы вас не рекомендовал мой собственный сын, я бы счел происходящее розыгрышем...

Я вздохнул.

– Что такое говорение на языках, оно же – глоссолалия? – профессор заговорил

лекторским тоном, непроизвольно повысив голос, будто Левитан из анекдота, зашедший в магазин купить «...две бутылочки СОВЕТСКОГО ШАМΠΑНСКОГО». – Согласно Библии – это дар Святого Духа, который снизошел на апостолов и позволил им говорить на всех языках мира... а возможно, что на каком-то одном, общем языке, который тем не менее понимали все народы. В сектах харизматиков, в первую очередь – пятидесятников, глоссолалией называют молитву или песнопение, которые совершаются на неизвестном языке. Харизматики считают этот язык ангельским, идущим от Бога. Некоторые считают, что это тот самый язык, на котором говорили люди до вавилонского смешения языков. Некоторые, – профессор улыбнулся, – что это тот язык, на котором Бог разговаривает с ангелами. Ну а если вы атеист, то можете смело предположить, что глоссолалия – всего лишь расстройство речи, вызванное состоянием молитвенного экстаза, иногда бессознательное, а иногда и практикуемое осознанно. Это вам известно, я полагаю.

– В общих чертах... не так систематизировано, – я закивал, всем своим видом демонстрируя живейший интерес.

– Идем дальше, на что похожа глоссолалия, – профессор вдруг нахмурился и протараторил: – Амина, супитер, амана, регедигида, треги, регедигида, регедигида, супитер, супитер, арамо, сопо, ропота, карифа!

– Ух ты! – сказал я. Фрагмент был из самых классических, но мне хотелось порадовать профессора.

– Так бормочут русские харизматики, – профессор кивнул. – А вот так – американские: гиппо, геросто, непарос, борастин, форман, о фастос, соургор, боринос, эпонгос, ментаи, о дерипан, аристо, экрампус...

– Отличается, – заметил я.

– Разумеется! Глоссолалия – это нечто наподобие детского лепета, когда ребенок пробует на язык всевозможные звуки, фонемы языка. Точнее – языков. Родившийся младенец имеет в сознании определенную матрицу, схему того, как научиться разговаривать. Причем в схеме этой существуют все языки мира, даже самые экзотические. Перенеси русского младенца к бушменам, и он заговорит на каком-нибудь из койсанских языков. Перенеси в Кению – залопочет на суахили. И наоборот, разумеется. И в тот же срок, что и другие дети. Рождаясь, мы храним в себе зерна всех языков мира – и лишь от того, где мы живем, зависит, какое зерно даст росток, а какое сгниет!

Профессор энергично рубанул воздух ладонью, будто радуясь уничтожению лишних зерен. Я торопливо спросил:

– Так значит, глоссолалия – детский лепет?

– Ну, очень упрощенно, – поморщился профессор. – Скорее, это отдельные фонемы родной речи, которые не имеют нормальной языковой структуры, не подчиняются общим лингвистическим законам. Глоссолалия немца, русского, американца будет слегка схожа, но схожа именно общей бессмысленностью, хаотичностью. Однако по фонемам можно будет достаточно убедительно вычислить национальность говорившего! Кстати, забавно, но глоссолалия русских частенько похожа на немецкую речь. Почему? «Говорящий на языках» человек явно или неявно пытается сделать свой лепет не похожим на родной говор. А немецкий язык по своей структуре полярен русскому. Не зря же именно жителей Германии в России называли «немцами», немцами. Не англичан, голландцев или французов, которых тоже было немало! Именно немцев...

Он замолчал и поморщился, явно потеряв нить разговора.

– Глоссолалия – это неструктурированная речь, состоящая из фонем родного языка, но которую говорящий пытается сделать как можно более чужой, иностранной, – сказал я. – Так?

– Так. А что мы имеем в случае вашего друга? Я был убежден, если честно, что услышу типичную глоссолалию, пусть даже и нерелигиозного генеза. Но... – он замолчал.

– Но?. – с надеждой спросил я.

– Я не улавливаю никаких фонем русского языка, – сказал Пётр Семёнович. – Ни

малейших. Русский для вашего друга родной?

– Конечно.

– А какие еще он языки знает?

– Английский на туристическом уровне. Ну, читать-то он на нем может с трудом, а вот за рубежом объясниться сумеет... в магазине там или в баре...

Профессор хмыкнул. Повторил:

– Русских фонем нет. Английских тоже. Ни на один известный мне язык не похоже, но... Но это язык. Или очень хорошая его имитация.

– Некоторые слова повторяются, правда? – спросил я.

– Дело даже не в этом. Повторяются некоторые лексические структуры. А это подделать сложнее... по сути – надо придумать новый язык.

Я кивнул.

– Приходите ко мне... – профессор задумался, – завтра вечером. Хорошо? И непременно с этим вашим другом!

– Обязательно, – ответил я и поднялся с кресла.

Уже в дверях профессор спросил меня:

– Скажите, Андрюша... А часто с тех пор ваш товарищ говорит на этом языке?

Все-таки он застал меня врасплох, и под его насмешливым взглядом я не решился солгать:

– Да хоть каждый день. Попросишь – он и говорит. Чего говорит – не понимает, но говорит.

– Записывали? – спросил профессор с понимающей улыбкой. Я вздохнул и достал из кармана вторую флэшку.

– Берите.

– Завтра верну, – с улыбкой сказал профессор, забирая у меня карту.

Кабайлов ждал меня у метро. Высокий, черноволосый, немного похожий на кавказца, что служило причиной частых конфликтов с ментами, Димка топтался у совершенно ненужного ему табачного ларька. В ушах – наушники от плеера, на лице – привычная для москвичей уличная торопливость, призванная отпугивать попрошайек и заблудившихся приезжих, в руках – «Советский спорт». Димка мрачно изучал футбольную страницу – видимо, «Динамо» опять не порадовало.

Завидев меня, Дима свернул трубкой несчастную газету и отправил в урну. Торопливо вынул из ушей наушники, вопросительно кивнул.

– Заинтересовался, – сказал я.

– Оплюуап, – радостно сказал Дима.

– Соберись, – попросил я. – Не знаю, что такое твой оплюуап.

– Оплюуап, – горько повторил Дима.

– Оплюуап, – старательно повторил я и покачал головой. Нет, не получалось у меня скопировать Димин выговор. Вроде и все звуки на местах, а не то... – Кабайлов, кончай нести чушь!

– Хорошо, я говорю, – уныло сказал Дима. – О! По-русски?

– Да, – о том, что у него остался легкий акцент, я говорить не стал.

– Переключился, – Кабайлов махнул рукой. – Черт, все чаще и чаще стало... Вчера родичи с племянником в гости приехали. Я с пацаном разговариваю, вдруг вижу – он хохочет. Оказалось, я уже минут пять на ангельском болтаю. А пацан решил, что это игра такая, не останавливал... мелкий еще, что возьмешь...

– Ну так это лучше, чем в «Перекрестке», – напомнил я.

– А что, забавно вышло, – Дима даже улыбнулся, – Ну, приняла кассирша за иностранца, ну и что?

На мой взгляд, кассирша в супермаркете приняла Диму не за иностранца, а за душевнобольного. Но я тактично промолчал. Кивнул на вывеску пивного бара,

устроившегося в стратегически безупречной точке – между метро и крупной автобусной остановкой.

– Может, по кружечке?

– Лямс! – согласился Дима.

Я не стал его поправлять – и так было понятно, что предложение он принял. Эх, если бы можно было таким образом составить словарь! К сожалению, тот же энергичный «лямс» в другой ситуации мог означать не согласие, а раздумье или отрицание...

После первой кружки пива Диму отпустило. Он стал говорить по-русски совсем чисто, много шутил и даже переключился на другие темы – футбол, женщин и фантастику. Футбол в стране был плох, женщины Диму глубоко обидели – он недавно развелся, и даже фантастика его не особо радовала. Вместо того чтобы писать мудрую научную фантастику про путешествия к звездам и другим планетам, про тайны мироздания, про покорение мирового океана и единую теорию поля, фантасты как сговорились – принялись ваять всякую мистическую фигню про вампиров и прочую нечисть... Кстати, о единой теории поля... Дима принялся рассказывать анекдот про Эйнштейна в раю. Я слушал, пытаюсь раскусить нераскрывшуюся фисташку и размышляя, какая блажь заставляет меня пробовать зубы на прочность. Ну полная чашка этих фисташек, откуда в человеке берется такая смесь жадности и глупости?

– Тут Эйнштейн и говорит: «Господи! У тебя в единой формуле мироздания – ошибка!». А Бог оглянулся и тихонько отвечает: «Да, я знаю...».

Димка сам же и захохотал, да и я улыбнулся. Но, похоже, анекдот опять напомнил Димке о его проблеме, он помрачнел и начал тянуть вторую кружку.

Прикончив по литру, мы покинули пивную и двинулись в разные стороны: Дима пошел домой пешком, ему было недалеко, а я сел на автобус. Завтра предстоял обычный рабочий день... для меня – обычный, а для Кабайлова – полный мучительной борьбы со своевольным языком.

К Петру Семёновичу мы пришли поздним вечером – летом в пятницу Москву захлестнули традиционные дачные пробки. Стоило, конечно, ехать на метро, но Дима этого ужасно не любил. Добровольно лезть под землю, по его словам, было противоестественно и глупо.

– Не зря фантасты всегда мечтали о воздушном транспорте, – сказал он, пока мы поднимались в лифте. – Вот доживем до флаеров и всяких там аэротакси – легче станет!

– Оптимист, – вздохнул я.

– Доживем, доживем, – Дима был в приподнятом настроении. – Прогресс человеческий движется по экспоненте! Вспомни, сто лет назад автомобиль был редкостью, самолет – чудом, а сейчас?

– Ну, чудом, допустим, самолет уже не был...

– Был, был, – Дима не отступал. – А компьютеры? О них и помыслить никто не мог! А пенициллин? А телевидение? Космические полеты? Человек способен на многое, Андрей!

Спорить я не стал. В принципе я был совершенно согласен, что человек способен на многое, но именно это и ввергало меня в сомнения – появятся ли на Земле летающие машины и прочие добрые чудеса?

Профессор сам открыл нам дверь и с живейшим любопытством уставился на Диму.

– Проходите, проходите, дорогой мой феномен, – с доброжелательной улыбкой сказал он. – Чай, кофе?

Холостяком профессор не был, более того – женат был уже третий раз и от каждого брака имел детей. Однако сейчас его очередная супруга, она же – его бывшая студентка, отдыхала где-то на море, и квартира профессора стремительно обретала внешность холостяцкой берлоги.

– Феномен не хочет пить, – мрачно сказал Дима. – Но спасибо за гостеприимство.

– Кра туапа? – спросил профессор и склонил голову на плечо, наблюдая за Димой.

– Чего? – спросил Кабайлов.
– Понятно, – профессор кивнул. – Ну проходите, проходите...
– Вы узнали, что это за язык? – занервничал мой друг. – Вы научились на нем разговаривать?

Профессор смутился.

– Пройдемте... давайте сядем за стол.

Мы прошли на кухню и сели. Пётр Семёнович налил себе и мне чаю, стал размешивать ложечкой сахар.

– Профессор?

– Сейчас... я формулирую... – он вздохнул. – Ужасно трудно вести беседу, когда не куришь, когда у тебя нет очков, когда перед тобой не лежит раскрытый блокнот...

– Нечем занять паузу? – улыбнулся Дима.

– Именно, – признался профессор. – Когда-то я курил, у меня были очки, а про мой блокнот студенты слагали легенды... Но потом с курением я завязал, очки сменил на линзы, а блокнот... давно уже ничего туда не записывал. Понимаете, Димочка, я не могу дать вам ясного ответа. Что это за язык? Не знаю. Есть легкое сходство с санскритом. Есть легкое сходство с арамейским. Но я и с русским языком сходство могу найти! И с английским! Уверен, если поищу – то и с латынью, и с греческим! Что это значит?

– Что? – зачарованно спросил Дима.

– Либо очень толковая имитация. Именно что вводящая в заблуждение любого лингвиста из любой страны. Либо... – профессор снова взялся за ложечку. – Либо некий условный... праязык. Содержащий в себе зерна всех мировых языков... в том числе и сформировавшихся сравнительно недавно...

– Вавилонский, – торжественно сказал Дима. – Времен до смешения языков!

– Тогда уж «до расслоения языков», – поморщился профессор. – Господи, да что я несу! Если бы меня услышал любой, подчеркиваю – любой мой коллега, он бы сказал, что я сошел с ума! Профессор Гольянов ударился в псевдонауку! Профессор Гольянов уверен в существовании общего праязыка человечества!

– Но в этом нет чего-то совсем уж нереального, – вставил я. – Человечество ведь зародилось в одной точке Земли? Где-то в Африке, да?

– Эдем был расположен в Месопотамии, – Кабайлов пожал плечами. – Широко известный факт. Кстати, даже генетики его подтвердили...

– Ну так у этого первоначального человечества был же один язык? – продолжал я гнуть свою линию. – Вот какое-то племя обезьян... мутировало, допустим, от падения уранового метеорита...

Кабайлов обидно захихикал и сказал:

– Давай все же придерживаться фактов. Бог сотворил Адама... ну, понятное дело, используя материал животного происхождения, в том числе и обезьяний. А потом из его же генетического материала создал Еву.

– И они наплодили всех остальных! – огрызнулся я.

– Конечно! Он же долго очень жил, в Библии сказано – девятьсот тридцать лет. Читай Книгу Бытия. За этот срок о-го-го сколько можно наплодить!

– Меня радует ваше веселье, – мрачно сказал профессор.

– Профессор, ну я же серьезно! – воскликнул я. – Если человечество пошло из одного источника, то был какой-то первый язык. И когда человечество разделилось, то оно этот первый язык просто меняло, но исходя из «оригинала». И потому в этом праязыке есть... да, именно зерна! Зерна будущих языков!

– Я понимаю, – кивнул профессор. – Но вы бы знали, как смотрит нормальный ученый на человека, который изложит эту версию на полном серьезе.

– И?. – требовательно спросил Дима.

– И все-таки эта бульварная, фантастическая, популистская версия – единственная, которая хоть что-то объясняет, – признал профессор. – Ну или... вы чрезвычайно

талантливые шутники.

– У меня вообще нет чувства юмора! – гордо сказал Дима. – Профессор, так вы смогли этот язык изучить?

– А что вы хотите? – внезапно спросил профессор. – Избавиться от навязчивого говорения на непонятном языке? Тогда вам к психотерапевту. Я уверен, что гипноз, лекарства, на худой конец – электрошок вам помогут!

– Или лоботомия, – ехидно вставил я.

– Нет, – гордо игнорируя меня, сказал Дима. – Я другого хочу. Понять, что именно говорю во сне. Ну... если можно научиться на этом языке говорить, то и разговаривать!

– Зачем? – всплеснул руками профессор.

– Как зачем? У меня в подсознании древнейший язык! Язык, на котором Господь разговаривал с ангелами! И не выучить его?

– Тогда я объясню вам проблему, – сказал профессор. – Вы вроде как можете и в обычном состоянии говорить, только смысла не понимаете?

Дима кивнул.

– Я прослушал то, что вы говорите, бодрствуя. Так вот, друг мой. То, что вы произносите «по заказу», – это самая обычная, банальная, скучная глоссолалия. Никакого отношения к вашему просоночному бормотанию она не имеет!

– Совсем? – жалобно спросил Дима.

– Абсолютно. Вы увлеклись, вам хочется научиться этому праязыку. И вы начинаете его изображать... как умеете. Но это... это ерунда.

– Ну а то, что я вначале говорил? – спросил Дима.

– Слишком мало материала. Будь у меня час-другой вашего монолога... а желательно еще, чтобы вам задавали вопросы, а вы на них отвечали...

Профессор развел руками. Дима сидел, глядя в стол, и медленно багровел. Издеваться над ним я не хотел – видно было, что ему и так несладко. Но удержаться было невозможно.

– Гляп, – сказал я. – Хлюп-барам-пам!

Дима встал и молча направился в прихожую.

– Молодой человек, попробуйте спать со включенным диктофоном! – сказал ему вслед профессор. Но Кабайлов уже выскочил за дверь. Я кинулся следом – и успел протиснуться в сдвигающиеся двери лифта. Сказал:

– Ну извини...

Дима поиграл желваками и сказал, неожиданно спокойно и убежденно:

– Извинениями не отделаешься. Сейчас заглянем в магазин... купишь бутылку коньяка.

– Хорошо, – сказал я, вспоминая, сколько у меня с собой денег.

– А я возьму пару бутылок водки... – рассуждал вслух Кабайлов. – Украинской. Закуска вроде есть... Минералочки надо.

– Ты чего? – не понял я.

– Сейчас едем ко мне, – сказал Дима. – Придется выпить. Причем выпить столько же и того же, что и в прошлый раз... Мне – придется. А ты так... компанию составишь. Потом будешь сидеть и ждать, пока я заговорю.

– А если не заговоришь?

– Завтра продолжим. Выходные впереди, два дня и три ночи.

– И утром после трехдневного запоя я пойду на работу? – уточнил я.

– Посмотрим. Надо будет – не пойдешь!

В безумии моего друга было все-таки что-то притягательное...

– Никогда не пил в научных целях, – признался я. – Только учти, на три дня такого веселья я не согласен!

Возможно, той ночью мой друг снова разговаривал с ангелами. Увы. То ли я устал после рабочей недели, то ли мы переоценили ту памятную гулянку...

В общем, где-то далеко за полночь, когда Кабайлов повалился на кровать и велел

«Бди!», я прилег на диванчик. Дверь в спальню была открыта... вот как донесется голос, так сразу и встану... Я был абсолютно в этом уверен, пока не закрыл глаза.

– Еще друг называется... – пробормотал Дима, нависая надо мной грозно, как нечистая совесть. – Зря пили!

Желания повторять эксперимент на следующий вечер у нас не возникло. Все-таки нам было не по двадцать лет, и свое здоровье мы оценивали трезво даже с похмелья. Я выпил с Димкой кофе и пошел домой.

И лишь через пару месяцев, когда судьба свела нас на какой-то конференции, Дима мимоходом сказал:

– А я, кстати, шесть с половиной часов записал...

– Чего? – даже и не сразу понял я.

– Как чего? Языка, на котором Яхве разговаривал с ангелами.

– И кто тот страдалец, который тебя записывал? – спросил я. – Или тебе хватило совести девушку заставить дежурить при пьяном теле?

– Андрюша, – насмешливо сказал Дима, – ты крепко отстал от жизни. Все диктофоны давным-давно имеют функцию автовключения на звук. А стоят, между прочим, сущие копейки.

– А, диктофон купил... – сообразил я. – Последовал, значит, совету профессора...

– Плеер на самом-то деле. Но он еще и диктофон. И радио ловит. Нет, прогресс, что ни говори...

И Дима оседлал своего любимого конька. Мы поговорили о прогрессе, о светлом будущем, когда любая кофемолка сможет поддержать с тобой утреннюю беседу, потом я спохватился:

– Ну так что запись-то?

– Отдал нашему великому лингвисту. Он колупается помаленьку. Говорит, что увлекательнейшее занятие, что, когда он это опубликует, – весь мир ахнет.

– Пусть нобелевкой не забудет поделиться... – сказал я.

– Нет, серьезно. Знаешь, что он говорит? Что если разобраться в структуре, то это будет самый простой и понятный в мире язык. Его сможет выучить человек любой национальности за несколько дней. Представляешь? Эсперанто отдыхает! Хотя, конечно, английский так просто не сдастся...

– Все равно люди будут учить китайский, – сказал я.

И жизнь снова развела нас на несколько месяцев.

Если бы я тогда знал, к чему все это может привести! Нет, если бы только догадывался...

Хотя что бы я сделал? Пришел к профессору с дубиной и треснул по башке, чтобы у него оттуда и русский язык вылетел? Увы, не в моей ангельской натуре. Познакомил старикана с молодой девицей, увлекающейся лингвистикой? Это, конечно, тоже хорошо от работы отвлекает, но таким ловким интриганом я никогда не был. За что и страдаю, кстати...

Профессор позвонил мне ровно через год после первого визита.

– Здравствуйте, Андрей...

В общем-то у меня плохая память на голоса, но профессора я узнал сразу.

– Здравствуйте, Пётр Семёнович...

– Я думаю, вам с вашим другом стоит зайти ко мне, – сказал профессор.

– Когда?

– Сегодня. Лучше не откладывать, знаете ли...

У меня часто забухало сердце.

– Вы что... серьезно... разобрались? Выучили этот язык?

– Да.

Нет, он сказал иначе. Не «да», а что-то совсем другое. Только это было именно «да».

– Мы сейчас приедем, – пробормотал я. И кинулся звонить Кабайлову...

Честно говоря, я сам ничуть не волновался и почти ни на что не надеялся. Если бы мне

предложили пари, то я поставил бы десять против одного, что профессор ничего не расшифровал и сдался. Ну не в человеческих это силах!

Хотя, конечно, робкая, слабая надежда у меня все-таки была. Просто потому, что очень хочется верить в чудеса.

Профессор сам открыл нам. Был он торжественен и задумчив. Смотрел на нас как-то... странно. И это меня насторожило.

– Чай? – спросил профессор. – Или чего-нибудь покрепче?

– Чай, – попросил Дима. – И не томите, ради бога!

Профессор кивнул, стал возиться с чайником, согнувшись над столом знаком вопроса. Этот вопрос из него прямо-таки лучился.

– Вы что-то хотите спросить? – не выдержал я;

– Скажите, а она была высокая? – спросил профессор, не оборачиваясь.

– Кто «она»? – спросил я, просто чтобы выиграть время.

– Вавилонская башня.

Дима вздохнул и ответил:

– Да нет, конечно. Метров девяносто в высоту. Это и не башня-то была, а здание. Университет. И никаких богоборческих настроений там не было, это же смешно даже помыслить! Кафедра теологии, кафедра потопознания, кафедра языковедения... ну, если нашими терминами излагать.

– Так зачем вы ее сломали? – завопил профессор, поворачиваясь.

Мы с Димой переглянулись.

– И не надо валять дурочку! – продолжал бушевать Гольянов. – Я изучил этот язык! Я перевел ваш монолог! Я знаю, кто вы такие!

– Только не нервничайте, умоляю! – воскликнул Дима. – Вы немолодой человек...

– А вы? – вопросом ответил профессор. – Молодой ли? Человек ли?

Дима нервно заерзал на табурете. Покосился на меня. Я пришел ему на помощь:

– Профессор, не будем ворошить дела давно минувших дней. Вы же видите – мы самые обычные. Две руки, две ноги, никаких крыльев...

– Но вы ангелы! – наконец-то решился высказать свое обвинение профессор.

– Бывшие, – смущенно сказал Дима.

– Падшие, – уточнил я.

– И вы разрушили Вавилон! Мирный процветающий город, колыбель науки и культуры. Исторический памятник. Еще и возвели на него напраслину в веках!

– Профессор, профессор! – Дима протестующе замахал руками. – Давайте уточним. Мы его не разрушили. Мы просто перемешали языки и заставили людей развиваться дальше. Ну чего хорошего было в том, что все население Земли... народа-то было – как в одном московском районе... собралось в одной долине и принялось славить Бога? Думаете, он для этого вас создавал? Было сказано раз – плодитесь, размножайтесь. Было сказано два – хлеб свой в поте лица добывайте... Но нет же. Все знали, что Бог есть. Все общались с ангелами. Прогресс, по сути, отсутствовал. Ну... нам велели...

– Кто?

– Он, конечно! – удивился Дима. – Мы отправились... приняли человеческий облик... смешали языки...

– Немного перестарались, – признался я.

– Немного? – возмутился профессор. – Я же говорю: я перевел слова вашего друга!

И он заговорил. Речь его текла легко и плавно, каждое слово следовало из предыдущего и порождало новое. Я не мог понять ни одного слова в отдельности, но смысл, смысл всего сказанного огненными буквами впечатывался в мой мозг. Дима жмурился от удовольствия, временами шепча: «Как давно я не слышал этой музыки...».

– Вам было сказано: смешать языки! – ругался профессор. – Семь языков! По числу континентов, плюс один для евреев, чтобы чувствовали себя избранными! А вы сколько натворили?

– Ну, континенты большие, нам показалось как-то неудобно, не творчески... – промямлил я.

– А евреи сами попросили: «Дайте два!», – отбивался Дима.

– И вообще, мы хотели ограничиться сотней-другой... – добавил я. – Но было так интересно... решили, пусть каждый говорит по-своему...

– Потом мы поняли, что сами забыли ангельский... – признался Дима. – И, следовательно, не можем вернуться обратно в свой эфирный облик... Я знал половину языков мира, он – вторую... Но ангельский мы забыли. Как и люди.

Профессор схватился за голову. Пробормотал:

– Какой кошмар. Я разговариваю с ангелами!

– С падшими, – утешил я его. – С падшими, раскаявшимися, тысячелетиями суровой жизни искупившими свою вину.

– Профессор, вы – вся наша надежда! – пылко сказал Кабайлов. – Мы-то язык помним. Но говорить уже на нем не умеем.

– А вы научились, – я не сдержался и подпустил лести: – Вы такой умный! Научите и нас... обратно!

– Да что значит ваш язык по сравнению с теми невысказанными возможностями, что открылись перед человечеством! – завопил профессор.

– Какими еще возможностями? – заинтересовался Дима. – Я всецело за прогресс, если что!

– Факт вашего существования доказывает то, что Бог есть! – изрек профессор.

– Ну, это он тому доказывает, кто и без того верит, – отмахнулся Дима. – Мы же, простите, никаких чудес сотворить не можем.

– Вы могли бы открыть нам тайны человеческой истории! Вы же, наверное, были в разных местах?

– Так мы просто жили, – Дима развел руками. – Мы специально ничего не искали. От сражений держались подальше. Да и было это все так давно...

– Но... но... – профессор вздохнул. – Но хотя бы сам этот язык! Представляете, какие перспективы открываются перед человечеством? Тут важен только первоначальный толчок. Достаточно понять структуру, а дальше ангельский язык будто вспоминается... сам собой!

– Профессор, профессор! – Дима занервничал. – Вот этого не надо, пожалуйста. Человечество на ангельском языке уже говорило, ни к чему хорошему это не привело!

– Взаимопонимание! – восторженно сказал профессор.

– Поверьте, – я прижал руку к сердцу, – взаимопонимание между людьми зависит вовсе не от того, на каких языках они говорят.

– Но... но ведь на этом языке... как вы там сказали... Яхве разговаривал с ангелами! – торжественно объявил профессор. – Значит...

Мы тревожно переглянулись.

– Значит, если я заговорю с Всевышним... – профессор почему-то втянул голову в плечи, – то он меня услышит?

Мы вскочили и заговорили наперебой. О том, что беседовать с Богом напрямую – вовсе не такое большое удовольствие, как думает профессор. О том, что искренняя мольба и без того будет услышана. О том, какой кошмар начнется в мире, если все станут просить – и желания будут исполняться.

– Так зачем вы ко мне пришли? – не понял профессор.

– Мы уже говорили, – сказал я. – Научите нас снова нашему языку. Чтобы мы смогли перейти обратно в свой... э...

– Ангельский вид, – теребя куцую бородку, сказал Кабайлов. – Мы... это... всячески уважаем людей...

– А в человеческой жизни так много не доступных ангелам радостей... – вздохнул я.

– Но все-таки хочется вернуться обратно, – немного неуверенно произнес Дима. И посмотрел на меня: – Ведь верно?

Я пожал плечами. И сказал:

– Вы уж научите нас ангельскому. А потом постарайтесь его забыть. Ну, попросите себе чего-нибудь и забудьте.

Видимо, это я сказал зря.

– Забыть... – задумчиво произнес профессор. – Забыть язык, который... который искрится, как фонтан... который освежает души и зажигает сердца... Вы знаете, что я утром поговорил с завядшей геранью – и она расцвела?

– Да вы могли ее попросить хоть заплодоносить! – неосторожно сказал Дима. – И снимать по два урожая в неделю.

– Урожая чего? – сбился профессор.

– Да чего угодно!

Профессор крякнул:

– И вы просите меня забыть этот язык? Нет. Нет, нет и нет! Вас научу, если хотите. Но и всех остальных!

– Мы не можем этого допустить! – воскликнул Дима.

– Как вы меня остановите? Убьете?

– Нам не положено, – сказал Дима с некоторым сожалением. – У нас миссия была другая, понимаете? Вот те ребята, которых в Содом и Гоморру послали... они бы запросто... А мы – что мы? Нас послали языки смешать. Больше мы ничего делать не в праве...

– Взываем к вашей доброте и сознательности! – сказал я.

На миг в глазах Петра Семёновича появилось сомнение. Потом он покачал головой:

– Нет. И не просите. Говорю вам истинное слово – уйдите и не возвращайтесь!

Ну что тут можно было поделать?

Мы вскочили, роняя стулья. Торопливо пошли в прихожую. Приказ, отданный на ангельском языке, гнал нас, будто плетка. Мы даже обуваться не стали, подхватили ботинки и выскочили на площадку.

– Извините, – сказал профессор вслед. – Я уверяю вас, что не премину отметить ваш основополагающий вклад в возрождение ангельского языка!

Так мы и оказались на улице. Промозглая московская весна приняла нас в свои объятия. Мы уселись на лавочке, стали обуваться. А потом не сговариваясь посмотрели на окна профессорской квартиры.

– Упорный, – вздохнул Дима.

– Вначале диссертацию напишет, – предположил я. – Потом откроет сайт в Интернете, курсы по изучению...

– Тут-то мы и изучим его обратно! – встrepенулся Дима.

– И что? – спросил я. – Тогда мы не просто перестарались с заданием. Это мы вначале перестарались, а потом всё вернули на круги своя!

От окон профессора повеяло чем-то древним и могучим. У стоящей во дворе машины сработала сигнализация.

– Заставляет герань плодоносить? – предположил Дима.

– Или себя делает статным молодым красавцем, – вздохнул я. – Сам же понимаешь, фантазия у людей небогатая. Исполнение желаний, сила, красота, всемогущество...

– Вижу только один выход, – печально сказал Дима.

Я кивнул. И попросил:

– Только давай не увлекаться... не как в тот раз...

Но все-таки мы увлеклись. Тысячелетия обычной человеческой жизни... это, конечно, по-своему занято. И достаточно было смешать язык только одному профессору.

Но ведь мы были способны на большее!

Бирюлевский язык создал я. Не надо меня ругать, имею я слабость к агглютинирующим языкам. А вот кремлевско-остоженский диалект или, к примеру, так недооцененный ныне нагатинский язык – Дима, он любит флектирующие. Да, мы увлеклись...

Когда все закончилось – по человеческим меркам прошло всего несколько секунд, окно

над нами распахнулось и показался профессор. Он размахивал руками и что-то кричал. Уж не знаю, что именно – его язык придумал Кабайлов.

– Не волнуйтесь, профессор! – попросил я, хотя и знал, что он меня не поймет. – Все как-нибудь образуется! Все к лучшему, вот увидите!

Профессор рвал на себе волосы и грозил нам кулаком. Шевелюра у него, кстати, стала великолепной – густые черные волосы, вот чего он успел попросить...

– Эх... Дима, может, по кружечке? – спросил я.

Как ни странно, он меня понял. Не слова, конечно, а интонации. Кивнул и сказал:

– Лямс!

Ожидаемого столпотворения на улицах пока еще не было, в каждом районе люди по большей части говорили на одном языке. А бармен понял нас вообще без слов – поставил две кружки пива, пробил сумму и кивнул на кассовый аппарат.

И тут нас догнал профессор. Молча вырвал у меня кружку, залпом выпил половину. А потом с ехидной улыбкой показал флешку, на которой был записан ангельский язык.

Ну что с ним поделаешь?

Я давно уже понял, что если человек упрется – его никакое чудо не остановит.

Особенно человека, который разговаривал с ангелами.

Вздохнув, я жестами попросил бармена налить пива профессору.

КУРСОР

Нешуточный скандал раздула «желтая» пресса вокруг имени Б. Н. Стругацкого. Дело было так. На официальном сайте некий пользователь задал Борису Натановичу вопрос, больше похожий на утверждение, смысл которого в том, что Камерон в фильме «Аватар» украл у Стругацких идею планеты с огромным лесом-джунглями под названием Пандора. Вопрос был задан до выхода фильма на экраны, никто его еще не видел, поэтому Борис Натанович ответил дословно следующее: «Всё может быть. Но не судиться же с ними?!». Сначала отреагировала интернет-пресса, переиначив слова Б. Н. по-своему. «Цитата» выглядела примерно так: «Американцы «позаимствовали» нашу идею, – говорил Борис Натанович. – Это очень неприятно. Но не судиться же мне с ними?!». Вскоре подключились бумажные издания, на все лады муссируя «сенсацию»: Стругацкий обвиняет Камерона в краже! Лишь через несколько недель одно из изданий догадалось обратиться за разъяснениями к самому «фигуранту». Ответ Стругацкого был резок: «Что за чушь собачья! Никогда ничего подобного не говорил. Фильма не видел, ничего о нем не знаю, кроме того, что действие там происходит на планете ужасных чудовищ под названием Пандора. Материала для плагиата, я бы сказал, немного. Чтобы назвать планету чудовищ Пандорой, про Мир Полудня читать не обязательно, – достаточно вспомнить легенду о шкатулке Пандоры. Какой осел приписывает мне глупости, которых я не говорил? И зачем?!»

Американская книжная ассоциация объявила лауреатов своей премии Reading List Awards. Премия вручается в восьми номинациях, в том числе и в трех фантастических. Лучшими произведениями 2009 года стали: в жанре фэнтези – роман Кена Скоулза «Жалобы», в жанре НФ – роман Паоло Бачигалупи «Взвинченная девушка», в жанре хоррор – роман Брайана Эвенсона «Последние дни».

Роберт Родригес все же собирается снимать четвертую часть культового цикла «Дети шпионов». Правда, учитывая, что исполнители главных ролей Алекса Вега и Дэрил Сабара «за время пути успели подрасти», было не очень понятно, как режиссер собирается разрешать ситуацию. Наконец объявлено, что в центре повествования будут уже другие шпионские дети. Но появление Алекса и Дэрил, а также их киношных родителей в исполнении Карлы Гуджино и Антонио Бандераса не исключено.

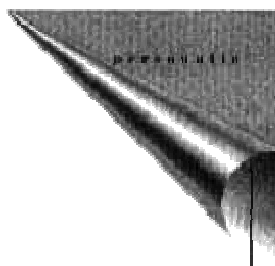
Возобновились попытки расшифровать самую таинственную книгу в истории – так называемый «Манускрипт Войнича» (по имени британского букиниста Уилфрида Войнича, который в 1912 году приобрел книгу у иезуитов). Произошло это после того, как радиоуглеродный анализ чернил показал, что манускрипт не является подделкой, ему около 500 лет. В книге почти две с половиной сотни страниц пергамента, где содержатся текст на несуществующем языке и множество цветных рисунков фантастических существ и растений. В течение века попытки расшифровать текст, о происхождении которого создано немало самых невероятных теорий, были неудачными, однако на нынешнем уровне компьютерного лингвоанализа уже удалось хотя бы доказать, что текст этот вполне связный, а не просто набор букв.

Римейк одного из самых популярных сказочных мультфильмов всех времен готовится сделать студия Диснея. Речь идет о «Желтой подводной лодке», а режиссером новой версии станет знаменитый Роберт Земекис. Картина будет сниматься по технологии motion capture, в фильме появятся как «живые», так и «мультяшные» образы музыкантов Beatles, а также использована оригинальная музыка группы.

Юбилейный, десятый, «Басткон» прошел с 22 по 24 января в доме отдыха «Подмосковье». На этом конвенте особое внимание было уделено литературной сказке как новому формату фантастической литературы: прочитан доклад на эту тему и подведены итоги конкурса сказок, написанных молодыми авторами. Конвент был насыщен докладами и семинарами, состоялось заседание школы перевода Владимира Баканова. Основные премии конвента – «Чаша Бастиона» и «Иван Калита» – были вручены соответственно И. Пронину (за повесть «Путешествие в Гритольд») и К. Бенедиктову (за роман «Блокада»). Особая премия – имени В. Одоевского, за поддержание традиций интеллектуальной фантастики – досталась ветерану «Четвертой волны» Э. Геворкяну (за повесть «Чужие долги»).

Агентство F-пресс

PERSONALIA

ДЖЕННИНГС Гэри (JENNINGS, Gary)

Американский писатель Гэри Дженнингс (1928–1999) родился в Буэна-Висте (штат Вирджиния) и после окончания школы и колледжа целиком посвятил себя литературной деятельности. Наибольшую известность ему принесли книги для детей – в основном исторические романы, действие которых происходит в доколумбовой Мексике (цикл «Ацтек»), на Балканах и в прочих экзотических (для американцев) местах. Для сбора материала о культуре ацтеков писатель прожил в Мексике 12 лет, а в процессе работы над романом о цирке проехал по всей Америке с девятью цирковыми труппами.

Ряд произведений Дженнингса написан в фантастическом ключе. Его первый же

подобный рассказ «Мирра» (1962) был номинирован на премию «Хьюго». После этого Дженнингс опубликовал два фантастических романа – «Путешественник» (1984) и «Хищник» (1992), а также более двух десятков рассказов (в основном в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», один из рассказов в соавторстве с Маком Рейнольдсом), включая серию про пастора Криспина Моби. Перу Дженнингса принадлежит также научно-популярная книга «Марш роботов» (1962).

ЛОГИНОВ Святослав Владимирович

Петербургский писатель-фантаст Святослав Логинов родился в 1951 году в городе Уссурийск-Приморский, но всю жизнь прожил в Ленинграде – Санкт-Петербурге. Закончил химфак ЛГУ. Первая публикация автора – рассказ «По грибы» – появилась в 1975 году.

Книжный дебют писателя состоялся в 1990-м, когда увидели свет сразу два авторских сборника – «Быль о сказочном звере» и «Если ты один». Однако широкая известность к питерскому фантасту пришла после выхода романа «Многорукий бог далайна» (1995), принесшего автору три премии – Беляевскую, «Интерпресскон» и «Золотой Дюк», а также репутацию одного из ярких представителей отечественной фэнтези. Перу С. Логинова принадлежат книги «Черная кровь» (1996; в соавторстве с Н. Перумовым), «Колодезь» (1996), «Земные пути» (1999), «Черный смерч» (1999), «Картежник» (2000), «Мед жизни» (2001), «Железный век» (2001), «Свет в окошке» (2002), «Имперские ведьмы» (2004), «Дорогой широкой» (2005).

В 2006 году писатель завоевал сразу две премии за публикации в журнале «Если» – «Интерпресскон» (рассказ «Лес господина графа») и Мемориальную премию им. Кира Булычёва (рассказ «Барская пустошь»), в 2009-м был удостоен приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказ «Без изъяна», также опубликованный в «Если».

ЛУКЪЯНЕНКО Сергей Васильевич

Один из самых успешных фантастов на постсоветском пространстве родился в 1968 году в казахском городке Каратау в семье потомственных врачей. В соответствии с семейными традициями закончил Алма-Атинский государственный институт по специальности «психиатр», однако в медицине надолго не задержался, поскольку еще в раннем возрасте «тяжело заболел» фантастикой. В 1988 году состоялась первая публикация – фантастический рассказ «Нарушение» в алма-атинском журнале «Заря». Работал журналистом в газете «Казахстанская правда», редактором журнала фантастики «Чудеса и диковины» (впоследствии «Миры»). С 1994-го занимается только литературной работой. Живет в Москве.

Наиболее известные романы автора: «Рыцари Сорока Островов» (1992), трилогия «Лорд с планеты Земля» (1995), дилогии «Императоры иллюзий» (1997), «Лабиринт отражений» (1997–1999), «Искатели небес» (1998, 2000), «Звезды – холодные игрушки» (1997–1998), романы «Геном» (1999), «Спектр» (2002), трилогия о Дозорах (1998–2004), «Черновик» (2005), «Чистовик» (2007). Несколько книг вышло в соавторстве: с Ником Перумовым – «Не время для драконов» (1997), с Юлием Буркиным – трилогия «Остров Русь» (1996), с Владимиром Васильевым – «Дневной Дозор» (2000).

Лукьяненко в разные годы становился лауреатом практически всех жанровых премий. В 2003 году на международной конференции «Еврокон» он был назван «Лучшим писателем Европы». Успешно развивается и кинематографическая судьба писателя, свидетельство чему международный успех кинодилогии «Ночной Дозор» – «Дневной Дозор».

ОЛДИ Генри Лайон

Под таким псевдонимом с 1990 года выступают харьковские писатели Дмитрий Евгеньевич Громов и Олег Семенович Ладыженский. Оба автора родились в один год (1963) и даже в одном месяце (март).

Дмитрий Громов получил высшее образование в Харьковском политехническом институте по специальности «технология неорганических веществ», после чего поступил в аспирантуру, но диссертацию защищать не стал – в то время Д. Громов уже окончательно увлекся фантастикой. В 1991 году появились первая публикация в жанре – рассказ «Координаты смерти» – и первые совместные работы с Олегом Ладыженским (под псевдонимом Г. Л. Олди).

Олег Ладыженский родился в театральной семье, закончил Харьковский государственный институт культуры по специальности «режиссер театра» и с 1984-го пишет фантастику и ставит спектакли в театре «Пеликан».

Первое совместное произведение соавторы создали в 1990-м, это был рассказ «Кино до гроба и...». Уже в следующем году увидели свет книги творческого дуэта – «Витражи Патриархов», «Страх». Известность авторам принес цикл «Бездна Голодных Глаз», состоящий из восьми романов и повестей («Дорога», «Ожидающий на Перекрестках», «Витражи Патриархов» и др.), – безумный, психоделический калейдоскоп миров, невообразимых образов, неомифологии, стилистических экспериментов. Самые известные книги Г. Л. Олди: «Путь меча» (1995), «Герой должен быть один» (1995), «Пасынки восьмой заповеди» (1996), «Мессия очищает диск» (1999), «Нам здесь жить» (1999), «Маг в законе» (2000), «Орден Святого Бестселлера» (2002), эпопея «Ойкумена» (2006–2008). Совместно с М. и С. Дяченко и А. Валентиновым они написали романы «Рубеж» (1999) и «Пентакль» (2004).

Параллельно с литературной деятельностью соавторы активно выступают в роли литагентов (еще в 1991 году ими организована творческая мастерская «Второй блин»), являются одними из организаторов харьковского фестиваля фантастики «Звездный мост». Еще одно общее увлечение соавторов – контактное каратэ-до; оба имеют черные пояса.

В разное время харьковский дуэт завоевывал жанровые награды: «Лунный меч», «Большой Зилант», премии фестиваля «Звездный мост», Бронзовый, Серебряный и Золотой «Роскон», «Портал», «Сигму-Ф», «Золотой Кадуцей», «Серебряную стрелу», «Еврокон-2006».

РЕЗАНОВА Наталья Владимировна

Нижегородская писательница, эссеист, критик и редактор Наталья Резанова родилась в 1959 году. Филолог по образованию, работала на местном ТВ и в различных нижегородских издательствах (в частности, вела фантастику в издательстве «Флокс»), в настоящее время – редактор издательства «Деком». В 1980-1990-е Н. Резанова – активистка КЛФ-движения, долгое время возглавляла городской КЛФ «Параллакс», редактировала одноименный литературный и критико-публицистический фэнзин.

Первой прозаической публикацией стал рассказ «Вид с горы», напечатанный в 1989 году в журнале «Уральский следопыт». Спустя 10 лет состоялся и книжный дебют – в 1999 году увидели свет сразу два фантастических романа Н. Резановой «Последняя крепость» и «Открытый путь». Первый из них в 2000-м был удостоен премий «Старт» и «Большой Зилант» за лучший дебют в жанре. С тех пор пор писательница, одна из самых заметных представительниц интеллектуальной и исторической фэнтези, выпустила около 10 книг – «Удар милосердия» (2002), «Чудо и чудовище» (2003), «Ветер и меч» (2004), «Кругом одни принцессы» (2003), «Не будите спящую принцессу» (2005), «Явление хозяев» (2005; премия «Портал»), «Дети Луны» (2006) и другие.

РУДЕНКО Борис Антонович

Писатель и журналист Борис Руденко родился в Москве в 1950 году. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Полгода работал в одном из КБ (пресловутые «почтовые ящики»), а затем перешел на работу в милицию, где прослужил полный срок и уволился в чине подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь». Участник легендарных малеевских семинаров, Б. Руденко дебютировал в жанре рассказом «Вторжение» («Техника – молодежи», 1978), в течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно публиковались в периодической печати и сборниках. Однако в 1989-м писатель неожиданно «эмигрировал» в детективную прозу (повесть «До весны еще далеко» в «Искателе»). В этом жанре он выпустил книги «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Время черной охоты» (1996), «Снайпер» (1997), «Беглец» (1998) и другие.

В 2003 году с публикацией рассказа «Без проблем!» на страницах журнала «Если» состоялось возвращение писателя к литературным истокам – в жанр НФ (с тех пор Б. Руденко – постоянный автор журнала), а в феврале 2005-го вышла и первая НФ-книга Б. Руденко – роман «Те, кто против нас».

ТРУСКИНОВСКАЯ Далия Мейеровна

Далия Трускиновская родилась в 1951 году в Риге, где живет по сей день. Окончила филологический факультет Латвийского госуниверситета им. П. Стучки. В 1974-м начала сотрудничать с республиканской газетой «Советская молодежь» и с тех пор с журналистикой не расстается. Тогда же появились первые поэтические публикации, а прозаическим дебютом стала историко-приключенческая повесть «Запах янтаря», опубликованная в журнале «Даугава» (1981). Иронические детективы рижской писательницы объединены в нескольких сборниках – «Обнаженная в шляпе» (1990), «Умри в полночь» (1995), «Демон справедливости» (1995) и «Охота на обезьяну» (1996). Повесть «Обнаженная в шляпе» в конце 1980-х была экранизирована.

Участница семинаров ВТО МПФ, Д. Трускиновская впервые выступила в фантастике в 1983 году с повестью «Бессмертный Дим», однако популярность в читательских кругах принесла повесть в жанре городской фэнтези «Дверинда» (1990). Перу рижской писательницы принадлежат книги фантастической прозы: «Люс-А-Гард» (1995), «Королевская кровь» (1996), «Шайтан-звезда» (1998), «Аметистовый блин» (2000), «Жалобный маг» (2001), «Нереал» (2001), «Дайте место гневу Божию» (2003). Полная версия романа «Шайтан-звезда», изданная в 2006-м, включена в шорт-лист премии «Большая книга».

Дважды, в 2001 и 2002 годах, писательница становилась лауреатом приза читательских симпатий «Сигма-Ф» за рассказы, опубликованные в «Если». Кроме того, на ее счету премии фестиваля «Зиланткон».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер, ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых

услуг.

Цена действительна только на номера 2010 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка, оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по которому высылать журнал.

		Форма № ПД-4	
Извещение	Кассир	ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
		ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
		ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
		БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
		КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
		Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
		Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
		Сумма платы за услуги	руб. _____ коп.
		Итого	руб. _____ коп.
		ООО «Издательский дом «Любимая книга» <small>(наименование получателя платежа)</small>	
		ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410 <small>(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</small>	
		ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» <small>(наименование банка получателя платежа)</small>	
		БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767 <small>(номер кор./сч. банка получателя платежа)</small>	
		КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
		Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. <small>(наименование платежа)</small>	
		Сумма платежа	540 руб. 00 коп.
		Сумма платы за услуги	руб. _____ коп.
		Итого	руб. _____ коп.
Квитанция Кассир			

Извещение

Кассир

Форма № ПД-4

Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410

(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

(наименование банка получателя платежа)

БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767

(номер кор. /сч. банка получателя платежа)

КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.

(наименование платежа)

Сумма платежа 540 руб. 00 коп. 1

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. 1

Итого _____ руб. _____ коп.

Квитанция
Кассир

Издательский дом «Любимая книга»
(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330 № р/с 40702810320000000410
(ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)
ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» _____
(наименование банка получателя платежа)
БИК 044525767 № к/с 30101810900000000767
(номер кор. /сч. банка получателя платежа)
КПП 771301001; Код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22. 1; 22. 2
Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев.
(наименование платежа)
Сумма платежа _____ 540 руб. 00 коп. 1
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. 1
Итого _____ руб. _____ коп.

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице. Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. 000 «Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения. Тел. /факс: (499) 248-08-90 (доб. 177) e-mail: phone@uiu.ru

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«___» _____ 20___ г. _____ (подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т... ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«__» _____ 20__ г _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____, _____ ; _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т... ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

«__» _____ 20__ г _____

(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____
(Ф. И. О., адрес плательщика)

_____
(ИНН)

№ _____, _____ ; _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Николая ГОРНОВА
«ЗАРОДЫШ»**

РАССКАЗЫ

**Адама-Троя КАСТРО,
Владимира ИЛЬИНА, Дэйва КРИКА,
Евгения ГАРКУШЕВА,
Джека СКИЛЛИНСТЕДА,
Фёдора БЕРЕЗИНА, Тома ЛИГОНА**

ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России»
и «Роспечать» (газеты, журналы).**

Индекс – 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей,
включая почтовые услуги.**

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Николая ГОРНОВА
«ЗАРОДЫШ»**

РАССКАЗЫ

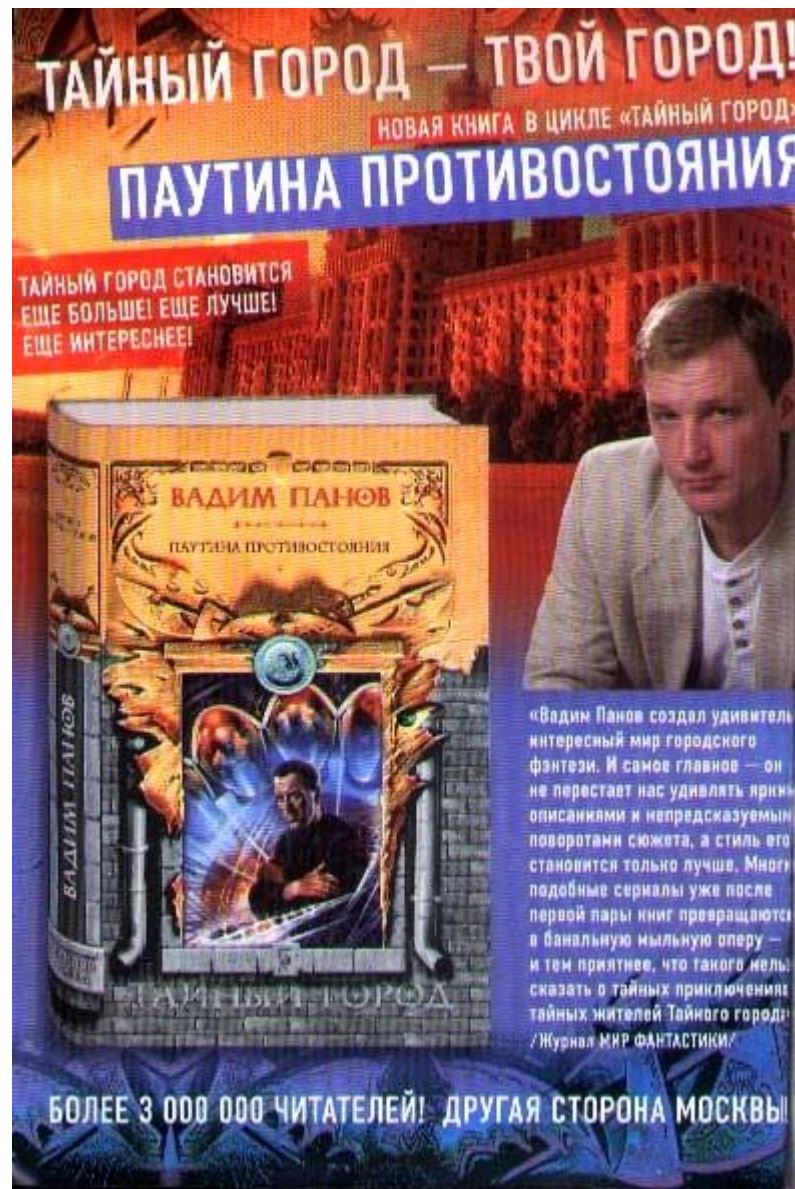
**Адама-Троя КАСТРО,
Владимира ИЛЬИНА, Дэйва КРИКА,
Евгения ГАРКУШЕВА,
Джека СКИЛЛИНСТЕДА,
Фёдора БЕРЕЗИНА, Тома ЛИГОНА
ЧИТАЙТЕ АПРЕЛЬСКИЙ ВЫПУСК «ЕСЛИ»**

ТЕКУЩАЯ ПОДПИСКА

**Наш журнал вы найдете в каталогах «Пресса России» и «Роспечать» (газеты,
журналы).**

Индекс – 73118.

**Стоимость подписки на 1 месяц – 87 рублей, включая почтовые услуги. Подписка
ведется во всех отделениях связи.**

**ТАЙНЫЙ ГОРОД – ТВОЙ ГОРОД
НОВАЯ КНИГА В ЦИКЛЕ «ТАЙНЫЙ ГОРОД»
ПАУТИНА ПРОТИВОСТОЯНИЯ**

ТАЙНЫЙ ГОРОД СТАНОВИТСЯ ЕЩЕ БОЛЬШЕ! ЕЩЕ ЛУЧШЕ! ЕЩЕ ИНТЕРЕСНЕЕ!

«Вадим Панов создал удивительно интересный мир городского фэнтези. И самое главное – он не перестает нас удивлять яркими описаниями и непредсказуемыми поворотами сюжета, а стиль его становится только лучше. Многие подобные сериалы уже после первой пары книг превращаются в банальную мыльную оперу – и тем приятнее, что такого нельзя сказать о тайных приключениях тайных жителей Тайного города»

/Журнал МИР ФАНТАСТИКИ/

БОЛЕЕ 3 000 000 ЧИТАТЕЛЕЙ! ДРУГАЯ СТОРОНА МОСКВЫ!

Добро пожаловать в интернет-магазин «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО»! Здесь вы можете купить самые лучшие обучающие видеоролики и видеокурсы-самоучители на DVD, познавательные и документальные фильмы. Удачных Вам покупок!

Ваше обучение отличается качеством и стильным дизайном!

ISSN 1680-645X
10003
9 771680 645003

poleznoevideo.ru
(499) 248-7408, (495) 585-7316, (495) 585-7312